

И. В. ЧУРКИНА

Словенское
национально-
освободительное
движение
в XIX в.
и
Россия

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

И. В. ЧУРКИНА

Словенское
национально-
освободительное
движение
в XIX в.
и
Россия

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1978

В монографии И. В. Чуркиной рассматриваются этапы словенского национального движения в XIX в., исследуются классовая база и социально-экономические и политические программы словенских национальных группировок, ориентирующихся на Россию, освещается вопрос о воздействии факта существования России на формирование словенского национального самосознания. В книге прослеживается влияние идей А. И. Герцена, М. А. Бакунина, славянофилов на общественную мысль словенцев, исследуются общественные и культурные связи между словенскими национальными обществами и русскими научными и общественными организациями. Книга рассчитана на широкие круги читателей-историков.

Ответственный редактор
профессор С. А. НИКИТИН

Введение

XIX в.— век становления и победы капитализма во всей Европе. Развитие его вызвало к жизни национальные движения угнетенных народов. «Во всем мире,— писал В. И. Ленин,— эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями»¹. Национальные движения являлись одной из форм борьбы буржуазии угнетенных народов за свое самоутверждение. Особенно это было характерно для буржуазии ряда находившихся под игом Габсбургской и Османской монархий славянских народов, у которых национальный и социальный гнет совпадали, ибо феодалы были представителями угнетающей нации, а крепостное крестьянство и часть буржуазии — угнетенной. Борьба этих славянских народов за свое национальное освобождение почти полностью совпадала с борьбой третьего сословия против феодальных порядков.

Славянские народы, потерявшие свою независимость в средние века, были немногочисленными. И, если бы они выступали каждый в отдельности, их борьба против угнетателей имела бы мало шансов на успех. Отсюда поиски славянской буржуазией союзников, которых она пыталась найти прежде всего в национальных движениях родственных по языку и культуре народов, находившихся в сходных исторических условиях. Такова была основа идеи славянской взаимности, ставшая орудием борьбы славянской буржуазии против феодального и национального гнета. В ходе становления национальной культуры славянских народов и борьбы их против чужеземного гнета видную роль играли куль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

турные и общественные связи между ними. Как в идее славянской взаимности, так и в этих связях особое место занимала Россия — независимое и могущественное государство, созданное самым большим по численности славянским народом. Исследование влияния России, а также русской общественной мысли на культурные и политические программы славянских национальных деятелей, изучение общественных и культурных связей между Россией и славянами имеют большое значение для уяснения особенностей национально-освободительных движений угнетенных славянских народов. Кроме научного, указанная проблема имеет и большое политическое значение, ибо раскрытие дружественных связей между славянскими народами в прошлом способствует укреплению их дружбы в настоящем.

Тема «Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия» является частью проблемы русско-славянских связей. Эта тема специально не разрабатывалась в историографии. Однако ряд моментов, связанных с ней, затрагивался в трудах словенских историков. Взгляды словенцев на Россию, их отношение к русской общественной мысли рассматривались в словенской историографии чаще всего в плане развития славянской ориентации у словенской интеллигенции. Эта ориентация, как не без основания полагает историк словенской литературы А. Слодняк, являлась одной из самых значительных черт словенских либералов². Следует добавить, что она была характерна и для многих словенских национальных деятелей консервативного крыла.

Распространение симпатий к России среди словенских либералов отмечал еще крупнейший словенский буржуазный историк И. Приятель в своем монументальном труде «Словенская культурно-политическая и литературная история»³. Не останавливаясь специально на этой теме, И. Приятель совершенно справедливо связывал усиление русофильства в Словении с ростом недовольства словенских национальных деятелей поли-

² *Legiša L., Slodnjak A. Zgodovina slovenskega slovstva, zv. 2. Ljubljana, 1959, s. 221.*

³ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. I—V. Ljubljana, 1955—1965.*

тикой австрийских правящих кругов по отношению к угнетенным славянским народам, в том числе и к словенскому. Широко привлекая материалы словенских архивов и прессы, он показал и некоторые конкретные связи словенцев с русскими деятелями, например с И. С. Аксаковым. Последнее издание книги И. Приятеля дополнили и в значительной мере обновили комментарии Д. Кермавнера, видного словенского историка-марксиста. Он многое уточнил в освещении процесса формирования русофильских взглядов у словенских либералов, по-новому раскрыл деятельность Подгорника и его соратников в газетах «Словенски народ» и «Словански свет», выяснил личность одного из видных корреспондентов «Словенского народа» 60-х годов Г. Блажа и т. д. Комментарии Кермавнера к пятому тому труда И. Приятеля составили отдельную книгу «Словенская политика в 1879—1895-х годах»⁴.

В настоящее время известное внимание проблеме русско-словенских отношений уделяет в своих статьях и книгах В. Мелик. В этом плане интересны его статьи «Словенское национальное движение во время тaborов»⁵ и «Словенская политика во второй половине семидесятых годов XIX в.»⁶ В первой статье Мелик высказывает мысль о трех сторонах национального самосознания словенцев: осознание ими себя словенцами, югославянами и славянами. Исследование этих трех сторон словенского национального самосознания только намечено работой Мелика. В нашей монографии мы постараемся изучить не только причины того, что словенцы ясно осознавали себя славянами, но и роль в этом их осознании самого факта существования независимой, могущественной России. Вторая статья Мелика касается более частного вопроса: отношения словенской общественности к восточному кризису и русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Вывод Мелика о том, что симпатии словенцев к борьбе балканских славян про-

⁴ *Kermavner D. Slovenska politika v letih 1879 do 1895.*—Politično-zgodovinske opombe k peti knjigi Ivana Prijatelja. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina 1848—1895. Ljubljana, 1966.

⁵ *Melik V. Slovensko narodno gibanje za časa taborov.*—Zgodovinski časopis, 1969.

⁶ *Melik V. Slovenska politika v drugi polovici sedemdesetih let 19. stoletja.*—Zgodovinski časopis, 1974.

тив турецкого ига были связаны с их собственной борьбой за свои национальные права, нам кажется верным.

Кроме ряда работ, затрагивающих в целом тему русско-словенских отношений в XIX в., в словенской историографии имеется небольшое количество трудов, посвященных отдельным деятелям словенского национального движения, с симпатией относившимся к России.

Одному из словенских русофилов 60—90-х годов XIX в. Франу Целестину посвятила свою монографию Марья Боршник⁷. Ее работа, очень фундированная, написанная с привлечением большого архивного материала, в целом верно показывает эволюцию взглядов Целестина во всей их сложности и противоречивости. Однако отдельные выводы Боршник нам кажутся недостаточно обоснованными, в частности вывод о том, что Целестин видел единственное спасение от европейского капитализма в самодержавной России⁸. Вряд ли можно согласиться с автором и в том, что Целестин являлся наиболее последовательным демократом среди младословенцев⁹.

Русофильское течение 80—90-х годов, группировавшееся вокруг Ф. Подгорника и его газеты «Словански свет», также исследовано еще далеко недостаточно. И. Приятель упоминал о деятельности Ф. Подгорника и Д. Хостника в «Словенском народе» в 1886—1887-х годах, охарактеризовав их как «русофильских фантастов»¹⁰. Более подробно и квалифицированно остановился на этом Д. Кермавнер в упомянутой книге «Словенская политика в 1879—1895-х годах». Он отметил борьбу Подгорника и Хостника за введение славянского богослужения в словенской церкви, за принятие русского языка в качестве общеславянского, выступления Подгорника за национальную автономию славянских народов в Австрийской монархии. Подробно рассмотрел Кермавнер историю создания русофильской газеты «Словански свет», попытался определить источники ее финансирования. Большинство его выводов нам кажутся вполне справедливыми. Но Кермавнер, ком-

⁷ *Boršnik M. Fran Celestin. Ljubljana, 1951.*

⁸ *Ibid.*, s. 254.

⁹ *Ibid.*, s. 276.

¹⁰ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. V, s. 280.*

ментируя книги И. Приятеля, не дал и не мог дать полной картины взглядов Подгорника и его сторонников, ограничившись лишь исследованием отдельных черт их мировоззрения¹¹.

В монографии «Начало словенской социал-демократии» Кермавнер подробно остановился на отношении Подгорника к рабочему движению. Можно согласиться с главным выводом ученого о том, что Подгорник пытался проводить в рабочем движении буржуазную политику. Но взгляды Подгорника по другим вопросам Кермавнер затрагивает мимоходом; и это понятно, поскольку другие моменты не входили в задачу его исследования. Вывод Кермавнера, что Подгорника нельзя считать либералом из-за его царфильства, нам кажется, нуждается в уточнении. Еще меньше можно назвать Подгорника, как это делает Кермавнер, католическим либералом¹², ибо, как он и сам совершенно справедливо отмечает в своей работе, Подгорник видел в религии лишь средство укрепления буржуазных порядков, не более¹³. К этому надо добавить и увлечение Подгорника идеей Кирилло-Мефодиевской церкви, против которой активно боролся католический клир. Следовательно, сам термин «католический либерал» по отношению к Подгорнику неудачен.

Исследование взглядов словенских русофилов невозможно без установления определенности в терминологии, которой в историографии сейчас нет. Это имеет принципиальное значение, ибо многих национальных деятелей славянских народов, с симпатией относившихся к России, называют панславистами, вкладывая в это понятие только отрицательный смысл. Словенская историография также не избежала в этом отношении известной терминологической путаницы. Еще в начале XX в. один из правых деятелей социал-демократической партии Словении Д. Лончар указывал на панславизм словенских национальных деятелей, подчеркивая, что он был вызван слабостью словенского национального движения. По-видимому, под панславизмом Лончар подразумевал русофильские настроения словенских поли-

¹¹ *Kermavner D. Slovenska politika...*, s. 182—202, 234, 375—461 etc.

¹² *Kermavner D. Začetki slovenske socialne demokracije*. Ljubljana, 1963, s. 277, 279.

¹³ *Ibid.*, s. 261.

тиков, ибо далее он отмечал, что в вопросах панславизма они шли за славянофилами¹⁴. Крупнейший словенский либеральный историк И. Приятель также всех русофилов начиная со второй половины 60-х годов XIX в. определяет как панславистов¹⁵. В известной степени их точки зрения придерживается и Э. Кардель, первый словенский историк-марксист. Он даже дает термину «панславизм» более широкое толкование, подводя под это понятие идеи славянской общности вообще, в частности и идеи иллиризма¹⁶. Ф. Гестрин и В. Мелик распространяют понятие «панславизм» только на Ф. Подгорника и его соратников¹⁷. М. Боршник, Д. Кермавнер, Я. Плетерски более осторожны. Боршник, например, называет Подгорника и его окружение славянофилами¹⁸, Кермавнер — русофилами или всеславянскими русофилами¹⁹, в более ранних работах — царефильскими русофилами²⁰. Я. Плетерски также предпочитает применять термины — «всеславянство», «русофильство»²¹.

Такая неопределенность в терминологии вполне объяснима: в исторической литературе мало найдется терминов, столь противоречиво толкуемых, как термин «панславизм». Базируясь на трудах современных историков-марксистов²², мы считаем необходимым дать наше понимание этого термина.

Панславизм, с нашей точки зрения, является идейным течением общественной мысли, главной целью которого было политическое объединение славянских

¹⁴ Lončar D. Dr. Janez Bleiweis in njegova doba.— In: Bleiweisov zbornik. Ljubljana, 1909, s. 217—218.

¹⁵ Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. III, s. 147.

¹⁶ Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. Ljubljana, 1970, s. 287.

¹⁷ Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina. Ljubljana, 1966, s. 209.

¹⁸ Boršnik M. Fran Celestin, s. 254.

¹⁹ Kermauner D. Slovenska politika..., s. 186, 375, 384 etc.

²⁰ Kermauner D. Začetki slovenske socialne demokracije, s. 277.

²¹ Pleterški J. Jugoslovanska misel pri slovincih v dobi Taaffejevi vlade (1879—1893).— Zgodovinski časopis, 1975, N 3—4, s. 263.

²² Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974; с. 222; Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм».— Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969, с. 25—69; Tanty M. Panславизм, cașat, polacy. Warszawa, 1970, s. 23.

народов под эгидой русского царя (путем непосредственного включения в Российскую империю или в форме федерации). Важную роль панслависты отводили православию, которое рассматривали как один из идеологических признаков славян. Они считали необходимым для успешного развития славянской культуры признание русского языка в качестве общеславянского. По своей сути панславистское течение носило ярко выраженный националистический характер.

Некоторая нечеткость существует и в отношении других терминов, отражающих идеи славянской общности. Под всеславянскими идеями автором подразумевается система взглядов, в основе которой лежит концепция единства всех славянских народов — языкового, культурного или политического. В соответствии с этим и идеи всеславяинства носят языковой, культурный или политический характер. Под политическими всеславянскими идеями автор подразумевает идеи политического объединения славянских народов во всех формах, за исключением их объединения под эгидой царизма.

В трактовке термина «австрославизм» ученые практически едины. Это концепция культурной или политической общности славянских народов Австрийской монархии. При этом культурный австрославизм имел некоторое распространение в первой половине XIX в. (например, у Копитара). Гораздо больше были распространены идеи политического австрославизма, предлагавшие превращение Австрийской империи в славянское государство путем ее федерализации и предоставления славянам равных прав с господствующей немецкой (позднее и с венгерской) нацией при сохранении Габсбургов в качестве монархов. Югославянские идеи соответственно — идеи языкового, культурного и политического единства югославянских народов. Югославизм имел самые разнообразные формы, как и всеславянские идеи. Конкретные его проявления в идеологии словенских национальных деятелей будут рассмотрены в монографии. Наконец, понятие идеи славянской взаимности охватывает, в нашем представлении, все, что касается идеи сотрудничества славянских народов в области языка, культуры, политики в целях их национального развития и национального освобождения.

Ставя перед собой задачу исследовать тему «Словен-

ское национальное движение в XIX в. и Россия», автор отдает себе отчет в том, что словенское национальное движение испытало на себе влияние не только России и русской общественной мысли. Были влияния и значительно более сильные. Так, огромную роль в формировании идеологии словенских просветителей конца XVIII — первой половины XIX в. сыграли идеи Великой французской революции. Позднее на создание словенской политической программы оказали решающее воздействие объединительные национально-освободительные движения в Италии и в Германии. Наконец, большое влияние на взгляды словенских буржуазных деятелей имели идеологи хорватского и чешского национальных движений. На всем этом автор сознательно не останавливается в своей монографии.

Автор считает задачами своего труда: 1. Исследовать воздействие, которое оказало само существование России как могущественного независимого славянского государства на формирование идеологии словенских национальных деятелей. 2. Проследить влияние русской общественной мысли на общественную мысль словенцев в 60—90-х годах XIX в. 3. Изучить конкретные общественные и культурные связи, имевшие место между общественными и культурными деятелями России и Словении. 4. Исследовать взгляды словенских русофилов, соответствие этих взглядов изложенному выше пониманию термина «панславизм», определить их классовую принадлежность, соотношение прогрессивного и реакционного в их идеологии.

Автор ограничивает хронологически рамки своего исследования концом XVIII—XIX в., т. е. периодом домонополистического развития капитализма в словенских землях. Этот период характеризуется зарождением и укреплением капиталистических отношений, формированием словенской буржуазной нации, началом и развитием словенского национального движения, полным господством в нем буржуазной идеологии.

Развитие словенского национального движения в этот период можно разбить на два этапа.

Первый этап начинается в конце XVIII в. и завершается революцией 1848 г. Он характеризуется зарождением и развитием капиталистических отношений в недрах феодального строя при господстве феодаль-

ных порядков в политике, экономике, социальной жизни. Национальное движение в словенских землях не выходит за рамки просветительства. Основными его идеологами являются немногочисленные представители словенской мелкобуржуазной интеллигенции²³. К этому надо добавить, что подавляющее большинство ее составляли священники. Основной упор деятельности словенских просветителей делался на завершение создания словенского литературного языка, что и было осуществлено к середине 40-х годов XIX в.

Второй этап словенского национального движения начинается с 1848 г. и завершается в конце столетия. Это эпоха окончательной победы капиталистических отношений и укрепления их как господствующих в обществе, эпоха завершения формирования словенской буржуазной нации. Словенская буржуазия становится признанным руководителем словенской нации, она возглавляет борьбу словенского народа за его национальные и политические права. Борьба эта носит демократический характер, ибо она является борьбой за полную победу буржуазной революции в Австрийской монархии, которая была завершена в экономическом, социальном и политическом отношениях уже к началу 70-х годов, но не закончена, как указывал В. И. Ленин, в отношении национального вопроса²⁴.

Второй этап словенского национального движения можно разделить в свою очередь на два подэтапа. В. И. Ленин выделял два периода развития буржуазии: период до 1871 г., когда буржуазия была еще революционна, и период ее окончательного перехода в лагерь контрреволюции начиная с 1898 г.²⁵ Между этими двумя периодами лежит переходная эпоха 1871—1898 гг., эпоха, как мы могли бы ее назвать, перехода от домонополистического капитализма к его высшей стадии — империализму, эпоха перехода европейской буржуазии от революции к контрреволюции.

²³ Антон Слодняк считает, что в 40-х годах XIX в. (конец указанного этапа) в Словении насчитывалось не более 200 представителей национальной интеллигенции. *Legiša L., Slodnjak A. Zgodovina slovenskega slovstva, zv. 2, s. 183.*

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 389.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 39—41.

То деление, которое дал В. И. Ленин, относится к буржуазии развитых европейских наций, занимавших господствующее положение по отношению к угнетенным нациям. Что касается словенской буржуазии, то она принадлежала к угнетенной нации и к 1871 г. еще не исчерпала своих революционных и демократических возможностей, поскольку ее борьба за национальные права своего народа продолжалась. Однако и для нее первая половина 70-х годов явилась своеобразным рубежом. Если и в 50—60-х годах она выступала весьма активно, применяя подчас и радикальные методы борьбы (например, проведение таборов в 1868—1871 гг.), то к середине 70-х годов ее радикализм в значительной мере поубавился. Выразилось это в соглашении между словенскими либералами и консерваторами, заключенном в 1874 г., при отказе первых от многих своих принципов. В частности, либералы отказались от борьбы с дуализмом, носившей антиавстрийский характер, и пошли на союз с немецкими консерваторами. Отступление либеральной буржуазии, имело свои веские причины. Во-первых, либералы отступили из-за страха перед усилением германизаторского натиска на словенцев; во-вторых, из-за боязни рабочего движения. Отступление либералов имело плачевные последствия для словенского национального движения, приведя в конце XIX в. к преобладанию в нем консервативно-клерикального крыла, к резкому уменьшению влияния левого крыла на народ, прежде всего на крестьян.

Итак, развитие словенского национального движения в XIX в. можно разделить на два этапа, последний из которых в свою очередь — на два подэтапа:

I — конец XVIII в. — 1848 г.;

II — 1849 г. — конец XIX в.:

1) 1849 г. — середина 70-х годов,

2) середина 70-х годов — конец XIX в.²⁶

Соответственно этой периодизации производится и деление основной части монографии на главы (II, III, IV). Первая глава, вводная, дает общую картину социально-экономического и национально-политического развития словенских земель в конце XVIII—XIX в.

²⁶ Эта периодизация принята в словенской историографии.

Словенцы.

Особенности их экономического,
социального
и национального развития в XIX в.

Земли словенцев, одного из самых немногочисленных славянских народов, расположены на юго-западной окраине расселения славян, по соседству с территориями, занимаемыми немцами и итальянцами. Они находятся на важных торговых путях, ведущих из Центральной Европы к Адриатике и Италии. Однако появление на исторической арене в конце XVIII в. словенцев как самостоятельного народа со своим языком, своей культурой явилось неожиданностью для Европы. Завоеванные в середине VIII в. германцами хорутанские славяне, как полагали, уже давно ассимилировались, разделив судьбу полабских и поморских славянских племен. В средневековых хрониках сведения о хорутанах почти полностью исчезают вплоть до XVI в., когда словенские протестанты впервые начинают говорить о существовании словенского народа, издавать для него книги и грамматики на родном языке. Результаты их деятельности в значительной степени были ликвидированы контрреформацией. И только с конца 60-х годов XVIII в. вновь появляются книги, авторы которых пытаются обосновать право словенцев на существование.

Возрождение словенского народа (как и словацкого, и чешского, и ряда других малых народов Центральной и Юго-Восточной Европы) было связано с началом развития капиталистических отношений в словенских землях. В. И. Ленин не раз указывал, что национально-освободительные движения неразрывно связаны с утверждением капиталистических отношений. «Во всем

мире,— писал он,— эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»¹.

Развитие капитализма стало базой формирования словенской буржуазной нации, особенности этого формирования в свою очередь оказали влияние на развитие словенского национального движения. Главной особенностью складывания словенской нации явилось то, что она формировалась в условиях инонационального господства. Немецкий гнет в словенских землях продолжался очень долго: более тысячелетия. Он наложил на условия жизни словенцев, на их народный характер существенный отпечаток.

§ 1. Словенская экономика

В конце XVIII—XIX в. большая часть территории, на которой жили словенцы, входила в состав коронных земель Австрийской монархии: Штирии, Каринтии, Крайны. В Крайне словенцы составляли подавляющее большинство, в Штирии и Каринтии — приблизительно треть населения. Кроме того, словенцы жили в Венецианской Словении, Истрии, Приморье, в Прекомурье, принадлежавшем к венгерской короне. В этих областях население тоже не было сплошь словенским: в Венецианской Словении и Приморье значительный процент жителей (особенно в городах) составляли итальянцы, в Истрии — хорваты и итальянцы, а в Прекомурье имелось венгерское население.

Население Словении было невелико. В 1771 г. в Австрийской монархии насчитывалось 900 тыс. словенцев, в 1846 г. — 1182 тыс.², в 1910 г. — 1320 тыс.³

¹ Ленин В. И: Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

² Grafenauer B. Zgodovina slovenskega naroda, zv. V. Ljubljana, 1962, s. 17, 172.

³ Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina, s. 243.

Большая часть словенской территории была гористой. Плодородные долины, удобные для земледелия, находились только в Южной Штирии, в Нижней Крайне да на равнине между Горицией и Триестом. Зато в словенских горах имелись разнообразные полезные ископаемые, разработка которых велась еще со средневековья: ртуть в Идрии, железная руда в Каринтии и Верхней Крайне, бурый уголь в Трбовлях, Храстнике и т. д.

Как природные условия Словении, так и ее географическое положение на путях из Средней Европы к Средиземноморью способствовали более успешному развитию промышленности и торговли, чем сельского хозяйства.

Экономическая политика австрийских монархов во второй половине XVIII — первой половине XIX в. в некоторой степени способствовала хозяйственному развитию словенских земель и, следовательно, развитию там капиталистических отношений. Во времена Марии-Терезии и Иосифа II была ограничена барщина, отменена личная зависимость крестьянина, уменьшено влияние цехов. После изгнания наполеоновских войск из Иллирии австрийское правительство сохранило большинство социальных и экономических реформ Наполеона, в том числе полную отмену цехов, патримониального суда над крестьянами, право крестьян делить свой надел. В 1848 г. в результате революции были ликвидированы за выкуп феодальные повинности крестьян.

Во второй половине XVIII в. после длительного упадка в словенских землях начался экономический подъем. В это время городское цеховое ремесло оставалось одной из главных форм словенской промышленности. Некоторые города уже специализировались на определенном виде ремесла. Переживало расцвет и сельское ремесло, широко распространенное в словенских землях в связи с малоземельем крестьян. Свободное от цеховых ограничений оно и явилось первоначально базой развития капиталистической промышленности. Здесь рано распространилась система авансирования, появилась рассеянная мануфактура. В сельской местности возникли и некоторые новые виды промышленности, не связанные непосредственно с крестьянскими промыслами, такие, как изготовление стекла и бумаги.

Отдельные мелкие стекольные и бумагоделательные предприятия со временем превратились в мануфактуры. Одними из первых мануфактур в словенских землях были шелкоткацкие в Горице, суконные в Целовце и Любляне. В 1828 г. в Айдовщине была основана одна из первых хлопчатобумажных мануфактур в Австрии.

Но все же ведущее место в экономике словенских земель продолжала сохранять горная промышленность, развивавшаяся на капиталистической основе. Крупнейшее горное предприятие в Словении, рудник ртути в Идрии достиг вершины своего расцвета в последние два десятилетия XVIII в. В это время на нем работало 900 человек⁴. С начала XIX в. в связи с военными действиями, пожаром и т. д. Идрия переживала упадок. Некоторый подъем наблюдался в ней только с 40-х годов XIX в. Он продолжался вплоть до 1875 г.

В Каринтии и Верхней Крайне существовали металлургические предприятия. К концу XVIII в. с ростом конкуренции шведского железа в словенских землях значительно снизился уровень производства металла. Только после Венского конгресса начался новый подъем металлургической промышленности, связанный отчасти с увеличением рынков сбыта ввиду присоединения итальянских земель к Австрии. Наиболее значительные металлургические предприятия в Крайне, насчитывавшие 500 и более рабочих, имелись в местечках Сава, Яворник, Бохинье, Жужемберк. В Словенской Каринтии большую роль в развитии металлургии и металлообработки сыграло предприятие в Превальях (основано в 1835 г.). Здесь впервые в Австрии при плавке применили бурый уголь, стали производить рельсы для железных дорог⁵. В Каринтии и Верхней Крайне имелось много мелких и средних предприятий по производству сельскохозяйственных орудий, оружия, гвоздей.

Продолжали разрабатываться залежи свинца у Беляка, в Раблье, Обирье. С конца XVIII в. важнейшим сырьем для металлургической промышленности становится каменный и бурый уголь. Его добывали в Трбовлье, Храстнике, Загорье, Мислинье.

⁴ Mohorič I. Rudnik živega srebra v Idriji. Ljubljana, 1960, s. 160.

⁵ Mohorič I. Industrializacija Mežiške doline. Maribor, 1954, s. 76—78.

Начало промышленного переворота в словенских землях относится к 30-м годам XIX в. В 1835 г. была установлена паровая машина на сахарном заводе в Любляне, в 1837 г.—при черпальном механизме в Идрии, в 1838 г.—на хлопчатобумажной прядильне в Любляне. Промышленный переворот в словенских землях получил свое полное развитие только после 1848 г. Проведение железных дорог усилило приток товаров в словенские земли из Чехии и Нижней Австрии. Рост конкуренции способствовал активизации строительства фабрик. Но в словенских землях введение паровых машин значительно отставало от немецких и чешских земель.

Фабричная промышленность нанесла непоправимый удар городскому ремеслу. Этому способствовал и закон 1859 г. о свободе ремесла. Крупная индустрия уничтожила некоторые ремесла, издавна распространенные в словенской деревне: ткацкое, прядильное, кожевенное и красильное. Зато интенсивно стали развиваться новые отрасли промышленности: химическая, машиностроительная, пищевая.

Из машиностроительных предприятий наибольшее значение имели завод в Любляне и вагоноремонтные мастерские в Мариборе. В 1855—1860 гг. своего расцвета достигли металлургические и прокатные заводы в Превальях. На них работало до 1500 рабочих⁶.

Вплоть до 40-х годов XIX в. промышленность в словенских землях находилась почти исключительно в руках местных немцев и отчасти итальянцев. В 40—60-х годах появляются первые словенские промышленники. В 1842 г. крупным словенским торговцем и помещиком Терпинцем была создана компания по совместной эксплуатации бумажной фабрики в Вевчах. Эта фабрика стала одним из наиболее технически оснащенных предприятий в Словении и к 1870 г. насчитывала 510 рабочих⁷. В 1867 г. братья Козлеры открыли крупнейший пивоваренный завод в Крайне.

В конце 60-х — начале 70-х годов начался новый этап развития словенской промышленности, характеризующийся появлением крупных акционерных обществ.

⁶ Mohorič I. Industrializacija Mežiške doline, s. 86—89.

⁷ Sorn J. Razvoj papirnice Vevče. Ljubljana, 1956, s. 28.

Первым крупным объединением промышленников в словенских землях стало Краньско индустриально друштво (КИД), созданное в 1869 г. люблянскими торговцами, главным образом немецкого происхождения⁸. КИД приобретал паровые лесопилы, мельницы, пивоварни. В начале 70-х годов КИД на основе мелких плавилен в Саве, Яворнике, Тржиче создал крупные металлургические предприятия. В том же 1869 г. было создано Хюттенбергское металлургическое общество в Каринтии, в которое входили предприятия и на словенских землях, в частности в Превалях. В 1873 г. ряд крупных торговцев Крайны основали Краинское строительное общество, на протяжении многих лет строившее доходные дома в Любляне⁹.

Для словенских земель была характерна нехватка собственных капиталов. Поэтому многие наиболее крупные предприятия создавались на капиталы инонациональные. В первой половине XIX в. большую роль в развитии словенской промышленности сыграл капитал триестинцев различных национальностей: итальянцев, немцев, славян, евреев, греков. Позднее преобладание в словенских землях получил немецкий капитал из Вены, Граца. Ему удалось значительно укрепить свои позиции в словенской промышленности. В 1870 г. в руки Грацкого общества Лейкам Йозефстал перешли бумагоделательные предприятия Терпинца. В 80-х годах Альпийское горное общество поглотило металлургические предприятия Словенской Каринтии. В результате этого они пришли в упадок, так как центром деятельности Альпийского общества была немецкая часть Штирии. В 1888 г. ведущие позиции в КИД захватил капитал из Вены и Берлина. Немецкий капитал господствовал в металлургической, горной, текстильной и химической промышленности; местный, в том числе и словенский,— в строительной, кожевенной, пищевой, т. е. в тех отраслях, которые непосредственно возникли из ремесла.

Для сельского хозяйства словенских земель были характерны малоземелье и соединение занятия сель-

⁸ *Mohorič I. Zgodovina obrti in industrije v Tržiču.* Ljubljana, 1957, s. 156.

⁹ *Blaznik P. Enote kmetskih gospodarstev na Slovenskem.*— *Kronika*, 1961, N 3, s. 136—141.

ским хозяйством с промыслами. Хотя сельское население составляло более 90% населения, только $\frac{2}{3}$ словенцев существовали за счет сельского хозяйства, $\frac{1}{3}$ добывала себе пропитание за счет различных промыслов¹⁰.

С давних пор в словенских землях были широко распространены пшеница, ячмень, рожь, просо, капуста и г. д. В XVIII в. в сельском хозяйстве Словении происходит перелом, связанный с распространением новых культур — кукурузы, картофеля и клевера. Это способствовало переходу от трехполья к многополью, от пастбищного скотоводства к стойловому, что привело к быстрому росту производительных сил и в конечном итоге к развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве¹¹.

Наряду с зажиточными крестьянами некоторые помещики начинают пользоваться новыми методами ведения хозяйства. Но большинство помещиков пыталось приспособить свои хозяйства к новым условиям старыми феодальными способами: путем увеличения крестьянской барщины, повышения налогов.

Положение крестьян в разных районах было неодинаковым. Наиболее зажиточными являлись крестьяне Каринтии и Верхней Крайны. Они несли самую маленькую барщину, имели дополнительные доходы от металлургической промышленности, полотняного дела и др. Жители Внутренней Крайны платили большие налоги, но зато получали значительные средства от извозного промысла и контрабандной торговли. Крестьяне Нижней Крайны и Штирии несли самую большую барщину и имели мало подсобных заработков. Барщина в Нижней Крайне составляла 71,5% всей барщины, приходившейся на Крайну.

Важным рубежом в социально-экономическом развитии словенской деревни явилась революция 1848 г. 7 сентября 1848 г. был обнародован патент об отмене феодальной зависимости¹². Однако за свой надел кре-

¹⁰ *Grafenauer B. Zgodovina slovenskega naroda, zv. V, s. 174.*

¹¹ *Britovšek M. Razkroj fevdalne agrarne strukture na Kranjskem. Ljubljana, 1964, s. 159—165.*

¹² Он не касался колоната, который существовал в Приморье вплоть до 1946—1947 гг.

стьяне должны были платить выкуп, равный двадцатикратному годовому доходу с него. Реформа 1848 г. расчистила путь для быстрого развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Но помещичье землевладение было полностью сохранено.

Переход к капиталистическим отношениям в деревне сопровождался не только изменениями ее социального характера, но и общим изменением направления развития сельского хозяйства Словении. В XIX в. на рынки Европы хлынул дешевый русский и американский хлеб. Цены на хлеб упали. Как помещичьи, так и крестьянские хозяйства стали отказываться от посева хлебов и переходить к иным культурам. В сельском хозяйстве все большее место стали занимать животноводство, садоводство, пчеловодство, разведение хмеля и пр.

Сельскохозяйственное производство становилось все более товарным. Усилилась специализация сельскохозяйственных районов. Помещичье хозяйство становилось на путь капиталистического развития. В ряде поместий были построены предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья: винодельни, маслобойни, мельницы. Многие помещики стали переходить к новым способам эксплуатации земли. Они скупали наделы разорившихся крестьян, засаживали их лесом. По данным 1873 г. в руках дворянства находилось более трети всех лесных массивов Штирии, Каринтии и Крайны.

После 1848 г. ускорился процесс экспроприации мелкого производителя в деревне. Этому в значительной степени способствовали огромные налоги, а также необходимость приспособления хозяйства к новым условиям рынка. Словенское крестьянство должно было платить, помимо текущих государственных налогов, еще 20 млн. гульденов выкупа за землю и 10 млн. гульденов государственных займов. Доходы же сельского населения сократились: с развитием промышленности и проведением железных дорог промыслы, игравшие в хозяйствах крестьян существенную роль, пришли в упадок. Положение крестьян осложнилось еще более с началом аграрного кризиса в середине 70-х годов, затянувшегося в словенских землях на несколько десятилетий. Быстро росла задолженность крестьянских хозяйств, чему в немалой степени способствовала существовав-

шая в 1868—1881 г. отмена всяких ограничений ссудного процента. Уже в 1882 г. сумма долгов словенских кметов равнялась 60 млн. гульденов¹³, а в 1890 г.—уже 120 млн. Продажа наделов за долги стала частым явлением. Только в Крайне за период 1848—1893 гг. из 78 тыс. их было продано с торгов более 10 тыс.¹⁴

Высокие налоги, большая задолженность, рост населения при отсутствии свободных земель приводили к дроблению крестьянских наделов. При таких условиях многие деревенские жители фактически превращались в рабочих с наделом. В деревне образовался большой излишек рабочей силы, поглотить который промышленность была не в состоянии. Масса экспроприированных словенских крестьян уходила на лесоразработки в Боснию, Славонию, Сербию; эмигрировала в Германию, Америку, Россию. Всего до середины 90-х годов из словенских земель выселилось около 100 тыс. человек.

Развитие капиталистических отношений, рост специализации отдельных словенских районов вели к упрочению торговых связей. Увеличилось количество крупных ярмарок, имевших значение для всех словенских земель как в городах, так и в больших селах. Словенский рынок оказывался во все более тесном взаимодействии с соседними югославянскими и центральными австрийскими землями. Характерно, что Словенская Штирия и Крайна имели наиболее значительные торговые связи с Приморьем, Хорватией, Воеводиной в то время, как Словенская Каринтия была тесно связана с центральными австрийскими землями. В словенских землях не сложилось единого экономического центра, но появилось их несколько: Любляна, Целовец, Грац, Триест. Разные словенские районы имели различную экономическую ориентацию. Словенский единый внутренний рынок как сколько-нибудь автономная единица в границах общеавстрийского рынка так и не сложился.

С появлением железных дорог в Австрийской монархии связи между отдельными словенскими землями и между ними и другими австрийскими областями значительно упрочились. Через словенские земли проходила

¹³ Za izboljšanje življenskih pogojev našega kmetijstva. Ljubljana, 1938, s. 85.

¹⁴ *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina*, s. 166, 167.

одна из важнейших железных дорог империи — Южная железная дорога, построенная в 1843—1857 гг. и соединявшая Вену с главным австрийским портом на Адриатике — Триестом.

Помимо роста внутренней торговли (как в словенских землях, так и в землях всей Австрийской империи), увеличивается и словенская внешняя торговля. В развитии ее большую роль сыграл Триест. В 1833 г. в Триесте было основано общество морской торговли и перевозок Австрийский Ллойд, обслуживающее торговлю Австрии со странами Леванта, Индией, Восточной Азией. Особенно увеличился торговый оборот Триеста с постройкой Южной дороги: по сравнению с 50-ми годами в 80-х годах он возрос вдвое.

Большой спрос за границей имели словенские сельскохозяйственные орудия (серпы, косы и т. д.), которые вывозились в Польшу, Россию, Болгарию, Италию. Словенская бумага шла в Италию, Грецию, Турцию, Россию; словенские стеклянные изделия — в Южную Италию, Грецию, Америку. Идрийская ртуть по-прежнему занимала почетное место в мирной торговле. К концу века к этим товарам прибавились свинец и лес.

Развитие промышленности и торговли в словенских землях, рост дифференциации деревни привели к заметному росту численности городов. Так, в 1788 г. Любляна имела около 10 тыс. жителей, в 1846 г. в Любляне уже насчитывалось более 17 тыс. человек, а к 1910 г. — приблизительно 50 тыс. Остальные города на территории Словении были меньше по населению. Исключение составлял многонациональный Триест, тесно связанный экономически и политически со словенскими землями. Он рос еще быстрее. Если в 1818 г. население Триеста с округой составляло 43 тыс., то в 1900 г. — более 176 тыс.¹⁵

Рост торговли и промышленности требовал развития кредита. Особенно большое влияние на промышленность в словенских землях оказали Венский банк и Штирийский учетный банк в Граце. Последний имел свои филиалы в Целовце, Любляне, Мариборе, Горице; он же непосредственно финансировал компанию Лей-

¹⁵ *Gospodarska in družbena zgodovina slovencev, zv. I. Ljubljana, 1970, s. 102, 104.*

кам, держал в своих руках угольную промышленность. В 1872 г. им было создано Трбовельское угольное общество. В словенских городах действовали филиалы и других немецких, чешских, венгерских банков. В Триесте, Горице, приморских городах большую роль играл итальянский капитал. Основанная в 1820 г. в Любляне Краинская сберегательная касса по размерам своего капитала не могла конкурировать с центральными австрийскими банками. Она находилась в руках местного немецкого капитала.

В 1871 г. словенскими буржуа был организован страховой банк Словения. Однако он не мог пережить экономический кризис и уже в 1874 г. прекратил свое существование. С 70-х годов XIX в. либералы стали создавать сберегательные кассы, в которых аккумулировался мелкий словенский капитал. На основе этих сберегательных касс при участии чешского капитала (Живностенский банк) и капитала крупных словенских торговцев в 1900 г. был учрежден Люблянский кредитный банк с основным капиталом в полмиллиона крон. Наряду с либеральными сберегательными кассами в словенских землях в 90-х годах функционировали кассы, созданные клерикалами.

В целом по степени своего экономического развития словенские земли занимали среднее положение в Австрийской монархии. Словенская промышленность была значительно слабее чешской и нижеавстрийской, но она была более развита, чем хорватская, галицийская, тирольская. Среди югославянских земель Словения по уровню промышленного развития стояла на первом месте.

§ 2. Политическое и культурное положение словенцев

В области администрации, просвещения и культуры политика австрийского правительства была направлена против национальных интересов словенцев. Мария-Терезия, Иосиф II и их преемники являлись сторонниками решительной централизации монархии и уничтожения в ней остатков местного партикуляризма. Централизация сопровождалась усилением германизаторской поли-

тики в Габсбургской монархии, в частности в чешских и словенских землях.

Планомерная германизация словенских земель началась с эпохи просвещенного абсолютизма. Ее поддерживали немецкие господствующие классы: сначала феодалы, потом буржуазия. Как отмечал Э. Кардель, немецкие феодалы были сторонниками германизации, так как видели в словенской буржуазии своего врага, покушающегося на их господство. Немецкая же буржуазия в еще большей степени была заинтересована в германизации, так как она не желала иметь конкурента в лице славянской буржуазии на рынках славянских окраин. Оба эти класса господствующей нации являлись инициаторами и активными проводниками политики германизации¹⁶.

До 1848 г. в период господства феодализма в словенских землях политика германизации проводилась непланомерно и не была направлена против словенского национального движения. С приходом к власти немецкой буржуазии ситуация изменилась. Германизация словенских земель пошла ускоренным темпом. А поскольку главным препятствием на пути ее проведения стало окрепшее национальное движение словенцев, немецкая буржуазия решительно выступила против него. Она пыталась обосновать германизацию политически, объясняя необходимость ее проведения стремлением «цивилизовать» отсталое и консервативное словенское население. Поход против словенского национального движения она объявила культуртрегерской миссией немцев на юге. Немецкие националисты не скрывали и экономической подоплеки своей «цивилизаторской» миссии. Выступая на конгрессе немецких националистов в Целовце в ноябре 1900 г., один из их руководителей — Лемшиш заявил: «Мы, южные немцы, имеем высокое предназначение: мы должны позаботиться о том, чтобы путь великой Германии к морю и к Азии остался бы открытым»¹⁷.

Вся идеология культуртрегерства налагала свой отпечаток на отношение немецких чиновников к сло-

¹⁶ *Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja*, s. 264.

¹⁷ *Pleterski J. Narodna in politična zavest na Koroškem*. Ljubljana, 1965, s. 209.

венскому населению, среди которого они жили и работали. Оно характеризовалось крайним пренебрежением и высокомерием ко всему словенскому: людям, их обычаям, языку, культуре. Резких антисловенских взглядов придерживались не только националисты, но и очень образованные и либеральные, на первый взгляд, люди, как, например, немецкий поэт Анастасиус Грюн (Антон Ауэрсперг), возглавлявший немецкую партию в Крайне. В письмах к своему единомышленнику Карлу Дежману он высказывался о словенском национальном движении как губительном для общества и враждебном культуре¹⁸. Словенские национальные вожди подвергались преследованиям; политика германизации тормозила рост национального самосознания народных масс, внушала им представление об их национальной неполноценности:

Активным средством германизации словенцев стала школа. С 1869 г. школа в Австрийской монархии была взята из-под надзора духовенства и передана в руки светских властей. Прогрессивный сам по себе закон стал в Каринтии и Штирии орудием самой яркой германизации. Связано это было с тем, что многие из священников в Южной Каринтии и Штирии являлись словенскими патриотами, заботились о том, чтобы в школах их приходов обучение проводилось на словенском языке. В школьных же советах этих земель полностью господствовали немцы, насаждавшие в словенских школах немецкий язык. В Каринтии, например, в 50—60-х годах благодаря деятельности словенских просветителей словенская школа добилась некоторых успехов. Однако они были сведены на нет после принятия закона о светской школе. Вплоть до конца XIX в. в Каринтии не было ни одной словенской школы¹⁹. В Штирии вначале положение было таким же, но к концу XIX в. штирийские словенцы добились некоторых успехов в деле введения в начальные школы словенского языка.

Особенно активно германизация словенских земель стала проводиться в последней четверти XIX в. Связа-

¹⁸ *Pivec-Stele M. Pisma Antona Auersperga Karlu Dežmanu.*— Glasnik Muzejskega društva za Slovenijo, 1930, (I.XI), s. 49, 64.

¹⁹ *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina*, s. 193.

но это было с ростом мелкобуржуазного национализма среди немецкого населения Австрии. Если до 1871 г. немецкое национальное движение было прогрессивным, то после объединения Германии оно приобрело откровенно шовинистический характер. Целью его провозглашалась экспансия по отношению к другим народам, прежде всего славянам. Появились различные националистические организации, призванные осуществить культуртрегерскую роль немцев по отношению к славянским народам.

Идеология культуртрегерства породила особое явление в словенском национальном движении — немшкитарство. Возникновению его способствовало и засилье консервативных настроений в рядах словенских национальных деятелей, политический гнет со стороны немцев. В результате некоторые словенские либералы и радикалы переходили в лагерь немецких буржуазных националистов. В 1848 г. это сделал Антон Фюстер. В 30-х годах XIX в. он был близок к кругу прешерновской «Краинской пчелки», в начале 1848 г. совместно с другими венскими словенцами подписал программу Объединенной Словении. По мере нарастания революционных событий Фюстер занимал все более радикальные позиции, в то время как словенские национальные деятели — все более консервативные. Из-за этого Фюстер порвал со словенским национальным движением, перейдя на сторону немецкой радикальной демократии²⁰.

Позднее судьбу Фюстера повторил Карл Дежман. В 1848 г. он, как и Фюстер, подписал программу Объединенной Словении. В 50-х годах Дежман тяжело переживал засилье консерваторов в словенском национальном движении. Накануне своего отказа от национальной деятельности он писал, что словенскому народу угрожают не германизация, а лень, клерикализм, невосприимчивость к критике, лицемерие, пьянство. «Если мы полностью откажемся от немецкого, то немногу впадем в обскурантизм и ультрамонтанство»²¹, — писал он. В июне 1861 г. Дежман выступил

²⁰ *Britovšek M.* Anton Fuster in revolucija 1848 v Avstriji. Maribor, 1970.

²¹ *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. II, s. 72.

на заседании рейхсрата против предоставления словенцам национальных прав, равных тем, которые имели немцы. Позднее он стал одним из вождей немецкой партии в Крайне²².

В словенских землях, особенно во второй половине XIX в., наблюдалось и обратное явление — переход немцев по происхождению на позиции словенского национального движения. Но, как правило, это делали немцы консервативных убеждений, ненавидевшие немецкую либеральную буржуазию и ее власть. Переход консервативных немцев в словенский национальный лагерь укреплял в последнем консервативные тенденции.

Германизация не во всех словенских землях имела одинаковый успех. В Штирии и Каринтии, где большинство населения было немецким, она проходила успешнее, чем в чисто словенской Крайне или преимущественно словенском Приморье. Особенно пострадала Каринтия, где во второй половине XIX в. этнические границы словенцев существенно отодвинулись на юг, главным образом в районах больших городов — Целовца и Беяка.

То, что словенцы в эпоху феодализма не имели своего господствующего класса, создавало дополнительные трудности в формировании словенской национальной культуры. На труде подневольных словенских крестьян немецкие феодалы и католическое духовенство создали свою, чуждую словенскому народу феодальную культуру. Художественная, мемуарная, политическая, религиозная литература, хроники, документация в словенских землях в средние века по своему языку были немецкими и латинскими, по своему духу — выражали взгляды опять-таки немецкого господствующего класса.

Словенская культура сохранялась среди крестьян. Место художественной, исторической, политической и прочей литературы занимали народные песни, предания, сказы. До реформации словенцы не имели даже своего письменного языка, составляющего неотъемлемую часть цивилизации. В XVI в. словенские протестанты П. Трубар, Ю. Далматин, А. Богорич создали словенский алфавит (богорчица), первую словенскую

²² Lončar D. *Politično življenje slovencev (1797—1919)*. Ljubljana, 1921, s. 31, 32.

грамматику, издали первые словенские религиозные книги. Всего этого было явно недостаточно, чтобы считать словенский литературный язык в какой-то мере сформировавшимся. К тому же деятельность реформаторов по созданию словенской литературы в начале XVII в. была насильственно прервана контрреформацией. Не случайно поэтому одной из первых задач словенских просветителей явилось создание словенского литературного языка, что полностью отвечало потребностям нарождавшейся словенской буржуазии. «Язык есть важнейшее средство человеческого общения,— отмечал В. И. Ленин,— единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам»²³. Формированию единого словенского литературного языка препятствовало и наличие большого количества диалектов в словенских землях.

Сложно проходил у словенцев и процесс формирования словенского национального самосознания. Росту последнего мешала политическая, экономическая и языковая раздробленность словенских земель. Существование провинций с их особыми административно-политическими учреждениями, особыми провинциальными рынками, особыми диалектами способствовало росту провинциального патриотизма у словенцев. К этому нужно добавить, что у словенцев полностью отсутствовала историческая традиция единства словенских земель, ибо словенское государственное объединение Карантания существовало в VII—IX вв. и от него не осталось почти никаких следов за исключением очень немногих кратких упоминаний в хрониках. В конце XVIII — первой половине XIX в. штирийские и каринтийские словенцы называли себя словенцами, в то время как крайние словенцы считали себя крайцами.

Развитие национального самосознания словенцев тормозилось также отсутствием у них каких бы то ни было политических прав. Главной причиной этого было опять-таки отсутствие у словенцев на протяжении всей эпохи феодализма своего национального господствующего

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258—259.

щего класса. Те народы Австрийской монархии, у которых был свой национальный господствующий класс, смогли сохранить некоторые политические права, поскольку их национальных феодалов немецкие завоеватели пытались использовать в качестве опоры своего господства в завоеванных землях. Так, венгерское дворянство имело свое провинциальное собрание, хорватское дворянство — свой сабор, своего бана, у воеводинских сербов имелась религиозная автономия и т. п. Словенский народ ничего подобного не имел. В этом отношении в сходном с ним положении находились чехи. Но чехи потеряли свои политические права только в 1620 г., словенцы же — в IX в. Если чехи, хорваты, поляки могли ссылаться на то, что у них когда-то имелось собственное государство, то словенцы этого делать не могли. Словенские национальные деятели глубоко переживали отсутствие «исторических традиций». «Что это за нация,— писал С. Враз, пламенный сторонник слияния словенцев с хорватами, Ф. Прешерну 1 августа 1838 г.,— которая при создании своей литературы и в ходе духовной эмансипации не может опереться на какую-либо возвышенную идею? А где мы возьмем эту идею, если и дальше будем трудиться изолированно? Может быть, в героических делах наших предков? Но где наша история говорит о них?»²⁴ Именно это заставило Вряза отказаться от своей словенской национальности и стать хорватским поэтом и национальным деятелем. Столь же грустные выводы о прошлом своего народа делал и Ф. Левстик: «Тысяча печальных, тысяча позорных лет отошли в вечность над нашими головами, а мы спали как мертвые»²⁵.

И еще одна особенность национального развития словенцев: У них долгое время не существовало единого общенационального центра. Лишь к 60-м годам таким центром стала Крайна и ее главный город Любляна.

Таким образом, главными препятствиями формированию словенской нации были национальное угнетение словенцев, наиболее ярко выразившееся в политике германизации, и их политическая, экономическая и лингви-

²⁴ *Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja*, s. 290—291.

²⁵ *Levstik F. Zbrano delo*, zv. 9. Ljubljana, 1961, s. 37.

стическая раздробленность. На преодоление этих двух важнейших отрицательных факторов и было в значительной мере направлено словенское национальное движение.

§ 3. Классы и прослойки в словенском обществе. Их отношение к словенскому национальному движению

К середине XVIII в. основными классами в словенских землях были классы феодального общества: дворянство и крестьянство.

Класс дворян с раннего средневековья был немецким или отчасти итальянским по происхождению. Однако в конце XVIII — первой половине XIX в. в связи с бурным развитием товарно-денежных отношений часть старых помещичьих семей разорилась и их поместья перешли в руки разбогатевших торговцев и откупщиков. Среди помещиков — выходцев из богатых буржуа — было некоторое число лиц словенского происхождения. Многие из них получали дворянское звание. Большинство таких новых дворян быстро перенимало язык и обычаи итальянского и немецкого дворянства. Только единицы из них сочувственно относились к словенскому национальному движению, например бароны Цойс.

Национальные интересы немецкого дворянства были чужды национальным интересам словенцев. Положение несколько изменилось в 60-х годах XIX в., когда в Австрийской империи началась борьба между централистской, дуалистской и федералистской партиями. Часть консервативно настроенных немецких дворян в словенских землях, опасаясь усиления влияния централистской либеральной немецкой буржуазии, выступила в союзе с умеренными словенскими деятелями за федерализацию Австрии на основе исторически сложившихся провинций. Таким образом они надеялись сохранить свои позиции, пытаясь словенское национальное движение использовать в своих классовых интересах.

Крестьянство было единственным сословием в словенских землях, полностью словенским по национальности. Оно более всего страдало от сохранения старых феодальных отношений и более всего было заинтересовано в их полной ликвидации.

Состав словенского крестьянства во 2-й половине XVIII в. был довольно сложным. Дифференциация, сильная в его среде уже в позднее средневековье, к этому времени возросла еще больше. Наряду с обогащением зажиточной верхушки увеличивалось число малоземельных и безземельных сельских жителей.

Являясь основным хранителем словенского языка и словенских обычаев, словенское крестьянство вместе с тем в конце XVIII — первой половине XIX в. оставалось равнодушным к национальному вопросу. Главной причиной этого было то, что словенские национальные деятели не связывали национальные требования с требованием отмены феодальных повинностей. Однако при этом крестьянство оставалось главной базой словенского национального движения. И не только в том отношении, что сохранило свой национальный словенский облик наиболее полно из всех сословий, но и потому, что многие словенские национальные деятели были выходцами из его среды.

До 1848 г. крестьянство выступало как единая сила в борьбе за отмену феодальных повинностей. После 1848 г. интересы его различных групп начали все более расходиться. Но были вопросы, вызывавшие одинаковую реакцию всех слоев крестьянства: о снижении налогов, о праве пользования помещичьими лесами и др.

Главными объектами недовольства крестьян являлись австрийское государство, облагавшее крестьян непосильными налогами, помещики, отнявшие у них угодья и получающие с них непомерные выкупные платежи, немецкая буржуазия, богатеющая на эксплуатации их труда. Поэтому в 60-х — начале 70-х годов крестьянство начало проявлять интерес к национальному вопросу. Зажиточные его слои надеялись с помощью национальной борьбы отвоевать позиции у более сильной немецкой буржуазии, средние и бедные крестьяне — улучшить свое материальное положение. Аграрный кризис 70—90-х годов, ряд мероприятий правительства (разрешение делить наделы, отмена ограничения ростовщических процентов) ускорили поляризацию словенского крестьянства. Сельская буржуазия большею частью поддерживала словенских либералов. В среде среднего и мелкого крестьянства уже со

второй половины 80-х годов усилилось влияние клерикалов, демагогически выступавших за улучшение их экономического положения.

Развитие товарно-денежных отношений привело к появлению в словенских землях класса буржуазии. Сначала он формировался из представителей господствовавших здесь политически и экономически немецкой и итальянской народностей. Это были выходцы из дворян или из высших городских кругов.

Словенская буржуазия возникла позднее, примерно в середине XVIII в., и развивалась прежде всего как сельская буржуазия, связанная с торговлей, ростовщичеством, откупам и налогами, землевладением. Это объяснялось, во-первых, господством в промышленности более сильного немецкого капитала, а во-вторых, расположением словенских земель на транзитных путях из германских и австрийских земель в Италию, что делало занятие торговлей особенно выгодным. Оформление словенской буржуазии как класса произошло уже к революции 1848 г., в период, когда она, хотя и неуверенно, но все же выступила со своими требованиями.

Формирование словенской промышленной буржуазии началось с 40-х годов XIX в. и шло замедленными темпами. Только во второй половине XIX в. словенские торговцы начали более активно вкладывать капиталы в промышленность. Однако вплоть до конца столетия словенская промышленная буржуазия оставалась немногочисленной и слабой. По размерам своих капиталов она не могла равняться не только с немецкой или итальянской, но и со словенскими крупными торговцами. По-прежнему торгово-ростовщическая прослойка играла в рядах словенской буржуазии преобладающую роль.

В своем подавляющем большинстве словенская буржуазия являлась средней и мелкой. Гораздо более слабая, чем немецкая, завидовавшая последней и желавшая потеснить ее на словенских рынках словенская буржуазия стала важным оплотом для словенского национального движения уже в 30—40-х годах XIX в. Она откликнулась на призыв словенских будителей, ибо борьбу за права словенской национальности тесно связывала с борьбой против мешавшего ее развитию застоя крупного немецкого капитала.

Несмотря на то что словенская буржуазия была заинтересована в проведении некоторых буржуазно-демократических преобразований, она не стала революционной силой. От революционных выступлений за свои права ее удерживала не только связь с отсталыми формами капитала и боязнь рабочего движения. Политика сильной немецкой буржуазии, стремившейся овладеть рынками окраин Австрийской империи, привела к тому, что именно ее словенская буржуазия стала считать главным своим врагом и в борьбе с ней шла на известный союз с немецкими феодальными кругами.

В городах значительную силу представляла мелкая буржуазия: торговцы, ремесленники. Будучи в основном по происхождению словенцами, они в XVIII в. не осознавали себя ими, были нередко индифферентны в национальном отношении и иногда пользовались немецким или итальянским языком. Но с начала XIX в. положение стало меняться. В связи с развитием промышленности увеличился приток словенского населения из деревни. Цехи с их немецкими традициями потеряли свое значение. Рост крупной индустрии нанес решающий удар мелкой городской промышленности. Процесс разорения мелкой городской буржуазии изменил ее политическую ориентацию. Если раньше главным ее конкурентом выступали деревенские ремесленники, теперь у нее появился гораздо более сильный противник — крупный капитал из немецких земель Австрии. В борьбе против него городские ремесленники и торговцы стали втягиваться в словенское национальное движение. Эта группа населения была по своему положению консервативной, поскольку она стояла за сохранение мелкой промышленности и остатков цеховой системы.

С 50-х годов XIX в. можно наряду с крестьянством и словенской национальной буржуазией говорить о мещанстве как о базе словенского национального движения. Однако нужно подчеркнуть, что словенская мелкая городская буржуазия никогда не являлась его решающей силой, ибо она осознала себя словенской только тогда, когда в значительной степени потеряла свои экономические позиции.

В разных провинциях положение словенской буржуазии было неодинаковым. В Каринтии экономиче-

ские связи между немецкой и словенской частями были гораздо более тесными, чем между Словенской Каринтией и остальными словенскими землями. В этой провинции словенская часть была экономически слабее, чем немецкая. Города сохраняли немецкий облик на протяжении всего XIX в. В Словенской Каринтии имелись крупные помещичьи латифундии, феодальный гнет чувствовался гораздо сильнее и дифференциация среди крестьян была слабее. При таких неблагоприятных условиях — немецком характере городов, слабом развитии капитализма в деревне — словенская буржуазия в Каринтии так и не сформировалась в сколько-нибудь существенную социальную силу, способную противостоять немецкой буржуазии.

В Штирии, как и в Каринтии, немецкая часть была промышленной с развитым сельским хозяйством, словенская — носила преимущественно аграрный характер. Но в Штирии были по-иному расположены торговые пути. Через словенские земли Штирии проходила часть важного торгового пути, по которому венгерский и хорватский хлеб шел в Крайну, Приморье и Триест. Это приводило к тому, что штирийские словенцы были заинтересованы в укреплении экономических связей со своими славянскими соседями, что способствовало росту их словенского самосознания, активизации их национальной деятельности. В Словенской Штирии выросло несколько промышленных центров, которые частично поглощали избыточное сельское словенское население, что словенизировало население этих прежде немецких городов. В штирийских городах словенский элемент был значительно сильнее, чем в каринтийских, хотя в городских магистратах Словенской Штирии на протяжении всего XIX в. господствовали немцы. Таким образом создались предпосылки для возникновения в Штирии словенской городской буржуазии — момент, существенно отличавший штирийских словенцев от каринтийских.

Крайна, находившаяся в центре словенских земель, оказалась в лучшем положении с точки зрения национальных интересов, чем Каринтия и Штирия. В ее городах в XIX в. довольно быстро развивалась промышленность и торговля, в них переселялось разорившееся сельское население. Города быстро словенизировались

и уже во второй половине XIX в. по своему национальному составу были словенскими. К концу XIX в. в Крайне имелась словенская буржуазия как сельская, так и городская.

В Приморье население Горицы, Триеста и других прибрежных городов на протяжении всего XIX в. оставалось по преимуществу итальянским. Но внутренние районы Приморья отличались чисто словенским характером. Словенская буржуазия Приморья, хотя и уступала в богатстве итальянской буржуазии Горицы и Триеста, считалась самой богатой в словенских землях. Росту ее богатства способствовало географическое положение Приморья, через которое шла вся морская торговля австрийских земель. Приморская буржуазия, как словенская, так и итальянская, была заинтересована в экономических связях с северными районами и прежде всего с ближайшими словенскими землями.

Венецианская Словения и Прекомурье были небольшими, по преимуществу крестьянскими областями. Прекомурье имело тесные экономические связи с Венгрией и со Словенской Штирией. Что касается Венецианской Словении, то она находилась под властью Австрии только в период 1797—1866 гг. и была связана экономически и исторически с итальянскими землями.

Словенская буржуазия стала ведущей, наиболее активной силой в словенском национальном движении. И там, где она была сильнее (например, в Горице, Крайне, отчасти Штирии), словенское национальное движение было более активным; там же, где ей практически не удалось аккумулироваться в национальную силу (Каринтия, Венецианская Словения, отчасти Прекомурье), национальное движение было более слабым.

Вместе с буржуазией рос и мужал словенский рабочий класс. Словенские рабочие появились в горной промышленности уже в XVI в. В XVIII—первой половине XIX в. наряду с горными предприятиями труд наемных рабочих стали употреблять текстильные, бумажные, стекольные и другие мануфактуры. В сельском хозяйстве также более широко начал использоваться труд безземельных крестьян. В наемных рабочих превратились и подмастерья в городах, поскольку уже в конце XVII в. произошло замыкание цехов,

и выбиться в мастера подавляющему большинству подмастерьев стало невозможно.

Однако все эти рабочие в большинстве случаев были еще связаны с самостоятельным мелким производством, имели крохотные земельные владения. Многие из сельскохозяйственных рабочих владели домом или усадьбой в деревне и зимой занимались самостоятельно ремеслом и торговлей, поденный труд на земле богачей не был для них единственным источником доходов.

Положение рабочих в конце XVIII — первой половине XIX в. было очень тяжелым. Это ставило для рабочих на первый план борьбу за улучшение своего положения. Однако, будучи связанными во многом с сельским хозяйством, большинство рабочих еще не осознавало своих специфических пролетарских интересов, их социальная борьба часто сливалась с антифеодальной борьбой крестьян. В немногих старых промышленных центрах, например в Идрии, существовали традиции пролетарской борьбы, имелось много потомственных рабочих.

Словенские рабочие в первой половине XIX в. были безразличны к национальным требованиям, исполнение которых никак бы не повлияло на улучшение их материального положения.

Революция 1848 г., уничтожившая феодальные отношения, промышленный переворот, начавшийся в словенских землях в 30-х годах, явились важным фактором в превращении словенских рабочих в современный пролетариат. Он формировался прежде всего в крупных промышленных центрах: Триесте, Идрии, Засавском угольном бассейне, Любляне, Мариборе. Неуклонно росло количество рабочих. К 90-м годам их насчитывалось в словенских землях уже 45—50 тыс.²⁸

Процесс создания и оформления рабочего класса был в основном завершен к началу 70-х годов. Именно в это время началось выделение рабочего движения из общедемократического, появились первые классовые рабочие организации в словенских землях. Однако в 60—70-х годах словенский рабочий класс, начав принимать участие в национальном движении, не выступал в нем

²⁸ *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina, s. 164.*

как самостоятельная сила, но шел за либеральной буржуазией.

В 80—90-х годах рабочий класс уже действует как самостоятельная сила. В словенских землях проводятся первые пролетарские стачки, рабочие митинги, распространяются нелегальные листовки. В Любляне и Триесте появляются первые социал-демократические кружки. В 1896 г. была образована Югославянская социал-демократическая партия, большую часть которой составляли словенские рабочие. Это ознаменовало собою новый этап в рабочем движении. Но и в 80—90-х годах многие словенские рабочие, особенно сельскохозяйственные, политически находились под влиянием словенской буржуазии — клерикальной и либеральной.

Выразителем национальных чаяний словенцев выступала словенская интеллигенция. До конца XVIII в. практически не существовало светской словенской интеллигенции. Светская интеллигенция формировалась обычно из представителей господствующих классов, которые в то время в словенских землях были немецкими по происхождению. Даже представители светской интеллигенции, вышедшие из среды словенцев, попадали под влияние развитой немецкой или итальянской культуры и в подавляющем большинстве германизировались или итальянизировались. Только в самом конце XVIII в. появляются первые представители светской словенской интеллигенции. Но до 30-х годов XIX в. светских интеллигентов, сознававших себя словенцами, насчитывались единицы. Так, из проживавших в 1828 г. в Любляне двадцати деятелей словенского возрождения только пятеро были людьми светскими. В 30—40-х годах положение несколько изменилось. В связи со словенизацией городов увеличилась и прослойка словенской светской интеллигенции, что внесло новую демократическую струю в словенское национальное движение. В 1848 г. словенская светская интеллигенция представляла собою уже определенную силу, особенно в университетских городах Вене и Граце, где учились словенские студенты.

Положение духовенства, особенно низшего и отчасти среднего, было несколько иным. Многие священники происходили из крестьян, ибо выходцам из бедных семей легче было получить духовное образование, чем светское.

Большинство священников жили в селах среди крестьян и, помимо своих священнических обязанностей, занималось тяжелым крестьянским трудом. Они могли влиять на крестьян, только пользуясь в проповедях словенским языком, и поэтому сильнее, чем другие представители словенской интеллигенции, чувствовали насущную потребность в создании словенской литературы. Именно поэтому первыми словенскими просветителями стали священники. Значительное время из-за неразвитости и отсталости словенской нации они играли роль идеологов в словенском национальном движении.

Духовенство имело большие заслуги в пробуждении национального самосознания словенцев, в создании словенской национальной культуры. Но его влияние тормозило развитие демократических тенденций в словенском национальном движении, культивировало в нем отсталую идеологию. Чем дальше, тем больше сказывалось отрицательное влияние духовенства на словенское национальное движение. Уже накануне 1848 г. борьба за национальные права неразрывно связывалась им с самыми реакционными институтами Австрии — монархией и католической церковью.

Во второй половине XIX в. слой светской словенской интеллигенции значительно вырос, что было связано с развитием капитализма, требовавшим для своих нужд образованных людей. Светская интеллигенция активно включалась в словенское национальное движение, внося в него либеральные взгляды и требования. Духовенство вынуждено было поделиться с ней руководящей ролью в словенском национальном движении. Но оно продолжало сохранять в нем серьезные позиции. Являясь в большинстве реакционным по своим убеждениям, духовенство составляло опору консерваторов. Однако некоторые его представители, принявшие сан священника по материальным соображениям, придерживались либеральных взглядов по многим политическим и экономическим вопросам. Число этих так называемых либеральных католиков было значительным в 50—70-х годах XIX в.

Начало клерикализации словенского духовенства связано с деятельностью лавантинского епископа Антона Сломшека и редактора реакционного издания «Згодня Даница» Луки Ерана. Еран считал главным призна-

ком словенского народа католическую религию, а словенский язык — опорой сохранения веры и укрепления политической благонадежности словенцев²⁷. Но вплоть до конца 60-х годов Еран и его сторонники не имели большого веса. Усиление клерикализма в словенском консервативном движении началось с 1867 г., когда его представители выступили за сохранение конкордата. В это же время возникли в словенских землях и первые католические политические организации, которые объединяли наряду со словенцами немцев и итальянцев²⁸. Особенно быстро пошла клерикализация словенского национального движения в 80-х годах. Она была связана с деятельностью яркого фанатика, профессора богословия Горицкой семинарии Антона Махнича. Церковные власти запрещали священникам читать либеральные газеты, голосовать за либералов. В 80—90-х годах среди духовенства почти не было лиц либеральных взглядов.

К этому времени духовенство уже не составляло большинства словенской интеллигенции. Светская интеллигенция достаточно окрепла. В отличие от духовной светская интеллигенция не представляла собою единого лагеря. Большая часть ее была либеральной, часть поддерживала клерикалов, а очень немногие ее представители перешли на сторону пролетариата, включившись в социал-демократическое движение.

²⁷ *Zwitter F.* Narodnost in politika pri slovincih.— *Zgodovinski časopis*, 1947, N 1, s. 39.

²⁸ *Melik V.* Slovenska politika ob začetku dualizma.— *Zgodovinski časopis*, 1968, N 1—2, s. 42—43, 45.

Идея славянской взаимности у словенцев в эпоху просвещения

§ 1. Особенности складывания словенского национального самосознания

Эпоха просвещения в словенском национальном движении продолжалась с начала словенского возрождения, формально определяющегося датой выхода в свет «Краинской грамматики» Марко Похлина (1768 г.), и до революции 1848 г. Она характеризовалась двумя важнейшими моментами: во-первых, отсутствием массового национального движения, в котором в то время принимала участие лишь малочисленная словенская интеллигенция; во-вторых, культурным характером самого движения.

Главным достижением эпохи просвещения явилось создание словенского литературного языка, без чего немислимы были ни словенская национальная культура, ни словенское национальное движение вообще. Другим важным достижением эпохи просвещения стало формирование словенского национального самосознания, охватившего сначала немногочисленные ряды словенской интеллигенции, а затем ставшего неотъемлемой принадлежностью всего словенского народа. Именно на формирование словенского национального самосознания и оказала значительное влияние идея славянской взаимности.

Национальное самосознание — один из главных признаков нации, без которого она не может существовать. Его формирование и развитие происходит параллельно и

одновременно с формированием и развитием нации, вернее, является составной частью этого процесса. Развитое национальное самосознание становится необходимым условием складывания национальной культуры, создания национальных политических программ. Что же собою представляет национальное самосознание? В советской историографии в последнее время этому вопросу уделяется определенное внимание. Так, В. И. Козлов определил национальное самосознание как «чувство принадлежности людей к определенной нации, объединяющее их в один социальный коллектив»¹. Оно включает в себя несколько элементов. Прежде всего это чувство национальной принадлежности к тому или иному народу. В национальное самосознание входят также и приверженность к своим национальным ценностям, чувство национальной гордости, сознание общности интересов в национально-освободительной борьбе, то или иное отношение к различным другим нациям и т. д.² Национальное самосознание вырастает и развивается под действием различного рода социально-экономических и политических факторов, но, раз возникнув, обретает определенную самостоятельность и большую устойчивость. В известной степени оно даже более устойчиво, чем такие признаки нации, как общность территории, экономическая общность и даже язык.

Содержание национального самосознания не остается постоянным, оно меняется с изменением социально-экономических условий жизни нации. На заре существования нации его отличает демократизм, ибо оно является идеологией молодой поднимающейся буржуазии, выражавшей в борьбе против феодализма интересы всего народа. С победой буржуазии, ростом классовой дифференциации буржуазного общества национальное самосознание усложняется. В некоторой части оно остается общим для всей нации, как бы абстрагируясь от классовой борьбы в сфере производства и опираясь на общезнающие элементы: язык, культуру, представления об общности происхождения и общих исторических

¹ Козлов В. И. Некоторые проблемы теории нации.— Вопросы истории, 1967, № 1, с. 91.

² Рогачев П. М., Свердлин М. А. О понятии «нация».— Вопросы истории, 1966, № 1, с. 38.

судьбах. Но на важнейшие его проявления накладывает отпечаток классовая дифференцированность, свойственная капиталистическому обществу. Понимание наибольшего блага для своего народа, представления о наилучших путях его развития прямо противоположны у буржуа и пролетария. Многие элементы, составляющие национальное самосознание, приобретают различное звучание у разных классов. Например, патриотизм у пролетариата тесно связан с интернационализмом, в то время как у буржуазии он нередко принимает националистические и шовинистические формы. Но все же общность элементов национального самосознания у разных классов остается достаточно высокой, ибо без этого невозможно существование нации как целостного общественного организма.

Развитие национального самосознания словенцев, как и развитие национального самосознания любого народа, имеет свою специфику, связанную с особенностями их социального, политического и культурного положения.

Прежде всего следует принять во внимание, что словенская нация формировалась в условиях инонационального гнета, продолжавшегося на протяжении тысячелетия. Иноземный гнет был главной причиной того, что у словенцев отсутствовала единая административно-политическая территория: их земли были разделены между несколькими провинциями Габсбургской монархии. Административная раздробленность, существовавшая в течение многих столетий, явилась главной причиной формирования у них провинциального самосознания: словенцы, жившие в разных провинциях, чувствовали себя крайними, штирийцами, каринтийцами и пр., но не единым народом.

Немецкое господство, установившееся в словенских землях в период перехода словенцев от первобытнообщинного строя к феодализму, было причиной отсутствия у них собственного феодального класса, что неблагоприятно отразилось на их политическом и культурном развитии. У словенцев полностью отсутствовали традиции государственности, традиции политической борьбы, которые имелись у многих других, подвластных немцам народов, например у венгров, хорватов, поляков. Словенская культура в силу тех же причин стояла немногим выше культуры доклассовых формаций. Хотя в

XVI в. благодаря деятельности словенских протестантов у словенцев появились алфавит, словенская грамматика, несколько книг на словенском языке, традиции письменности были слабы. Это случилось потому, что, во-первых, результаты деятельности словенских протестантов оказались во многом уничтоженными католической реакцией, а, во-вторых, созданное ими было слишком малым, чтобы говорить о существовании сколько-нибудь полноценной словенской письменности и книгопечатания. Кроме грамматики словенского языка и переводов нескольких религиозных сочинений на словенский язык, словенские реформаторы практически ничего не успели сделать. Не было исторических, географических и прочих сочинений на словенском языке, отсутствовала словенская художественная литература.

Все эти особенности политического и культурного положения словенцев к началу развития капитализма в словенских землях оказали существенное воздействие на формирование словенского национального самосознания.

Отсутствие господствующего феодального класса у словенцев привело к тому, что с самого начала словенское национальное самосознание возникло и развивалось как чисто демократическое, присущее крестьянству и вышедшим из него молодой словенской буржуазии и пролетариату. Оно не несло на себе печати дворянской традиции, как, например, польское, венгерское, хорватское национальные самосознания. Острием своим оно было направлено против немецкого господства, а поскольку феодалы были почти исключительно немцами, то объективно и против феодализма. Это ясно понимали наиболее дальновидные словенские деятели, например Ф. Левстик. Он подчеркивал, что «культуртрегерская» миссия немцев была всегда направлена на искоренение в завоеванных землях словенской культуры, чтобы тем легче превратить покоренный народ в **бессловесный скот** для немецких феодалов³. «Наше словенское дело насквозь демократично», — указывал Левстик⁴.

Демократический характер национального самосознания словенцев сохранялся и впоследствии, ибо это было национальное самосознание угнетенного народа,

³ *Levstik F. Zbrano delo, zv. 9, s. 34—37.*

⁴ *Ibid., s. 326.*

никогда не имевшего не только собственного класса феодалов, но и собственной крупной буржуазии.

Отсутствие политических традиций и прочных традиций письменной культуры у словенцев привело к преобладанию двух черт в формировании национального самосознания: во-первых, к значительной роли в нем народной фольклорной традиции, во-вторых, к большому значению для него идей славянской взаимности. В этом развитии словенского национального самосознания не отличалось от развития национального самосознания других небольших славянских народов, находившихся под чужеземным игом.

Наряду с осознанием себя особыми народами чехи, словенцы, словаки, хорваты и пр. осознавали себя и представителями всего славянства в целом. Аргументы для своего национального развития молодые буржуазные нации черпали из истории, национальных традиций, достижений культуры своих народов. У многих малых славянских народов эти традиции были слабы или отсутствовали вовсе. В таких условиях они самоутверждали себя и свое право на существование, базирясь на исторической деятельности и достижениях культуры всех славянских народов. Словенские национальные деятели призывали будить у словенцев славянское самосознание, воспитывать чувство славянской взаимности, ибо словенцам необходима национальная гордость, а гордиться они могут прежде всего славянством вообще⁵.

Всеславянские идеи развивались у словенских национальных деятелей в форме югославизма, австрославизма или русофильства. Обычно все эти три формы всеславянского самосознания развивались и существовали одновременно. Но на различных этапах та или иная форма в силу определенных политических обстоятельств доминировала. До революции 1848 г. идеи славянской солидарности в форме югославизма, австрославизма и русофильства, влияя на становление словенского национального самосознания, носили культурный характер, не оформляясь в какую-либо определенную политическую программу.

⁵ Slovanski svet, 1895, N 29, s. 272.

§ 2. Влияние на взгляды словенских национальных деятелей первых встреч с русскими

Уже первые словенские просветители обращали внимание на родство словенцев с другими славянскими народами. Среди них выделялся протестантский священник Штефан Кюзмиц, действовавший среди прекомурских словенцев и издавший в 1771 г. свой перевод на словенский язык «Нового Завета». Он был знаком с трудами словенских протестантских писателей XVI в. и, скорее всего, от них получил представление о численности и расселении славян. В предисловии к переводу Кюзмиц писал: «Господь бог пространство от Средиземного моря до Белого, всю Далмацию, Истрию, Славонию, Боснию и Болгарию, хорватские, краинские, штирийские, венгерские, моравские, чешские, польские и московитские земли заполнил славянским народом»⁶.

Идея этнической и языковой близости славянских народов не была чужда и словенским просветителям Крайны, объединявшимся с 1779 по 1783 г. просветительским обществом *Akademiae oregozogum* в Любляне. Оно было создано по инициативе люблянского епископа-янсениста Герберштейна. В него входило 23 человека, в том числе М. Похлин, А. Линхарт, Б. Кумердей, М. Куральт, А. Япель. Целью общества провозглашалось изучение родного (т. е. словенского) языка и близких ему наречий, развитие словенской литературы, исследование словенской истории. В начале 80-х годов место прекратившей свою деятельность Академии занял кружок барона Сигизмунда Цойса, в который вошли многие ее члены и ряд молодых деятелей. Самыми замечательными из последних являлись В. Водник и Е. Копитар.

Барон С. Цойс считался богатейшим человеком Крайны. После смерти отца он владел многими поместьями, рудниками и плавильнями, а также четырьмя домами в Любляне. На его средства и существовало общество словенских просветителей. Круг их деятельности охватывал словенский театр, музыку, поэзию, историю,

⁶ *Novak V. Slovtstveno delo Slovenske krajine.*— In: *Slovenska krajina*, Beltinci, 1935, s. 36.

народное просвещение, т. е. практически все области словенской культуры. Некоторые члены кружка Цойса, например сам Цойс, Линхарт, Куральт, Водник, являлись в той или иной мере сторонниками французских просветителей, другие — янсенистами (Кумердей, Япель), но всех их отличал горячий словенский патриотизм. Более всего из них сделали для развития словенской культуры А. Линхарт, Б. Кумердей, В. Водник, Е. Копитар.

А. Линхарт первым из словенцев на научной основе исследовал словенскую историю древнейшего периода, привлекая данные археологии и критически обрабатывая источники. Его «Опыт истории Крайны и других южнославянских областей Австрии», охватывающий историю словенцев до завоевания их франками, по справедливому замечанию Э. Карделя, имел своей целью доказать, что словенский народ имеет право на место под солнцем⁷. Недаром он спешил познакомить словенскую интеллигенцию именно с тем периодом словенской истории, когда словенцы были независимы. Линхарт написал и первые словенские пьесы. Одна из них «Веселый день, или Матичек женится» представляла собой переделку комедии Бомарше «Веселый день, или женитьба Фигаро». В ней Линхарт перенес место действия в Крайну, сохранив антифеодальную направленность бессмертного творения Бомарше и добавив еще моменты национального протеста, ибо антиподами в ней были немецкий феодал и словенский крестьянский парень Матичек, добивавшийся победы над первым. О непримиримой ненависти словенских крестьян к своим помещикам писал Линхарт и в своем «Опыте истории Крайны». Линхарт, по словам Ф. Цвиттера, стал первым словенским мыслителем, высказавшим не только просветительские, но и политические и частично даже социальные антифеодальные идеи⁸. Именно поэтому его можно считать родоначальником демократических традиций в словенском национальном движении.

Б. Кумердей много занимался филологией. Его привлекали две проблемы: реформа начальной школы в

⁷ Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja, s. 251.

⁸ Zwitter F. Prva koncepcija slovenske zgodovine.— Glasnik Muzejskega društva za Slovenijo, zv. XX. 1939, Ljubljana, s. 365.

словенских землях и создание общеславянской грамматики⁹. Кумердей пытался создать общеславянскую грамматику, которая бы, с одной стороны, облегчила знающему один славянский язык обучение всем другим славянским языкам, а с другой — смогла бы привести к созданию идеального общеславянского языка. Несмотря на то что в свои занятия филологией Кумердей привносил элементы фантазии, они были весьма плодотворны. Много сделал Кумердей для развития народного образования в словенских землях. Еще в 1772 г. он представил императрице Марии-Терезии докладную, в которой доказывал необходимость введения словенского языка в начальных школах в качестве языка обучения наряду с немецким. Кумердей полагал, что дети вместе с родным языком должны изучать и ближайшие к нему другие славянские языки, например хорватский, далматинский, польский. Позднее, в 1771 г., во введении к своей неизданной словенской грамматике Кумердей снова подчеркивал, что культурная отсталость австрийских славян объясняется отсутствием преподавания на родном языке¹⁰. Действуя согласно своим убеждениям, он сумел добиться значительных результатов: школа в Любляне, директором которой он был, считалась лучшей во всей Австрийской монархии¹¹.

Младший современник Линхарта и Кумердея, Валентин Водник, стал первым словенским поэтом и создателем во времена наполеоновской Иллирии первых учебников на словенском языке. Стихи Водника не отличались высокими поэтическими достоинствами, но он прославлял в них богатство родной земли, а главное — труд словенского крестьянина. Огромной заслугой Водника перед словенским национальным движением явилось редактирование и издание им на средства Цойса первой словенской газеты «Люблянске новице» (1797—1800 гг.).

Всем этим выдающимся словенским просветителям, выражавшим интересы молодой словенской буржуазии, было присуще понимание языкового родства славянских

⁹ *Kidrič F. Dobrovský in slovenski preporod njegove dobe. Ljubljana, 1930, s. 23.*

¹⁰ *Pleterski J. Narodna in politična zavest na Koroškem, s. 10.*

¹¹ *Slodnjak A. Slovensko slovstvo. Ljubljana, 1968, s. 62, 63.*

народов. Линхарт в предисловии ко второму тому своего «Опыта истории Крайны и других южнославянских областей Австрии» указывал, что словенцы, являясь самостоятельным народом, принадлежат к племени славян¹². Он утверждал, что «ни один народ не заслуживает внимания историка, философа и политика в такой мере, как славяне»¹³. Отмечая любовь крайнцев к родине, Линхарт указывал, что словенские парни дезертируют из австрийской армии потому, что не понимают австрийского государственного патриотизма, который отделяет славянина от его народа¹⁴. Линхарт впервые поднял вопрос о том, что Австрия, как и Россия, могла бы называться славянским государством. Некоторым образом его можно назвать родоначальником австрославизма в словенском национальном самосознании.

Традиции Линхарта были продолжены замечательным словенским ученым Ернеем Копитаром (1780—1844). В 1808 г. он издал «Грамматику славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии», которая определила грамматические нормы всего словенского языка. Грамматика Копитара давала подтверждение с точки зрения филологии теории Линхарта о едином словенском народе, представители которого живут в разных провинциях. Однако в отличие от Линхарта Копитар был убежденным католиком, верным сторонником Габсбургской монархии. Он с недоброжелательством относился к представителям прогрессивного направления в словенском национальном движении. Поэтому, хотя Копитар активно поддерживал и вторую идею Линхарта — о возможности сделать Австрию славянским государством, — его австрославизм отличался от австрославизма последнего. Это подчеркивает, в частности, Ф. Цвиггер, указывая, что в то время, как австрославизм Копитара не выходил за рамки легитимизма, австрославизм Линхарта подразумевал новую организацию государства¹⁵.

¹² *Linhart A. Versuch einer Geschichte von Krain und der übrigen Ländern südlichen Slaven Oesterreichs, Bd II. Laybach, 1791.*

¹³ *Prijatelj I. Duševni profili slovenskih prepородiteljev. Ljubljana, 1935, s. 51.*

¹⁴ *Zwitter F. Prva koncepcija slovenske zgodovine, s. 365.*

¹⁵ *Zwitter F. Problem narodnega preroda pri južnih slovanih v Avstriji: legitimizem in narodnostno načelo.— Zgodovinski časopis, 1955, s. 166.*

Одновременно с рождением австрофильства в среде словенских просветителей появилось и русофильство. Оно закономерно вытекало из самой идеи славянской общности: русские были единственным славянским народом, не только сохранившим свою независимость, но и создавшим сильное централизованное государство. Могущество России возвышало, по мнению словенских просветителей, в глазах всего мира и других славян, в том числе и словенцев. Эту характерную черту отмечали уже буржуазные словенские историки. Ф. Кидрич, например, писал: «В политическом и культурном положении тех славян, которые не были в одном государстве со словенцами [т. е. русских.— *И. Ч.*], было много моментов, которые были способны разбудить гордость маленького словенского братца или его желание копировать»¹⁶.

Среди первых словенских просветителей наиболее последовательным русофилом являлся Кумердей. Уже в 1779 г. на заседании Академии он произнес речь, в которой указывал: «Наша страна так мала, что не может гордиться среди других. Народ, от которого мы приходим, является самым презренным в так называемом цивилизованном мире; только блестящие труды наших родных братьев русских могут это презрение до некоторой степени парализовать»¹⁷. Во введении к своей грамматике Кумердей особо подчеркивал близость краинского (т. е. словенского) языка к русскому¹⁸.

В. Водник тоже воспринимал словенцев как часть великого славянского народа, живущего от триестского до ледяного моря и от Богемии до далекой Камчатки. Любопытно, что славян он называл словенцами, насчитывая в их рядах следующие племена: краинцы, словенцы [по-видимому, штирийские и каринтийские словенцы.— *И. Ч.*], хорваты, далматинцы, босняки, славонцы, словаки, пемцы [богемцы?— *И. Ч.*], моравцы, поляки, помуряне, лужичане, вандалы, венды, литовцы, леты, московиты [русские.— *И. Ч.*]¹⁹. С большим интересом и симпатией относился он к России. В первый год изда-

¹⁶ *Kidrič F. Dobrovský in slovenski preporod...*, s. 13.

¹⁷ *Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja*, s. 253.

¹⁸ *Kidrič F. Dobrovský in slovenski preporod...*, s. 48.

¹⁹ *Vodnik V. Izbrani spisi*. Ljubljana, 1890, s. 47.

ния «Люблянских новиз», первой словенской газеты, Водник поместил в ней статью о русском языке, в которой утверждал, что «краинский язык более подобен московитарскому, чем всем другим славянским наречиям. Московитары много слов сохранили, которые нами позабыты и вышли из употребления»²⁰. Возможно, убеждение, что из всех славянских языков словенскому наиболее близок русский, возникло у Водника не без влияния Кумердея.

Переход русских войск под руководством Суворова через словенские земли в Италию в 1799 г. вызвал оживленный отклик у словенцев. Накануне прихода русской армии Водник с восторгом приветствовал ее в своей газете, подчеркивая, что русские, старшие братья словенцев, пришли защитить их от врагов. «Полторы тысячи лет тому назад,— писал он,— в наши края пришли первые славяне; они были из русского или других славянских народов: в этом причина, что мы легко понимаем русский язык; дело в том, что они — славяне, корень, от которого рождены наши отцы... Сейчас мы видим воочию, каких могучих и великих братьев мы имеем». Водник призывал словенцев учиться у русских беречь свой язык и защищать свою родину²¹.

В «Описании войны России против Французской республики в царствование императора Павла I», составленном генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским по личному указанию Николая I в 1848 г., указывается, что в Италию через Каринтию (Вена — Брук — Юденбург — Филлах [словен. Беляк.—И. Ч.]) двинулся русский корпус Розенберга, а через Крайну (Каменец-Подольский — Лемберг [Львов.—И. Ч.] — Офен — Лайбах [Любляна.—И. Ч.]) — корпус генерал-лейтенанта Ребиндера. Михайловский-Данилевский отмечал радушие, с которым русские войска встречались жителями Австрийской империи, «особенно народами славянского племени». «Случалось,— писал он,— что славяне непрерыв друг перед другом старались приглашать в свои дома наших офицеров и солдат, угащивали их чем мог-

²⁰ *Пряатель И. А. С. Пушкин у словенцев.*— В кн.: А. С. Пушкин в южнославянских литературах. СПб., 1901, с. 370.

²¹ *Kreft B. Fragmenti o slovensko-ruskih stikih.*— Slavistična revija. Ljubljana, 1958, s. 92.

ли, а на прощанье предлагали им съестные припасы, даже подарки»²². В Каринтии сохранилось предание, записанное австрийским историком Генрихом Германном и также говорящее о добрых отношениях, установившихся между русскими солдатами и словенскими крестьянами. В 1799 г. русским солдатам, находившимся в Каринтии, было приказано отослать назад жен и детей, деливших с ними трудности походной жизни. Часть солдат оставила у словенских крестьян до своего возвращения своих сыновей. Многие из этих мальчиков навсегда осели в словенских селах, так и не дождавшись отцов, погибших на поле брани²³.

Благодаря близости языка и обычаев, радушному приему со стороны славянского населения русские солдаты и офицеры относились к нему с большим сочувствием. В 1844 г. в журнале «Москвитянин» были опубликованы воспоминания суворовского штаб-офицера А. А-ского о походе русских войск в Италию. Автор служил в полку генерал-майора М. В. Ребиндера, проходившего со своими солдатами по славянским землям. По словам А. А-ского, полк шел через Штирию, как он называл словенские земли, до Герца [словен. Горица.— И. Ч.] с 7 по 18 июня 1799 г. «Местоположение Штирии чудесное,— писал суворовский ветеран.— Коренные жители славяне, народ мужественный, но кроткий. В городах и местечках множество немцев, живущих издавна. Здесь жизнь народа славянского лучше, чем в Венгрии; но он так же под гнетом, так же трудно, так же невозможно быть между штирийцами просвещению национальному, как и во всей Австрийской империи для славян. И здесь славянин должен оставить, забыть свой язык, учиться языку немецкому, быть немцем — и тогда только будешь человеком»²⁴.

После ухода из Горицы русские солдаты побывали и в Венецианской Словении (Резьи), жители которой служили у них переводчиками при переходе через итальянские земли²⁵. Во время своего путешествия по Резьи в

²² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2814, л. 373.

²³ *Hermann H.* Handbuch der Geschichte des Herzogthums Kärntens, Bd III, H. 1. Klagenfurt, 1857, s. 149.

²⁴ Москвитянин, 1844, № 1, с. 140.

²⁵ *Mal J.* Zgodovina slovenskega naroda, s. 25—26.

1841 г. Срезневский слышал от местного патера Одорико Буттоло о пребывании русских в Резье, о том, что они, говоря по-русски, вполне могли понять местных жителей.

Сходство русского языка со словенским произвело на резьян большое впечатление. В частности, любимой поговоркой Буттоло было: «Резья и Руссия — одно и то же». Срезневский записал местную легенду о том, что предок резьян пришел в эти места из России²⁶. Крупнейший чешский ученый того времени П. И. Шафарик, написавший статью о Резье, рассматривая эту легенду, отмечал, что она появилась «именно после того, как русское войско во время войн в конце прошлого столетия было в их стране»²⁷.

Вторая непосредственная встреча словенцев с русскими произошла в 1810 г. Русские моряки эскадры адмирала Сенявина, действовавшей в Средиземном море, после Тильзитского мира были интернированы французами в Триесте, где пробыли более двух лет. В 1810 г. им разрешили пешком отправиться в Россию. Начальный этап их пути пролегал через словенские земли: Горицу, Крайну, Штирию. Морской офицер Владимир Броневский написал впоследствии две книги, рассказывающие о военных действиях эскадры Сенявина, о жизни русских моряков в Триесте, о их пути из Триеста в Россию²⁸. Образованный офицер, он с большим интересом приглядывался к жизни местного населения, его занятиям и обычаям. Особые симпатии вызывали в нем славяне, близкие по языку и нравам русским, что Броневский неоднократно отмечал на страницах своих книг. Словенцев Броневский описал во второй своей книге «Путешествие от Триеста до С.-Петербурга».

Охарактеризовав занятия и обычаи словенцев, Броневский отметил большое сходство русского и краинского языков. «Краинцы, — писал он, — говорят славянским языком, испорченным немецкими и итальянскими словами, смотря по тому, к которой границе они живут

²⁶ Срезневский И. И. Фриульские славяне. СПб., 1878, с. 4, 9.

²⁷ Шафарик П. И. О резьянах и фуриянских славинах. — Денница, 1842 (Варшава), № 9, с. 113.

²⁸ Броневский В. Записки морского офицера 1805—1810. СПб., 1818; Он же. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. М., 1828.

ближе; однако же наши люди понимали их без затруднения»²⁹. Относительно языка штирийских словенцев Броневский придерживался другого мнения. «Язык так испорчен,— отмечал он,— что с трудом понимать их можно»³⁰.

Как и во время перехода войск Суворова, между словенским населением и русскими солдатами установились дружеские отношения. Причин этому было несколько. Во-первых, как указывал Броневский, русские и словенцы могли хорошо объясняться друг с другом, что способствовало устранению недоразумений в их отношениях. Во-вторых, русские солдаты в отличие от французских, также находившихся в то время в словенских землях, не чувствовали себя завоевателями, как последние, а, скорее, были там на правах побежденных. Это, несомненно, влияло на отношение русских матросов к местному населению, которое находилось в подобном же положении относительно французов. Броневский приводит в своих заметках разговор с жителем Обер-Лайбаха [*словен.* Врхника.— *И. Ч.*], который с удовольствием отмечал, что им в село поставили на постой русских, а не французских солдат. Этому сумел добиться бургомистр Обер-Лайбаха, заявивший властям: «Дайте нам еще вдвое русских, а от ваших... избавьте». Собеседник Броневского таким образом объяснил подобное предпочтение русских солдат словенскими крестьянами: «Ваши солдаты все люди добрые, нечванные и охотно помогали нам и дома, и в поле. Таким гостям мы от души рады и, конечно, расстаемся с ними с сожалением, а отпустим с хлебом и солью, как друзей»³¹.

Не только русские матросы с сочувствием отнеслись к местному населению, но и русские офицеры. Во всяком случае, отношение самого Броневского к словенцам ясно доказывает это. В своей книге он полемизировал с теми учеными (прежде всего немецкими), которые с неприязнью характеризовали словенцев. «Общее предубеждение,— замечал по этому поводу Броневский,— называет краинцев коварными и лживыми; но мне кажется, что сии пороки — суть следствие чуждого им

²⁹ *Броневский В.* Путешествие от Триеста до С.-Петербурга..., с. 28.

³⁰ Там же, с. 54.

³¹ Там же, с. 12—13.

ига³². Краинцы сохранили добродетели, свойственные славянам: они трудолюбивы, храбры, терпеливы, смешливы и переимчивы. В некоторых механических искусствах они далеко превосходят учителей своих немцев... В характере их примешана суровая дикость; уныние изображено во взорах их... Народ сей чрезмерно привязан к своим обычаям и вере; в характере его после стольких веков чужеземного ига не видно чувствительной перемены»³³.

Броневский заметил и недоверчивое отношение словенцев к австрийскому правительству, и то впечатление, которое произвел на них переход через словенские земли солдат Суворова и матросов Сенявина. «Не приметно,— писал он,— чтобы австрийское правительство пеклось об их просвещении; неуважение к их обычаям и вере всегда питало взаимную недоверчивость и недоброжелательство, которые, впрочем, редко могут существовать между победителем и побежденным. Поход армии Суворова в Италию, долговременное наше пребывание в Триесте познакомили их с русскими. Они с сего времени как бы пробудились от сна; вера³⁴, язык и сходство нравов польстило их народной гордости. Для них теперь нет ничего приятнее, как говорить о России, о нашем государстве, правительстве и о счастье быть русским. Мечтания их простираются гораздо далее, нежели можно было бы ожидать от их ограниченных познаний в политике. Словом сказать, присутствие наше поблизости славянских областей, даже мгновенный переход чрез Карниолию [латинское название Краины.— И. Ч.] сделал сильное в них впечатление, и надобно признаться, что как бы правительство, коему они будут подвластны, ни было попечительно, они всегда помышлять будут о России с восхищением»³⁵. Последнее замечание Броневского о появлении у словенцев особого

³² Любопытно, что Линхарт также объяснял слабые стороны национального характера словенцев их национальным угнетением. См.: Zwitter F. Prva koncepcija slovenske zgodovine, s. 365.

³³ Броневский В. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга..., с. 29—30.

³⁴ Броневский ошибается: словенцы были католиками, в то время как русские — православными.

³⁵ Броневский В. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга..., с. 30—31.

отношения к России после столкновения их с русскими солдатами в 1799 и 1810 гг. весьма примечательно. Такого рода отношение уже наблюдалось и до этого у отдельных словенских просветителей. 1799 и 1810 гг. сделали его достоянием более широких слоев словенцев, включая крестьян и городское население³⁶.

К 1812 г. симпатии к России среди словенских просветителей и даже словенцев вообще были уже достаточно сильными. Поэтому неудивительно, что война 1812 г. вызвала у них живой отклик. Об этом, в частности, свидетельствует переписка Я. Н. Примича с Я. Зупаном, У. Ярника с М. Шнейдером. Все четверо являлись видными словенскими просветителями.

У. Ярник (1784—1844) прославился как словенский поэт и талантливый филолог. Словенский историк Я. Плетерски оценивает Ярника как крупнейшего, словенского писателя во втором десятилетии XIX в. наряду с В. Водником и М. Равникаром³⁷. Высоко ценили его и современники. П. Шафарик отмечал, что «его [т. е. Ярника.— И. Ч.] исследования о языке отличаются глубокими разысканиями»³⁸. Будучи священником, Ярник думал о том, чтобы сделать религию средством национального возрождения словенцев. Поэтому он выступил за ведение богослужения на словенском языке. «Я же считаю,— писал он Примичу 14 октября 1810 г.,— что не было бы плохо, если бы духовные проводили мессу по-словенски... Я знаю хорошо, сам достаточно слышал от умных кметов, которые говорили: что нам за польза в том, что господа у алтаря хорошо умеют читать и петь, когда мы даже не понимаем, что они говорят»³⁹.

³⁶ Приводя свидетельства, указывающие на хорошие отношения между словенским населением и русскими солдатами, установившиеся во время перехода через словенские земли войск Суворова и Сенявина, автор вовсе не утверждает, что отношения эти были совершенно безоблачны. Проход любой армии через населенные пункты связан с большими трудностями для местного населения: постоем солдат, реквизицией продовольствия, различными эксцессами дисциплинарного характера. Русская армия в этом плане не представляла собой исключения, хотя сведений о каких-либо недоразумениях между русскими солдатами и словенцами у автора не имеется.

³⁷ *Pleterski J. Narodna in politična zavest na Koroškem*, s. 10.

³⁸ *Телескоп*, 1836, № 12, ч. 33, с. 540.

³⁹ *Ягич И. В.* Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян. СПб., 1897, с. 296.

С мнением Ярника был полностью согласен и Примец. Очевидно, на формирование таких взглядов оказали влияние не только разговоры с кметами, но и тот факт, что в православной церкви богослужение велось на понятном народу языке.

М. Шнейдера (1784—1831) очень привлекала идея славянской взаимности, которой он посвятил многие свои стихи. В стихах Шнейдер призывал славян спасти словенцев от германизации. Среди заслуженных деятелей славянства Шнейдер, помимо Трубара, Вальвасора, Добровского и др., называл также и Наполеона⁴⁰.

Сочинял словенские стихи и Я. Примец (1785—1823). Родом он был из Нижней Крайны. В 1810 г. Примец основал в Граце, где он учился на юридическом факультете, Словенское общество. Целью общества провозглашались сбор словенского фольклора и развитие словенской литературы⁴¹. С 1811 г. Примец стал профессором словенского и других славянских языков на вновь созданной кафедре в Грацком лицее, написал несколько словенских учебников.

Своеобразной личностью являлся и Я. Зупан (1785—1852), священник, ординарный профессор восточных языков и Ветхого завета в Люблянской семинарии. В начале 30-х годов он активно сотрудничал в прогрессивном словенском альманахе «Краньска чбелица». За критику высших церковных властей, цензуры и полиции Зупан в 1836 г. был выслан в Целовец⁴².

11 февраля 1813 г. Примец послал письмо к Зупану, в котором привел отрывки из писем Ярника и Шнейдера. «Русские здесь привлекли к себе общее внимание,— писал Примец,— благодаря победоносному оружию и образцовому поведению в завоеванных провинциях». Далее он приводил отрывки из письма Шнейдера к Ярнику: «Опьянило меня веселье, когда из газет узнал о мужественном и счастливом бое москвитаров». Шнейдер выражал надежду, что русские не только прогонят неприятеля, но и перекуют мечи на орала, чтобы и словенцы могли мирно возделывать свои

⁴⁰ *Legiša L., Slodnjak A. Zgodovina slovenskega slovstva, zv. II, s. 44.*

⁴¹ *Ibid., s. 36.*

⁴² *Ibid., s. 69—70.*

поля. Не менее восторженно писал и Ярник: «Север ревет, юг страшится и бахвал бежит, все войска его разбиты... Вечер покажет, каков был день,— говорят молодцы северные славяне. Славнейшее дело они совершат»⁴³. Победа России над армией Наполеона оказала большое влияние на Примица, который стал распространять среди учеников прорусские взгляды⁴⁴, что и послужило причиной его ухода с кафедры в 1813 г.

Однако следует заметить, что не у всех словенских просветителей победы русского оружия вызывали радость. Е. Копитар 7 июля 1814 г. с горечью писал Зупану, откликаясь на победу русских над французами, что, если Австрия и далее будет медлить, весь славянский юг вскоре подчинится России⁴⁵. Спустя несколько дней он более подробно раскрывал тому же корреспонденту свои опасения: «Итак, никто нас не любит;— ни в Польше, ни в Италии, ни в Славонии, ибо мы — немцы, и неоткуда надеяться на лучшее! Совсем наоборот русские!.. Через сто лет, если так пойдет дело, мы все станем русскими»⁴⁶.

В отношении различных словенских просветителей к победам русского оружия над Наполеоном уже ясно прослеживаются два направления национальной и позднее — политической ориентации в словенском национальном движении: австрофильское и русофильское. Они проявлялись не как политические линии определенных политических группировок, но как выражение личных симпатий отдельных словенских просветителей.

В 1812 г. некоторые словенцы побывали в России в составе Иллирийского полка наполеоновской армии. Почти весь полк погиб на бескрайних русских просторах. Один из немногих вернувшихся из России наполеоновских солдат Иллирийского полка Андрей Пайк в 1865 г. опубликовал свои воспоминания о русском походе. Сам Пайк дошел только до Смоленска. В Минске он видел казнь крестьян, убивших своих помещиков и сжегших их поместье, которая произвела на него самое тяжелое впечатление. С ужасом описал Пайк отступле-

⁴³ Ягич И. В. Новые письма Добровского, Копитара..., с. 292—293.

⁴⁴ *Slodnjak A. Slovensko slovstvo*, s. 85.

⁴⁵ Ягич И. В. Новые письма Добровского, Копитара..., с. 264.

⁴⁶ Там же, с. 266.

ние французской армии из России, страшную переправу через Березину. Его записки были лишены того романтического восприятия России, которое было характерно для ряда словенских просветителей, знавших о ней понаслышке⁴⁷.

Третья непосредственная встреча словенцев с русскими произошла в 1821 г. в Любляне во время Лайбахского конгресса Священного союза. В отличие от первых двух встреч, при которых общение происходило между словенскими горожанами и крестьянами, с одной стороны, и русскими солдатами и офицерами — с другой, здесь такого общения не наблюдалось. Круг знакомств императора Александра I и его свиты в основном ограничивался австрийским и прочими дворами. Но, несмотря на это, определенное влияние на люблянцев пребывание русского императора все же оказало. Особенно им польстило сходство их языка с русским. Спустя почти сорок лет после Лайбахского конгресса известный русский славянофил И. С. Аксаков встретил в Мариборе пожилого чиновника-словенца, поделившегося с ним своими впечатлениями о тех событиях. «Он очень хорошо помнил Лайбахский конгресс,— записал Аксаков,— и рассказывал разные анекдоты об Александре... Он был здесь очень популярен, был самый доступный, обходительный и человечный из всех монархов. Хотя я и не большой почитатель Алекс[андра] I-го, но все же он был здесь представителем России, и это меня очень порадовало. Все офицеры русс[кие], вся его свита недели через две свободно понимали крайнцев, а они — русских»⁴⁸. Сведения Аксакова подтверждаются и другими источниками.

Люблянский чиновник, затем главный директор таможи Хенрик Коста, отец видного консервативного деятеля словенцев Этбина Косты, отмечал в своем дневнике в записи от 14 января 1821 г., что «царь Александр обратил внимание на наш «краинско-словенский диалект»»⁴⁹. Скорее всего, его поразило сходство словенского языка с русским.

⁴⁷ Spomini starega slovenca ali čertice iz mojega življenja.— Slovenške večerice, 1865 (Celovec), zv. 12, s. 32—52.

⁴⁸ РО ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 3, оп. 5, д. 25, л. 5 об., 6.

⁴⁹ *Pivec-Stele M. Dnevnik Henrika Coste o kongressu Svete Alianse v Ljubljani 1821.*— Zgodovinski časopis, 1971, N 3—4, s. 207.

Некоторые представители словенской интеллигенции, в частности Я. Зупан и Я. Циглер, в 1821 г. изучали русский язык, беседовали с представителями свиты Александра I. Зупан в разговоре с князем П. Л. защищал превосходство краинского (т. е. словенского) языка перед русским⁵⁰. Этот разговор был передан чешским историком И. Первольфом. «Во время съезда монархов в Люблине (Лайбахе) в 1821 году,— писал И. Первольф,— один русский вельможа и один словенский патриот беседовали о славянских языках: словенец защищал свой язык против русского вельможи, упрекавшего его в испорченности, и указывал на сходство словенского языка с древнеславянским церковным⁵¹; в том и другом встречаются формы: крава, глава, млеко, конь и проч., между тем как в русском эти слова звучат: корова, голова, молоко, лошадь»⁵². Как можно видеть, уже в 1821 г. словенские филологи подчеркивали близость словенского языка старославянскому — идея, которая затем у Копитара и Миклошича приобретает форму паннонской теории.

Спустя несколько лет после Лайбахского конгресса англичанин Тобин побывал в Любляне. Местные жители ему рассказывали, что во время пребывания русских в словенских землях они хорошо понимали друг друга⁵³.

Осознание языковой близости с русскими способствовало росту у словенцев уважения к своему народу, всячески принижаемому онемеченной интеллигенцией и бюрократией как неисторическому и не способному к самостоятельному культурному и политическому развитию. В этом основной результат трех непосредственных встреч словенцев с русскими. При этом следует подчеркнуть, что эти встречи затронули не только тонкую прослойку интеллигенции, но и часть крестьян и городского населения, способствуя у них пробуждению национального самосознания.

⁵⁰ *Приятель И. А. С. Пушкин у словенцев*, с. 371.

⁵¹ Позднее Я. Зупан проводил идею превосходства словенского языка над русским в своих печатных статьях. См.: *Legiša L., Slođnjak A. Zgodovina slovenskega sloystva*, s. 69.

⁵² *Первольф И. Славянское движение в Австрии 1800—1848.*— Русская речь, 1879, № 8, с. 210 (прим. 1).

⁵³ *Mal J. Zgodovina slovenskega naroda*, s. 610.

§ 3. Распространение идей славянской взаимности в словенских землях. Иллиризм.

С середины 20-х годов XIX в. идея славянской взаимности у славянских народов Австрийской монархии приобретает все большую популярность. Глашатаем ее стал видный деятель чешского возрождения, словак по происхождению, поэт Ян Коллар. Его поэма «Дочь Славы», вышедшая из печати в 1824 г. и переизданная в 1832, 1845 и 1852 гг., стала настольной книгой молодого поколения славянских патриотов. Поэма Коллара несла на себе отпечаток идей известного немецкого философа и просветителя И. Г. Гердера, писавшего в конце XVIII в. о высоких моральных качествах славян и считавшего XIX в. веком возрождения славянских народов. Воспевая героическое прошлое славян, их знаменитых деятелей, Коллар призывал их извлечь уроки из своего прошлого и объединиться. Мать Слава в его поэме советовала своим детям не говорить: «я русский, я серб, я чех, я поляк, но — я славянин». Однако, призывая славян к единению, Коллар подразумевал под этим единение культурное, а не политическое. Наиболее полно и четко идеи славянской взаимности Коллар выразил в своем труде «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянского народа», вышедшем в 1837 г. Коллар утверждал в нем, что славянская взаимность не состоит ни в смешении всех славянских языков в один общий язык, ни в принятии славянами одного языка в качестве главного. Для достижения славянской взаимности он полагал необходимым для каждого славянина, стоящего на первой ступени образованности, изучение четырех главных славянских наречий: русского, сербского (или иллирского), польского и чешского. Кроме того, он предлагал ряд мер для укрепления славянской взаимности: 1) основание в главных славянских городах книжных магазинов, в которых можно было бы приобрести книги на всех славянских языках; 2) книгообмен; 3) создание славянских кафедр в университетах; 4) основание общеславянского литературного журнала; 5) устройство библиотек; 6) издание сравнительных грамматик и словарей всех славянских языков; 7) публикация славянского фольк-

лора; 8) устранение из славянских языков чужих форм и слов. Многие положения программы, развернутой Колларом, имели большой отклик у славянских просветителей не только первой, но и второй половины XIX в.

Идеи Коллара нашли горячих сторонников и среди словенских национальных деятелей. У. Ярник считал Коллара выдающимся борцом и защитником Славии, А. Кремпл, восхищаясь «Дочерью Славы», называл эту книгу золотой⁵⁴. Кроме Ярника и Кремпла, уже в 40-х годах активными сторонниками идей славянской взаимности стали Матия Маяр⁵⁵, Станко Враз⁵⁶, Даворин Трстеньяк⁵⁷ и др. Взгляды Коллара, однако, не были восприняты ими в первоизданном виде, но творчески переработаны для нужд национального движения южнославянских народов Австрийской монархии.

Выделение Колларом 4-х главных славянских царей справедливо было воспринято ими как указание на особую национальную близость между сербами, хорватами, словенцами, язык которых определялся замечательным чешским поэтом как иллирский. Южнославянские студенты Грацкого университета уже в 1828 г. основали «Иллирский клуб», целью которого было изучение иллирских поднаречий, сбор фольклора. Из словенцев в этот клуб входили Ю. Матияшич, А. Мур-

⁵⁴ *Prelog M. Slavenska Renesansa, Zagreb, 1924, s. 154.*

⁵⁵ Матия Маяр Зильский (1809—1892) — словенский просветитель, этнограф, собиратель фольклора. Сын бедного ремесленника, священник. В 40-х годах увлекался иллиризмом, в 1848 г. стал одним из создателей прогрессивной словенской политической программы Объединенная Словения, в 50—70-х годах пытался создать искусственный общеславянский язык. Горячий пропагандист идеи славянской взаимности. См.: *Čurkina I. Matija Majar Ziljski. Ljubljana, 1974.*

⁵⁶ Станко Враз (1810—1851) — поэт, собиратель фольклора. Сын богатого словенского крестьянина. Был одним из писателей, группировавшихся вокруг «Краньской чбелицы». Позднее стал убежденным иллиром, переехал в Загреб. В 40-х годах издавал свои стихи на хорватском языке, активно сотрудничал в Матице иллирской.

⁵⁷ Даворин Трстеньяк (1817—1890) — словенский литератор и просветитель. Священник. Под влиянием Враза участвовал в иллирском движении, позднее был близок младословенцам. В 60—80-х годах принимал активное участие в установлении словенских национальных обществ. См.: *Lončar D. K Prijateljevi kulturni in politični zgodovini 1848—1895.— Zgodovinski časopis, 1950, s. 188—191.*

шец, С. Кочевар⁵⁸. Учение выдающегося национального деятеля хорватского народа Людевита Гая о культурном, языковом и этническом единстве южнославянских народов, являвшихся, по его мнению, коленом великого славянского народа⁵⁹, нашло среди словенских патриотов горячий отклик. Многие из них увидели в иллиризме опору в борьбе своего народа за национальные права против германизаторских тенденций правящих классов Австрийской монархии. И эта опора была близко, рядом — в хорватах и сербах, связанных со словенцами не только близостью языка и единством происхождения, но и общностью исторических судеб, сходными политическими и экономическими условиями жизни, а следовательно, и сходными национальными целями. Особенно горячо идеи иллиризма были поддержаны словенскими национальными деятелями Штирии и Каринтии, где угроза германизации была особенно сильной.

Иллиризм явился первой формой югославизма, имевшего исторически прогрессивное значение. Однако понимание иллиризма словенцами отличалось от понимания его хорватами. Иллирский язык хорваты рассматривали как равнозначный хорватскому. Словенские же иллиры считали, что он должен возникнуть как среднее между хорватским и словенским языками. На чисто хорватскую точку зрения у словенцев встал только Станко Враз.

Иллирское движение сыграло положительную роль в национальном развитии словенцев. Оно способствовало формированию и укреплению национального самосознания словенской интеллигенции, пробуждению в ней интереса к народному творчеству. Крупнейшими собирателями словенского фольклора стали активные иллиры Станко Враз и Матия Маяр. Иллиризм способствовал становлению словенского литературного языка, а именно принятию словенцами гаицы. Благодаря иллирам значительно расширились научные, культурные и политические контакты между словенцами и другими южнославянскими народами.

Идеи иллиризма не были в противоречии с идеей взаимности всех славянских народов, они вытекали из

⁵⁸ *Petre F. Poizkus ilirizma pri slovencih*. Ljubljana, 1939, s. 44.

⁵⁹ *Лещиловская И. И. Иллиризм*. М., 1968, с. 107, 108.

нее как ее конкретное выражение в условиях национального подъема южнославянских народов Австрийской монархии. И не случайно для многих словенских национальных деятелей иллиризм стал ступенькой при переходе их к всеславянским идеям (например, для М. Маяра, Д. Трстеньяка и др.).

Интерес и симпатии ко всем славянским народам были характерны для многих иллиров. Так, о самом видном иллире в Любляне Антоне Жакеле его соратник Л. Пинтар говорил: «Он живет только для славянства»⁶⁰. У. Ярник, сочувствовавший иллирам, по словам его ученика и последователя М. Маяра, знал все славянские наречия и любил весь славянский народ⁶¹. Активный иллир С. Враз пытался создать общеславянский словарь⁶². М. Маяр написал на память И. И. Срезневскому: «Славянин славянину брат, хоть он и находится за девятью реками, девятью хребтами»⁶³.

Не только словенские иллиры восприняли идеи Коллара. Эти идеи стали близки и тем словенским национальным деятелям, которые считали возможным национальное развитие словенцев только на базе словенского языка и культуры. Наиболее демократически настроенные из них группировались вокруг альманаха «Краньска чбелица», идейными вдохновителями которого были ученый Матия Чоп и замечательный словенский поэт Франце Прешерн. Чоп написал первый очерк по истории словенской литературы, представлявший собою, по словам Шафарика, «огромное и основательное историческое обозрение всего того, что по сию пору было написано и напечатано на языке виндском»⁶⁴. Франц Прешерн сыграл ту же роль в создании словенской литературы, что А. С. Пушкин — в создании русской. Шафарик писал, что в своих поэтических сочинениях Прешерн отличался «необыкно-

⁶⁰ Dolenc J. Anton Zakelj — Rodoljub Ledinski. — Loški razgledi, 1956, Skofja Loka, zv. 3, s. 210.

⁶¹ Novice, 1844, 26.VI, s. 104.

⁶² Petre F. Poizkus ilirizma pri slovincih, s. 24.

⁶³ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 162.

⁶⁴ Шафарик П. И. Обозрение новейшей литературы иллирийских славян. — Телескоп, 1836, № 12, с. 551—552.

венною прелестью и зрелостью поэтического духа»⁶⁵. Вокруг Чопа и Прешерна группировались скриптор лицейской библиотеки, инициатор создания «Краньской чбелицы» М. Кастелиц, священник А. Фюстер, позднее, в 1848 г., боровшийся на венских баррикадах против императорских солдат, Я. Зупан и др.

Прешерн, несомненно, не был чужд идеям славянской взаимности.

...Когда придешь домой,
Сын неумирающей Славы,
Вспомни братьев возле Савы,—

написал он на память Срезневскому⁶⁶.

Особенно ярко проявились славянские симпатии Прешерна в стихотворении «Здравица», написанном в 1844 г., но запрещенном цензурой и вышедшим в свет только во время революции 1848 г.

Храни бог нашу землю
И весь славянский мир кругом!
Всех славян
Братских стран,
Славнейшей матерью кто дан!..
...Счастье, мир, братство вместе
Пускай вернутся к нам назад,
Нашей Славы дети
Пусть руки вновь соединят!⁶⁷

Однако хотя большинство словенских национальных деятелей 30—40-х годов являлись сторонниками идей славянской взаимности, русофильские настроения среди них были значительно меньшими, чем в конце XVIII — начале XIX в., когда официальная Россия представляла перед ними в образе могущественного славянского государства, сумевшего отстоять свою независимость в борьбе с великим завоевателем, подчинившим своей власти всю Европу. В 30—40-х годах Российское государство виделось передовым деятелям словенского возрождения в другом свете. Да, это было могущественное и независимое славянское государство. Но это госу-

⁶⁵ Шафарик П. И. Обзорение..., с. 550.

⁶⁶ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, л. 198.

⁶⁷ Прешерн Ф. Избранное. М., 1955, с. 15, 16.

дарство в 1830 г. подавило восстание поляков, тоже славян, поднявшихся на борьбу за свое освобождение; это государство рука об руку с Австрийской монархией, угнетавшей словенцев, являлось жандармом Европы. Все это прекрасно понимали передовые словенские патриоты и принимали в расчет при определении своих политических симпатий. Когда власти обвинили Вразу в содействии Срезневскому, который якобы хотел приобщить словенцев к русской короне, Жакель послал Вразу 25 ноября 1841 г. письмо. «Какой разумный австриец,— писал он,— мог бы помыслить о такой измене? Я думаю, что меньше всего мы, иллиры. И какая бы польза нам была от этого? Разве Россия может нам давать законы, которые бы соответствовали нашим нравам и нашим обычаям?»⁶⁸

Вместе с тем в рядах словенской интеллигенции возрастал интерес к русской науке и культуре. У Ярника в библиотеке наряду с книгами Добровского и «Священным писанием» Ю. Далматина имелись «Русская грамматика» Востокова и «Русская грамматика» Гейма. Они перешли по наследству Маяру, который отметил их среди наиболее ценных книг в библиотеке Ярника⁶⁹.

М. Чоп в 1834 г. читал стихи Жуковского и Пушкина, Враз был знаком с произведениями Лермонтова⁷⁰. В нарождавшейся словенской художественной литературе также оставили свой след русские мотивы. Так, в первом произведении словенской прозы повести Я. Циглера «Счастье в ненастье», рассказывавшей об истории фабричного рабочего Светина, ставшего французским солдатом, описывалась переправа французов через Березину во время их бегства из России⁷¹.

Таким образом, накануне 1848 г. при усилении интереса словенской интеллигенции к русской культуре наблюдалось значительное уменьшение симпатий к официально-государственной России.

⁶⁸ *Dolenc J. Anton Zakelj...*, s. 211.

⁶⁹ *Чуркина И. В.* Просветительская деятельность Матии Маяра в 40-е годы XIX в.— В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970, с. 119.

⁷⁰ *Legiša L., Slodnjak A.* Zgodovina slovenskega slovstva, s. 22.

⁷¹ *Ibid.*, s. 76, 77.

§ 4. Влияние революции 1848 г. на формирование словенской политической программы

Революция 1848 г. стала важным этапом не только социально-экономического, но и национально-политического развития словенского народа, как и других славянских народов Австрийской монархии. Она способствовала формированию первой словенской политической программы, росту политического самосознания народных масс.

Программа Объединенной Словении, выдвинутая весной 1848 г. либеральными деятелями из венской «Словении» и М. Маяром, стала первой политической программой словенцев, выражавшей чаяния самых широких демократических слоев словенского населения. Она предусматривала объединение словенских земель в самостоятельную административно-политическую единицу, где в официальных учреждениях и школах вводился словенский язык, создавался словенский университет и т. д. В отличие от национальных программ чехов и хорватов, выдвинутых в 1848 г., словенская политическая программа не базировалась на историческом праве, а исходила из естественного, национального права. Она предусматривала не объединение земель, некогда составлявших какое-либо средневековое королевство (такого собственного королевства у словенцев никогда не было), но объединение всех земель, на которых живут словенцы в настоящее время. Таким образом в отличие от национальных программ чехов, хорватов, венгров, буржуазных по существу, но носивших отпечаток феодальной традиции, славянская национальная программа являлась чисто буржуазной программой. Осуществление ее наиболее полно отвечало чаяниям складывавшейся буржуазной словенской нации.

Однако создатели словенской политической программы не мыслили себе Объединенной Словении в качестве самостоятельного целого, но в качестве автономной единицы, входившей в состав Австрийской монархии, переустроенной на федеративных началах. Желание во что бы то ни стало сохранить Австрию, преобразовав ее, было характерно в 1848 г. для национальных

деятели многих славянских народов Австрии. Оно объяснялось их боязнью того, что австрийские земли, вместе с территориями, населенными славянами, войдут в состав Объединенной Германии, за которую боролись как немецкие либералы, так и немецкие демократы. В Объединенной Германии славянские национальные деятели справедливо опасались быстрой германизации славян. Особенно реальной эта угроза была для словенцев и чехов. Именно поэтому глава чешских либералов Ф. Палацкий провозгласил лозунг: если бы Австрии не было, ее нужно было бы создать в интересах славян. Этот лозунг был направлен прежде всего против франкфуртского парламента, должного, по мнению немецких национальных деятелей, подготовить объединение германских земель. Наряду с этим он был обращен и против Российского самодержавно-крепостнического государства.

С Палацким было солидарно подавляющее большинство чешских либералов. «Австрийская монархия,— писал Карел Гавличек-Боровский,— самая лучшая гарантия сохранения нашей и иллирийской национальности. Чем мощнее будет Австрийская империя, тем обеспеченнее будет наша национальность»⁷².

Их идеи полностью соответствовали взглядам словенских либералов. В апреле 1848 г. на желание словенцев остаться в переустроенной Австрии указывал один из представителей словенских либералов в Граце Й. Драгони-Крженовский. Он решительно отвергал намеки немецкой прессы на якобы существующее у словенцев стремление войти в состав России⁷³. Идеальный вождь словенских либералов М. Маяр в декабре 1848 г. повторил слова Палацкого. «Мы, славяне,— отмечал он,— говорим: если бы Австрийской империи не было, мы бы ее основали заново»⁷⁴. В соответствии с этим он и строил свою программу, предусматривавшую вхождение Объединенной Словении в федерацию славянских народов — Слaviю, которая в свою очередь как автономная единица входила бы в переустроенную на фе-

⁷² *Prelog M. Slavenska Renesansa*, s. 237.

⁷³ *Granda S. Graška Slovenija v letu 1848/1849.— Zgodovinski časopis*, 1974, N 1—2, s. 58.

⁷⁴ *Slovenija*, 1848, 12.XII, s. 186.

деративных началах Австрийскую монархию⁷⁵. Маяр также отрицал, что словенцы желают присоединиться к России. «Нам свобода милее,— писал он,— чем любое насилие, будь оно русским или франкфуртским»⁷⁶. Таким образом, вхождение словенских земель в крепостническую Россию словенские либералы рассматривали как несчастье, равное вхождению их в Объединенную Германию. Вместе с тем они испытывали определенные симпатии к русским прогрессивным деятелям. На это указывает публикация в словенской либеральной газете «Словения» в октябре—ноябре 1848 г. речи М. А. Бакунина, произнесенной им 29 ноября 1847 г. в Париже на банкете в честь годовщины польского восстания 1830 г.⁷⁷ В ней Бакунин призывал поляков к борьбе против самодержавия в союзе с русскими революционерами, видя в последнем залог освобождения не только польского и русского народов, но и всех других славян, стонущих под чужеземным игом⁷⁸.

Несмотря на полное преобладание австрославизма в идеологии словенских деятелей, общеславянские элементы не исчезли в ней полностью. Тот же Маяр, подкрепляя право на существование словенцев как нации, подчеркивал в июне 1848 г., что славян насчитывается 80 млн. и они являются одним из величайших народов мира, заселяя половину Европы, треть Азии и часть Америки [в то время Аляска входила в состав Российской монархии.—И. Ч.]. «Над славянами никогда не заходит солнце»⁷⁹,— с гордостью заключал он.

И не только Маяр был такого мнения. Так, в статье Радослава «Мое путешествие» говорилось о всемирной миссии славян, предназначенной им богом, нести всем народам свободу, равенство и братство; подчеркивалось в духе Гердера, что XIX в. является веком славян⁸⁰.

⁷⁵ Чуркина И. В. Политическая программа Матии Маяра в 1848 г.— Советское славяноведение, 1969, № 5, с. 29—30.

⁷⁶ Slovenija, 1848, 18.VI, s. 17.

⁷⁷ Zwitter F. Slovenski politični prerod XIX stoletja v okviru evropske nacionalne problematike.— Zgodovinski časopis, 1964, s. 132.

⁷⁸ Бакунин М. А. Избранные сочинения, т. I. Лондон, 1915, с. 1—12.

⁷⁹ Slovenija, 1848, 14.VI, s. 13.

⁸⁰ Slovenija, 1848, 18.VII, s. 53.

В 1848 г. словенцем Клуном⁸¹ была выдвинута на страницах радикального итальянского издания «Il Progresso» своеобразная всеславянская политическая программа. Она предусматривала создание славянской конфедерации, включавшей в себя четыре славянских племени (польское, чешское, русское, иллирийское). Инициатором установления этой конфедерации должны были выступить славянские народы Австрии. Программа Клуна была направлена против идеи объединения славян вокруг России, идеи, которой очень боялась демократическая и либеральная Европа⁸². Однако взгляды Клуна не получили в 1848 г. распространения в среде словенских национальных деятелей.

Идея сотрудничества со славянскими народами и в дальнейшем играла известную роль в формировании и укреплении словенского национального самосознания. Эту особенность развития словенского национального самосознания, как и самосознания многих малых славянских народов, отмечают современные словенские ученые. Так, Д. Кермавнер пишет: «Всеславянское сознание... являлось... частью национального самосознания малых славянских народов, которые чувствовали себя не только словенцами, чехами и т. д., но также и славянами». Оценивая значение всеславянского сознания для развития словенского национального самосознания, Кермавнер подчеркнул: «Всеславянское сознание было уже само по себе «опорой» на весь остальной славянский мир и представляло собою сильную моральную поддержку национальному пробуждению малых славянских народов»⁸³. Столь же высокую оценку

⁸¹ Винко Клуна (1823—1875) — словенский национальный деятель. В 1848 г. был участником революции в Венеции. Затем придерживался либеральных взглядов, не выходящих за рамки легитимизма. В 60-х годах активно участвовал в словенском национальном движении, был избран в 1867 г. словенским депутатом в рейхсрат. Вскоре проголосовал против засилия католического духовенства в школе. После этого перешел на сторону немецких либералов, выступал в рейхсрате против программы Объединенной Словении. См.: *Pierazzi J. Vincenc Ferreri Klun in Beneška revolucija 1848—1849.*— *Zgodovinski časopis*, 1972, N 1—2, s. 69—83.

⁸² *Pierazzi J. Vincenc Ferreri Klun...*, s. 77.

⁸³ *Kermavner D. Opombe.*— In: *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, zv. III, s. 499.

роли всеславянской идеи в национальном развитии словенцев дает и Ф. Цвиттер. Идея югославянской и общеславянской солидарности, пишет он, «субъективно укрепляла нас в нашей национальной борьбе, хотя объективно очень мало улучшила наше действительное положение»⁸⁴.

§ 5. Первые известия о словенцах в русской прессе. Начало русско-словенских общественных связей

Впервые русская общественность узнала о словенцах из переводных статей, публиковавшихся в русской прессе. Так, в 1814 г. «Сын Отечества», издававшийся Н. И. Гречем и А. Ф. Воейковым, поместил отрывок из «Всеобщей северной истории» А. Л. Шлецера, посвященный описанию славянских народов, в том числе и словенцев. Перевод был сделан русским писателем и переводчиком Д. И. Языковым, секретарем Российской Академии. Собственно Языкова было лишь небольшое примечание, в котором он доказывал, что славяне жили в Крайне еще в Римскую эпоху⁸⁵.

Вновь о словенцах русская пресса стала писать в 1821 г. в связи с Лайбахским конгрессом Священного Союза, происходившим в Любляне. Сначала в русских газетах, очень активно освещавших ход конгресса, почти ничего не говорилось о Любляне как словенском городе. «Сын Отечества» писал о Лайбахе, как о центре герцогства Крайны, имевшем 930 домов, 12 тыс. жителей, 10 церквей, театр, публичную библиотеку, лицей, гимназию, духовную семинарию, Общество земледелия и искусств и многие фабрики⁸⁶. Те же данные о Любляне почти слово в слово повторял «Русский инвалид», присовокупив, однако, что город на языке народа называется Лублано⁸⁷. Но что это за народ — газета не писала.

Русские дипломаты и придворные, участвовавшие в Лайбахском конгрессе, даже самые образованные, не

⁸⁴ *Zwitter F. Narodnost in politika pri slovincih*, s. 56.

⁸⁵ Сын Отечества. СПб., 1814, ч. 13, № 18, с. 210, 211.

⁸⁶ Там же, 1821, № 2, с. 87.

⁸⁷ Русский инвалид, 1821, № 9 (13.1), с. 35.

слишком обращали внимание на славянский характер города. Так, соученик А. С. Пушкина по Царскосельскому лицей, будущий канцлер России А. М. Горчаков, в своих воспоминаниях о Лайбахском конгрессе ни словом не обмолвился о населении города⁸⁸.

Только несколько позднее в «Сыне Отечества» было помещено «Письмо морского офицера» (Вл. Броневского), в котором давалось более полное и точное описание Любляны, подчеркивался ее славянский характер. Броневский подробно рассказал о краинцах, их языке, нравах, обычаях, занятиях⁸⁹. Впоследствии эта заметка вошла составной частью в его книгу⁹⁰.

В 20-х годах XIX в. завязываются и первые непосредственные контакты между словенскими и русскими славистами. Инициатором их стал П. И. Кеппен. В 1822—1823 гг. он путешествовал по славянским землям Австрии, где познакомился с рядом выдающихся славистов того времени: Й. Добровским, Е. Копитаром, В. Караджичем, П. Й. Шафариком и др. В 1823—1827 гг. Кеппен вел с ними активный книгообмен, особенно со словенцем Е. Копитаром, который иногда выступал и в качестве посредника в этом книгообмене. Когда в 1825—1826 гг. Кеппен стал издавать в Петербурге научный журнал «Библиографические листы», сыгравший большую роль в развитии русской славистики, многие его корреспонденты из славянских земель Австрии стали сотрудничать в нем. Так, благодаря Копитару Кеппен получил две словенских грамматики Дайнко и Метелко, вышедшие в 1824 и 1825 гг. Грамматику Дайнко Кеппен не слишком приветствовал, находя неудачным ее алфавит и считая, что она служит к отдалению словенцев Штирии от словенцев Крайны⁹¹. Сдержанный отзыв получила и грамматика Метелко⁹². Стараниями Кеппена в России в 1827 г. были впервые изданы старейшие памятники словенского языка, так называемые Фрейзингенские отрывки. Комментарии к ним были составлены выдающимся русским

⁸⁸ М-ский. Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах о прошлом.— Русская старина, 1883, октябрь, с. 161—162.

⁸⁹ Сын Отечества, 1821, № 8, с. 24—35.

⁹⁰ Броневский В. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга...

⁹¹ Библиографические листы, 1825, № 18 (29.VI), с. 256—257.

⁹² Библиографические листы, 1826, № 39 (31.III), с. 584—585.

славистом А. Х. Востоковым. Это издание высоко оценивалось в кругу ученых. «До того времени,— писал И. И. Срезневский,— ни один памятник славянский не был издан столь тщательно и учено; и после очень немногие были подвергнуты такому разбору и не были объясняемы так внимательно»⁹³. Востоков с конца 20-х годов стал одним из самых постоянных корреспондентов Копитара. Их переписка продолжалась до смерти последнего в 1844 г.

В 1841 г. в словенских землях побывали первые русские слависты И. И. Срезневский, П. И. Прейс, Н. И. Надеждин. Особенно плодотворным было посещение словенских земель И. И. Срезневским, изучавшим словенские говоры и собиравшим произведения словенского народного творчества. В этом ему большую помощь оказали такие видные словенские просветители, как М. Маяр, С. Враз, Ф. Метелко, В. Станич и др. Словенцы приглашали его в свои первые национально-просветительские общества. Об этом ничего не сказано в записках Срезневского, вероятно не желавшего подводить своих словенских знакомых. Но есть сведения, что во время пребывания русского ученого в Любляне он был приглашен люблянскими иллирами Ловро Пинтаром, Якобом Крашной и Антоном Жакелем в люблянскую семинарию, где нашел большое общество семинаристов, воодушевленных идеями иллиризма⁹⁴.

В 1846 г. словенские земли посетил известный русский славист В. И. Григорович, побывавший в Мариборе, Целье, Любляне. Он познакомился с рядом словенских национальных деятелей, оказавших ему столь теплое внимание, что по приезде в Загреб Григорович рассказывал хорватскому литератору Ф. Курелацу о своих встречах со словенцами в самых восторженных тонах⁹⁵.

В 40-х годах XIX в. в России уже имелось два периодических издания, проявлявших значительный интерес к славянам,— «Москвитянин» (1841—1846)

⁹³ Срезневский И. И. Примечания.— В кн.: Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке. СПб., с. 432.

⁹⁴ Dolenc J. Anton Zakelj..., s. 210.

⁹⁵ Петровский Н. М. Путешествие В. И. Григоровича по славянским землям.— ЖМНП, 1915 (LX), № 11, с. 114.

М. П. Погодина и «Денница» (1842—1843) Петра Дубровского в Варшаве.

Редакция «Москвитянина» в одном из первых номеров писала, что «почитает своей миссией распространять в России сведения о племенах славянских, которые составляют треть всего европейского народонаселения»⁹⁶. В «Москвитянине» публиковались сочинения и письма П. И. Шафарика, статьи И. И. Срезневского под рубрикой «Славянские известия», заметки П. Дубровского и т. д. Именно в «Москвитянине» появились важные работы Срезневского, носившие научный характер: «Наречие хорутанское»⁹⁷ и «Фриульские славяне»⁹⁸. В «Москвитянине» помещались и заметки о современном положении славянских народов. Первоначально в них словенцы выступали под общим именем иллиров.

В 1841—1842 гг. в «Москвитянине» появилось три очерка об иллирском движении. Первый, по-видимому, был сделан редакцией, второй — неким «К», третий — С. Шевыревым по страницам «Денницы».

В редакционной заметке иллиризм характеризовался как «пламенная любовь ко всему отечественному» и указывалось, что «большая часть молодых людей в Каринтии, Крайне, Штейермарке, Далмации, Рагузе одушевлены пламенным патриотизмом»⁹⁹. «К» с восторгом отмечал: «из маловодных ручейков образовались прекрасные потоки и реки, настало время жизни, всеобщей иллирийско-славянской жизни». К иллирам «К» причислял далматов, славонцев, кроатов, рагузанцев, истрийцев, каринтийцев, краинцев и штирийцев¹⁰⁰. Шевырев также приветствовал иллирское движение, границы распространения которого он значительно расширял по сравнению с предыдущими авторами: помимо Далмации, Хорватии, Славонии, Штирии, Каринтии и Крайны, он включал в них Боснию, Сербию, Черногорию. Пытался Шевырев дать и социальную характеристику иллирийских славян, подчеркивая, что «выс-

⁹⁶ Москвитянин, 1841, № 2, с. 461.

⁹⁷ Москвитянин, 1842, № 2.

⁹⁸ Москвитянин, 1844, № 9.

⁹⁹ Москвитянин, 1841, № 2, с. 474.

¹⁰⁰ Москвитянин, 1842, № 3, с. 211.

шее сословие у них не слишком отделилось от своего народа через смешение с чужеземцами и принятие чуждого образования»¹⁰¹.

Несколько позднее в «Москвитянине» появились информации о современной культурной жизни словенцев. Автором большинства их был Петр Дубровский. В 1845 г. он писал о газете «Кметийске ин рокоделске новице» («Земледельческие и ремесленные новости») Блейвейса. «Эта газета имеет направление не только местное, но и вообще славянское», — указывал он, подчеркивая, что у нее до тысячи подписчиков, в большинстве своем поселян. С удовлетворением Дубровский замечал, что «между словенцами в последнее время есть множество молодых людей, с пламенною любовью занимающихся народною литературою». Из словенских книг, вышедших в последние годы, Дубровский упоминал «Историю Штирии» Антона Кремпля¹⁰², как довольно любопытную¹⁰³.

Дубровскому вторил Ригельман, будущий активный деятель славянских комитетов, видевший в большом тираже «Новиц» доказательство высокого уровня народного образования, которое «радостнее, нежели существование десятка журналов, чреватых беллетристикою и служащих пищею зевающему безделью»¹⁰⁴.

В 1846 г. в «Москвитянине» под рубрикой «Славянские новости» П. Дубровский поместил ряд сообщений о культурной жизни славянских народов. Одно из них было посвящено словенцам. В Любляне внимание Дубровского привлекло Историческое общество, целью которого являлся сбор материалов по истории Крайны. Деятельность его Дубровский считал замечательною. Касаясь положения в Горице, он подчеркивал, что пробуждению там самосознания у славянского населения «особенно содействует тамошнее духовенство по примеру своих краинских братьев». Рассматривая национальный состав населения Горицы, Дубровский отме-

¹⁰¹ Москвитянин, 1842, № 9, с. 179, 180.

¹⁰² Антон Кремпль (1790—1844) — словенский просветитель, священник. Его книга «Занимательные события в Штирии» (опубликована в 1845 г. в Граце) явилась первой словенской историей, вышедшей на словенском языке.

¹⁰³ Москвитянин, 1845, № 9, с. 82.

¹⁰⁴ Москвитянин, 1845, № 10, с. 43.

тил, что горожане в ней говорят на испорченном итальянском языке, в то время как крестьяне являются славянами. В духе славянских националистов Дубровский не преминул указать на веселость, добродушие, трудолюбие словенцев по сравнению с фурлянским (фриульским) населением¹⁰⁵.

Второе периодическое издание — «Денница» называлось: «Литературная газета, посвященная славянским предметам». Она выходила еще более краткое время, чем «Москвитянин», — всего год. «Денница» печаталась на русском и польском языках, издателем ее был известный славист Петр Павлович Дубровский. Будучи сторонником славянской взаимности, он вместе с тем не увлекался односторонними взглядами славянофилов. После закрытия «Денницы» Дубровский публиковался в «Москвитянине», «Отечественных записках», в изданиях славян Австрийской монархии: «*Časopis českého muzeuma*», «*Kolo*», «Подунавка и др. Из его научных трудов особую известность приобрел «Полный словарь польского и русского языков» (Варшава, 1876—1878 гг.), а также книги об Адаме Мицкевиче и Иоакиме Лелевеле.

К участию в «Деннице» Дубровский привлек видных культурных деятелей славянских народов: С. Враза, В. Ганку, Ф. С. Евецкого, В. А. Мацеевского, И. К. Пуркинье, Я. Смолера, И. И. Срезневского, П. И. Шафарика. В ней публиковались научные и научно-популярные статьи, информации о новых книгах по славистике, обзоры современного культурного положения славянских народов. О словенцах были напечатаны две статьи: П. И. Шафарика «О резьянах и фурлянских словинах»¹⁰⁶ и И. И. Срезневского «Словины в Фриуле»¹⁰⁷. Кроме этих трудов, специально посвященных словенцам, сведения о последних встречались и в других статьях. Так, в статье чешского ученого И. К. Пуркинье «О литературном единстве между славянскими племенами» имелся раздел об иллирской литературе, в котором говорилось и о литературе словенцев. Пуркинье указывал, что словенская литература появилась

¹⁰⁵ Москвитянин, 1846, № 4, с. 177—183.

¹⁰⁶ Денница, 1842, № 9, с. 109—113.

¹⁰⁷ Денница, 1843, № 2, с. 191—205.

только в период реформации, а главным препятствием ее развитию стали контрреформация и влияние со стороны немцев и итальянцев¹⁰⁸. Более обширными были сведения о словенской литературе в корреспонденциях, присылавшихся Станко Вразом.

Сотрудничество С. Вразы в «Деннице» — первый пример сотрудничества словенского национального деятеля в русском периодическом издании, хотя, конечно, говорить о Вразе как о словенском деятеле можно только со значительной оговоркой. Несмотря на то что Враз писал на сербско-хорватском языке, его словенские симпатии в его корреспонденции прослеживались достаточно четко. Уже в письме к редактору «Денницы» от 8/20 июня 1842 г., опубликованном в газете, Враз наряду с книгами, вышедшими на сербско-хорватском языке, указывал и на книгу Антона Кремпля, подчеркивая, что она написана «простым штирийско-словенским языком, потому что предназначена для простого народа»¹⁰⁹. Редакция «Денницы» позднее поместила сообщение о выходе упомянутого выше сочинения, дав при этом характеристику Кремплю как неутомимому и известному изыскателю древностей¹¹⁰.

Несомненно, что Враз дал материал редакции «Денницы» о вышедших в свет сборниках народных словенских песен. При этом он указал не только книги, специально посвященные им (сборники: свой, вышедший в Загребе в 1839 г., и Корытко, вышедший в том же 1839 г. в Любляне), но и те издания, в которых словенские народные песни публиковались наряду с другими произведениями: «Краньску чбелицу» Кастелица, «Славянские народные песни» Челаковского, вышедшие в Праге в 1822—1827 гг. Враз указывал даже на рукописный сборник Андрея Смоле, место нахождения которого не было известно¹¹¹.

На страницах «Денницы» Враз положительно отзывался о периодическом издании словенцев «Кметийске ин рокоделске новице». «Выходят в Любляне на

¹⁰⁸ Денница, 1842, № 10, с. 129.

¹⁰⁹ Денница, 1842, № 13, с. 170.

¹¹⁰ Денница, 1842, № 23, с. 292.

¹¹¹ Денница, 1842, № 23, с. 285.

хорутанско-словенском наречии,— писал о них Враз.— Редактор д-р Блейвейс...¹¹² «Новости» издаются очень старательно; научая народ, они вместе с этим также имеют цель — сделать переход от простонародного наречия к языку книжному; вследствие этого в них печатаются статьи и по старому, и по новому правописанию»¹¹³. Говоря о переходе «Новиц» от простонародного языка к языку книжному, Враз имел в виду постепенный переход их со старого алфавита — богорчицы к новому — гаице.

Кроме мелких заметок о книгах, Враз поместил в «Деннице» большую статью «Обозрение литературы южных славян за 1842 г.». В ней определенное внимание было уделено и словенской литературе. Книжки, изданные на словенском языке, Враз называл книгами, написанными «на простонародном наречии». Всего Враз останавливался на трех книгах, вышедших в словенских землях. Прежде всего он обращал внимание читателя на третий том народных краинских песен, собранных Корытко и изданных Блазником в 1842 г. Относительно этого сборника Враз ограничивался одним упоминанием, не давая ему оценки. Очевидно, она была невысокой, так как предыдущие два тома, изданные тем же И. Блазником из архива Корытко, Враз считал напечатанными «очень неисправно». Кроме сборника народных песен Корытко, Враз отмечал книгу А. Сломшека «Блаже ино Нежица», подчеркивая ее особую значимость для словенцев. «У хорутанских словенцев до сих пор есть множество набожных книг,— писал он,— особенно молитвенников; но за практическую науку, необходимую для каждого человека, никто еще не взялся из писателей наших братьев, живущих в верхних странах. Таким образом, г. Сломшек в пору явился со своим энциклопедическим сочинением; оно

¹¹² Янез Блейвейс (1808—1881) — до 1848 г. словенский просветитель умеренно консервативного направления, издатель и редактор долгое время единственной словенской газеты «Kmetijske in rokodelske novice» (1843—1902, Любляна), затем — лидер консервативного крыла словенского национального движения (с 1868 г. старословенцев). Происходил из зажиточной семьи торговцев. См.: *Tomišek J. Dr. Janez Bleiweis vitez Tersteniški.* — In: *Bleiweisov zbornik, 1909, Ljubljana.*

¹¹³ Денница, 1843, № 3, с. 78.

написано легким разговорным языком и заключает в себе наставления о вседневных потребностях жизни»¹¹⁴. Приветствовал Враз и повесть Й. Жемльи «Семь сыновей», изданную в Загребе. «Эта повесть написана на краинском поднаречии и еще замечательна потому, что напечатана по новому правописанию» [т. е. на гаице.— И. Ч.]¹¹⁵. Характеризуя словенскую литературу, Враз с сожалением отмечал, что «ни у одного славянского народа не выходит столько набожных книг, сколько у нас», и выражал пожелание, чтобы «народные писатели в этих странах обращали внимание и на другие потребности своего народа: напр., на улучшение хозяйства и т. п.»¹¹⁶.

«Денница» уделяла внимание и словенскому фольклору. На ее страницах были опубликованы: словенская народная песня из Крайны «Две могилы»¹¹⁷, по-видимому, из тех, что были записаны И. И. Срезневским, а также две штирийские песни из сборника Вряза: «Стои, стои лепо поле» и «Люби коня яше з Радоньскега града»¹¹⁸.

Связи, существовавшие между словенцами и русскими в первой половине XIX в., не были регулярными. Они оживлялись с приездом в Вену или Люблянну того или иного русского ученого и затухали в промежутках между этими посещениями.

¹¹⁴ Денница, 1843, № 3, с. 47—49.

¹¹⁵ Денница, 1843, № 3, с. 48.

¹¹⁶ Денница, 1843, № 3, с. 48, 49.

¹¹⁷ Денница, 1843, № 1, с. 130.

¹¹⁸ Денница, 1843, № 3, с. 119.

Словенские национальные программы. Влияние на них русской общественной мысли

§ 1. Переориентация славянских национальных деятелей после 1848 г.

Вера в спасительность австрославизма для славян, национализм немецких и венгерских революционных деятелей способствовали переходу национальных деятелей славянских народов Австрии в лагерь контрреволюции. В полной мере это относится и к словенским национальным деятелям. Хотя они не участвовали непосредственно с оружием в руках в подавлении революции, они одобряли эти акты. При этом они искренне надеялись, что в награду за свою преданность Габсбургам получат конституционную монархию, удовлетворение своих национальных требований.

Однако разгон Кромержижского парламента и введение Октроированной конституции в марте 1849 г. нанесли сильный удар по этим надеждам. Чем дальше, тем яснее становилось, что за помощь Габсбургам в подавлении венской и венгерской революции славяне ничего не получают, что они останутся в столь же бесправном национальном положении, как и при Меттернихе. Даже такой ярый приверженец Габсбургской монархии, каким являлся глава хорватской контрреволюции бан Елачич, выражал свое недовольство австрийским правительством. Это отмечал в своем донесении от 1856 г. русский военный атташе в Вене Штакельберг¹.

¹ Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970, с. 46—47.

Славянские либеральные и демократические деятели были разочарованы еще больше. Людовит Штур, выдающийся словацкий национальный деятель, основатель словацкого литературного языка, писал в своем трактате «Славянство и мир будущего», созданном им в 1851—1855 гг.², что австрославизм — несостоятелен, ибо «Австрия провела славян за нос и жестоко обманула все их ожидания и тем их совершенно от себя оттолкнула». Кроме того, указывал Штур, Австрия не имеет будущего, так как опирается на аристократию и католичество, которые «утратили всякое доверие народов»³. Штур создал целостную программу, которая, по его мнению, должна была заменить австрославистскую программу. Она была высказана им в трактате «Славянство и мир будущего», написанном им для предоставления слышавшему либералом русскому великому князю Константину Николаевичу, чтобы пробудить интерес к славянам правящих кругов России и подтолкнуть их к более активному проведению «славянской политики»⁴.

Рукопись трактата Штура незадолго до его смерти была передана в руки священника русской по-сольской церкви М. Ф. Раевского (1811—1884). В начале 60-х годов Раевский отдал труд Штура известному русскому слависту и славянофилу В. И. Ламанскому. Тот опубликовал его перевод на русский язык в журнале «Чтения в Обществе истории и древностей российских», а также сделал его подробный пересказ в «Журнале министерства народного просвещения» за 1867 г.⁴ Однако содержание трактата стало известно в кругах славянской интеллигенции задолго до его опубликования. Есть сведения, что его читали В. Ганка, И. Кукульевич, О. Утешенович, А. И. Добрянский, А. Ф. Гильфердинг и др.

В трактате «Славянство и мир будущего» Штур выступил против дворянского землевладения и крупного капитала, решительно отвергнув вместе с тем и социа-

² Матула В. Людовит Штур и Россия.— *Ludovít Stur und die slawische Wechselseitigkeit*, Bratislava, 1969, s. 367.

³ Штур Л. Славянство и мир будущего.— Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1867 (М.), т. III, кн. 1—3, с. 150, 153.

⁴ Матула В. Людовит Штур..., с. 365.

листические идеи. Идеальное государство, по мнению Штура, должно базироваться на мелких собственниках, объединенных в общины, которым принадлежит земля и которые пользуются самоуправлением. Высшая законодательная, правительственная и судебная власть находится в руках самодержца, при котором имеется совещательная дума. Господствующей церковью в славянском государстве должна была стать православная церковь.

Как можно видеть, многие мысли Штура вполне отвечали взглядам русских славянофилов, в частности К. Аксакова, который, по словам А. И. Герцена, еще «в начале сороковых годов проповедовал сельскую общину, мир и артель»⁵. Это сходство не случайно. Штур, несомненно, знал об учении славянофилов через Раевского.

Необходимым условием создания идеального славянского государства Штур считал освобождение славян от чужеземного ига, которое должно было наступить с падением Австрии и Турции, самых прогнивших государств Европы. Роль освободительницы и объединительницы славян в единое государство призвана была сыграть Россия. Для выполнения предначертанной ей роли она должна была уничтожить крепостное право, которое Штур считал величайшим злом России, и развить местное самоуправление с выборностью чиновников⁶. Остальные славяне со своей стороны должны были восстановить у себя православную церковь и принять единый литературный язык, которым мог стать, согласно Штуру, только русский язык, «ибо это язык величайшего, единственно самобытного и на обширном пространстве земли господствующего славянского племени, которому уже и без того по праву принадлежит главенство в нашей народной семье. Сверх того, из всех языков славянских — это самый богатый, сильный и полновзвучный, запечатленный могуществом»⁷.

В трактате Штура концентрированно и четко были изложены идеи, которые в той или иной степени прослеживались в сочинениях ряда национальных деятелей

⁵ Герцен А. И. Собр. соч., т. IX. М., 1956, с. 163.

⁶ Штур Л. Славянство и мир будущего, с. 176—179.

⁷ Там же, с. 189.

славянских народов первой половины XIX в.: Я. Коллара, Л. Гая, М. Маяра, И. Юнгмана, русских славянофилов 40-х годов и др. Три пункта программы Штура — необходимость политического объединения славян под эгидой самодержавной России, необходимость принятия ими православия и русского языка в качестве общеславянского — оказали значительное влияние на взгляды ряда русских и славянских общественных деятелей.

После вступления на русский престол Александра II интерес славянской интеллигенции к России возрос. Тот поворот к России, который начался у австрийских славян после 1848 г., в конце 50-х — начале 60-х годов стал проявляться все более явственно. Николаевская Россия при всем восхищении со стороны славянских либералов ее военной и государственной мощью пугала их своим реакционным внутренним строем. Теперь с вступлением на престол нового царя они связывали надежды на перемену внешней и внутренней политики России. Чешская интеллигенция внимательно следила за событиями в России. «Все они, — писал русский демократ А. П. Ровинский своему отцу 4 ноября 1860 г. из Праги, — с нетерпением ждут окончания крестьянского вопроса, надеясь, что тогда политика России будет либеральной»⁸. Такие же настроения отмечал у хорватов И. С. Аксаков, путешествовавший весной 1860 г. по южнославянским землям⁹.

В начале 60-х годов царское правительство, напуганное крестьянским движением и встревоженное поражением в Крымской войне, провело ряд буржуазных реформ; главной из которых было освобождение крестьян от крепостной зависимости. Эти реформы укрепили надежду славян на возможность опоры в достижении своих национальных требований на «обновленную» Россию. То, что реформы были проведены сверху, придало русофильским симпатиям некоторых национальных деятелей австрийских славян царистский оттенок. Александр II являлся, по их мнению, не самодержцем, а либеральным и просвещенным монархом. В оценке реформ 60-х годов в России славянские либералы не отличались от русских.

⁸ ЦГАОР, ф. 109, оп. 4, д. 401, л. 1.

⁹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. III. Приложение. М., 1892, с. 140—141.

§ 2. Попытка словенских национальных деятелей создать общеславянский искусственный язык

Как и национальные деятели других славянских народов австрийской монархии, словенские патриоты испытали после 1849 г. разочарование в политике Габсбургов. «Нас снова хотят продать Франкфурту, — с горечью писал Маяр Вразу 4 марта 1849 г. — Фарисеи и бюрократы всеми силами препятствуют словенскому языку. Бояре и чиновники действуют, как при Меттернихе. Епископы послали министерству прошение, чтобы их верных овец не освобождали от десятины и барщины... Раньше мы все, словенцы, были объединены в одном королевстве...¹⁰ Мы желали присоединить только штирийских словенцев. А теперь нас раздробят на еще более мелкие части, чем прежде». И все же в марте Маяр еще надеялся, что обещания, данные словенцам двумя императорами, будут в конце концов выполнены¹¹. С установлением баховского абсолютизма были погребены и эти надежды. Не надеясь на то, что словенцы в силу своей малочисленности сами смогут добиться национального освобождения, словенские патриоты стали возлагать надежды на поддержку славян и прежде всего могущественной России.

Из-за полицейского гнета в Австрийской монархии, всеславянские идеи словенских национальных деятелей выражались в 50-х годах не в политической форме, а в форме филологической, а именно в попытке создания единого общеславянского языка. Проекты создания единого общеславянского языка были различны, но наибольший успех в начале 50-х годов имел план, предполагавший создать его искусственным путем на основе элементов различных славянских языков.

Вопрос об искусственном общеславянском языке поставил уже Юрий Крижанич, который в XVII в. пытался создать его на основе русского и хорватского языков.

¹⁰ Иллирийское королевство, в которое входили из словенских земель Крайна с Приморьем и Каринтия, номинально существовало с 1815 г.

¹¹ Письмо Маяра к Вразу 4.III 1849 г. — Tregor.

Много позднее словак Ян Геркель также занялся созданием общеславянского языка, отдавая при этом преимущество своему родному словацкому языку. В 1826 г. вышла его книга, посвященная этому вопросу¹².

Среди словенцев Б. Кумердей еще в конце XVIII в. стремился создать общеславянскую грамматику, а С. Враз и А. Муршец работали над общеславянским словарем.

Все перечисленные выше попытки создания общеславянского языка имели общую причину: они проявлялись прежде всего у тех народов, которые не имели больших национальных культурных традиций, и в то время, когда у них (да и у ряда других славянских народов) еще не сложились окончательно собственные национальные литературные языки. В классовом отношении национальные движения славянских народов того времени были слабо дифференцированы. Они возглавлялись слабой буржуазией, связанной с ростовщицеством и торговлей, немногочисленной прослойкой национальной интеллигенции, главным образом духовной. В национальном самосознании этих неразвитых национальных кругов значительное место занимали общеславянские элементы. Поэтому в первой половине XIX в. иллюзии о возможности создания общеславянского литературного языка могли быть в какой-то степени оправданы.

В 50-х годах XIX в. положение было иное. Уже окончательно оформилось подавляющее большинство литературных языков отдельных славянских народов, в том числе и словенского. Никаких иллюзий относительно того, что славянские языки являются наречиями одного единственного общеславянского языка, быть не могло. Революция 1848 г. изменила и соотношение классовых сил внутри славянских национальных движений. В них уже четко определялись два крыла: консервативное и либеральное. Указанные моменты способствовали укреплению национального самосознания отдельных славянских народов, более трезвому подходу со стороны многих национальных деятелей к вопросу о создании общеславянского языка. В 50-х годах некоторые либераль-

¹² Матёвчик А. Ян Геркель и его идея славянского литературного единства.— In: Ludovít Stúr und die slawische Wechselfeitigkeif, Bratislava, 1969, s. 27—31.

ные деятели славянских народов поддерживали идею общеславянского языка, но сделать им они предлагали не искусственный язык, а один из уже существовавших славянских литературных языков.

И только у словенцев в 50-х годах идеи создания искусственного общеславянского литературного языка переживают подъем. Объяснялось это особенностями формирования словенского литературного языка. Словенский язык, несмотря на малочисленность говорящих на нем, имеет 46 диалектов, составляющих 8 диалектных групп¹³. Ни один из диалектов (и ни одна из диалектных групп) не является преобладающим. Поэтому словенский литературный язык не имеет в своей основе определенный диалект, а создан в какой-то мере искусственно, «на общеславянской основе с ориентацией на общий фонд других славянских языков»¹⁴. Проекты создания общеславянского искусственного литературного языка являлись у словенских национальных деятелей попыткой расширить уже удавшийся эксперимент с созданием словенского литературного языка. Эти проекты, по словам советского филолога Н. И. Толстого, были вызваны «жизнью, процессом становления национальных литературных языков — нечто вроде поисков оптимальной модели объединения в форме литературного языка как можно большего числа диалектов, самого широкого диалектного континуума»¹⁵.

Сторонниками создания единого общеславянского языка стали прежде всего бывшие иллиры либерального направления. Их идейным вождем и выразителем был Маяр. Уже в своих «Правилах, как образовывать иллирское наречие и вообще словенский язык», изданных в 1848 г., Маяр советовал южным славянам писать на иллирском наречии, не удаляясь от других славянских наречий. Он предлагал сначала в духе Коллара создать четыре литературных наречия (чехословацкое, польское, иллирское и русское). «Это была бы первая ступень к одному единственному славянскому языку, к единой об-

¹³ *Ratovš F.* Karta slovenskih narečij. Ljubljana, 1957, s. 13.

¹⁴ *Толстой Н. И.* О последней попытке применения «общеславянской азбуки» к словенскому литературному языку. — В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965, с. 263.

¹⁵ Там же.

щей литературе»¹⁶. Таким образом, создание иллирского языка для Маяра не было самоцелью, но только переходным этапом к созданию общеславянского языка. Эту ориентацию Маяра подтверждает и его письмо к Муршцу от 5 декабря 1851 г. Делясь с Муршцем своими планами создания литературной газеты, Маяр подчеркивал, что она должна постепенно перейти с латиницы на кириллицу и принимать статьи, написанные по-чешски, по-польски и по-русски. «И все это печаталось бы кириллицей по правописанию Вука...— заключал он.— И единый литературный язык был бы готов»¹⁷.

Идеи Маяра были горячо восприняты частью словенских национальных деятелей. К нему примкнули представители младшего поколения: Даворин Трстеньяк, Орослав Цаф, Радослав Разлаг¹⁸, Андрей Эйншпиллер¹⁹, Антон Янежич и др. Характерно, что все они жили и действовали в Словенской Штирии и Словенской Каринтии, т. е. в районах наибольшей угрозы германизации. Как и в период иллиризма, именно деятели этих мест более других были склонны искать поддержки своим национальным стремлениям в идеях славянской взаимности. Но интерес к созданию общеславянского искусственного языка проявляли и некоторые писатели Крайны, например Ловро Томан, Лука Светец.

Первой ступенью к принятию общеславянского языка словенские патриоты считали распространение среди славян единого алфавита — кириллицы. Уже в начале

¹⁶ *Mašar M. Pravila kako izobraževati ilirsko narečje i, obče slovenski jezik. Ljubljana, 1848.*

¹⁷ *Ilešič F. Korespondenca dr. Jos. Muršca.— Zbornik Matice slovenske. Ljubljana, 1904—1905, s. 119.*

¹⁸ Разлаг Радослав (1826—1880) — словенский национальный деятель либерального направления, адвокат. Сначала иллир, в 50-х годах сторонник создания общеславянского искусственного языка. Был первым словенским депутатом в штирийском провинциальном собрании (1865—1868), позднее — депутат краинского провинциального собрания и австрийского рейхсрата.

¹⁹ Эйншпиллер Андрей (1813—1888) — словенский политический деятель и публицист. Священник. В 40—50-х годах был близок по некоторым взглядам словенским либералам, но в целом его идеология носила католический характер. С 60-х годов — лидер каринтийских словенцев. Неоднократно избирался депутатом словенцев в каринтийское провинциальное собрание. Издавал ряд словенских периодических изданий на словенском и немецком языках.

1849 г. М. Маяр и Я. Навратил подняли вопрос об изучении в начальных школах латиницы и кириллицы. Навратил предлагал ученикам старших классов учить иллирское, русское и чешское наречия. Позднее, по его мнению, эти наречия должны были слиться в единый общеславянский язык²⁰. Спустя четыре года Р. Разлаг призывал славян-католиков вернуться к кириллице, которой пользуются 60 млн. их родных братьев. «Кириллица — истинно славянская, выражение нашего языка, нашего характера, нашего будущего,— писал он.— Кириллицу мы со всем правом можем назвать своею собственностью»²¹. Разлаг полагал, что словенские журналы должны печатать некоторые статьи кириллицей на основе старославянского или русского правописания.

А. Эйшпиллер и А. Янежич при деятельном участии Маяра издавали журнал «Словенска бчела» (апрель 1850 г.— июль 1853 г.). В объявлении об этом журнале редакция подчеркивала, что его цель — пробудить словенское сознание и любовь к отчизне, облагородить словенцев, познакомить их с литературой славянских братьев²². Журнал всячески пропагандировал «Правила, как образовывать иллирское наречие и вообще словенский язык» Маяра²³. В нем даже некоторые разделы, прежде всего «Смешнице», писались «по Маяру на литературном иллирском языке»²⁴.

Близким по духу и целям газете «Словенска бчела» был альманах «Зора» (1852, 1853 гг.), издававшийся Р. Разлагом. В объявлении об издании «Зоры» Разлаг отмечал, что язык «Зоры» будет «в духе соединения наших южных наречий с оглядкой на северные наречия»²⁵. «Словенска бчела» приветствовала выход альманаха. «„Зора“ — благороднейший перл нашей молодой литературы», — писал Янежич²⁶.

Оба издания горячо ратовали на своих страницах за единый общеславянский язык. «Один единственный ли-

²⁰ Slovenija, 2.II, 1849, s. 37.

²¹ Zora. Zagreb, 1853, s. 8, 9.

²² Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. I, s. 219.

²³ Slovenska bčela, VIII, 1850, s. 60.

²⁴ Slovenska bčela, I.I, 1851, s. 16.

²⁵ Slovenska bčela, I.IX, 1851, s. 73—75.

²⁶ Slovenska bčela, I.I, 1852, s. 7.

тературный язык для всех 80 миллионов славян! — писал Эйншпиллер. — У кого сердце не расширяется и не скачет от радости при мысли об этом благословеннейшем и прекраснейшем деле! Кто бы не хотел дожить до этого!»²⁷. Разлаг выражался еще определеннее: «Пусть нашей первой заботой будет очистить наш язык во всеславянском духе, — указывал он, — и писать и говорить так, как нас учит славянская взаимность, чтобы наши художественные произведения стали общим достоянием всех славян... Мы должны трудиться, чтобы разные наречия и поднаречия слились в один единственный литературный язык, чтобы нас перестали считать маленькими народами, но увидели бы, что мы, славяне, единый народ, один за всех, а все за одного»²⁸. С Эйншпиллером и Разлагом солидаризировался и Томан. «Для каждого настоящего славянина, — утверждал он, — должно быть священным желание, чтобы мы все объединились и договорились взаимно»²⁹.

Уже к середине 50-х годов стала ясна невозможность существования в словенских землях периодических изданий на «общеславянском» языке из-за отсутствия необходимого числа подписчиков. Большинство словенской интеллигенции отошло от увлечения этим языком, но некоторые продолжали упорно верить в возможность и необходимость его создания. Так, Матия Маяр до конца жизни трудился над составлением общеславянского литературного языка. В 1865 г. он издал «Взаимную славянскую грамматику»³⁰, состоящую из 6 разделов: 1) польской грамматики, 2) чешско-славянской грамматики, 3) русской грамматики, 4) югославянской грамматики, 5) церковно-славянской грамматики, 6) взаимной грамматики. Названия разделов грамматики Маяра говорили о том, что автор пытался довести до логического конца теорию Коллара о четырех главных славянских наречиях, стремясь на их основе с привлечением старославянского языка создать оптимальную модель общеславянского литературного языка.

Грамматика Маяра вызвала отклик как у словенцев, так и у других славянских народов. Так, А. Эйншпил-

²⁷ Slovenska bčela, I.VII, 1851, s. 9.

²⁸ Slovenska bčela, X, 1850, s. 126.

²⁹ Zora, 1852 (Gradec), s. 123.

³⁰ *Majar M. Vzajemna slovnica ali mluvnica slavjanska*. Praha, 1865.

лер в газете «Словенец» рекламировал «Взаимную славянскую грамматику» Маяра, желая ему «большое количество наследников не только среди нас, но также и среди других славянских народов»³¹. Хотя Эйншпиллер в то время делал основной упор на пропаганде просвещения среди словенских крестьян на их родном языке, он все же еще не отказался от мысли создать единый общеславянский язык³².

Высоко оценил книгу Маяра видный славянофил и славист, профессор Московского университета Н. А. Попов. «Без книги г. Маяра,— писал он,— не может обойтись ни один филолог, занимающийся сравнительным изучением славянских языков; книга г. Маяра делает только новый шаг на этом пути и представляет новый материал для дальнейших исследований, необходимых для взаимного сближения между славянскими литературами и языками»³³. Такая оценка была связана не с научными достоинствами книги Маяра, а с сочувственным отношением Попова (как и ряда других славянофилов) к его взглядам и деятельности. Позднее другой русский ученый-славист П. А. Кулаковский оценивал опыт Маяра по-иному. «Самые основания,— писал он,— которыми руководствовался Матия Маяр при установлении форм взаимного языка, его метод не могут выдержать критики. Он сопоставлял формы четырех славянских языков (русского, сербо-хорватского, чешского, польского) со старославянскими и брал ту форму как взаимную, которая встречается в трех из этих наречий или которая кажется составителю более удобной»³⁴.

В 1873—1875 гг. Маяр издавал журнал «Славян». Первоначально он думал его печатать кириллицей, помещая статьи на любом из четырех главных славянских наречий³⁵. Однако провести это в жизнь не удалось: почти весь журнал издавался на латинице, большей

³¹ Slovenec, 1865 (Celovec), N 13, s. 52.

³² Slovenec, 1865, N 10, s. 37.

³³ Попов Н. А. Вопрос об общеславянской азбуке.— Современная летопись, 1865, № 39, с. 8.

³⁴ Кулаковский П. А. Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян.— В кн.: Мефодиевский юбилейный сборник. Варшава, 1885, с. 29.

³⁵ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 13, д. 19.

частью на словенском языке. Кириллицей на искусственном общеславянском языке печатался только труд Маяра «О следах праславян», да некоторые статьи, перепечатанные из русских журналов. В «Славяне» развивалось то понимание всеславянской идеи, которое отражало взгляды определенной части словенских либералов 50 — начала 60-х годов XIX в.

К началу 70-х годов Маяр пришел к убеждению, что в создании общеславянского языка ведущую роль должен играть русский язык. «Русская литература и русский язык должны быть для нас, славян, примером,— писал он в июне 1870 г. в письмах к М. П. Погодину и Н. А. Попову,— т. е. образцом и целью»³⁶. При этом Маяр был уверен, что принятие русского языка в качестве общеславянского возможно только для отдельных лиц, но не для народов. Народы же могут принять общеславянский язык только постепенно, если книги будут писаться на их родных языках, приближаясь к русскому языку³⁷.

«Славян» был задуман Маяром как чисто литературный журнал. Маяр не хотел заниматься в журнале религиозными и политическими вопросами, чтобы избежать возможного запрещения его цензурой, а также потому, что хотел поставить его над партиями в славянских землях («не вмешиваясь в ссоры, споры, тяжбы и мелочи отдельных племен»)³⁸, сделать его единым и в классовом отношении. Мысль сама по себе не менее утопичная и нереальная, чем создание общеславянского языка.

Главную цель создания общеславянского языка Маяр высказал в письме к Погодину от 1875 г. «Мы находимся близко от опасности,— писал Маяр,— что славянские наречия так разойдутся и отдалятся одно от другого, что создадутся не только наречия, но и особые славянские языки с особыми литературами и народностями... Таким образом распался бы 80-миллионный славянский народ на части, что являлось бы невосполнимой потерей и вредом для всех славян, русских и нерусских»³⁹.

³⁶ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 13, д. 19; ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, д. 222, л. 1 об

³⁷ ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, д. 222.

³⁸ Slavjan, 1873, N 1, s. 1.

³⁹ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 55, л. 26.

Сохранить славянство как единый народ, помешать распаду его на отдельные народы — эта цель, поставленная Маяром, находилась в полном противоречии с историческим процессом, ибо в 50-х годах, не говоря уже о 70-х, никакого единого славянского народа не существовало, а имелось несколько самостоятельных славянских наций.

Идея славянской взаимности, пропагандировавшаяся Маяром, должна была служить делу объединения славян в единый народ. В его статьях эта идея выступала в виде литературной славянской взаимности. Но за ней крылось другое. В одной из своих статей Маяр приводил слова Коллара: «Из словаков никого не останется, из чехов и моравян тоже [Маяр в скобках добавлял: «и из югославян тоже». — *И. Ч.*], если... они [славяне. — *И. Ч.*] останутся раздробленными. Если же они соединятся, если будут держаться сообща и помогать друг другу, то они смогут героически отражать нападки врагов на их язык и народность»⁴⁰. Именно в совместной борьбе славянских народов против попыток их ассимиляции со стороны господствующих наций (немецкой, венгерской, турецкой) видел главный смысл славянской взаимности Маяра, смысл чисто политический.

Маяр выделял четыре главные черты славянской взаимности.

Во-первых, «каждое племя сохранит свои отличительные черты и особенности, свое национальное имя, свою историю, свою литературу и свои права»⁴¹. Перед остальным миром славянские племена должны выступать как один народ и писать кириллицей. Во-вторых, славянская наука, славянская взаимность и кириллица должны распространяться мирным путем с помощью книг, статей, деятельности обществ. В-третьих, взаимность должна охватывать все славянские племена. В-четвертых, она должна быть действенной, активной, о ней нужно не только мечтать, но ради нее нужно трудиться практически.

Эти принципы литературной взаимности славян могли быть перенесены и на политику. В частной переписке Маяра проскальзывали отдельные высказывания по

⁴⁰ Slavjan, 1873, N 9, s. 138.

⁴¹ Slavjan, 1874, N 4, s. 53.

этому поводу. «На что я не надеялся,— писал он Н. А. Попову в январе 1871 г.,— даже польские журналы стали писать воодушевленно о славянстве и славянской федерации. Это очень радостно»⁴². Видимо, Маяр был сторонником создания политической федерации славян. Исходя из его принципов литературной славянской взаимности можно полагать, что в его представлении каждый славянский народ в этой федерации должен был иметь внутреннюю автономию и только перед лицом других народов выступать едино с другими славянами.

То направление сторонников славянской взаимности, которое стремилось к созданию общеславянского литературного языка на основе всех славянских языков, пережило наибольший расцвет в первой половине 50-х годов и было окончательно погребено с гибелью журнала «Славян» в 1875 г. На политические программы словенцев, формировавшиеся в 60-х годах XIX в., оно не оказало существенного влияния прежде всего потому, что ставило перед собою неосуществимые цели и не имело четкой политической программы. Однако сторонники создания искусственного общеславянского языка способствовали распространению идей славянской взаимности среди словенской общественности.

§ 3. Рост симпатий словенской общественности к России

На формирование словенских политических программ оказала значительно большее влияние другая группа сторонников идеи славянской взаимности, появившаяся в словенских землях также в начале 50-х годов. Они выступали за единый литературный общеславянский язык, но считали, что им должен стать один из существовавших славянских языков, а именно старославянский. Об этом писал корреспондент «Словенской бчелы» «Р-В», утверждая, что «старославянский язык был бы тем языком, который можно было бы легче всего ввести, т. к. он первый для всех славян священный язык, которому ни один славянский народ не будет противиться»⁴³. Его мнение поддержал чешский национальный

⁴² ОР ГБЛ, ф. 239, к. 13, д. 19.

⁴³ Slovenska bčela, 1851, I.X, s. 107.

деятель Подлипский, опубликовавший серию статей в «Люблянском часнике»⁴⁴. В начале 60-х годов такой же точки зрения придерживались О. Цаф и Ф. Левстик⁴⁵.

Наконец, были деятели, мечтавшие сделать общеславянским языком русский язык. Но их в 50-х годах среди словенцев было немного. В их числе можно назвать Равникара-Поженчана⁴⁶.

Интерес словенской молодежи к России возрос в период Крымской войны. По свидетельству Йосипа Вошняка⁴⁷, гимназистов интересовали героические бои у Севастополя⁴⁸. Симон Енко, замечательный словенский поэт, в это время написал несколько стихотворений, посвященных русско-турецкой войне. В одном из них («День славянский») он приветствовал первые победы русских в 1853 г. на Балканах, в другом («Слезы словенцев») — печалился по поводу поражения русских войск в Крымской войне, выражая все же уверенность, что единство славян спасет их от гибели⁴⁹. Позднее Ф. Левец, вспоминая о Енко, отмечал, что тот видел спасение славянства в создании единого могущественного славянского государства и считал, что без русского народа славяне не имеют будущего⁵⁰.

⁴⁴ Ljubljanski časnik, 1851, N 69, 70, 74.

⁴⁵ Фран Левстик (1831—1887) — словенский писатель, филолог, критик. Вождь левого крыла младословенцев (словенских либералов), решительно боровшийся как с немецкой партией в словенских землях, поддерживаемой австрийскими властями, так и с консервативным крылом словенского национального движения. Э. Кардель с полным правом отмечал, что «Левстик после 1860 г. был самой ясной политической головой, высшим достижением словенской демократической мысли того периода». См.: *Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja*, s. 344.

⁴⁶ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, zv. I, s. 364.

⁴⁷ Йосип Вошняк (1834—1911) — словенский либеральный политик, по профессии врач. Активный участник младословенского движения, один из организаторов словенских таборов. При его содействии были установлены Матица словенская, «Словенски народ». После 1875 г. — один из идеологов соглашательской политики либералов, пропагандист создания словенских сберегательных касс. Был депутатом провинциальных собраний Штирии, Крайны, рейхсрата.

⁴⁸ *Vošnjak J. Spomini*, zv. I. Ljubljana, 1905, s. 37.

⁴⁹ *Legiša L., Stodnjak A. Zgodovina slovenskega slovstva*, zv. 2, s. 218.

⁵⁰ *Boršnik M. Fran Celestin*, s. 213—214.

Под влиянием всеславянских идей находились многие словенские гимназисты. В Целовце, Целье, Любляне они выпускали свои рукописные журналы «Славии», учили в кружках чешский, хорватский, русский языки. В середине 50-х годов люблянские гимназисты выпустили рукописный сборник «Вае». В нем, помимо Енко, приняли участие В. Зарник⁵¹, Ф. Эрьявец, Й. Стритар⁵² — будущие активные деятели младословенского движения. Любопытен был помещенный в сборнике очерк В. Зарника о Петре Первом. Юный писатель упрекал русского царя за то, что он не понимал своего народа, проводил реформы, чуждые его духу. По мнению Зарника, Петр сделал большую ошибку, перенес столицу из матери всей России Москвы в немецкий Петербург. Винават он также был в том, что пригласил в Россию на высшие должности иностранцев. Именно стараниями последних русские высшие слои стали стыдиться своего родного языка, заменять его французским. Только Пушкин сумел очистить русский язык от иностранных искажений, первый понял, что русский является славянином⁵³. Как можно видеть, на взгляды Зарника уже в то время оказывали определенное влияние идеи русских славянофилов: во всяком случае, его оценка Петра Первого и его деятельности была очень близка их оценке. Такое влияние не представляется нам невозможным, если принять во внимание, что уже с начала 50-х годов существовал некоторый книгообмен между словенскими национальными деятелями и представителями русской общественности, на что указывается ниже.

Помимо молодежи, в 50-х годах Россией интересова-

⁵¹ Валентин Зарник (1837—1888) — либеральный словенский литератор и политик. Сын люблянского рабочего, адвокат. Популярный оратор на таборах, горячий пропагандист программы Объединенной Словении. После 1875 г. придерживался соглашательской политики большинства либералов, однако в 1883 г. решительно выступил против политики их примирения с венским правительством. 1869—1883 гг. — депутат провинциального собрания Крайны. См.: *Gorše M. Doktor Valentin Zarnik. Ljubljana, 1940.*

⁵² Йосип Стритар (1836—1923) — словенский поэт и писатель, деятель либерального направления. Учитель классических языков в венской гимназии. Издавал журнал «Звон» в 1870, 1876—1880 гг. После балканских событий 1875—1878 гг. активно пропагандировал славянский мессионизм.

⁵³ *Gorše M. Doktor Valentin Zarnik, s. 30—31.*

лись и более широкие круги словенской интеллигенции. Стефан Коцианчич, профессор и библиотекарь в богословской семинарии Горицы, в начале 1854 г. обращался к В. Ганке с просьбой прислать ему книги, в том числе 4 экземпляра «Начал русского языка»⁵⁴ и Остромирово евангелие⁵⁵. То, что Коцианчичу требовалось 4 экземпляра учебника русского языка, указывало на интерес к русскому языку не только его самого, но и некоторых его знакомых. К изучению русского языка призывал в 1857 г. и бывший активный иллир Ю. Кобэ. «Вскоре уже никому не покажется смешным,— писал он,— когда будут говорить о русской образованности, о русской науке и искусстве, о русском языке... Будем учиться по-русски, как пятьдесят лет тому назад по-английски!»⁵⁶

Уже в 50-х годах за интересом к России, за попытками создания общеславянского языка иногда стояли мечты о политическом единстве славян. В частной переписке проскальзывали тайные надежды некоторых словенских национальных деятелей. Так, словенский студент Ф. Ериша в письме к Д. Рудежу от 30 марта 1850 г., развивая мысль о желательности введения русского языка в качестве дипломатического у всех славян, заключал: «И бог весть, что бы произошло со временем. Знаешь, немцам при таких мыслях даже страшно становится»⁵⁷. Но дальше туманных намеков русофильские настроения словенцев не шли.

Со своей стороны и в России в определенных кругах стал проявляться интерес к словенцам и их литературе. Уже в конце 40-х годов некоторые словенские книги попадают в Россию. В частности, учебное пособие А. Сломшека «Блаже ино Нежица» было заказано в Москве в 80 экземплярах⁵⁸. По-видимому, такие заказы осуществлялись через М. Ф. Раевского.

Интерес к словенской литературе проявлялся в кружке, группировавшемся вокруг графини А. Д. Блудовой,

⁵⁴ Речь шла о книге Ганки «Pravopis rusko-česky».

⁵⁵ Францев В. А. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905, с. 545, 547, 548.

⁵⁶ Приятель И. А. С. Пушкин у словенцев, с. 371—372.

⁵⁷ Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. I, s. 317.

⁵⁸ Medved A. Anton Martin Slomšek. Celovec, 1900, s. 146.

фрейлины императрицы, дочери царского сановника Д. Н. Блудова. Она была активной деятельницей Дамского комитета, состоявшего из высокопоставленных особ и оказывавшего материальную помощь православным церквям на Балканах. В этом кружке имелись определенные симпатии и по отношению к католическим славянам, в том числе и словенцам. 10/22 октября 1850 г. Блудова благодарила Раевского за присланные ей словенские песни. «Не знаю, заметили ль Вы или кто другой,— писала она,— что одна из них, № 20 «Gosti moji, gosti moji, dobro ste mi došli» — почти совершенно на голос русской песни «Боярыня, сударыня, подайте мне ручку», другая «Sim žar... od istoka sunce», хотя и не совсем похожа на какой-нибудь особенный голос, но вообще в напеве напоминает наши народные песни, так что, слушая без большого внимания, можно бы счесть за какую-нибудь русскую»⁵⁹.

В начале 50-х годов в Россию попал альманах Разлага «Зора». Его читали в том же кругу. Об этом свидетельствует письмо К. Д. Петковича, болгарина на русской службе, М. Ф. Раевскому от 19 августа 1852 г., в котором он сообщал о том, что читал «Зору» Разлага в Петербурге у графини Блудовой⁶⁰. Из круга А. Д. Блудовой вышла, вероятно, и заметка в «Северной пчеле», посвященная «Зоре». В ней подчеркивалось, что в альманахе имеется несколько стихотворений, напечатанных кириллицей. «Новый опыт употребления кирилловских букв,— писал автор заметки,— забытых многими из славянских племен и неудачно замененных латинскими, свидетельствует о стремлении, как говорят сами издатели альманаха, к единству языка литературного в отношении ко всем славянским племенам». Это стремление автор заметки всячески приветствовал. Из писателей, принявших участие в альманахе, он особо останавливался на Йосипине Урбанчич-Турноградской, молодой словенской писательнице⁶¹.

А. Д. Блудова в мае 1852 г. послала этот номер «Северной пчелы» Раевскому с просьбой: «Перешлите,

⁵⁹ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 14. Обе песни были опубликованы в «Деннице» (1843, № 3).

⁶⁰ Там же, д. 58.

⁶¹ Северная пчела, 21.III, 1852, с. 265.

пожалуйста, этот номер «Северной пчелы», экземпляры Ярославского сборника и памятную книжку военную за нынешний год г-ну *Разлагу* в Грац, издателю маленького альманаха «Зора», и напишете, что если на будущий год выйдет опять «Зора», то просят прислать через Вас экземпляра 3 для Петербурга»⁶². Несомненно, стремление к литературному объединению славян, прослеживавшееся в этом альманахе, импонировало Блудовой и ее окружению.

Второй выпуск альманаха *Разлага* от 1853 г. тоже нашел отклик в русской прессе. Рецензировал на этот раз «Зору» И. И. Срезневский, и мнение его существенно отличалось от мнения дилетантов из «Северной пчелы». «Составитель этого сборника родом хорутанский словенец,— писал он.— Недовольный ни своим родным наречием и никаким другим местным, как непригодным для общего литературного употребления, он желал бы, чтобы южные славяне употребляли все вместе в книгах один и тот же язык, для всех одинаково понятный». Срезневский упомянул двух авторов, поместивших в «Зоре» отрывки из своих общеславянских грамматик: Б. Раича и Цафрова (О. Цафа)⁶³.

В 1852 г. с *Разлаго* в Граце встретился К. Д. Петкович. Об этой встрече он сообщил Раевскому в письме от 19 августа 1852 г. «Он ознакомил меня со всем, что есть тут славянского,— писал Петкович,— мало и бедно!.. Он прекрасный словенец, с пламенной душой и чистой любовью к своей родине и вообще к славянству; он имеет большое желание учиться по-русски, и я сердечно жалею, что не мог исполнить единственную маленькую его просьбу — дать ему *какую-нибудь* русскую книжку». Петкович просил Раевского выполнить пожелание *Разлага* и послать ему книгу на русском языке⁶⁴.

Кроме *Разлага*, Петкович встречался с Йосипиной Турноградской-Урбанчич. Об этом свидетельствует письмо Блудовой от 11/23 марта 1853 г. Раевскому,

⁶² ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 15.

⁶³ *Срезневский И. И.* Новые книги. [Рец.] Зоря. Zora jugoslavenska, od Radoslava Razlaga. U Zagrebu, 1853.— Изв. императорской академии наук по отделению русского языка и словесности, т. III, 1854, л. 12—14, с. 195.

⁶⁴ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 58.

в котором она просила последнего переслать прилагаемые к письму ноты русских песен Йосипине Урбанчич от имени Дмитриева-Пятковича⁶⁵. Просьба Блудовой, вероятно, была выполнена. 5 февраля 1858 г. Л. Томан, муж Турноградской, организовал в Люблянском театре празднование в честь столетнего юбилея со дня рождения В. Водника. На празднике исполнялись песни разных славянских народов: словенские, чешские, сербские и одна русская — «Сарафан», довольно популярный в то время романс Варламова⁶⁶. Если принять во внимание, что среди исполнительниц песен была Йосипина Турноградская, то не без основания можно предположить, что «Сарафан» стал известен словенцам из нот графини Блудовой.

Итак, в 40-х — первой половине 50-х годов XIX в. стали устанавливаться связи между словенскими и русскими общественными деятелями. Однако они носили спорадический характер вплоть до середины 50-х годов, когда их взяли в свои руки русские славянофилы.

§ 4. Отношение русских официальных и общественных кругов к славянскому вопросу после Крымской войны

Конец 50-х — начало 60-х годов XIX в. ознаменовались ростом интереса русских общественных и отчасти правительственных кругов к зарубежным славянам. Крымская война показала всю несостоятельность союза трех императоров. Утверждение М. П. Погодина, что единственными союзниками России в Европе являются славяне, «родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере»⁶⁷, многим стало казаться вполне обоснованным. В правящих русских кругах произошла переоценка основ внешней политики государства. Несельероде и его окружение, проводившие линию тесной дружбы с Австрией и Пруссией, были отстранены. Весной 1856 г. министром иностранных дел России был назначен князь А. М. Горчаков. На важнейшие дипломатиче-

⁶⁵ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 15.

⁶⁶ ОР ГПБ, ф. 979, оп. 2, д. 141.

⁶⁷ ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, ед. хр. 6, л. 6 об.

ские должности он поставил людей, близких ему по взглядам; многие из них сочувствовали славянам (в частности, новый директор Азиатского департамента Е. П. Ковалевский, новый посол в Вене В. П. Балабин, видный дипломат Н. П. Игнатьев и др.). Большое внимание русские правительственные круги уделяли славянам Османской империи. Что же касается национального движения славянских народов Габсбургской монархии, то со стороны русского правительства имело место известное заигрывание с их национальными деятелями. Так, в 1862 г. в связи с празднованием тысячелетия России 30 человек из славян (в том числе — 28 австрийских подданных) получили русские ордена⁶⁸.

Любопытным документом, говорящим об отношении русского правительства к южным славянам Австрии, является проект инструкции В. Кожевникову (1860 г.), направлявшемуся вице-консулом в Риеку. В ней отмечалось, что в Риеке пробудились национальные стремления славянского населения, что оно «с непритворной радостью и сочувствием» встретит русского консула. «Со своей стороны и Вы не лишайте их Вашего сочувствия и старайтесь поддерживать в них преданность России,— советовала инструкция.— Но не увлекайтесь слишком далеко сочувствием к славянам». Кожевникову предлагалось не внушать слишком больших надежд славянам на Россию, но рекомендовать им развивать свои внутренние силы и укреплять национальные чувства во всех слоях. От открытого противодействия австрийскому правительству славян следовало отговаривать. «Вы... будете выказывать постоянное и наибольшее сочувствие к нашим единоверцам,— подчеркивалось в инструкции.— Но не отвращайте от себя религиозную исключительностью славян-католиков»⁶⁹. Некоторые русские дипломаты шли в своих симпатиях к славянам дальше, чем официальное правительство, например русский посол в Вене В. П. Балабин. В своей докладной записке от 1860 г. он настаивал на необходимости со стороны России поддерживать славянские народы в Австрии, «которым предстоит там роль охранительная и которые одни могут быть для нас надежными союз-

⁶⁸ День, 1862, № 38, с. 14—16.

⁶⁹ АВПР, Гл. арх. V-A₂, оп. 181, д. 1014, л. 6 об., 8.

никами»⁷⁰. Даже русский посол в Вене Штакельберг, сменивший Балабина и не отличавшийся особыми симпатиями к славянам, рекомендовал в марте 1866 г. министерству иностранных дел отпускать ежегодно русскому консулу в Риеке Л. В. Березину дополнительно 500—600 гульденов на «мелкие подаяния в пользу славянских церквей обоих вероисповеданий, пожертвования в пользу читальниц, подписку на местные газеты, покупку лотерейных билетов в пользу бедных»⁷¹.

В русском обществе интерес к славянам тоже резко повысился. Наибольшее внимание к ним проявляли славянофилы. Они сочувствовали национальному движению славянских народов Австрии и ненавидели Австрийское государство. При этом одни из них были убеждены в необходимости его уничтожения, другие — в перестройке его на новой основе. Большинство славянофилов отрицательно относились к союзу славянских национальных деятелей с австрийскими дворянскими федералистами. «Аристократизм — сомнительная почва для развития народных славянских идей», — замечал Будилович⁷². Многие славянофилы выступали против программы исторического права, справедливо видя на ней печать феодально-дворянских интересов. Гильфердинг прямо писал, что историческое право есть «ложь властолюбивого шляхетства, прикрывающегося личиною либерализма», что каждый народ, несмотря на свою историю, «имеет равные права на существование в своих пределах и на беспрепятственное развитие»⁷³. Но, говоря об отрицательном отношении славянофилов к союзу славянских национальных деятелей с дворянскими кругами, надо иметь в виду, что он был им неприемлем прежде всего из-за немецкой национальности феодалов и их безусловной преданности Габсбургам.

Славянофилы верили в особую роль России в жизни и развитии славянских народов. Влияние России в славянских землях некоторые славянофилы пытались утвердить с помощью внедрения среди славян русского

⁷⁰ АВПР, Гл. арх. V-A₂, оп. 181, д. 347, л. 8 об.

⁷¹ АВПР, Славянский стол, д. 5096, л. 34, 34 об.

⁷² Будилович А. С. Славянские матицы и ученые дружества. — ЖМНП, 1869, № 7—8, ч. СХІІ, с. 463.

⁷³ День, 1861, № 7, с. 16, 17.

языка в качестве общеславянского, и в этом они солидаризировались со взглядами Л. Штура.

Наибольшее влияние на идеологию словенских национальных деятелей из русских славянофилов оказал В. И. Ламанский. Он попытался конкретно определить роль русского языка в развитии культуры остальных славянских народов. Относительно южных славян Австро-Венгрии — хорватов, сербов и словенцев — Ламанский писал, что их литература никогда не сможет вытеснить немецкий и итальянский языки из культурной жизни этих народов. «Мы принуждены указать, — продолжал он, — как на единственный исход из этого печального положения, на необходимость для них принять русский язык органом науки и высшей образованности, языком дипломатическим, с сохранением своих наречий и словесностей для местных потребностей»⁷⁴. Те же самые мысли Ламанский проводил и позднее, в других своих работах. В статье «Непорешенный вопрос» он подчеркивал для славян необходимость «иметь два славянских языка в своем употреблении, т. е. свое народное наречие для местной словесности, для домашнего и чисто народного обихода, а другой — язык русский, для общих дел, для сношений между собою и прочими соседями, славянскими и иноплеменными, для высшего образования и науки»⁷⁵. Таким образом, по мнению Ламанского, русский язык должен был не заменить собою остальные славянские языки, но дополнить их, точнее, занять место немецкого у австрийских славян в качестве языка общения между ними.

Следует отметить, что мнения Ламанского относительно роли общеславянского (русского) языка придерживались и некоторые другие русские славянофилы, например А. С. Будилович⁷⁶.

Вместе с тем Ламанский не был сторонником политического объединения славян с Россией. В отношении австрийских славян он придерживался мнения Палац-

⁷⁴ Ламанский В. И. Из записок о славянских землях. — Отечественные записки, 1864, № 2, с. 683.

⁷⁵ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. — ЖМНП, 1869, № 7—8, ч. СХII, с. 121.

⁷⁶ См.: Будилович А. С. Мечта ли панславизм. — Беседа, 1872, № 1, с. 212—213; Он же. О литературном единстве народов славянского племени. — Славянский сборник, 1877 СПб., т. II, с. 4.

кого, что Австрию нужно славянизировать. Он прямо писал об этом И. С. Аксакову 5 ноября 1858 г. «Не похерить Австрию,— доказывал он своему корреспонденту,— а ее надо ославянить... ославянить, и не подлыми немецкими средствами⁷⁷, а децентрализацией, предоставлением ей большего самоуправления... Не бойтесь онемечения при свободе и децентрализации: оно не станется никогда. Есть много сил в славянах австрийских, особенно, если мы приготовим умственное и литературное общение»⁷⁸. И позднее, в 80-х годах, Ламанский писал о необходимости для австрийских славян добиваться своих прав именно в самой Австрии.

По своим взглядам Ламанский в 50—80-х годах являлся умеренным либералом⁷⁹. В уже упомянутом письме к И. С. Аксакову, сравнивая положение русских крестьян с положением угнетенных славянских народов, он с горечью отмечал: «австрийские немцы точно так же господствуют над австрийскими славянами... как русские дворяне над русскими мужиками: одним открыты все средства к самообразованию, у других все отнято»⁸⁰. Прогрессивные реформы, проводившиеся русским правительством в 60-х годах, Ламанский одобрял, но далеко не идеализировал. «Такой бездарности, такого шулерства и мазурничества еще у нас никогда не бывало,— писал он Раевскому 6 ноября 1867 г.—Правда, сама Россия продвигается, но правительство, при той силе, какую оно пользуется, страшно все портит и вредит делу. Мы переживаем теперь тяжелое время. Конечно, надо думать, нарождается лучший порядок, но роды-то очень мучительные»⁸¹. «Мы впадаем в апатию, предаемся

⁷⁷ Ламанский, вероятно, имеет в виду насильственную денационализацию немецких народов, проводившуюся австрийским правительством.

⁷⁸ ЦГАОР, ф. 109, оп. 4, д. 395, л. 3, 3 об, 4.

⁷⁹ Противоречивость взглядов В. И. Ламанского в последние годы жизни отмечал один из его учеников В. Н. Кораблев. «Несмотря на внешне и часто резко выраженный его либерализм,— писал он,— Ламанского все же тянуло к той общественной группе, которая постоянно и определенно отмежевывалась даже от либерально-буржуазных кругов русской общественности». См.: В. Н. Кораблев. Из бумаг академика В. И. Ламанского.— Вестник АН СССР, 1932, № 10, с. 67.

⁸⁰ ЦГАОР, ф. 109, оп. 4, д. 395, л. 2.

⁸¹ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 44.

пьянству и разврату от недостатка свободы, — жаловался он в январе 1868 г. М. П. Погодину. — Платим огромные суммы на содержание несметной толпы чиновников, которые в награду за это связывают нас по рукам и ногам, вполне уверенные, что они нам благодетельствуют»⁸². Засилье бюрократии со всеми ее пороками: взяточничеством, волокитой и пр., а также отсутствие свободы печати Ламанский считал главными препятствиями на пути к прогрессу России.

Близость Ламанского, как и некоторых других славянофилов, к либерализму отмечали и сами русские либералы. В частности, Л. С. (Людвиг Зиновьевич Слонимский) указывал на сходство их позиций с позицией либералов по целому ряду вопросов. Особенно одобрительно Л. С. отзывался о выступлениях Ламанского в защиту свободы мнений⁸³.

Либерализм Ламанского, его убеждение в том, что именно язык и культура, а не религия являются основой близости славянских народов; наконец, интерес к славянам австрийского государства — все это явилось причиной того, что взгляды Ламанского стали в 60-х годах XIX в. пользоваться успехом в среде либеральных славянских деятелей Австрии и оказывать на них влияние.

Идеи русских славянофилов 60—80-х годов не были панславизмом в нашем понимании этого термина, но они легли в основу мировоззрения русских панславистов, выступивших в конце 60-х годов в печати с обоснованием своих взглядов. Наиболее известным теоретиком русского панславизма стал Н. Я. Данилевский. В своей книге «Россия и Европа» он развивал учение о существовании особых культурно-исторических типов цивилизации, приходящих на смену друг другу. Отметив недоброжелательность европейских народов к России и славянам, Данилевский объяснил ее тем, что те и другие принадлежат к различным культурно-историческим типам: романо-германскому, наследнику древнего Рима, и славянскому, наследнику Византии. Высоко оценивая европейскую цивилизацию, Данилевский указывал на

⁸² ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, д. 203, л. 2 об.

⁸³ Л. С. Славянофильство и либерализм (по поводу мнения проф. Ламанского и его единомышленников). — Вестник Европы, 1884. № 10, с. 799—806.

необходимость для славян создать свою собственную и внести таким образом свой вклад в культуру человечества. Для этого славяне прежде всего должны объединиться в единое политическое целое и принять русский язык в качестве общеславянского. Будущее государство славян Данилевский мыслил как федерацию с большими правами внутреннего самоуправления⁸⁴, во главе которой должна была стоять Россия. Данилевский представлял себе славянское государство самодержавной монархией, так как самодержавие он считал органической формой русской государственности. Нравственной основой федерации должно было стать православие. В существовании крестьянского надела Данилевский видел преимущество России перед Европой, поскольку он являлся собственностью работника, которая гарантировала его от всякого рода революционных увлечений. Считая крестьянский надел и общину сутью русского общественно-экономического строя, Данилевский решительно отвергал мнение, что община является коммунистическим учреждением, но подчеркивал, что она есть «священная и неприкосновенная форма собственности» (с. 538).

Данилевский понимал, что для создания всеславянской федерации необходимо освобождение всех славянских народов от чужеземного ига. Поэтому, рассматривая Восточный вопрос как вопрос об избавлении славянских народов от власти Османской и Габсбургской монархий, Данилевский предлагал поставить его во главу угла русской внешней политики. «Для всякого славянина,— писал он,— русского, чеха, серба, хорвата, словенца, болгара (желал бы прибавить и поляка)— после Бога и его святой церкви идея славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага»⁸⁵. Доктрина Данилевского являлась реакционной, националистической доктриной, призванной не только укрепить такие реакционные институты, как православие и самодержавие, но и распространить их на все славянские земли.

⁸⁴ Данилевский предлагал включить во всеславянскую федерацию все славянские земли, в том числе и Польшу, а также Грецию, Румынию, Венгрию и Константинополь.

⁸⁵ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб., 1888, с. 1—557.

Близким к Данилевскому был другой идеолог панславистов генерал Р. А. Фадеев. Он также считал необходимым политическое объединение славян под властью русского самодержавия. При этом он дополнял план всеславянской федерации следующим образом: во главе каждой ее части должен был стоять государь из династии Романовых, но все объединение должен возглавлять русский самодержец. Восточный вопрос Фадеев, как и Данилевский, связывал с освобождением славян от чужеземного ига, но в отличие от последнего главного врага славян он видел не в Европе в целом, а в германских народах, ибо для славянских народов опасно прежде всего «немецкое племя с его непомерными притязаниями». Поэтому первым условием создания всеславянской федерации Фадеев выставлял разгром немецких государств — Пруссии и Австро-Венгрии⁸⁶.

С симпатией следили за борьбой славянских народов за свои национальные права русские революционные демократы. Особое внимание славянам Австрийской империи уделяли М. А. Бакунин и А. И. Герцен. В послании «Русским, польским и всем славянским друзьям» Бакунин выражал намерение всю свою жизнь посвятить борьбе «за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всех славян». Он был уверен в скором развале Австрийской и Турецкой монархий⁸⁷. И Бакунин, и Герцен верили в возможность создания всеславянской федерации, в которую бы вошли «все наши народности с равными правами самобытности и независимости» и которая была бы основана на буржуазных началах сословного равноправия, свободы мысли и слова, торговли и сношений⁸⁸. Однако главным для Герцена и Бакунина было освобождение славянских народов от иноземного угнетения, от пут феодализма. И в 70-х годах, мечтая о революции в России, Бакунин связывал ее с освобождением славян. В этом отношении большой интерес представляет донесение царского агента в среде русской эмиграции в Женеве Романна от 30 января 1871 г. В беседе с ним Бакунин развернул

⁸⁶ Фадеев Р. Мнение о восточном вопросе. СПб., 1870, с. 5—98.

⁸⁷ Колокол, 1862, № 122—123, с. 1021.

⁸⁸ Колокол, 1862, № 141, с. 1167.

фантастический план ближайших революционных действий, в который входила наряду с другими мерами пропаганда среди австрийских славян в целях скорейшего распада Австрийской монархии. После включения славян в состав России Бакунин полагал «поднять их же против правительства и направить их действия к достижению свободы»⁸⁹.

В России идеи, близкие к идеям Герцена и Бакунина пытались пропагандировать журнал «Русско-славянские отголоски», выходивший в мае — июне 1868 г. в Петербурге. Редакция его резко отделяла себя от московских славянофилов, считая ретроградскими их представления об абсолютном превосходстве древней русской культуры и мысли о необходимости подчинения славян России⁹⁰. «Русско-славянские отголоски» выступали против гнета аристократии и официальной церкви, за ликвидацию сословных привилегий и предрассудков, за свободный союз славянских племен, основанный на свободе и равноправии⁹¹. Характерно, что как Бакунин и Герцен, журнал не мыслил себе славянской федерации без примирения поляков и русских, без вхождения в ее состав Польши⁹².

Таким образом, в 50-х — первой половине 70-х годов в русских общественных кругах имели хождение три плана решения славянской проблемы, исходившие от реакционного, умеренно-либерального и революционно-демократического направлений. Все они в той или иной мере оказали влияние на программы словенских национальных деятелей второй половины XIX в.

§ 5. Формирование словенских политических программ в 60-х годах (Объединенная Словения, Мариборская программа, югославизм, австрославизм)

60-е — начало 70-х годов XIX в. явились временем кризиса Австрийской империи, временем поисков из него выхода правящими австрийскими кругами. После пора-

⁸⁹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 411, л. 264.

⁹⁰ Русско-славянские отголоски (СПб.), 11.V 1868, с. 6.

⁹¹ Русско-славянские отголоски, 18.V, 15.VI 1868, с. 1, 2.

⁹² Русско-славянские отголоски, 15.VI 1868, с. 3.

жения в Италии Габсбурги должны были пойти на уступки и даровать конституцию народам Австрии. Немецкие либералы, представлявшие интересы крупной немецкой буржуазии, являлись сторонниками усиления централизации, что создало бы благоприятные предпосылки для германизации ненемецких народов Австрии. Часть правящих кругов склонялась к дуализму, т. е. к союзу с венгерским дворянством при уступке последнему ряда важнейших прав. Консервативные немецкие круги выступали за федерализацию Австрии, т. е. за ослабление центральной власти и увеличение прав исторически сложившихся провинций. Таким путем австрийское дворянство думало сохранить свои привилегии от посягательств либеральной буржуазии.

Из этих трех планов переустройства Австрийской империи для национальных партий славянских народов самым приемлемым был последний. Консервативные круги славянских народов охотно шли на союз с немецким дворянством, полностью принимая его трактовку федерализации Австрии. При этом они надеялись получить от аристократии ряд уступок в национальном вопросе: расширение прав национального языка в школе и в администрации и т. д. Либеральные и демократические круги славян понимали под федерализацией Австрии нечто другое, а именно создание в ней национальных административных единиц, пользующихся определенной автономией. Идея эта могла выражаться в форме требования исторического права (чехи, хорваты) или национального права (словенцы, украинцы, словаки).

В результате довольно ожесточенной борьбы победил план переустройства Австрии на дуалистических началах, и победил потому, что венгерское дворянство оказалось сильнее и организованнее национальных партий других народов Австрии, ближе по своей классовой сущности правящим австрийским буржуазно-дворянским кругам. Установление дуализма означало для славян отказ от всякой надежды на федерализацию Габсбургской монархии, усиление национального гнета, увеличение опасности их поглощения со стороны немцев и венгров. Наряду с внутренней опасностью конкретной оставалась и внешняя угроза захвата Австрийской империи Пруссией. Поэтому после введения в 1867 г. дуализма национальная борьба в Габсбургской монархии

не только не уменьшилась, но, наоборот, вспыхнула с новой силой.

В условиях борьбы против дуализма и централизма в 60-х годах XIX в. словенские национальные деятели должны были сформулировать словенскую политическую программу. С начала 60-х годов у словенцев существовали две национальные программы. Уже спустя несколько дней после обнародования февральского патента М. Маяр опубликовал в «Новицах» Блейвейса статью «Наше положение», в которой выступил за объединение всех словенских земель в единую провинцию со своим провинциальным собранием, т. е. за Объединенную Словению⁹³. Однако в начале 60-х годов программа Объединенной Словении не нашла поддержки у большинства словенских национальных деятелей, ибо против нее решительно выступили как правительство, так и немецкие либералы. Некоторые из словенцев приняли программу Внутренней Австрии, выдвинутую в начале 60-х годов А. Эйншпиллером. Она предусматривала объединение провинций Штирия, Каринтия, Крайна, составивших в 1564—1747 гг. политико-административную единицу под названием Внутренняя Австрия⁹⁴. В нее наряду со словенскими землями должны были входить немецкие и итальянские. Из ее населения только 43% составляли бы словенцы. Идея создания Внутренней Австрии базировалась на историческом праве, которого придерживались в своих национальных программах чехи, хорваты, поляки, которое поддерживало и федералистски настроенное дворянство. Но если у чехов и хорватов программа исторического права отвечала национальным чаяниям, то у словенцев она не решала национального вопроса. И все же в первой половине 60-х годов многие словенские национальные деятели поддерживали именно программу Внутренней Австрии, желая возможно более приблизить свои национальные требования к требованиям чехов, хорватов, федералистски настроенного дворянства. В 1865 г. съезд словенских национальных деятелей в Мариборе принял программу Внутренней Австрии в качестве национальной политической программы словенцев.

⁹³ Novice, 13, 20.III 1861, s. 89, 95.

⁹⁴ Pleterski J. Narodna in politična zavest na Koroškem, s. 141.

Поражение Австрии в войне против Пруссии в 1866 г., последовавшее затем введение дуализма, радикализовало словенское национальное движение. В 1868 г. произошло фактическое отделение либералов (младословенцев), организовавших свою газету «Словенски народ» от старословенцев, группировавшихся вокруг «Новиц» Блейвейса. Младословенцы, особенно наиболее радикальные из них, решительно отказались от программы Внутренней Австрии и приняли программу революционного 1848 г.—Объединенной Словении. «Объединенная Словения — это первое условие, это — *conditio sine qua non* — нашего прогресса», — писал Ф. Левстик, вождь левого крыла младословенцев, в октябре 1866 г.⁹⁵ Спустя два года (в 1868 г.) он выразился еще более определенно: «Мы, словенцы, или объединимся как нация, или погибнем»⁹⁶. Такого мнения придерживались все младословенцы и часть консерваторов. В частности, в Штирии одним из активных борцов за Объединенную Словению был Герман, словенский национальный деятель, немец по происхождению. Им была составлена интерпелляция словенских провинциальных депутатов в Штирии, представлявшая собою, по словам словенского историка В. Мелика, «несомненно самый решительный и острый текст в пользу Объединенной Словении»⁹⁷. Вообще многие консервативные словенские деятели Штирии были сторонниками Объединенной Словении⁹⁸. Их позиция объясняется тем, что провинциальная автономия Штирии ничего не могла дать словенцам, составлявшим меньшинство населения провинции: им все равно приходилось бы во всех провинциальных органах подчиняться воле немецкого большинства.

Решительно поддержав программу Объединенной Словении, младословенцы, а вслед за ними и часть старословенцев тем самым перешли с позиций исторического права на позиции национального или естественного права, стали отстаивать его справедливость и правомерность. В этом отношении интересна речь одного

⁹⁵ *Levstik F. Zbrano delo, zv. 8, s. 212.*

⁹⁶ *Ibid., zv. 9, s. 314.*

⁹⁷ *Melik V. Slovensko narodno gibanje za časa taborov.— Zgodovinski časopis, 1969, N 1—2, s. 76.*

⁹⁸ *Melik V. Slovenska politika ob začetku dualizma.— Zgodovinski časopis, 1968, N 1—2, s. 47.*

из лидеров младословенцев Й. Вошняка, произнесенная им при закладке чешского национального театра в Праге 16 мая 1868 г. «Мы, словенцы,— сказал он,— не имеем исторического права, у нас нет словенской короны, при всем этом наше право не менее справедливо, наше право естественное, национальное»⁹⁹. Такого же мнения был и один из лидеров старословенцев либерального направления Л. Светец. «Я утверждаю,— писал он в 1866 г.,— что среди всех австрийских народов историческое право менее всего пригодно нам, словенцам, что оно много больше, чем нам, подходит немцам и венграм. Историческое право для доброй половины австрийских славян является *историческим бесправием*. История милее всего тому, кто имеет фактическую власть... Мы хотим жить, развиваться и идти к прогрессу — это и есть наше историческое право, наше право на века»¹⁰⁰. На таборе (митинге) в Шемпасе (октябрь 1868 г.) д-р Тонкли, ставший затем лидером словенских консерваторов в Горице, заявил выступая за Объединенную Словению: «То, что наши противники называют историческим правом, для словенцев было историческим бесправием... и историческое бесправие, тысячелетнее историческое бесправие мы должны ликвидировать»¹⁰¹.

Переход словенских национальных деятелей на позиции естественного права был отмечен и одобрен русскими славянофилами. «Видя ощутительно бесплодность борьбы своей с немцами и венгерцами за начала исторические, они [т. е. австрийские славяне.— И. Ч.] стали обращаться теперь на защиту одних прав национальности, т. е. на защиту одного славянства, что значительно сближает нас с ними,— писал М. Ф. Раевский В. И. Ламанскому 1 ноября 1866 г.— Прежде заявили себя в пользу одной национальности словенцы; им стали вторить словаки, русские [западные украинцы.— И. Ч.], румыны... Переход здешних славян к началу национальному есть поворот к сближению с Россиею»¹⁰².

Раевский, как и прочие славянофилы, приветствовал борьбу за национальное (или естественное) право не с

⁹⁹ Slovenski narod, 21.V 1868.

¹⁰⁰ Novice, 3.X 1866.

¹⁰¹ Slovenski narod, 24.X 1868.

¹⁰² ОР ГПБ, ф. 608.

буржуазных позиций. Борьбу славян за национальное право они рассматривали как шаг к сближению с Россией, ибо национальное в широком понимании осмыслилось ими как славянское. Поэтому и поворот славянских народов к национальному принципу славянофилы рассматривали как поворот к славянству, к идее его общности, а следовательно, и к России как главному оплоту славянского мира. Наоборот, борьбу за историческое право славянофилы считали основой австрославизма, который многие из них осуждали. В пользу программы Объединенной Словении высказывался В. И. Ламанский¹⁰³.

Выступая за Объединенную Словению, младословенцы (как и примыкавшие к ним в этом вопросе консерваторы) никогда не представляли ее себе независимым самостоятельным государством. «Мы, бедные словенцы, — писал Левстик, — никогда не имели на земле своего царства и не будем его иметь»¹⁰⁴. Редактор «Словенского народа» с 1871 г., видный деятель младословенцев Й. Юрчич, также подчеркивал в 1868 г., что «объединение всех словенцев — единственный путь, который может сохранить нас для славянства»¹⁰⁵. Таким образом, Объединенная Словения представлялась словенским национальным деятелям как часть какого-то большого целого. Практически и югославизм, и австрославизм, и всеславянские идеи словенских национальных деятелей являлись вариантами, дополнявшими и развивавшими программу Объединенной Словении, отвечавшими на вопрос: в каком же государственном организме должна находиться Словения?

Югославянские идеи пропагандировали многие словенские видные деятели из числа либералов: А. Томшич, В. Зарник, Ф. Левстик. Эти идеи поддерживали и многие национальные деятели хорватов и воеводинских сербов. Необходимость совместной борьбы за свои права приводила южных славян к стремлению объединиться в той или иной мере политически (о языковом объединении всерьез уже никто не думал). Чаще всего политическое объединение югославян мыслилось в виде феде-

¹⁰³ Чуркина И. В. Фран Левстик — вождь левого крыла младословенцев. Славяно-балканские исследования. М., 1972, с. 109—110.

¹⁰⁴ *Levstik F. Zbrano delo, zv. 7, s. 50.*

¹⁰⁵ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. III, s. 87; Slovenski narod, 29.IX 1869.*

рации, состоящей из автономных Словении, Хорватии, сербской Воеводины и входящей в состав федерализованной Австрийской монархии. Эти планы не выходили из рамок австрославизма, в частности резолюция, принятая на югославянском конгрессе в Любляне (1—3 декабря 1870 г.).

На предварительной встрече в Сисаке (ноябрь 1870 г.) словенскими и хорватскими деятелями был согласован предварительный проект, в котором прокламировалась необходимость политического объединения Словении и Триединого королевства на автономных началах в рамках Венгерского королевства¹⁰⁶. Люблянская резолюция, официально принятая представителями словенцев, хорватов, воеводинских сербов, была значительно расплывчатее. В ней говорилось о единстве южных славян, выразившемся в единстве их языка, обычаев, исторических судеб; указывалось на общность их национальных потребностей в Австрийской монархии. Опираясь на это, Люблянская резолюция призвала словенцев, хорватов и воеводинских сербов объединить моральные и материальные силы для укрепления своего единства в области литературы, экономики и политики и заявляла о намерении южных славян Австрии помогать своим братьям за границей. В качестве средств достижения этих целей назывались общества, собрания, газеты¹⁰⁷.

Сисакское и Люблянское совещания словенских, хорватских и сербских деятелей привлекли пристальное внимание русского консула в Риеке Л. В. Березина. Отмечая в своем донесении от 18 декабря, что вопрос о югославянской федерации был поставлен еще в 1848 г., Березин выразил предположение, что «вопрос о политическом объединении южных славян представляется в настоящее время уже при благоприятной себе обстановке». «На последних съездах в Сисеке [Сисак.—И. Ч.] и Лейбахе [Любляна.—И. Ч.] была принята за руководство политическая программа Аграмского [Загребского.—И. Ч.] сейма 1848 г.,—продолжал Березин.—

¹⁰⁶ *Milutinović K. Problematika ljubljanskog jugoslovenskog programa kod srba i hrvata.—Zgodovinski časopis, 1956—1957, s. 160—161.*

¹⁰⁷ *Ibid., s. 165—166.*

...Описанное мною народное движение само по себе уже отвергает всякую связь с официальной сферой». Поэтому все слухи о поддержке габсбургским правительством югославистов Березин считал мало правдоподобными. Вместе с тем он еще 5 ноября 1870 г. указывал на несогласие между хорватами и словенцами относительно того, в Цислейтанию или Транслейтанию будет входить югославянское объединение¹⁰⁸.

Люблянская резолюция как декларация об общности интересов южных славян Австро-Венгрии и их желании действовать сообща в целях достижения своих национальных прав имела положительное значение. Но она не давала ясных политических перспектив. Это видели многие южнославянские политики и прежде всего сербские. Сербские либералы (от левого либерала Светозара Милетича до правого Михаила Полит-Десанчича) выступали против Люблянской резолюции главным образом потому, что она подразумевала объединение южных славян в пределах Австрийской монархии, в то время как некоторые воеводинские либералы стремились присоединить сербскую Воеводину к фактически независимому Сербскому княжеству¹⁰⁹.

У словенцев отношение к идеям югославизма складывалось по-разному. Среди них были такие деятели, которые думали об объединении южных славян Австро-Венгрии вокруг Хорватии, считая, что она должна выполнить роль Пьемонта для южных славян. Такой точки зрения придерживался, например, корреспондент «Словенского народа» в Хорватии «-р» (Ф. Кочевар). Он считал, что югославянские народы должны объединиться перед лицом немецкой угрозы, более страшной, чем турецкая, ибо турки только поработили славян, а немцы их ассимилируют. Интересно, что Кочевар рассматривал югославизм как часть всеславянской идеи, указывая, что он может стать первым шагом к решению славянского вопроса в целом¹¹⁰. И. Приятель, разбирая направление программы «Словенского народа», указывал, что в ней подспудно проводилась идея образования Югосла-

¹⁰⁸ АВГП, Гл. арх. V-A₂, оп. 181, д. 1030, л. 156—157 об, 160—161.

¹⁰⁹ *Milutinović K. Problematika...*, s. 169—171.

¹¹⁰ *Slovenski narod*, 10, 13.XII 1870.

вянской федерации с помощью России ¹¹¹. Это был один из вариантов югославизма в Словении.

В среде горицких либералов идеи югославизма имели особенно широкое распространение. Либеральное общество горицких словенцев «Соча» на своем общем собрании в феврале 1871 г. активно обсуждало этот вопрос. В своем выступлении вождь горицких либералов Карел Лаврич говорил о том, что каждый славянский народ, живущий на юге Австрии, слишком мал, чтобы добиться чего-либо для себя: словенцы не могут получить Словении, хорваты — Триединого королевства, сербы — Воеводины. Только совместные усилия этих трех народов помогут им достичь своих целей. Лаврич предполагал создание федерации Югославии, в которой высший суд и высшее финансовое управление были бы общими, общими были бы университет и депутаты рейхстага. В остальном Словения, Хорватия и Воеводина сохраняли бы автономию. Практически выступление Лаврича во многом совпадало с основными решениями словенских и хорватских политиков на Сисакском совещании. С поддержкой предложениям Лаврича выступили Дольяк и Тонкли. Но, если в речи Дольяка упор делался на то, что словенцы должны объединиться со своими южными братьями, чтобы помешать немцам расширить Германию до Адриатики, то в речи Тонкли всячески подчеркивалась мысль, что объединение югославян должно способствовать укреплению, а не гибели Австрии ¹¹². Открыто горицкие словенцы признавали, что югославянская федерация должна входить в состав Габсбургской монархии, но в печати проскальзывали мысли и о том, что ядром объединения югославян может стать свободное Сербское княжество ¹¹³.

Близок к точке зрения горицких либералов был и Ф. Левец. Выступая на съезде словенских учащихся в Любляне 4 сентября 1869 г., он между прочим заявил, что Хорватия не сможет сыграть роли Пьемонта для южных славян, но это лучше сделает Сербия ¹¹⁴.

¹¹¹ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična pri slovstvena zgodovina*, zv. III, s. 259.

¹¹² *Soča (Gorica)*, 31.III 1871.

¹¹³ *Zwitter F. Narodnost in politika pri slovencih*, s. 41.

¹¹⁴ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, zv. IV, s. 86.

Новым этапом развития югославянских идей в Словении стала программа Янеза Похара. Уроженец Верхней Крайны Похар учился в горицкой богословской семинарии, откуда был исключен за непослушание. В 1862 г. Похар бежал из Австрии в Сербию, переправившись вплавь через Дунай в районе Земуна, чтобы сражаться с турками. В письме от 10 августа 1862 г. он писал другу: «Я хочу сам переплыть через Саву, чтобы хоть раз ступить на землю отважных славянских юнаков... Да здравствует Югославия! Для нее — жизнь»¹¹⁵. В 1870 г. Похар перебрался в Бухарест, где сблизился с болгарской революционной эмиграцией, в том числе с Христо Ботевым. В 1871 г. Похар стал издавать журнал «Югославия» (вышло всего 4 номера). В объявлении об издании «Югославии» он подчеркнул недостаточность югославянской программы, принятой в Любляне, так как она касается только южных славян Австрийской монархии и не принимает во внимание славян, живущих в Турции. Целью югославян должно стать создание югославянской федерации, основанной на принципах справедливости, свободы, братства и суверенитета, который не продается за блеск корон и военных парадов¹¹⁶. В 1-м номере «Югославии» от 5 июля 1871 г. подчеркивалось, что только несогласие славян держит их в течение 500 лет в рабстве. «И Турция, и Австрия обессилены,— продолжала газета,— и дни их существования зависят от нас и нашей согласованности, от жертв, которые мы принесем нашей родине, нашему потомству»¹¹⁷. Таким образом, образование югославянской федерации подразумевало распад Австро-Венгрии и Оттоманской империи — двух реакционных европейских держав.

Выход первых номеров «Югославии» вызвал благоприятный отклик словенских либералов. В «Словенском народе» появилась статья¹¹⁸, в которой коротко давалась программа «Югославии» и указывалось, что она предусматривает создание югославянской федера-

¹¹⁵ Slovenec (Celovec), 12.IX 1866, s. 292.

¹¹⁶ Rode M. Nekaj podatkov o Janezu Poharju.— Zgodovinski časopis, 1968, N 1—2, s. 99.

¹¹⁷ Ibid., s. 102.

¹¹⁸ Роде полагает, что ее написал Юрчич. См.: Rode M, Nekaj podatkov..., s. 102.

ции революционным путем. При этом в скобках замечалось: «Мы, австрийские югославы, не имеем возможности поднять революционные знамена». Последнее замечание свидетельствовало, что у автора статьи революционный путь установления Югославии не вызывал принципиальных возражений. Принципиальное возражение корреспондента «Словенского народа» вызывало отношение к России автора статьи «Мысли югославянина» (на сербско-хорватском языке), помещенной в «Югославии». «Никто не скрывает,— писал корреспондент «Словенского народа»,— что Россия не все сделала для южных братьев, что могла, но нужно подумать и о том, как безнадежно было бы их положение, если бы России — даже абсолютистской — не существовало»¹¹⁹. В ответ на заметку в «Словенском народе» Похар опубликовал в № 3 «Югославии» свою статью (написанную на словенском языке), в которой замечал, что югославянская идея журнала вовсе не исключает всеславянских идей. Но в отношении России Похар указывал, что придерживается принципа никому не льстить, в том числе и могущественному русскому государству, «пока мы не увидим, что оно уважает свободу и имеет в виду братское сочувствие к нам, а не только собственные интересы». Вместе с тем Похар подчеркивал, что все сказанное не относится к русскому народу, «которому мы желаем всевозможного счастья, большего просвещения и большей свободы»¹²⁰.

Похар был единственным словенцем, открыто выступившим в начале 70-х годов XIX в. за революционный путь создания югославянской федерации. Возможно, на его взгляды оказал влияние Бакунин, решительно высказывавшийся за создание всеславянской федерации на развалинах трех империй: австрийской, турецкой и русской. Но в отличие от Бакунина Похар ставил более узкие цели: установление свободной, равноправной федерации югославянских народов, не отказываясь полностью и от всеславянской федерации. Последней он все же остерегался, по-видимому, из-за официальной России, к которой относился значительно более трезво, чем словенские либералы, видя своекорыстность ее внешней по-

¹¹⁹ Slovenski narod, 27.VII 1871.

¹²⁰ Rode M. Nekaj podatkov..., s. 102.

литики, отсутствие внутри Российского государства свободы и просвещения.

Таким образом, среди словенцев имели хождения несколько вариантов югославянских идей. И все же не они были преобладающими во взглядах словенской либеральной интеллигенции, особенно в Крайне. Причиной этого послужила отчасти идеология и деятельность хорватской партии мелких собственников — правашей. В национальном вопросе праваша стояли на принципах панхорватизма, считая хорватов, сербов и словенцев единым народом — хорватами, которые должны объединиться в единое государство — Великую Хорватию «от Германии до Македонии»¹²¹. При этом предполагалась полная ассимиляция сербов и словенцев хорватами в языковом и культурном отношении. Югославянская федерация воспринималась правашами не как союз равноправных народов, а как хорватское государство.

Конечно, такое понимание югославизма не могло оказать благоприятного влияния на интерес многих словенцев и сербов к идее союза югославян. Особенно резко ухудшились отношения хорватов с сербами, многие из которых жили на территории Хорватии и очень остро чувствовали национализм правашей. Раздоры между хорватами и сербами значительно охлаждали югославизм словенцев. Так, Ф. Левстик, с 1863 г. пропагандировавший тесный союз южных славян Австрии, уже в 1868 г. высказывал сомнения в его целесообразности¹²². В качестве причины нежелательности тесного союза словенцев с хорватами он называл вражду последних с сербами. «Я, говоря открыто, — писал Левстик, — опасался бы за настоящую братскую любовь, за согласие, за будущее нас всех. Если хорваты не имеют единства со своими родными по крови и языку братьями сербами, то чего же ожидать от них нам?» Левстик полагал, что основными условиями союза словенцев с хорватами должно быть единство национальной программы хорватских партий, их доброжелательное отношение к сербам, их стремление к славянской взаимности¹²³.

¹²¹ *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу, с. 200—203.

¹²² *Чуркина И. В.* Фран Левстик — вождь левого крыла младословенцев, с. 93—94.

¹²³ *Levstik F.* Zbrano delo, zv. 8, s. 211.

В том же плане, что и Левстик, выступал против югославизма и корреспондент «Словенского народа», автор статьи «Словенцы и славянская взаимность» триекский купец Грегор Блаж. Он указывал, что в политическом отношении югославизм сложен, так как южные славяне находятся в разных государствах, а в культурном — невыгоден, так как принятие хорватского языка ничего не даст словенцам и другим южным славянам, поскольку хорватский язык не более образован и распространен, чем их языки. «Мы бы хорватам посоветовали другое: — заключал Блаж, — пусть смотрят, как лучше укрепить у себя дома национальную партию и утвердить ее среди простого народа; и пусть одновременно оставят мечты о руководстве всем югославянством — руководстве, к которому югославяне не имеют доверия; пусть станут теми, кем им подобает быть — равными среди равных, славянами среди славян»¹²⁴.

Надо иметь в виду не только то, что югославянские идеи не были господствующими в среде словенской интеллигенции, но и тот факт, что ряд словенцев, являвшихся убежденными югославистами, рассматривали югославизм в тесной связи с всеславянской идеей, как первый шаг к ее осуществлению¹²⁵.

Идеи солидарности всех славянских народов никогда не переставали быть актуальными в среде словенской интеллигенции. Правда, в 60-х годах они стали приобретать несколько другой акцент, чем в 50-е годы. Новые идеи славянской взаимности исходили из того, что славяне не являются единым народом, а существует несколько самостоятельных славянских наций, каждая со своим языком и культурой. Однако борьба с немцами и прочими притеснителями славян требовала от славянских народов единства, которое и должна была обеспечить славянская взаимность. Именно поэтому в 60-х годах среди словенской интеллигенции наряду со словенским и югославянским самосознанием все более распространялось и всеславянское самосознание. Это увидел и И. С. Аксаков, посетивший в мае — июне 1860 г. сло-

¹²⁴ Slovenski narod, 10.VII 1869.

¹²⁵ Это отмечает И. Приятель (*Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. IV, s. 111*), с ним солидарен отчасти Д. Кермавнер (*Kermavner D. Slovenska politika..., s. 18*).

венские земли. Сталкиваясь не только с признанными словенскими руководителями, но и с незнакомыми ему людьми, Аксаков с удовлетворением отметил, что среди молодежи «славянское чувство, чувство славянского братства... очень живо»¹²⁶.

Во второй половине 60-х годов славянское сознание еще более укрепилось. Герман на провинциальном собрании Штирии, призывая словенцев защищать свои национальные права, подчеркивал, что словенцы «сильны братской любовью, которую имеют к нам миллионы и миллионы; несправедливость, которая причиняется части славянского народа, чувствуется и другими его частями»¹²⁷. К славянской солидарности призывал Г. Блаж, указывая: «Спасти нас может только одно, а именно славянская взаимность»¹²⁸. В газетах, особенно в либеральном «Словенском народе», всячески подчеркивалась величина славянского племени. Так, в июле 1868 г. корреспондент из Халоз (Раич Б.) писал, что на языке славян говорит самый большой народ Европы, насчитывающий 80 млн.¹²⁹ На таборах, проводившихся словенскими национальными деятелями в 1868—1871 гг. по всем словенским землям и собиравшим десятки тысяч крестьян и горожан, ораторы наряду с требованием Объединенной Словении нередко говорили о братстве славян, всякий раз подчеркивая, что за словенцами стоят 80 млн. славян¹³⁰. Чувство славянского самосознания в конце 60-х годов благодаря деятельности различных словенских культурно-просветительских обществ, благодаря табороам стало распространяться не только в среде интеллигенции, но и в среде простых крестьян и горожан. В этом отношении характерна корреспонденция крестьянина из Нижней Крайны (Доленьско), помещенной в начале 1869 г. в «Словенском народе». Корреспондент признавал в ней, что еще совсем недавно многие крестьяне сожалели о своем словенском происхождении, завидовали немцам. Теперь положение изменилось. Крестьяне осознали, что словенцы — часть славянского народа, на-

¹²⁶ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. III. Приложение, с. 114.

¹²⁷ Slovenski narod, 31.X 1868.

¹²⁸ Slovenski narod, 31.VIII 1869.

¹²⁹ Slovenski narod, 18.VII 1868.

¹³⁰ Slovenski narod, 24.X 1868. См. речь Й. Вошняка на таборе в Шемпасе.

считывающего 80 млн. человек и являющегося самым могущественным в мире ¹³¹.

В семье славянских народов словенские национальные деятели пытались определить место своего народа, его задачи в общей борьбе против врагов славянства (прежде всего — против немцев). Об этом говорил в своем выступлении по поводу закладки Национального театра в Праге И. Вошняк. «Мы осознали,— заявил он,— что мы — словенцы, что мы — ветвь великой славянской липы и что наша святая обязанность — сохранить славянам с севера проход к Адриатическому морю, к которому протягивают руки три чужих народа. Как бы могли мы одни сражаться в этом неравном бою, если бы нас не укрепляла мысль, что за нами стоят миллионы и миллионы наших братьев?» ¹³². Задача словенцев — сохранение для славян выхода к Адриатике — представлялась словенским национальным деятелям одной из стратегических задач в битве славян за свое существование, за свои права.

Славянская взаимность трактовалась словенскими национальными деятелями двояко. С одной стороны, наиболее понятной и насущной была пропаганда идей тесной солидарности австрийских славян в борьбе за свои национальные права. «Словенский народ» указывал, в частности, что словенцам необходима славянская взаимность, ибо славяне имеют общую цель (речь шла об австрийских славянах.— И. Ч.) — сохранить свою славянскую национальность, добившись введения федерализма в Австрии ¹³³. Такая славянская взаимность имела конкретное политическое значение для словенцев, ибо она означала стремление к политическому сотрудничеству славянских народов Габсбургской монархии в общей борьбе против централизма и дуализма. Это сотрудничество не раз претворялось в жизнь. Оно было реальным, ибо славянские народы Австрийской империи имели общие цели — достижение равноправия с господствующими нациями, создание благоприятных условий для развития национальной экономики и культуры — и общих врагов: правительство, проводившее по-

¹³¹ Slovenski narod, 6.II 1869.

¹³² Vošnjak J. Spomini, zv. II. Ljubljana, 1906, s. 19.

¹³³ Slovenski narod, 4.VII 1868.

литику в интересах немецкого и венгерского господствующих классов, немецких, венгерских, итальянских националистов. В среде консерваторов идеи славянской взаимности носили австрославистский оттенок. А. Эйншпиллер в статье «Что словенцам надо?» призывал словенцев проводить взаимную славянскую политику, которую он понимал как совместные действия австрийских славян в своих общих интересах. Вместе с тем Эйншпиллер подчеркивал, что политика словенцев должна быть австрийской, ибо, если бы не было Австрии, славян захватили бы Германия, Венгрия, Италия, Россия¹³⁴. После введения дуализма позиция Эйншпиллера осталась прежней.

Указывая на хождение австрославистских идей среди словенских политиков, следует иметь в виду, что в 60-х годах XIX в. они отличались от австрославизма 1848 г. В. Мелик, например, подчеркивает этот момент относительно австрославизма младословенцев: призывая к солидарности австрийских славян, они вместе с тем предполагали близкую возможность распада Австро-Венгрии¹³⁵. Обеспечить национальное существование словенцев в случае гибели Габсбургского государства был призван второй вариант славянской взаимности, имевший особую популярность у словенских национальных деятелей во второй половине 60-х годов.

§ 6. Всеславянские идеи словенцев.

Влияние

на словенских национальных деятелей русской общественной мысли

Говоря о поддержке национальных чаяний словенцев со стороны 80 млн. братьев, словенские национальные деятели имели в виду прежде всего наиболее многочисленный и могущественный славянский народ — русский. Можно сказать, что уменьшение надежд словенцев на Австрию в связи с введением в ней дуализма имело своей оборотной стороной рост их всеславянских настроений и симпатий к России. В их национально-культурных и национально-политических концепциях русский

¹³⁴ Slovenec, 25.II 1865, s. 49.

¹³⁵ Melik V. Slovenska politika ob začetku dualizma, s. 55—57.

язык и культура, русское государство начинают играть все более важную роль, ибо, по мнению нового поколения словенских либералов, только Россия имела реальную возможность противостоять Австрии, Германии, Турции, угнетавшим славянские народы. Ради спасения своей славянской сущности словенские либералы соглашались даже на русификацию. Популярным лозунгом среди них в конце 60-х — начале 70-х годов было: «Лучше стать русским, чем пруссаком». Об этом прямо писал «Словенский народ» в апреле 1869 г.: «Если бы несчастье [т. е. гибель Австрии.— И. Ч.] причинил Австрии тот народ, который она до сих пор считает первым своим любимцем [т. е. немцы.— И. Ч.]... каждый словенец скорее станет по национальности русским, нежели пруссаком. Мы — славяне и хотим остаться ими»¹³⁶.

Всеславянские идеи, как и в 50-х годах, на страницах словенских газет чаще всего обсуждались в культурно-лингвистическом, а не в политическом плане. Снова был поднят вопрос о потребности общеславянского литературного языка. Уже в 1863 г. в статье «Еще раз об идеях открытого письма» Левстик замечал, что для славян необходим единый литературный язык¹³⁷. В 1868 г. с подробным обоснованием этого тезиса выступил Макс Плетершник, филолог, будущий составитель знаменитого «Словенско-немецкого словаря». Одной из причин, почему словенцы должны принять общеславянский язык, Плетершник считал тот факт, что из-за своей малочисленности словенцы никогда не смогут достичь того уровня духовного развития, который соответствует современным требованиям. «Огромную роль в развитии культуры,— продолжал он,— может сыграть только весь славянский народ объединенными силами, как единое целое». Плетершник был убежден, что общеславянским языком станет язык одного из славянских племен, а именно того, «которое по числу или образованности самое мощное и имеет наиболее развитую литературу». Те требования, которые Плетершник предъявлял к общеславянскому языку,— многочисленность народа, говорящего на нем, самая развитая литература — более всего соответствовали русскому языку. Рас-

¹³⁶ Slovenski narod, 17.IV 1869.

¹³⁷ Levstik F. Zbrano delo, zv. 8, s. 124.

суждая о необходимости принятия всеми славянами общего языка, Плетершник вместе с тем утверждал, что это не приведет к исчезновению других славянских языков. «У отдельных племен... всеславянский язык,— отмечал он,— долгое время был бы принадлежностью только образованных людей»¹³⁸.

В июле — августе 1869 г. в «Словенском народе» снова появились статьи, касавшиеся общеславянского языка: «Словенцы и славянская взаимность» и «Еще раз славянская взаимность». Долгое время словенские исследователи, начиная с И. Приятеля, были убеждены, что они принадлежат перу Целестина. Д. Кермавнер доказал, что автором их был один из корреспондентов «Словенского народа» Грегор Блаж. Если статья Плетершника только прозрачно намекала, что общеславянским языком должен стать русский язык, то статья Блажа говорила об этом очень откровенно. Свое убеждение он аргументировал тем, что русский язык — самый распространенный, с самой развитой литературой и самый чистый из всех славянских языков, что им пользуется три четверти всех славян, что, наконец, «среди славян одни только русские имеют достаточно оригинальных книг, полностью отвечающих требованиям современности»¹³⁹. Блаж утверждал, что словенцы заложат краеугольный камень своего будущего, если примут русский язык в качестве общеславянского¹⁴⁰. Как и Плетершник, Блаж считал, что другим славянским народам совершенно не обязательно отказываться от своих наречий. «Наш совет таков,— писал он,— пусть каждый образованный славянин кроме своего наречия знает также русское, другие же наречия пусть продолжают существовать»¹⁴¹.

В начале 70-х годов с обоснованием необходимости общеславянского языка выступил Левстик. В статье «Славянский письменный язык» он указывал, что общеславянским языком может стать только русский язык, поскольку на нем говорит самое могущественное и многочисленное славянское племя и поскольку он является самым чистым из всех славянских языков. Левстик даже

¹³⁸ Slovenski narod, 4.VI 1868.

¹³⁹ Slovenski narod, 15.VII 1869.

¹⁴⁰ Slovenski narod, 31.VIII 1869.

¹⁴¹ Slovenski narod, 15.VII 1869.

делал такие категорические выводы: «Столько славян будет сохранено для будущего, сколько их примет русский язык; всех остальных поглотит частью немецкое, частью итальянское моря»¹⁴².

Рассматривая языковую концепцию всех трех словенских национальных деятелей, можно отметить в ней ряд главных моментов. Первое — признание необходимости общеславянского языка; второе — убеждение, что им может стать только русский язык, как язык самого многочисленного славянского народа с наиболее развитой литературой; и, наконец, третье (для Блажа и Плетершника) — уверенность, что общеславянский язык должен быть языком образованных людей, тогда как для простого народа сохранится литература на их родном наречии. Все эти положения об общеславянском языке полностью соответствовали языковой концепции Л. Штура и В. И. Ламанского. Влияние взглядов последних на идеологию Плетершника, Блажа, Левстика не вызывает сомнений. В частности, Д. Кармавнер доказал, что Левстик читал статью В. И. Ламанского «Из записок о славянских землях. Сербия и южнославянские провинции Австрии», сопоставив ее с уже упомянутым очерком замечательного словенского демократа «Славянский письменный язык»¹⁴³. Кроме того, установлен и факт личного знакомства Левстика с Ламанским, их обоюдные симпатии друг к другу¹⁴⁴. Если принять во внимание, что Ламанский дважды бывал в Любляне — в 1862 и 1868 гг., — где встречался со многими словенскими культурными и политическими деятелями, и если предположить даже, что он не был лично знаком с Плетершником и Блажем, то и в этом случае, несомненно, его высказывания и суждения не могли остаться им неизвестными.

Мысли о необходимости общеславянского языка для славян и о провозглашении им русского языка не были характерны только для некоторых словенских идеологов. В конце 60-х — начале 70-х годов они были доволь-

¹⁴² *Levstik F. Zbrano delo, zv. 7, s. 59.*

¹⁴³ *Kermavner D. Opombe.—Prijetelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. III, s. 510—512.*

¹⁴⁴ *Чуркина И. Фран Левстик — вождь левого крыла младословенцев, с. 107—110.*

но распространены в среде словенской интеллигенции. Об этом свидетельствует ряд документов, например письма словенского учителя из Церкницы (Внутренняя Крайна) Йосипа Вовка (или, как он подписывался, Вовкова) Н. А. Попову. «Святой задачей каждого славянина является обучение себя настолько возможно русскому языку...— замечал он в письме от 27 августа 1871 г.— У меня есть мысль, и я всегда буду носить ее в сердце, что русский язык может стать в будущем литературным языком всех славян». Правда, Вовк считал, что для этого надо облегчить русскую азбуку. Спустя три года, 15 августа 1874 г., он пояснял Попову, как он представляет себе роль русского языка в качестве общеславянского: «Для нас, словенцев, хорватов, чехов и поляков, пусть русский язык станет тем, чем сейчас является немецкий язык»¹⁴⁵. Эту мысль Вовк считал практической, поскольку она означала не создание чего-то качественно нового, но простую замену функций, которые выполнял один язык, другим языком.

Среди учащейся молодежи идея общеславянского языка была популярна еще более. В апреле 1868 г. студент Ф. Левец¹⁴⁶ писал И. Юрчичу¹⁴⁷, в то время тоже студенту, что на собрании в Любляне, на котором присутствовало 19 молодых словенцев, все говорили в русофильском духе. Когда же он напомнил о различиях между словенцами и русскими в религии, ему ответили: «Если мы попадем под власть русских, то будем спасены от Рима»¹⁴⁸.

Свои симпатии к русскому языку молодежь ясно высказала на втором съезде словенской учащейся молодежи 4 сентября 1869 г., где обсуждался вопрос о языке высшей литературы для словенцев. К этому съезду готовились заранее. Г. Блаж выступил 31 августа в «Сло-

¹⁴⁵ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 6, д. 38.

¹⁴⁶ Фран Левец (1846—1916) — критик, историк литературы. В 70—90-х годах принадлежал к руководителям соглашательского крыла в словенском либеральном движении.

¹⁴⁷ Йосип Юрчич (1844—1881) — выдающийся словенский писатель, активный деятель либерального движения. С 1871 г. и до смерти являлся главным редактором газеты «Словенски народ». Один из близких сподвижников Левстика в борьбе против консерваторов, сторонник всеславянских и югославянских идей.

¹⁴⁸ Pisma Frana Levca. Ljubljana, 1965, s. 65.

венском народе» со статьей «Еще раз о славянской взаимности», в которой вновь горячо защищал идею принятия русского языка в качестве общеславянского¹⁴⁹. Кроме того, он накануне самого съезда написал письмо Левстику, подчеркивая в нем: «Если бы приняли предложение, что русский язык должен быть общеславянским, это бы оказало большое влияние на весь славянский мир». Далее Блаж просил Левстика повлиять в этом плане на молодежь¹⁵⁰. Левстик не выступал на съезде по этому поводу. Зато большую речь о преимуществах русского языка произнес Ф. Левец. Он высказался против принятия словенцами в качестве языка высшей литературы сербско-хорватского языка, указав, что на его основе нельзя создать культуру, которая бы смогла успешно конкурировать с культурой европейских народов. Левец подчеркивал и политический аспект необходимости принятия словенцами именно русского, а не сербско-хорватского языка в качестве общеславянского. «От германизации нас гарантирует не Югославия, но только одна Россия»¹⁵¹. Поэтому, заключал он, «для высшей литературы необходимо принять русский язык». Его предложение поддержал Ф. Целестин, подчеркнув, что «все-славянский язык не может быть иным, кроме русского». При голосовании резолюция Левца о том, что словенцы признают для себя языком высшей литературы русский язык, была принята единогласно всеми девяноста участниками съезда¹⁵².

24—25 сентября 1868 г. в Любляне происходил первый съезд словенских учителей, на котором присутствовало до 300 участников. Об обстановке на этом съезде Н. А. Попову рассказал в своем письме Йосип Вовк. На заседаниях учителя говорили только по-словенски или по-хорватски, не было слышно ни одного немецкого слова. «Все собрание отличалось лучшим славянским

¹⁴⁹ *Slovenski narod*, 31.VIII 1869.

¹⁵⁰ *Kermavner D. Opombe.— Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, zv. IV, s. 558.

¹⁵¹ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, zv. IV, s. 88. Эти высказывания Левца на политические темы не были упомянуты в пространном отчете о студенческом съезде, помещенном в «Словенском народе». И. Приятель цитирует их по сохранившемуся в архиве Левца черновику его речи.

¹⁵² *Slovenski narod*, 7.IX 1869.

характером,— с восторгом писал он.— Между прочими резолюциями мы приняли решение, чтобы с этих пор и далее в учительских семинариях на словенской территории русский и хорватский языки стали бы обязательными предметами»¹⁵³.

Все концепции общеславянского литературного языка в 60—70-х годах не носили чисто литературного характера, за ними стояли определенные политические планы. И это являлось отличительной чертой идеологии не только словенских, но и других славянских политических деятелей Австрийской монархии. Любопытна в этом отношении докладная записка В. П. Балабина от 1860 г., в которой передавалось мнение «одного австрийского славянина, уполномоченного передать посланнику нашему в Вене желания австрийских славян». Мнение этого славянина было таково: «славяне будут добиваться внутренней независимости, но достигнув ее, нахнут спорить друг с другом из-за границ, что приведет к внутреннему раздору и междоусобицам. Во избежание этого необходимо создать славянскую конфедерацию «под председательством России, которая одна может беспристрастно рассудить взаимные притязания каждого племени и поставить каждое из них в его настоящих пределах». «Мысль о таком союзе,— говорилось в записке Балабина,— все более и более овладевает южными славянами, кроатами, сербами и болгарами, которые не в состоянии при настоящем своем положении образовать единое государство. Покровительство России им необходимо и для того, чтобы избежать столкновений с греками, мадьярами и румынами»¹⁵⁴.

Итак, с Балабиным еще в 1860 г. говорили о желательности создания славянской конфедерации под покровительством России. Судя по последней заметке Балабина, речь шла прежде всего о южных славянах, и мысль о славянской конфедерации развивал представитель южнославянских народов Австрии. Трудно решить по имеющимся данным о национальной принадлежности собеседника Балабина. Скорее всего, он был хорватом или сербом, ибо в докладной из южных славян упоминаются сербы, хорваты и болгары. Однако взгляды, высказан-

¹⁵³ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 6, д. 38.

¹⁵⁴ АВПР, Глав. арх., V-A₂, оп. 181, д. 347, л. 9.

ные «австрийским славянином», были близки ряду представителей словенской интеллигенции. В том же 1860 г., когда Балабин писал свою докладную записку, И. С. Аксаков беседовал с штирийскими словенцами Д. Трстеняком, Б. Раичем, Я. Майцигером. «...Язык развязался и много задушевного было высказано», — вспоминал затем Аксаков. Суть высказываний его собеседников сводилась к следующему: «Мы не австрийцы, не немцы... Появись здесь русский флаг — мы русские»¹⁵⁵.

Приблизительно такие же сведения о настроениях словенских интеллигентов в начале 60-х годов дают и воспоминания К. Устияновича, известного украинского художника, стоявшего сначала близко к славянофилам, а затем разочаровавшегося в них и примкнувшего к украинофилам. Среди самых горячих русофилов Устиянович называл национальных деятелей трех славянских народов: словаков, словенцев и лужицких сербов, т. е. народов, которым в наибольшей степени угрожала ассимиляция со стороны господствующих наций, и которые имели сравнительно слабое национальное движение¹⁵⁶.

Говоря о наличии русофильских политических концепций у словенцев в первой половине 60-х годов XIX в., следует подчеркнуть, что о них мы узнаем прежде всего из воспоминаний современников, а не из словенской периодической печати. Эти концепции, по всей вероятности, развивались еще в рамках устных бесед, на страницах печати они не появлялись.

Во второй половине 60-х годов XIX в. положение изменилось. Поражение Австрии в войне с Пруссией, введение дуализма накалили внутреннюю обстановку в Габсбургской монархии. Уже И. Приятель писал, что политический панславизм (он понимал под этим создание общеславянского государства под руководством России) стал развиваться среди словенцев, особенно среди учащейся молодежи лишь со второй половины 60-х годов¹⁵⁷. То же отмечает и современный словенский историк

¹⁵⁵ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. III. Приложение, с. 110.

¹⁵⁶ Устиянович К. М. Ф. Раевский и российский панславизм. Споминки з пережитого и передуманого. Львов, 1884, с. 7.

¹⁵⁷ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, zv. 3, s. 147.

Ф. Цвиттер. Подчеркнув резкое усиление русофильских настроений в политическом плане среди младословенцев, Цвиттер считает, что старословенцев они не затронули¹⁵⁸. В целом это, по-видимому, так и было. Но некоторые из словенских консерваторов не возражали против общеславянского языка и имели русофильские настроения, оставаясь политически верными австрийцами. У младословенцев же их языковая концепция была тесно связана с политической. Блаж, например, прямо писал в своей статье «Словенцы и славянская взаимность», что введение русского языка в качестве общеславянского имело бы благоприятные не только культурные, но и политические последствия. Блаж приводил в пример Отечественную войну 1812 г., когда лучший полководец Наполеон ничего не мог сделать против русского народа и вынужден был вернуться домой без армии. Если русское национальное самосознание может сделать так много, то славянское способно на еще большие подвиги. «Нам, словенцам,— заключал Блаж,— не надо было бы заботиться о том, что будет с нами, если Габсбургская держава распадется!»¹⁵⁹. В частном письме к М. Ф. Раевскому от 29.IX 1867 г. Блаж выражался еще более определенно, указав, что он стремится прежде всего к тому, чтобы Россия не забывала словенцев и что его невыразимо радуют всякие доказательства того, что словенцы входят в сферу русских интересов¹⁶⁰.

Левстик, призывая в 1868 г. словенцев изучать русский язык, недвусмысленно замечал: «Мы ожидаем лучших времен, оглядываясь на наших родных братьев»¹⁶¹. Позднее, пропагандируя русский язык в качестве общеславянского, он указывал не только на его филологические достоинства, но и подчеркивал, что на нем говорит «самое большое и могущественное, единственное правящее славянское племя»¹⁶². В личной переписке Левстик был откровеннее. «Брат,— писал он 13 июля 1867 г. своему другу Драготину Рудежу,— кроме панславизма, у нас ничего нельзя отнять, ибо все осталь-

¹⁵⁸ Zwitter F. Narodnost in politika pri slovincih, s. 48—49.

¹⁵⁹ Slovenski narod, 15.VII 1869.

¹⁶⁰ Зарубежные славяне и Россия. М., 1975, с. 39.

¹⁶¹ Levstik F. Zbrano delo, zv. 9, s. 222.

¹⁶² Levstik F. Zbrano delo, zv. 7, s. 58.

ное — пустая солома»¹⁶³. Ф. Левец в письме к Й. Юрчичу от 14 апреля 1868 г. передавал свой разговор с Левстиком, в котором последний заявил, что «пожертвует славянской идее всех словенцев до последнего»¹⁶⁴.

Сам Левец вполне разделял мнение Левстика. В своем письме к Я. Керснику от 1869 г. он замечал: «Ведь у нас нет будущего! Мы будем или пруссаками, или русскими»¹⁶⁵.

Восхищение могуществом России было характерно и для других словенских либеральных деятелей. «Русская империя, которая теперь так необъятна, что не было подобной ни в древние, ни в новейшие времена, насчитывает около 80 млн. жителей», — писал Й. Вошняк¹⁶⁶. Еще более открыто о роли России замечал автор статьи «Всеславянство», опубликованной 18 декабря 1869 г. в «Словенском народе». Указав, что всеславянские идеи являются той стеной, на которую опираются словенцы в моральном отношении, борясь со своими врагами, он подчеркнул, что словенцы всегда симпатизировали русскому народу «как единственному славянскому народу, который не является слугою чужих народов и который есть главный столп свободного будущего славянства». Интересно, что автор статьи призывал словенскую молодежь бороться не только за литературную взаимность, но и за идеи славянства. Здесь же он приводил мысли русского панслависта Фадеева о федерации славянских

¹⁶³ Levstikova pisma. Ljubljana, 1931, s. 248.

¹⁶⁴ Pisma Frana Levca, s. 65. Э. Кардель считает, что для Левстика панславизм являлся временной болезнью, нападавшей на него в периоды, наиболее трудные для словенской нации. «По существу, — пишет Кардель, — панславизм был ему чужд». См.: *Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja*, s. 345. Если под панславизмом Левстика Кардель подразумевает его всеславянские идеи, то они высказывались Левстиком в филологической форме еще в 1863 г. и он не отрекся от них до конца своей политической деятельности (1872 г.). Следовательно, ни о каком временном увлечении Левстика всеславянскими идеями не может быть и речи. Если же под панславизмом Кардель подразумевает русофильские увлечения Левстика, то он прав: они проявились у словенского демократа только в период установления дуализма, т. е. действительно в один из трудных для молодой словенской нации периодов. См.: *Чуркина И. В. Фран Левстик — вождь левого крыла младословенцев*, с. 96—102.

¹⁶⁵ Pisma Frana Levca, s. 80.

¹⁶⁶ *Vošnjak J. Slovenci, kaj čemo?* Ljubljana, 1867, s. 5.

народов¹⁶⁷. Позднее «Словенски народ», отмечая, что Горчаков должен был официально отмежеваться от брошюры генерала Фадеева, вместе с тем выражал уверенность, что «имеется только один путь воплощения всеславянской идеи — федерация»¹⁶⁸.

Какой представляли себе словенские либералы будущую славянскую федерацию во главе с Россией, каким образом думали ее создать — обо всем этом можно судить только по некоторым намекам, проскальзывавшим в словенской либеральной прессе. Так, в апрельской корреспонденции из Вены от 1871 г. Левстик, призывая бороться за Объединенную Словению, мимоходом ронял: «Если бы все славяне действительно хотели объединиться, то в этом не было бы никакого греха, но это стало гибельным только для того или другого государства, которое бы вздумало препятствовать этой инициативе из-за своей выгоды»¹⁶⁹. По-видимому, Левстик намекал на возможность создания всеславянского государства в результате распада Турецкой и Австрийской монархий. В «Словенском народе» в виде пересказа отдельных брошюр, появлялись довольно радикальные планы создания славянской федерации. В начале 1870 г. в нем была помещена заметка «Россия и Польша в настоящем и будущем». В ней пересказывалось содержание брошюры под тем же названием, вышедшей на русском языке. «Цель брошюры, — писал автор заметки, — доказать полякам, что они могут быть свободными только благодаря свободной России». Он приводил слова брошюры о том, что именно на основе дружбы поляков и русских должна быть создана непобедимая свободная славянская федерация¹⁷⁰. Сам выбор брошюры для рецензирования, приведенные из нее определенные высказывания говорили о симпатиях и настроениях автора заметки. Идеи ее прямо перекликались с мыслями Бакунина, который еще в 1862 г. писал в «Колоколе», обращаясь к славянам: «Пока мы, русские... не подадим руку примирения и братской любви восстановленному народу польскому, пока не пойдем дружно с поляками на освобождение славян, до тех пор ничего доброго не

¹⁶⁷ Slovenski narod, 18.XII 1869.

¹⁶⁸ Slovenski narod, 5.III 1870.

¹⁶⁹ Levstik F. Zbrano delo, zv. 9, s. 444.

¹⁷⁰ Slovenski narod, 11.I 1870.

ждите от России»¹⁷¹. Да и высказывания Левстика, предполагавшего создание славянской федерации на развалинах Турецкой и Австрийской империй, тоже несли на себе отпечаток идей Бакунина. Кроме концепций славянской федерации Фадеева и Бакунина, в словенской прессе упоминалась и программа декабристского Общества соединенных славян¹⁷².

Идея всеславянской федерации находила отклик и у представителей словенского рабочего класса. Так один из выдающихся деятелей социалистического движения в словенских землях Франце Железникар¹⁷³ совместно с рядом революционных деятелей славянских народов (Пирц, Максимов, Радох, Баурда) издал 1 мая 1873 г. в Париже воззвание о создании Славянского республиканского общества¹⁷⁴. Целью общества объявлялось учреждение славянской федерации «путем *свободного соглашения свободных* народов... свободных от всякого угнетения правительств, открыто деспотических или лицемерно парламентских». В созданной славянской федерации устанавливался республиканский строй. Авторы воззвания решительно выступали против идей панславизма, проповедуемых лицами, близко стоявшими к правящим кругам Петербурга, Берлина, Вены¹⁷⁵.

В ненависти составителей воззвания к реакционным режимам России, Австро-Венгрии и Германии, в их позитивной программе создания славянской федерации чувствуется влияние идей русских революционных демократов — А. И. Герцена¹⁷⁶ и особенно М. А. Бакунина.

¹⁷¹ Колокол, 1862, № 128, с. 1068.

¹⁷² Slovenski narod, 15.II 1870.

¹⁷³ Франце Железникар (1843—1903) — рабочий, портной. Был членом Сокола, затем в 1869—1875 гг. жил во Франции, где принимал участие в Парижской коммуне. По возвращении в Люблянскую активно действовал в Люблянском просветительском рабочем обществе, где возглавлял революционное крыло. В 1884 г. был осужден австрийским правительством на 8 лет тюрьмы. Один из создателей югославянской социал-демократической партии. См.: *Gestrin F. Prvi koraki delavskega gibanja in odmevi Pariške Komune na Slovenskem.* — *Socialistična misel*, 1953, N 6, s. 360—364.

¹⁷⁴ Судьба Славянского республиканского общества неизвестна.

¹⁷⁵ *Kyovsky R. Narodno vprašanje ob prvih začetkih socialističnega gibanja med slovenskim delavstvom.* — *Socialistična misel*, 1954, N 1, s. 13—14.

¹⁷⁶ Влияние идей Герцена на словенских нац. деятелей отмечает и Р. Киевский. См.: *Kyovsky R. Narodno vprašanje...*, с. 13.

Взгляды последнего прослеживаются и в отождествлении авторами воззвания деспотических (т. е. самодержавных) и парламентских режимов, что было характерно для Бакунина конца 60—70-х годов.

Для ряда словенских публицистов была характерна путаница в представлении о всеславянских программах революционеров Герцена и Бакунина и панслависта Фадеева. Корреспондент «Словенского народа» в Хорватии Фердо Кочевар Жавчанин в своей статье «Идея югославянства» утверждал, что первым идею всеславянской федерации высказал русский эмигрант А. Герцен, пропагандировавший ее в «Колоколе», а после его смерти эту идею стал защищать генерал Фадеев¹⁷⁷. Кочевар брал чисто внешние элементы сходства этих программ: стремление к созданию общеславянского государства, не улавливая их полной внутренней противоположности, ибо если программа Бакунина и Герцена предусматривала уничтожение реакционных монархий в России, Австрии и Турции и установление в славянских землях буржуазно-демократического строя, то программа Фадеева способствовала бы лишь укреплению русского самодержавия и распространению его влияния на другие славянские народы.

Однако путаница такого рода была характерна не для всех. Янез Майцигер, принадлежавший к умеренным либералам, очень четко отличал славянские программы русских революционеров от славянских программ либеральных и консервативных русских деятелей. Так, он подчеркивал, что программа декабристского Общества соединенных славян, предусматривавшая установление федеративной славянской республики, нашла свое продолжение во взглядах Герцена и Бакунина, тоже борющихся за славянскую республику. Эта туманная программа русских мятежников, как ее называл Майцигер, не вызывала его особых симпатий. Зато его вполне устраивала практическая форма славянской взаимности, которую проповедовали М. П. Погодин и славянофилы¹⁷⁸.

Представление о внутреннем строе будущего славянского государства в значительной степени черпались

¹⁷⁷ Slovenski narod, 24.XII 1870.

¹⁷⁸ Majciger J., Pleteršnik M., Raič B. Slovanstvo. Ljubljana, 1873, s. 135—136.

словенскими либералами из сочинений русских славянофилов (в частности, их взгляды на русскую общину). Так, автор статьи «Русский страх» утверждал, что русская государственная сила и могущество развились на основе славянской общины¹⁷⁹.

Горячим пропагандистом русской общины, особенно артели, был Г. Блаж. Подробно свои взгляды на русскую общину, особенно артель, он высказал в предисловии к «Русской грамматике для словенцев» М. Маяра, изданной на его личные средства. Приветствуя отмену в России крепостного права, Блаж подчеркивал, что благодаря этому был освобожден «самый крепкий элемент политической жизни и социального движения в России, тот элемент, который один способен поднять Россию на ту ступень, которую ей определило ее великое призвание», т. е. русское крестьянство. В числе многих достоинств русского крестьянина Блажа привлекали прежде всего два: умение заниматься ремеслами и интерес к торговле. Блажу нравилась организация русской промышленности. Сравнивая русский текстильный центр Иваново с английским Манчестером, он утверждал, что «бедные английские рабочие трудятся на нескольких богачей, русские же крестьяне — на себя», ибо русская промышленность, по его мнению, была организована на артельных началах. «Такие большие объединения [т. е. артели.— *И. Ч.*] (именно только веточка общины славянской) — прекрасный и важный элемент для развития материального благосостояния в России. Они заменяют миллионы и миллионы капиталов отдельных лиц и будут способствовать народному благосостоянию больше, чем промышленность, созданная по западному образцу [т. е. капиталистическая.— *И. Ч.*]. Без смешных социалистических мечтаний великорус первым из всех народов демократизировал промышленность»¹⁸⁰. По мнению Блажа, артель представляла собой русскую общину-мир, перенесенную из сельского хозяйства в промышленность. Он считал, что она занимала такое же место в русской промышленности, как сельская община в деревне. Любопытно, что если Блажа очень привлекал демократический принцип организации в промыш-

¹⁷⁹ Slovenski narod, 4.IX 1869.

¹⁸⁰ *Majar M. Slovnicu ruska za slovence. Dunaj, 1867, s. 1—7.*

ленности, то в торговле он восхищался прежде всего купцами, т. е. предприимчивыми одиночками. Такую позицию можно объяснить. В словенской промышленности немецкий капитал значительно преобладал над словенским. Конкурировать с немецкими капиталистами словенским предпринимателям часто было не под силу. Именно поэтому представители словенской буржуазии, имевшие небольшие капиталы, мечтали о такой форме организации промышленного производства, которая бы превосходила по своим достоинствам немецкую капиталистическую организацию и которая позволила бы словенцам вести с немцами успешную конкурентную борьбу. Блаж, торговец по своему положению, считал, что такую форму он нашел в русской промысловой артели. Что же касается торговли, где словенский капитал имел более сильные позиции, то ее процветание Блаж связывал только с купеческим капиталом.

Кроме Блажа, русской общиной интересовался Ф. Целестин, живший с 1869 г. в России. В своих «Письмах из России», печатавшихся в «Звоне» Стритара, он высказывал предположение, что мысли некоторых славянских деятелей, находящихся в русской общине те начала, которые дадут славянам возможность не копировать бессмысленно Запад, а идти своим путем, не являются пустыми мечтаниями¹⁸¹.

Несколько в другом плане интересовала русская община Й. Вошняка. Он значительно более трезво оценивал возможность перенесения социальных черт русской общины в словенские земли, но его интересовала система ее административного самоуправления. В брошюре «Словенцы, чего мы хотим?» Вошняк в числе главных политических требований словенцев выдвинул требование общинного самоуправления. Подчеркнув, что в давние времена, когда словенцы были свободны, у них существовало общинное самоуправление, он дал план его введения. Самым низшим звеном этого самоуправления должна была стать *сосеска*, объединявшая деревни, принадлежащие к одному церковному приходу; затем шла *община*, в которую входили несколько *сосесек*; затем — *жупания*. Таких жупаний в Нижней Штирии предполагалось создать 3, а в Крайне — 4. Основное,

¹⁸¹ Zvon (Dunaj), 16.VIII 1870, s. 247.

среднее звено должно было заботиться о дорогах, мостах, школах, медицинском обслуживании и т. д.¹⁸² План Вошняка во многом напоминал систему самоуправления, введенную в России в 60-х годах. Наряду с Вошняком подробную систему общинного самоуправления такого же типа разработал А. Эйншпиллер в своей брошюре «Словенский политический катехизис»¹⁸³.

Блаж, Целестин, Вошняк, Эйншпиллер, несмотря на различный подход к русской общине, мечтали приспособить ее к условиям национального развития словенцев, защитить с ее помощью словенского мелкого собственника от тягот капиталистического развития и австрийской бюрократии. Именно с мелкобуржуазных позиций они и смотрели на общину.

Однако среди младословенцев имелись и такие деятели, во взглядах которых на русскую общину нашли отражение идеи Герцена и других русских революционеров-демократов. Они пытались в своих трудах доказать социалистический характер общины. В июле 1869 г. в «Словенском народе» была опубликована статья Ф. Кочевара «Социальный вопрос». В ней всячески расхваливалась славянская община (задруга, мир), строй которой объявлялся полностью демократическим и коммунистическим. Автор подчеркивал, что нигде в Европе община не имеет столько автономии и свободы, как в России. При этом он признавал, что все сведения о русской общине брал из сочинений Аксакова. Обращаясь к истории словенцев, Кочевар делал вывод, что все восстания словенских крестьян с требованием возврата к «старой правде» были практически направлены на восстановление старой социалистической славянской общины. Поэтому в случае появления социальных движений крестьян он считал нужным направлять их в русло общинного движения. Славянская Россия, по мнению Кочевара, должна была стать примером для всего славянства в решении социального вопроса. Кочевар подчеркивал, что социалистическое движение у славян имеет свой корень в крестьянстве, в его старославянских обычаях¹⁸⁴.

¹⁸² *Vošnjak J.* Slovenci, kaj čemo? s. 26—31.

¹⁸³ *Einspieller A.* Političen katekizem za slovence. Celovec, 1873, s. 8—18.

¹⁸⁴ *Slovenski narod*, 22, 24, 29.VII 1869.

Еще более определенно высказывался по этому поводу корреспондент «Словенского народа», поместивший в нем статью «Лига за международный мир и всеобщую свободу». «Коммунизм русской территориальной общины и коллективизм русских ремесленных артелей,— писал он,— эти два славянских учреждения являются сейчас в социалистических кругах Западной Европы примером социального строя; и все западноевропейское социальное движение стремится к тому, чтобы эти два специфично русско-славянских учреждения перенести на европейский Запад»¹⁸⁵. Таким образом, решение социального вопроса не только в славянских землях, но и в Западной Европе этот корреспондент связывал с повсеместным введением русской общины.

Особенно подробно рассматривал русскую общину один из видных деятелей младословенцев Йосип Сернец в брошюре «Материализм и славянство». Решительно критикуя капиталистический строй, утвердившийся в Западной Европе и Северной Америке и приведший к непримиримой вражде эксплуатируемых и эксплуататоров, которая может быть разрешена только путем кровавых столкновений и социальных революций, Сернец противопоставлял ему славянский строй, т. е. общину-мир, артель, задругу. Основное внимание он уделял русской общине. Главное ее достоинство он видел в том, что она делает невозможным переход земель из рук крестьян в руки капиталистов.

Сернец полагал, что при всех своих достоинствах русская община нуждается в улучшениях. Так, он выступал против разобщенного труда крестьян на отдельных участках земли. «Плодотворная истина, что общий и органически разделенный труд многих,— писал он,— имеет в сто раз больший успех, чем труд разъединенный, должна будет привести русского крестьянина к тому, что он мало-помалу оставит систему передачи наделов отдельным лицам на короткое время и взамен он будет сообща пахать поля, сеять и собирать хлеб, и, по мере возможности, только уже смолоченное зерно, солому и т. д., равно как и остальные полевые плоды, делить между членами общины»¹⁸⁶. Сернец считал, что

¹⁸⁵ Slovenski narod, 9.III 1871.

¹⁸⁶ Sernec J. Der Materialismus und das Slaventhum. Marburg, 1874, s. 40.

В личной собственности крестьян должны быть дом, усадьба, движимое имущество. Отдельные общины в дальнейшем будут соревноваться друг с другом, что приведет к росту трудолюбия и благосостояния всего русского народа.

Сернец считал, что инициатива подобного устройства общин должна исходить от русского правительства и русской интеллигенции, которые поймут, что это наиболее выгодный путь развития экономики. Впоследствии к такому же выводу придут и на Западе, где так же мирно, с согласия капиталистов, будут внедрены формы подобного рода.

Как можно видеть, Сернец видел в русской общине зародыш социализма, но не в той общине, которая существовала, а в той, которая была бы улучшена согласно рецептам социалистов-утопистов. Любопытно, что мысль о необходимости совместной обработки земли крестьянами приходила и русским революционным демократам. Так, Н. И. Огарев писал профессору Лондонского университета Ч. Г. Пирсону 31 октября 1861 г.: «Я считаю... систему разделения полей между членами коммуны переходным шагом к общественной обработке земли и разделению доходов»¹⁸⁷. Сернец не мог, конечно, знать об этом частном письме. Однако интересен сам факт того, что младословенец Сернец и русский революционный демократ Огарев, размышляя о судьбах русской общины, пришли к одному и тому же выводу.

Значительное влияние на словенскую общественность оказала борьба передовых русских общественных кругов за эмансипацию женщин. Одним из первых словенцев поднял этот вопрос в словенской печати Ф. Целестин. До своей поездки в Россию (1869—1873 гг.) Целестин скептически относился к проблеме женского равноправия и даже написал пьесу «Роза», в которой высмеивал эмансипированную женщину. Но уже в статьях, присылавшихся из России, он останавливался на положении русских женщин, на организации женского образования в России. «Русские женщины,— замечал Целестин,— не похожи на немецких, они, так сказать,

¹⁸⁷ *Трегенз Д.* Письма Герцена к Ч. Г. Пирсону и Т. К. Сэндерсу.— В кн.: Проблемы изучения Герцена. М., 1963, с. 22.

более мужественны, и стремление к самостоятельности, к независимости от мужа — не фраза. В Петрограде и Москве много телеграфисток, почтовых служащих, кассирш на станциях»¹⁸⁸. Вернувшись из России, Целестин стал одним из деятельных пропагандистов увеличения прав женщин¹⁸⁹.

Одним из первых поднял в словенской печати вопрос о женской эмансипации замечательный ученый И. А. Бодуэн де Куртенэ, который в начале 70-х годов был командирован Петербургским университетом в Австрийскую монархию для изучения словенских диалектов. Во время пребывания в словенских землях Бодуэн выступил в органе горицких либералов «Соча» с циклом статей «Некоторые заметки русского профессора». В них он затронул положение женщин в словенских землях. Бодуэн с горькой иронией констатировал, что словенцы, как почти все европейцы, считают женщин примадоннами среди скота и так относятся к женщинам не только простые, но и интеллигентные словенцы. Сам Бодуэн, делясь своими впечатлениями от общения со словенками, подчеркивал: «Повсюду я находил значительно больше ума и доверия среди женщин, чем среди мужчин»¹⁹⁰. Особенно ему понравились крестьянки, которые своим умом и стремлением к просвещению произвели на него значительно большее впечатление, чем женщины из так называемого образованного общества. Бодуэну понравилось, что крестьянки хорошо знают словенский язык, стремятся читать на нем, проявляют большой интерес к национальным проблемам¹⁹¹. Ученый выражал уверенность, что и в словенских землях наиболее смелые из женщин начнут требовать для себя равноправия, что их поддержат в этом просвещенные мужчины¹⁹².

Целестин и Бодуэн де Куртенэ были пионерами борьбы за эмансипацию словенских женщин; борьбы, которая развернулась в словенской печати уже позднее — в 80—90-х годах XIX в.

¹⁸⁸ Slovenski narod, 10.I 1871.

¹⁸⁹ Boršnik M. Fran Celestin, s. 239, 240.

¹⁹⁰ Soča, Gorica, 2.I 1873.

¹⁹¹ Soča, 16.I 1873.

¹⁹² Soča, 2.I 1873.

Словенские либералы 60-х — начала 70-х годов различали Россию официальную и Россию народную. Отвечая на обвинение со стороны немецкой прессы словенцев в царефильстве, «Словенски народ» в апреле 1869 г. писал, что для тех, кто желает прогресса России, русский гимн «Боже, царя храни» означает: «Боже, дай братскому нам русскому народу счастье, боже, сохрани самого крепкого сына Славы». И все слова немцев о бывшей и существующей несвободе в России, добавляла она, не могут уничтожить у честного славянина «сочувствия к русскому народу и желания большего единства среди славян»¹⁹³. Спустя несколько месяцев «Словенски народ» поместил пересказ статьи из газеты младочехов «Народни листы», в которой давался ответ чешских либералов на заявление немецких газет о том, что чехов и прочих славян ждет в России участь поляков. «Русское правительство преходяще, а великий русский народ и другие славянские народы были и есть наши союзники. Русская политика уверенным и твердым шагом идет по пути реформ и теперь недолго ждать, когда Россия станет отличаться своей образованностью, прогрессом и свободой». Пересказ чешской статьи корреспондент «Словенского народа» в Праге завершал недвусмысленным высказыванием, что словенцы должны придерживаться такого же мнения¹⁹⁴. В «Словенском народе» приводилось и мнение известного чешского либерального публициста К. Гавличека-Боровского о необходимости отличать русское правительство от русского народа. «Одно дело, — писал он, — русские, наши славянские братья, великий, добродушный, очень способный, умный, сохранивший добрые славянские обычаи народ, народ великого будущего, от которого также и мы, все остальные, более слабые племена, можем надеяться в будущем получить еще много добра, а другое дело — русское правительство... которое создано на основе чужих, удобных обычаев; его ядро — чужеземцы без всякого понимания русского народа. Правительства меняются, а народы остаются»¹⁹⁵.

¹⁹³ Slovenski narod, 7.IV 1869.

¹⁹⁴ Slovenski narod, 28.VIII 1869.

¹⁹⁵ Slovenski narod, 19.VI 1869.

Молодежь была настроена еще более радикально. В донесении о деятельности «панславистов» в Австрии царского агента Арсеньева, вращавшегося среди славянской студенческой молодежи в Вене, от 23 июня 1873 г. прямо говорилось, что партия «панславистов» враждебно относится к русскому императору¹⁹⁶. Несомненно, среди венских «панславистов» словенские студенты занимали не последнее место: об этом пишет Устиянович, об этом свидетельствует и их активный интерес к русскому языку и к кружку М. Ф. Раевского¹⁹⁷.

Вместе с тем надо принять во внимание, что буржуазные реформы (и прежде всего освобождение крестьян), проведенные правительством Александра II, несомненно, способствовали определенной идеализации русского царя и его мероприятий со стороны некоторых словенских либералов. В частности, «Словенски народ» всячески расхваливал военную реформу в России, доказывая, что русское оружие лучше и дешевле иностранного¹⁹⁸. Преувеличивая силы русских славянофилов, которых словенские журналисты называли «национальной партией», младословенцы указывали среди ее сторонников не только министров — Милютина (военного), Тимашева (внутренних дел) и Зеленого (государственных имуществ), но и самого наследника русского престола, подчеркивая, что последний — один из самых интеллектуальных и образованных принцев в Европе¹⁹⁹. Установлению такого мнения способствовал Ф. Целестин. В начале своего пребывания в России он писал в «Словенски народ», что при русском дворе имеется славянская партия во главе с великим князем Константином и наследником престола Александром Александровичем²⁰⁰.

Всякий намек русских правительственных кругов на симпатию к славянам Австро-Венгрии воспринимался словенцами с воодушевлением. В частности, статья, помещенная в конце 1871 г. в «Правительственном вестнике» и показывавшая хорошее отношение к славянам, комментировалась «Словенским народом» как доказатель-

¹⁹⁶ ЦГАОР, ф. 109, оп. 4, д. 433, л. 1 об.

¹⁹⁷ См. § 8.

¹⁹⁸ Slovenski narod, 2.VII 1868.

¹⁹⁹ Slovenski narod, 14.XII 1869.

²⁰⁰ Slovenski narod, 23.VIII 1870.

ство того, что «даже русское правительство, на которое мы никогда не делали ставку, т. к. всегда имели перед глазами русский народ и славянское будущее, имеет симпатии к всеславянским идеям»²⁰¹.

И все же мы должны констатировать, что при этих колебаниях поколение словенских либералов 60-х — начала 70-х годов не возлагало своих надежд на русского царя. Совершенно справедливо замечал по этому поводу И. Приятель, что их привлекала «не царистская, абсолютистско-нивелирующая Россия, но славянофильская Россия добровольного международного соглашения, в которой это поколение видело последнее и высшее прибежище свободного культурного будущего всего славянства»²⁰².

Из всех русских общественных движений словенцы более всего были знакомы со славянофильским. Славянофилы сами стремились ознакомить славян со своими взглядами. Это они делали во время поездок своих видных деятелей по славянским землям. В частности, в 60—70-х годах словенские земли посетили И. С. Аксаков, В. И. Ламанский, А. Ф. Гильфердинг, А. С. Будилович. Они вели беседы со словенскими национальными деятелями, иногда переписывались с ними. Помимо таких случайных контактов, словенские национальные деятели имели возможность общаться в Вене с М. Ф. Раевским, являвшимся с 1860 г. главным представителем славянских комитетов в Австрийской монархии. Особенно тесные связи у него были со студенческими кружками, в том числе и со словенским. Наконец, между славянскими комитетами и национально-просветительскими обществами славянских народов шел оживленный обмен книгами. Само собой разумеется, что среди литературы, присылаемой из Москвы и Петербурга, не последнее место занимали сочинения славянофилов²⁰³. Поэтому и на славянский вопрос, и на Россию словенцы часто смотрели сквозь славянофильские очки.

В словенской прессе с конца 60-х годов появлялись статьи о славянофилах, например статьи чешского

²⁰¹ Slovenski narod, 23.XII 1871.

²⁰² *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. IV, s. 89.

²⁰³ См. § 9.

журналиста К. Гавличека-Боровского. Он представлял славянофилов в качестве единственной значительной русской партии, выступавшей против самодержавия. «Самое горячее желание этой партии,— продолжал Гавличек,— чтобы Россия в свое время стала защитницей и покровительницей всех остальных славян». Среди сторонников славянофилов Гавличек перечислял дворян, купцов, офицеров²⁰⁴. Среди словенцев были широко распространены подобные представления о славянофилах. Поэтому, когда Целестин приехал в Россию, он был очень удивлен незначительным количеством сторонников славянофилов. «И в последнее время,— писал он П. Грасели 12 июня 1872 г.,— в них [в славянские комитеты.— И. Ч.] стали вступать архимандриты, архиереи и т. д. Так, комитеты приобретают консервативный характер, что отпугивает от них и от славянофилов молодежь»²⁰⁵. Однако так откровенно о славянофилах Целестин писал лишь в частном письме.

Из других русских общественных деятелей известное влияние на часть младословенцев оказал А. И. Герцен, «Колокол» которого также был доступен для их чтения. Младословенцам импонировали не только его свободолюбие, но и его славянские симпатии. В начале 1869 г. «Словенски народ» с грустью отмечал, что с отъездом из Лондона вождя русских эмигрантов Герцена в Англии не осталось «никакой значительной славянской партии»²⁰⁶. Лондонский корреспондент «Словенского народа» не интересовался социальными взглядами Герцена и видел в нем лишь главу «Славянской партии» в Англии. Некролог, помещенный год спустя в «Словенском народе», также заострял внимание прежде всего на национальном вопросе во взглядах Герцена. Его работа «С того берега» расценивалась автором некролога как труд, доказывающий угасание германолатинской культуры и неизбежный приход ей на смену культуры славянской. В некрологе отмечалась всемирная известность Герцена, его необычайное влияние в России, «какое редкий литератор имеет в любой другой стране». В качестве доказательства последнего положения приводился факт чтения его произведений при дворе. Автор некролога упо-

²⁰⁴ Slovenski narod, 22.VI 1869.

²⁰⁵ Mestni arhiv, f. P. Grasselli.

²⁰⁶ Slovenski narod, 23.II 1869.

минал и о демократических убеждениях Герцена, указывая, что именно из-за них он был неугоден русскому правительству²⁰⁷.

Большое влияние Герцен оказал на Йосипа Стритара, замечательного словенского поэта, одного из духовных вождей младословенцев. Стритар даже свой литературный журнал назвал в честь герценовского «Колокола» «Звоном» [«звон» по-словен. «колокол». — И. Ч.]. Особые симпатии Стритара к Герцену отмечали и его противники. Д. Боле, принадлежавший к консервативным кругам, писал 8 апреля 1870 г. Блейвейсу: «Стритар хотел бы наш народ переродить по русскому примеру „Колокола“, который редактирует Герцен»²⁰⁸.

Стритар в «Звоне» оценил деятельность великого русского демократа более точно и всесторонне, чем «Словенски народ». «Умер великий русский Александр Герцен, — писал Стритар, — который, живя в изгнании, своими книгами, написанными на классическом русском языке, особенно же своим издаваемым в Лондоне еженедельником „Колоколом“ („Звоном“), после смерти царя Николая и до польской революции, можно сказать, властвовал над Россией и благодаря своему неизмеримому влиянию в России больше всего содействовал всем либеральным реформам последних лет. Герцен был вдохновенным славянином, чисто республиканского характера, одним из главных представителей всей европейской демократии»²⁰⁹. Таким образом, Стритар, хотя и останавливался на славянских симпатиях Герцена, все же не их ставил в качестве его главной заслуги, а его деятельность как русского публициста, борющегося за прогрессивные преобразования на своей родине, как создателя «Колокола». Стоявший близко к Стритару Целестин тоже с одобрением отзывался о Герцене, хотя и упрекал его в отсутствии ясной программы, а главное в том, что он не препятствовал революционной деятельности своих приверженцев в 60-х годах²¹⁰.

Словенские либералы ценили в Герцене именно его иллюзии относительно возможности достижения Россией прогресса мирным путем, иллюзии, которые он

²⁰⁷ Slovenski narod, 27.I 1870.

²⁰⁸ Boršnik M. Fran Celestin, s. 85.

²⁰⁹ Zvon, 15.III 1870.

²¹⁰ Boršnik M. Fran Celestin, s. 130.

питал до крестьянской реформы 1861 г. И если русские революционеры-разночинцы Чернышевский, Добролюбов совершенно справедливо упрекали Герцена за его отступления от демократизма к либерализму, то младословенцы, например Целестин, упрекали его за отступление от либерализма к демократизму. Герцен в глазах словенских либералов был ценен именно тем, что мирным путем, столь близким их душе, стремился добиться прогрессивных преобразований в России²¹¹.

Упоминался в словенской прессе и М. А. Бакунин. Но в его взглядах младословенцев интересовал прежде всего национальный момент. Например, выступление Бакунина на Цюрихском конгрессе против К. Маркса рассматривалось Ф. Кочеваром только в свете национальной борьбы славян против немцев²¹².

Н. Г. Чернышевский был мало известен в словенских землях. О его взглядах и учении писал только Целестин. Его отношение к Чернышевскому было значительно более сдержанным, чем к Герцену. Целестин даже пытался утверждать, что великие русские демократы враждовали друг с другом. Представляя Чернышевского как главу русского западнического радикального течения, Целестин с огорчением констатировал, что он занял место Герцена. «Верно, что эта крайняя направленность,— писал он,— была по видимости „более свежей и более научной“, чем мировоззрение „Колокола“, верно, что она привлекала молодежь»²¹³.

«Западнические радикалы», или нигилисты, главою которых Целестин признавал Чернышевского, также привлекали внимание этого младословенского публициста. Впервые он познакомился с ними благодаря роману Тургенева «Отцы и дети». Они тогда ему очень понравились. Целестин так определил их: «всех, кто молод, либерален и предан свободе, в России зовут нигилистами». И из этого положения он делал соответствующий вывод: «стало быть и мы также нигилисты, т. к. мы тоже отрицаем угнетение и тиранию»²¹⁴. Но эти вы-

²¹¹ М. Боршник подчеркивает, что Целестину более всего по вкусу пришлись иллюзии Герцена относительно возможности реформ сверху. См.: *Boršnik M. Fran Celestin*, s. 66.

²¹² *Slovenski narod*, 3.XI 1868.

²¹³ *Boršnik M. Fran Celestin*, s. 141—142.

²¹⁴ *Slovenski narod*, 13.IV 1869.

сказывания были сделаны Целестином еще до его серьезного знакомства с русской действительностью. Спустя год Целестин стал писать о нигилистах куда сдержаннее. Он приветствовал их желание дать равноправие женщинам и свободу всем, но его настораживало их полное равнодушие к национальному вопросу. Поэтому, отмечая, что нигилисты «очень честные, хорошие люди, и мы не можем скрывать, что они... уже принесли кое-какую пользу человечеству», Целестин все же добавлял, что они «могли бы действовать более успешно, если бы не отрицали национальности»²¹⁵.

К 1871 г. Целестин еще более охладевает к «нигилистам». Для него теперь «нигилизм — незрелый плод незрелого дерева», который погибнет с развитием всестороннего прогресса²¹⁶. По возвращении из России Целестин вновь остановился на проблеме нигилизма. Подчеркнув, что нигилизм родился из радикального течения, он вместе с тем отметил, что нигилисты отвергли позитивные стороны учения Чернышевского, восприняв лишь негативные стороны. Из-за нигилизма, по мнению Целестина, духовно и физически гибнет русская молодежь²¹⁷.

За несколько лет Целестин эволюционировал в оценке нигилизма от отождествления себя с ним до полного отрицания этого учения. Связано это было и с конкретным знакомством Целестина с нигилистами, о которых первоначально он судил лишь по роману Тургенева, и с развитием народовольческого движения, к которому Целестин относился отрицательно, и, наконец, с самой эволюцией Целестина вправо.

§ 7. Путешествие по словенским землям И. С. Аксакова

К концу 50-х годов славянофилы из преследуемой при Николае I группировки превратились в группировку, близкую по некоторым своим взглядам правительственным кругам (в особенности по вопросам внешней политики). В конце 1857 — начале 1858 г. по инициативе славянофильского кружка И. С. Аксакова, при

²¹⁵ Zvon, 15.V 1870.

²¹⁶ Slovenski narod, 10.I 1871.

²¹⁷ *Boršnik M.*, Fran Celestin, s. 143.

активной поддержке болгарского Настоятельства в Одессе, выразившего настроения эмигрантской болгарской буржуазии, а также при содействии правительственных кругов в Москве был основан Славянский благотворительный комитет. Он был утвержден императором 26 января 1858 г. по представлению князя Горчакова. В 60-х годах он неизменно пользовался финансовой поддержкой правительства, которая составляла в среднем около 20% его бюджета²¹⁸. Несмотря на близость во многих вопросах к точке зрения правительства, а также на присутствие в нем ряда видных государственных деятелей, Славянский комитет не являлся правительственной организацией и проводил свою политику, в некоторые моменты расходившуюся с правительственной.

Славянский комитет главную свою деятельность направил на помощь прабославным славянским народам, находившимся под властью Турции. В этом он явился в какой-то мере преемником Дамского комитета графини Блудовой начала 50-х годов. Однако и славяне Австрийской империи уже с самого начала деятельности комитета попали в сферу его интересов. Об этом свидетельствует поездка И. С. Аксакова весной и летом 1860 г. по югославянским землям, в том числе и по словенским. Она сыграла большую роль в развитии русско-словенских общественных связей.

И. С. Аксаков совершил свое путешествие по славянским землям с целью ближе познакомиться со славянскими национальными деятелями, со славянскими национальными движениями. Путешествие он начал с Вены, где первым делом повидался с Раевским. Последний и ввел его в круг культурных и политических деятелей славянских народов, живших в Вене. Уже 15 мая 1860 г. в письме к матери И. С. Аксаков давал советы своему брату К. С. Аксакову, к кому обратиться в Вене. Прежде всего он рекомендовал ему посетить Раевского, познакомиться с Миклошичем и Кузмань. «С остальными познакомит Раевский», — добавлял он²¹⁹. Кроме Раевского, Миклошича и Куз-

²¹⁸ Никитин С. А. Славянские комитеты в России. М., 1960, с. 31—34, 40, 44.

²¹⁹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 3, с. 432.

маны И. С. Аксаков виделся с В. Клуном, который дал ему рекомендательное письмо к Д. Трстеняку в Марибор ²²⁰. Трстеняк произвел на Аксакова самое благоприятное впечатление. «Человек высокого роста,— записал о нем в дневнике Аксаков,— благородной физиономии, печать грусти. Пожали друг другу руки, обнялись — и поняли друг друга!» ²²¹ Трстеняк познакомил Аксакова со своими ближайшими друзьями — священниками Божидаром Раичем и Орославом Цафом и учителем Янезом Майцигером. Разговоры Аксакова с штирийцами были весьма примечательны. Так, Трстеняк рассказывал о своих археологических и мифологических изысканиях, доказывавших автохтонность славянского населения в словенских землях, Аксаков — о началах славянской народности. На вопрос Аксакова об общине Трстеняк с грустью ответил, что ничего подобного у словенцев не сохранилось. «Ведь мы уже более 800 лет под немецким управлением, и так утеснены, раздроблены в последнее время. Чудо, необъяснимое чудо, что в народе сохранился язык, сохранились обычаи (праздники, свадьбы), что в народе есть сознание народности: он знает, что он словенец» ²²². В том же плане Аксаков вел разговоры с Раичем и Майцигером. Последние говорили ему о своей неприязни к немцам и Австрии. О встрече с штирийскими словенцами Аксаков сообщал матери 26 мая: «К счастью, в Марбурге они плохие католики (т. е. те, с которыми я познакомился). Я был встречен ими необыкновенно радушно» ²²³. В дневнике Аксаков также очень тепло отзывался о своих мариборских знакомых. «В этом маленьком городке,— писал он,— люди дышат свободнее и смелее, чем в больших городах. Мое посещение оживило их. Я много, много говорил им. Сколько веры и терпения нужно славянину! Сколько страданий при виде утраты народности и постепенного онемечивания, при сознании своего бессилия. Почтенная деятельность этих людей, упорно верующих в будущность славянства» ²²⁴.

²²⁰ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 3. Приложение, с. 108.

²²¹ Там же.

²²² Там же, с. 108, 109.

²²³ Там же, т. 3, с. 434.

²²⁴ Там же, т. 3. Приложение, с. 111.

Каринтийские словенцы произвели на Аксакова другое впечатление. В Клагенфурте, куда он приехал после Марибора, Аксакову не удалось встретиться с Маяром, которому он привез русские прописи. Но он виделся с Янежичем, издателем первого словенского литературного журнала «Словенски гласник» и с А. Эйншпиллером. Янежич показался Аксакову скромным, не слишком выдающимся, но полезным деятелем. Эйншпиллер же произвел двойственное впечатление. С одной стороны, Аксакову импонировали его пылкость, прямота, откровенность, с другой стороны, огорчили его католические и австрийские симпатии. «Понимает народность узко,— записал Аксаков об Эйншпиллере в своем дневнике,— жаркий, слепой католик и австриец по политическим убеждениям... Мы с ним тотчас же вступили в спор и расстались, кажется, не совсем довольные друг другом»²²⁵. Последнее было немудрено, ибо Аксаков был не менее ревностным православным, чем Эйншпиллер — католиком. Аксаков был убежден, что «начало римское... противоречит славянству, его демократическому духу, духу равенства и свободы»²²⁶. Именно религиозная нетерпимость обоих собеседников не дала им возможности понять друг друга.

Крайна показалась Аксакову более близкой и понятной. «В Крайне,— отметил он в дневнике,— народонаселение сплошное словенское, без примеси. Язык и обычаи еще крепко славянские... Впечатление, производимое Крайною, очень отрадное... Но что еще замечательнее — это сходство крайнского вообще и верхнекраинского наречия в особенности с великорусским»²²⁷. В письме к матери Аксаков также обращал внимание на близость языка и женской национальной одежды крайнцев русским и заключал свое сравнение следующим восклицанием: «Поразительна эта близость, сохранившаяся сквозь 8 веков немецкого владычества при отсутствии всякого сношения с Россией»²²⁸.

В Любляне у Аксакова была встреча с Янезом Блейвейсом. «Это человек пожилой, т. е. за 40 лет, белокурый,— записал Аксаков,— по виду флегматичен, но ос-

²²⁵ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 3. Приложение, с. 112.

²²⁶ Там же, с. 116.

²²⁷ Там же, с. 113.

²²⁸ Там же, с. 436—437.

новательный, упорный славянин, очень хорошо и широко понимающий. Мы после двух-трех минут разговора сошлись как нельзя лучше»²²⁹. Последнее замечание Аксакова очень любопытно. Ведь согласно утвердившемуся в историографии мнению Блейвейс был верным католиком и австрийцем. Если исходить из этого, то более чем странным покажется такое взаимопонимание между ним и Аксаковым, проповедовавшим разрыв с католицизмом и очень холодно относившимся к австрийскому государству. Аксаков затем подчеркивал в своем дневнике, что словенские национальные деятели из светской интеллигенции желают вести словенский народ «к высшему народному самосознанию, и опасаются влияния Des Pfarrenthums [нем.— духовенство] на народ... Они хорошо понимают, что католицизм — враг народности и вносит в народ начало латинское. Я особенно старался развивать эту мысль. Не только Блейвейс, но и Трстеняк и Раич со мною согласились вполне»²³⁰.

Таким образом, в начале 60-х годов Блейвейсу импонировали мысли о непригодности католической церкви для славян; и он был, по-видимому, согласен с излюбленным тезисом Аксакова о необходимости для них национальной (т. е. православной) церкви.

После путешествия по словенским землям Аксаков записал у себя в дневнике: «Послать Терстеняку, Раичу и Блейвейсу „Р[усскую] беседу“, что-нибудь Майцигеру, стихотворения. Книги — Цафу. Заставить их участвовать в „Р[усской] беседе“»²³¹. Последнее осуществить не удалось, так как «Русская беседа» прекратила свое существование. И. С. Аксаков много сделал для того, чтобы установить постоянные контакты со словенскими национальными деятелями, явился среди них первым энергичным пропагандистом славянофильских идей. Но его основные мысли о необходимости отказа словенцев от католичества и перехода их в православие не могли иметь успеха в массе словенских национальных деятелей, многие из которых являлись сами католическими священниками. Да и не этот вопрос стоял в то время на повестке дня словенского национального дви-

²²⁹ Иван Сергеевич в его письмах, т. 3. Приложение, с. 114.

²³⁰ Там же, с. 115.

²³¹ ИРЛИ, ф. 3, оп. 5, д. 25, л. 18 об.

жения, не он был главным в словенской общественной жизни.

Хотя идеи Аксакова не могли получить широкое распространение среди словенцев, поездка его в словенские земли не была безрезультатной. Во-первых, она познакомила Аксакова, а с ним и русские славянофильские круги с насущными потребностями словенского национального движения. Во-вторых, она возбудила интерес словенской интеллигенции к русской общественной мысли, прежде всего к славянофильской, хотя и не в религиозном плане, как этого хотел Аксаков. Наконец, пожалуй, и самое важное,— поездка Аксакова будировала создание Матицы словенской.

Аксаков ознакомился с деятельностью словенского издательского общества «Друштва св. Могора», которое в то время насчитывало 1100 членов. «Оно издает,— заметил о нем Аксаков в своем дневнике,— книги духовные и нравоучительные для народа и для детей, все проникнутые католическим духом. Это полезно в том отношении, что есть что читать народу по-словенски». Вместе с тем Аксаков считал, что «высшая деятельность, ученая, словенцев не имеет ни органа, ни центра, ни средств.— Так, ни Терстеняк, ни Цаф не могут издать своих сочинений»²³². Единственный выход из этого положения Аксаков видел в создании Матицы словенской. Об этом он прямо говорил со словенскими национальными деятелями. В дневнике Аксаков так описывает их реакцию на его предложение: «Я говорил им [т. е. Трстеняку, Цафу.— И. Ч.] в Марбурге об устройстве словенской Матицы наподобие чешской. Они все обрадовались этой мысли... „Поговорите об этом в Клагенфурте, в Лайбахе с Блейвейсом“, сказал мне Терстеняк. Раич хотел написать статью. У них нет средств. Я обещал, не ручаясь за успех, что буду собирать средства в Москве, и обещал прислать книг. Нет возможности снабжать нам книгами каждого в отдельности. Другое дело, если у них будет центральная библиотека. Но в Эйншпиллере я нашел сильного противника мысли о Матице. Он чувствует, что высшее словенское развитие ускользает из рук духовенства. Не нужно нам Матицы, довольно дружба; сюда должны стекаться все ка-

²³² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 3. Приложение, с. 116.

питалы и усилий.— Но ведь изданиями подобного рода вы не продвигаете высшую умственную деятельность. Народность сохраняется высшим сознанием самой сущности народа. Важное не внешнее народности, но самое содержание этого слова.— Но Эйншпиллер католик и враг этой мысли. Для него в католицизме все. „Пусть присоединяются к хорватской Матице,— сказал он,— мы сами по себе слишком слабы, у нас не из кого и составить Матицы“. „Отчего же не присоединяются?“— спросил я. „Хорваты не хотят“. Этого он не объяснил мне ясно, почему не хотят. Я думаю, тут причина та, что словене не хотят жертвовать своею народностью, своим языком, хорватскому... Блейвейс вполне за самостоятельное развитие словенства и не хочет слияния с хорватами. Он рад был бы Матице... Время удобное. Но едва ли дело состоится. Епископы и старые все почти словенцы этого не захотят»²³³.

Аксаков в своем дневнике дал любопытную расстановку сил среди словенских национальных деятелей по вопросу о создании Матицы словенской: воодушевление штирийцев; положительное, но отчасти неуверенное отношение к этому Блейвейса и резкая оппозиция каринтийцев. Позднее Божидар Раич сообщал в небольшой заметке, помещенной в газете «Словенец» (издававшейся Эйншпиллером), что, путешествуя по Словении в 1860 г., Аксаков много агитировал за создание Матицы и обещал ей присылать все книги, которые выходят в Москве. Автор выражал уверенность, что Аксаков выполнит свое обещание²³⁴. Интересно, что в Учредительном комитете Матицы, состоявшем из 4 штирийцев, был и собеседник И. С. Аксакова — Я. Майцигер²³⁵.

Конечно, ни в коем случае нельзя утверждать, что поездка Аксакова и его разговоры со словенскими национальными деятелями сыграли решающую роль в создании Матицы словенской, но все же они явились одним из моментов, побудивших к этому словенцев. Это, кстати, отмечает и И. Приятель²³⁶.

²³³ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 3. Приложение, с. 116—117.

²³⁴ Slovenec, 1865, N 3, s. 10—11.

²³⁵ Sernec J. Spomini. Ljubljana, 1927, s. 9.

²³⁶ Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. II, s. 271.

После словенских земель Аксаков посетил Хорватию. В Риеке на него произвела впечатление встреча с учителем гимназии словенцем Янезом Трдиной, к которому у него было рекомендательное письмо от Клуна. «Тердина,— записал Аксаков в дневнике,— бодрый, искренний, прямой человек. Часа два я проговорил с ним, и уже разговор его оживил и меня совсем. И в тоне самом слышно было сознание славянской силы... Разумеется, Тердина читал и „Беседу“, и хорошо знаком с современным состоянием русской литературы»²³⁷. Именно Трдина познакомил Аксакова с хорватским национальным деятелем Винко Поцелом, который свел его в риекскую читальню. Интересно отметить, что Риека стал своеобразным центром словенских русофилов. Кроме Трдины, который был одним из первых словенских прозаиков, а впоследствии по возвращении на родину оказал большое влияние на формирование идеологии И. Хрибара, в Риеке жил один из самых горячих словенских русофилов купец Г. Блаж.

В 1862 г. через словенские земли проезжал и В. И. Ламанский. Главной целью его была работа в лицейской библиотеке Любляны. Но на святках 1862 г., когда Ламанский приехал в город, она была закрыта. Это и явилось главной причиной скорого отъезда из Любляны русского ученого²³⁸. Все же Ламанскому удалось посетить читальню. Об этом вспоминал позднее Ф. Левстик в письме к Рудежу от 1 августа 1867 г. «Он был в Любляне очень мало времени,— писал Левстик,— и я имел только один случай немного поговорить с ним в читальне возле печки, рядом с которой мы оба стоя грелись»²³⁹. Из-за краткости пребывания в Любляне Ламанский не смог завязать каких-либо прочных контактов со словенскими национальными деятелями.

Заметным явлением в знакомстве словенской общности с русской культурой стали выступления русского скрипача Свечина, бывшего учеником Паганини. В мае 1862 г. он выступал в Триесте, и о его концерте в триестинской читальне написал в «Новицах»

²³⁷ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 3. Приложение, с. 140.

²³⁸ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос.— ЖМНП, 1869, № 5—6, с. 350.

²³⁹ Levstikova pisma, s. 249.

Левстик²⁴⁰. При этом в читальне наряду со Свечиным выступали два местных хора — хор окрестных словенских крестьян под руководством Ивана Пиана и хор читальни под управлением чеха Лего²⁴¹.

В середине июня 1862 г. Свечин дал концерт в Любляне. Накануне концерта люблянские немцы распространили слух о том, что Свечин не только плохой музыкант, ибо у славян не может быть искусства, но что он еще и панславист. И все же зал, где он играл, был переполнен. «Чистота, нежность, сила, плавность его волшебных звуков, соединенные с глубоким чувством и совершенной техникой, превосходят, по словам знатоков, все, что мы до сих пор слышали в Любляне», — писали «Новицы» об игре Свечина. В его концерте принял участие и словенский хор люблянской читальни под руководством Недведа²⁴².

Любопытно, что как в Триесте, так и в Любляне концерты Свечина использовались словенскими национальными деятелями для пропаганды и словенской национальной культуры, недаром он выступал совместно со словенскими читальническими хорами.

§ 8. Клубок М. Ф. Раевского в Вене. Тысячелетие России

Истинным центром пропаганды славянофильских идей в Вене с конца 50-х годов становится дом русского посольского священника в Вене Михаила Федоровича Раевского. По своим взглядам он был близок славянофилам аксаковского направления. Попав в Австрию в 1842 г., Раевский застал там подъем национально-освободительного движения славянских народов. Уже до революции 1848 г. он вступил в контакты с рядом видных славянских культурных и национальных деятелей. Его квартира стала местом встреч русских славистов и общественных деятелей славянских народов: В. Караджича, Л. Гая, Ф. Миклошича, В. Ганки, Л. Штура, Петра П. Негоша, Й. Раяича, В. И. Гри-

²⁴⁰ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, zv. II, s. 386.

²⁴¹ *Ibid.*, s. 157.

²⁴² *Novice*, 18.VI 1862, s. 209.

горовича, Н. И. Надеждина и др. Уже в то время Раевский выступал как посредник в научных связях между русскими и славянскими учеными. В начале 50-х годов Раевский выполнял поручения комитета аристократических дам, а с середины 50-х годов активно сотрудничал со славянофилами. С 1860 г. Раевский стал представителем Славянского благотворительного комитета в Австрийской монархии.

Для деятельности Раевского в Вене имелась весьма благоприятная почва. Здесь не только постоянно жили некоторые видные славянские ученые, но и училось большое количество славянских студентов. Среди них идеи славянской взаимности в конце 50-х — начале 60-х годов были очень популярны. Словенцы в этом отношении не отставали от других славян. В первой половине 60-х годов у них еще не было своего студенческого общества. Однако словенских студентов собиралось каждую субботу по 50 и более человек. Большую роль на этих собраниях играли горицкие словенцы Йосип Тонкли и Хинко Доленц, впоследствии видные словенские национальные деятели в Горице, первый — консервативного направления, второй — либерального.

Осенью 1862 г. Даворин Енко, будущий словенский композитор, совместно с несколькими чехами основал в Вене «Славянское певческое общество». «В этом обществе,— писал Й. Т. Еловшек в «Новицах» 15 ноября 1862 г., призывая словенцев в него вступать,— мы имеем хорошую возможность развивать столь необходимую нам славянскую взаимность»²⁴³. Любопытно, что словенское самосознание у молодежи появлялось быстрее в Вене, чем в самих словенских землях, очевидно, под влиянием общения с более развитыми в национальном отношении сербами, хорватами, чехами. Интересны в этом отношении письма из Вены Й. Ноли²⁴⁴ к П. Грасели²⁴⁵. Именно отсюда Ноли стал впервые писать своему другу по-словенски. Сам он

²⁴³ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, zv. IV, s. 15.

²⁴⁴ Йосип Ноли (1841—1902) — словенский культурный деятель, близкий к младословенцам. Один из организаторов Драматического общества в Любляне. Потом — известный оперный певец.

²⁴⁵ Петер Грасели (1841—1933) — видный деятель младословенцев. Некоторое время был председателем Драматического общества.

объяснял ему это тем, что в немецкой Вене «в груди каждого патриота начинает разгораться дух словенский, и радуется меня, как все мы более или менее воодушевляемся словенским и вообще славянским делом». В этом же письме от 6 ноября 1860 г. Ноли сообщал о двух собраниях словенских студентов — один раз они собрались сами, в другой раз их пригласили в свое общество «Славянская беседа» чехи. На втором собрании присутствовали все славяне, при этом югославяне — словенцы, хорваты, сербы — пришли все одновременно. «До четырех утра мы пели и плясали»²⁴⁶. По-видимому, югославяне в Вене общались между собою довольно часто и нередко предпринимали совместные акции. Так, в письме от 15 декабря 1860 г. Ноли рассказывал Грасели о встрече хорватской делегации во главе с баном Шокчевичем и епископом Штросмайером, которую ей устроили югославянские студенты в Вене. Среди них было «40 краинцев (т. е. словенцев.— И. Ч.), много хорватов и сербов». Потом студенты на собрании решили послать специальную делегацию к Штросмайеру, состоявшую из 4 словенцев (Менцингер, Тонкли, Зарник, Енко), 4 хорватов и 4 сербов, с просьбой, чтобы он выступал не только от имени хорватов, но и от имени всех югославян.

На том же собрании Зарник произнес речь, в которой призывал своих товарищей пробуждать словенский дух в Любляне и в Крайне²⁴⁷.

1 июня 1861 г. славянские студенты, «а именно: чехи, словенцы, сербы, хорваты и поляки отправились на целый день за город... Было очень весело и звучали здесь многие славянские песни»²⁴⁸.

В такой обстановке славянской взаимности, частого общения славянских студентов друг с другом дом Раевского играл особую роль. Собрания у Раевского подробно описал К. Устиянович. Он приехал в Вену в 1858 г., поступил в Академию художеств и одновременно слушал курс лекций по истории в Венском университете. В Вене Устиянович познакомился с Раевским; регулярно общался с ним, находился под его большим влиянием.

²⁴⁶ Mestni arhiv, f. P. Grasselli.

²⁴⁷ Ibidem.

²⁴⁸ Ibidem.

ем²⁴⁹. Позднее, когда Устиянович перешел в лагерь украинофилов, он написал воспоминания о Раевском, в том числе и о тех вечерах у него дома, свидетелем которых был во время своего пребывания в Вене в 1858—1863 гг. Каждое воскресенье, а иногда еще и в четверг на квартире Раевского сходились видные деятели и молодежь славянских народов. «Они толковали и спорили о своих народных делах, а приветливый, симпатичный и просвещенный хозяин внимательно прислушивался ко всему, сглаживал споры и знакомил всех с Россией и ее передовыми славянофилами, как Хомяков, Аксаков, Самарин, Погодин и другие». Разговоры у Раевского велись чаще всего на русском языке, но некоторые говорили только на своих родных языках. По словам Устияновича, каждого, кто хотя бы раз проводил вечер у «батюшки», неодолимо влекло туда снова и снова. У Раевского Устиянович встречался с такими выдающимися национальными деятелями славянских народов Австрии, как В. Караджич, Д. Стратимирович, К. Кузмань, Й. Гурбан, И. Раковский, Ф. Л. Ригер, Ф. Браунер, А. И. Добрянский, из русских — И. С. Аксаков, Н. П. Игнатъев. «В этом-то живом, многоязычном обществе,— продолжал Устиянович,— произносились стихи на всех славянских языках, пелись народные песни всех земель „Славы“, друг другу жаловались на заклятых хитрых врагов и на несчастливую долю. А разговоры были горячие, патриотические, интересные и очень поучительные. Кто попадал туда, чувствовал себя сразу членом великой славянской родины, а увидев там часто всех, не исключая и поляков, под одной крышею, должен был тужить о том, чего может никогда и не было, и желать того, что бог знает, будет ли когда, то есть осуществления идеи всеславянства»²⁵⁰. Устиянович указывал, что особенно много сторонников всеславянских идей было среди представителей тех народов, которые испытывали наиболее жестокий национальный гнет и имели мало надежд на самостоятельное развитие, а именно среди словаков, словенцев, сорбов (лужицких сербов)²⁵¹.

²⁴⁹ Нановський Я. Корнило Миколайович Устиянович. Київ, 1963, с. 6—10.

²⁵⁰ Устиянович К. Н. М. Ф. Раевский и российский панславизм, с. 6.

²⁵¹ Там же, с. 7.

Характерно упоминание Устияновичем в числе наиболее последовательных сторонников всеславянских идей, посещавших Раевского в 1858—1863 гг., словенцев. Нам трудно точно определить, кто же из них конкретно бывал в доме русского посольского священника. По-видимому, среди них был Ф. Миклошич, но его вряд ли можно заподозрить во всеславянских симпатиях. И. С. Аксаков, например, в письме от 15 мая 1860 г. советовал своему брату Константину познакомиться с Миклошичем, но остерегал не очень ему доверять²⁵². Из других словенцев, живших в то время в Вене, мы можем назвать только уже упоминавшихся в письмах Ноли студентов — это Й. Ноли, В. Зарник, Х. Доленц, Д. Енко, Менцигер, Й. Тонкли. Все они активно участвовали в общественной жизни славянской студенческой молодежи, первые трое стали затем видными либералами, пропагандистами югославянских и русофильских идей. Вероятны также посещения некоторыми из них, особенно Ноли, Зарником, Доленцом, Раевского.

На то, что Раевский общался со словенцами в начале 60-х годов, указывает и его докладная записка директору Азиатского департамента МИД от 28/16 февраля 1862 г. «Словенцы в большом числе питают сочувствие к хорватам,— писал в ней Раевский,— и дай бог им соединиться с ними; но это сочувствие есть только первый болезненный крик народа, в котором после стольких веков пробудилось самосознание, сознание своей гибели и желание спастись, но который хватается за первый попавшийся ему предмет, лишь бы спастись. Но не знаю, что может сделаться из этой симпатии, если бы австрийское правительство предложило, например, словенцам какое-нибудь свое воеводство. Они, словенцы: их главный город Любляны (Лейбах)»²⁵³. Раевский отмечал, с одной стороны, югославистские симпатии словенцев (что демонстрируют и приведенные отрывки из писем Ноли), а с другой — стремление их к Объединенной Словении (своему воеводству). Следовательно, о политических тенденциях словенцев Раевский был осведомлен довольно точно.

В 1862 г. русское правительство решило широко от-

²⁵² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 3, с. 432.

²⁵³ АВПР, Гл. арх. V-A₂, 1862, оп. 181, д. 343, л. 3 об.

метить тысячелетие России. Это празднование должно было ознаменовать собою незыблемость Российского государства, незыблемость самодержавия, олицетворявшего его. Раевский проявил инициативу, предложив наградить в честь праздника русскими орденами ряд национальных деятелей славянских народов Австрии. «Какое прекрасное дело Вы затеяли, многоуважаемый Михаил Федорович, советуя показать западным славянам внимание и сочувствие России по случаю ее тысячелетия, раздачею русских орденов лучшим ее деятелям!— писал по этому поводу Раевскому 24 августа 1862 г. Гильфердинг.— Могу себе представить, какое благоприятное впечатление это произведет»²⁵⁴.

Министр народного просвещения Головин дал Раевскому поручение составить список славянских ученых для представления их к награде, что Раевский и выполнил. За свою идею и претворение ее в жизнь Раевский получил от Александра II наперсный крест²⁵⁵.

В числе 30 славянских национальных деятелей, награжденных русским правительством, 27 были гражданами Австрийской империи, из них двое словенцев: Миклошич и Блейвейс. Интересно, что в первоначальном списке Раевский назвал только Миклошича. В уже упомянутом письме от 24 августа 1862 г. Гильфердинг замечал по этому поводу: «Миклошича, конечно, нельзя исключить из списка, потому что он после смерти Шафарика сделался чуть ли не первым ученым авторитетом между славянами. Но Вы знаете, что он в полном смысле австриец и вовсе отстраняется от народной деятельности своей родины. Поэтому он и не принадлежит собственно народности словенцев, и словенцев необходимо почтить наградой не в его лице, а в лице докт. Блейвейса, издателя „Новиц“ (в Любляне), того человека, который более всех других содействовал пробуждению славянского духа в Крайне и Штирии. Недавно бывший его юбилей выказал огромное его значение между его соотечественниками»²⁵⁶.

Сохранилась биография Блейвейса, написанная им самим и присланная, очевидно, для получения ордена.

²⁵⁴ Зарубежные славяне и Россия. М., 1975, с. 132.

²⁵⁵ Русь, I.VI 1884, с. 25.

²⁵⁶ Зарубежные славяне и Россия, с. 134.

В ней перечисляются заслуги Блейвейса перед словенским народом: издание газеты «Кметийске ин рокоделске новице», введение у словенцев нового алфавита гаицы; написание для словенцев ряда книг по сельскому хозяйству (животноводству) и др. Свой очерк Блейвейс оканчивал «скромной» оценкой своих заслуг перед словенцами: «Если мы рассмотрим без предубеждения неутомимую, более чем двадцать лет продолжающуюся деятельность этого мужа, который содействует духовному и материальному возвышению словенского народа и с таким хорошим результатом, то мы должны признать, что профессор Блейвейс принадлежит к величайшим благодетелям словенцев и имеет такие заслуги, за которые ни одна награда не будет слишком высокой»²⁵⁷.

Блейвейс получил орден св. Владимира 4-й степени. 6 ноября 1862 г. им было направлено благодарственное письмо в министерство народного просвещения России, в котором он выражал свою глубокую признательность Александру II и министру народного просвещения. «Я почитаю себя в высшей степени осчастливленным тем, что моя незначительная деятельность на поле славянской литературы,— писал он,— была удостоена такого высокого признания»²⁵⁸.

Жест русского правительства был с воодушевлением воспринят многими словенцами. «Новицы» поместили заметку своего корреспондента из Вены, в которой отмечалось: «Сегодня радуемся и мы, словенцы, что наряду с одним из главных деятелей общеславянской литературы [славистики.— И. Ч.] господином профессором доктором Миклошичем также и к Вам, господин редактор, пришла награда за двадцатилетний великий труд на поле словенском, особенно с изданием „Новиц“»²⁵⁹. Восторженным был и отклик горицких словенцев. «С каким-то необычным удивлением,— писал член горицкой читальни Андрей Винклер Блейвейсу 19 октября 1862 г.,— восприняла пораженная Европа известие, что среди шума и суматохи новгородских торжеств русский

²⁵⁷ АВПР, ф. 360, д. 175, л. 18 и об., 19. В архиве имеются 2 экземпляра биографии Блейвейса, написанные на словенском и немецком языках, оба рукою Блейвейса.

²⁵⁸ ЦГИА, ф. 733, оп. 193, д. 24, л. 17.

²⁵⁹ Novice, 8.X 1862, s. 344.

царь не забыл также австрийско-славянских литературных деятелей, показав миру, насколько выше надо ценить перо, чем сталь, и крепость ума, чем силу руки... Удовлетворение, радость, которыми наполняет словенцев эта полная значения награда, огромны»²⁸⁰.

Спустя пять лет Г. Блаж в письме к Раевскому признавался, что награждение Блейвейса русским орденом наполнило его несказанной радостью, так как он получил уверенность в том, что «Россия включает нас в круг своих интересов, что мы, таким образом, можем не опасаться быть поглощенными Италией или кем-либо другим»²⁸¹.

§ 9. Установление контактов между Матицей словенской и русскими общественными и научными организациями

В 1864 г. на основе указаний деятелей Славянского комитета Раевский разработал план распространения русского влияния среди славян Австрии. Этот план был представлен им в различные правительственные ведомства, в том числе и в министерство иностранных дел. Главный путь воздействия на славян Раевский видел в развитии «литературных сношений», для улучшения которых полагал необходимым: 1) заключить новую почтово-литературную конвенцию с Австрией, которая бы облегчила славянам возможность получать русские книги, газеты, журналы по почте; 2) лучше организовать торговлю русскими книгами в Австрии; 3) посылать в Австрию книги частным путем в виде пожертвований.

Важным средством «действовать на славян и направлять умы и сердца их по возможности в пользу России» Раевский считал издание в Австрии газет на русском и немецком языках «в русском направлении». При этом на немецком языке газету следовало издавать в Вене или Праге с ориентацией на чехов, словенцев, а в Пеште — на русском, с ориентацией на русинов и

²⁸⁰ *Tominšek J. Dr. Janez Bleiweis, vitez Tersteniški.*— In: *Bleiweisov zbornik, 1909, Ljubljana, s. XIX.*

²⁸¹ Зарубежные славяне и Россия, с. 39.

словаков. Наконец, Раевский полагал необходимым оказывать материальную поддержку славянским национально-культурным учреждениям (школам, матицам, читальням и пр.), а также отдельным национальным деятелям и бедным студентам. Только в Хорватии и Чехии, писал Раевский, национальные школы пользуются некоторой поддержкой правительства, в других же местах оно им не помогает. Славяне на свои нищенские средства стараются создавать школы и матицы, но это им очень трудно делать, так как у них «аристократии нет, богатых людей нет, одни поселяне. Вот тут подать руку помощи русскому брату несчастным труженикам славянства»²⁸².

Таким образом, план Раевского предусматривал прежде всего установление культурных связей со славянами Австрии, материальную помощь последним. Направление деятельности, отраженное в плане Раевского, до 1867 г. было доминирующим у славянофилов по отношению к славянским народам Австрийской империи.

Центром, через который осуществлялись связи славян с русскими общественными деятелями, стала Вена. Уже в 1864 г. Раевский создал здесь кружок русского языка. «Часто мы здесь Вас вспоминаем,— писал он 5 февраля 1864 г. А. Х. Востокову,— и особенно зимою, когда собираются в Вену молодые славяне и мы принимаемся учиться по Вашей грамматике. Преимущественно словаки-студенты занимаются русским языком и настоящей зимою приходит их ко мне человек десять»²⁸³.

Об увеличивающемся интересе к русскому языку среди австрийских славян писал и В. И. Ламанский: «Поистине нельзя не удивляться тем быстрым успехам, которые сделал русский язык в это время в немецко-венгерско-славянских провинциях Австрии,— отмечал он в 1864 г., и далее уточнял,— (в Вене, Лайбахе, Пеште и Праге)»²⁸⁴. Характерно, что по интересу к русскому языку сразу же после Вены он ставил Любляну, а уж затем Пешт и Прагу.

²⁸² ОР ГПБ, ф. 627, бумаги М. Ф. Раевского, 1864, л. 7—18.

²⁸³ Срезневский И. И. Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке, с. 400.

²⁸⁴ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношении.— Отечественные записки, 1864, № 11, с. 186.

До 1865 г. нельзя говорить о существовании постоянных контактов между русскими и словенцами. Они установились только с созданием в 1864 г. Матицы словенской, ставшей центром развития словенской литературы. У Славянского комитета появилась возможность иметь дело не с отдельными лицами в Словении, а с центральной, объединяющей всех национально мыслящих словенцев организацией.

Первые шаги к установлению связей с Матицей словенской и национальными деятелями Любляны сделал, по всей вероятности, Раевский. Сохранилось письмо Блейвейса от 20 октября 1865 г., в котором он сообщал, что по просьбе Раевского посылает ему вместе с Абелем Лукшичем, в то время издателем «Славишес Блаттес», свою фотографию и в свою очередь просит портрет Раевского для себя²⁶⁵.

Приблизительно в то же время Раевский послал Матице словенской 200 книг, изданных Российской Академией наук²⁶⁶. 30 ноября 1865 г. председатель Матицы Л. Томан отправил ему благодарственное письмо²⁶⁷. Оно явилось первым со стороны Матицы словенской в числе пятнадцати, которые она адресовала Раевскому. Во втором письме от 4 июля 1866 г. Матица обращалась к нему с просьбой отдать по экземпляру «Истории словенского народа», посылаемой ему, Российской Академии наук, Антропологическому обществу, а один экземпляр оставить себе. В том же письме Раевского просили уведомить два упомянутых выше общества, что комитет Матицы на своем заседании в июне 1866 г. принял решение «вступить с ними в действительную связь литературной взаимности и посылать им все книги, которые Матица словенская издает»²⁶⁸.

Деятельность Раевского как посредника в сношениях между Матицей словенской и научными и общественными учреждениями России была высоко оценена комитетом Матицы. 18 ноября 1866 г. за подписью Л. Томана и А. Лесара, секретаря Матицы, было послано письмо Раевскому, в котором говорилось: «С радостью Вам сообщаем, что комитет словенской Матицы на своем

²⁶⁵ АВПР, ф. 360, д. 175, л. 1.

²⁶⁶ Lah E. Matica slovenska.— Letopis Matice slovenske, 1885, s. 408.

²⁶⁷ Зарубежные славяне и Россия, с. 432.

²⁶⁸ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 72.

5 заседании от 15 ноября сего года согласно § 16 Устава Матицы по предложению, представленному председателем др. Ловро Томаном, согласно избрал Вас первым почетным членом Матицы словенской в Любляне.

Основанием, которым он подкрепил свое предложение, было Ваше великодушие, которое уже подарило библиотеке нашего счастливого общества множество книг и Ваше большое и благотворное старание, благодаря которому Вы благосклонно достали этой библиотеке столько превосходнейших и очень дорогих книг, что она теперь насчитывает больше русских, чем всех других славянских книг.

Пусть это избрание будет Вам некоторым доказательством того, как высоко чтим и признаем мы Ваши бесценные заслуги перед нашим благим, но до сих пор еще бедным обществом»²⁶⁹.

Однако Матица не могла избрать своим почетным членом гражданина другого государства без утверждения этого со стороны провинциального правительства Крайны. В тот же день, 18 ноября, когда Раевский был избран почетным членом Матицы, ее комитет обратился к провинциальному правительству Крайны с просьбой подтвердить избрание Раевского ее почетным членом. Мотивировка избрания была такой: «Причиной этого было великодушие Раевского, благодаря которому он сам даровал и усердие, с которым он склонил русские литературные общества подарить библиотеке Матицы много драгоценных русских и других славянских книг»²⁷⁰. Правительство подтвердило избрание Раевского, и он стал первым почетным членом Матицы словенской и единственным ее почетным членом с иностранным подданством вплоть до конца XIX в.

Раевский с благодарностью отозвался на решение Матицы словенской. «Я благодарю особенно Вас и Матицу словенскую за великую честь, которою Вы меня удостоили,— писал Раевский 29 ноября 1866 г., по-видимому, Л. Томану.— То, что я сделал для Матицы словенской, я сделал, как и всякий другой славянин должен был сделать... И что могу и впредь сделать для

²⁶⁹ Зарубежные славяне и Россия, с. 433.

²⁷⁰ Arhiv Matice slovenske, 1866, št. 193.

моих словенских братьев, сделаю с радостью, только прикажите»²⁷¹. Дальнейшая деятельность Раевского показала, что его слова не были пустым обещанием.

Возможно, именно Матица словенская подарила Раевскому 20 экземпляров карты П. Козлера, на которой были изображены словенские земли в их этнических границах. П. Козлер, один из словенских либеральных деятелей в период революции 1848 г., издал эту карту впервые в 1853 г. под названием «Карта словенских земель и областей». В самом появлении карты Козлера власти усмотрели намек на политическую программу словенцев в 1848 г.— Объединенную Словению. Карта была запрещена, а Козлер обвинен в нарушении общественного мира. Второе издание карты было осуществлено после отмены запрещения в 1861 г.

Козлер, как и многие славянские либералы, не чужд был идее славянской взаимности. Во всяком случае, 30 марта 1864 г. он подарил одному из русских, приехавшему в Вену, книжку Сломшека «Блаже и Нежица в воскресной школе» с любопытным посвящением на словенском языке:

Как народ Вы, русские,— великаны.
Нас, словенцев, не больше, чем горсть;
Но подумайте, что мы — славяне,
Всем славянам будет слава, почет!²⁷²

Козлер заходил и к Раевскому и был, по-видимому, с ним в хороших отношениях. 24 сентября (1865 г.) Раевский обратился к В. И. Ламанскому с письмом. «Препровождаю Вам при сем 20 экземпляров карты с описанием Козлера Словении,— писал он.— Вы знаете, что 1-е издание этой карты было запрещено австрийским правительством, это второе издание. Карты эти Вы можете раздать по библиотекам или сами, или через министра нар[одного] просвещения. Достойно и праведно избрать Козлера членом Географического русского общества, и Вы, надеюсь, постараетесь это сделать»²⁷³.

²⁷¹ Archiv Matice slovenske, 1866, št. 202.

²⁷² *Pauljuk N. Znanstvene i kulturne veze učenjake odeskog (novorozijskog) sveučilista s jugoslavenskim učenjacima.*—Historijski zbornik, 1970—1971, Zagreb, s. 537.

²⁷³ ОР ГПБ, ф. 608. Письма Раевского к В. И. Ламанскому.

Рекомендация Раевского была воспринята и В. И. Ламанским и Русским географическим обществом положительно. Уже в начале 1866 г. Козлер был избран его членом. «Знает ли Козлер,— сообщал Раевский руководству Матицы словенской 20 марта 1866 г.,— что он стал членом Русского географического общества? Диплом ему еще не был готов, когда я выехал из Петрограда»²⁷⁴.

Позднее Русское географическое общество регулярно посылало через Раевского свои труды Козлеру²⁷⁵.

Избрание Козлера членом Русского географического общества означало не только признание русской общественностью его научных заслуг в деле создания первой карты словенских земель, но прежде всего признание его политических заслуг — борьбы за права словенцев. Недаром, рекомендуя Козлера в члены Русского географического общества, Раевский подчеркивал, что первое издание его карты было запрещено австрийским правительством. Избрание Козлера продемонстрировало и поддержку русскими славянофилами и научной общественностью России программы Объединенной Словении, ибо, как в общем-то верно подметило австрийское правительство, политический смысл карты Козлера был в борьбе за объединение словенцев в этнических границах.

Накануне введения дуализма появились первые в России статьи о музыкальной культуре словенцев. В «Русском вестнике» была помещена статья А. Н. Веселовского «Музыка у славян», в которой он остановился на творчестве одного из первых словенских композиторов Д. Енко. «Словинец»²⁷⁶ Д. Еенко,— писал русский ученый,— приобрел в последнее время большую известность необыкновенно удачною музыкой к патриотическому гимну «Наргеј» («Вперед»), получившему право гражданства во всем западном славянстве. Это небольшая, незатейливая вещица запечатлена своеобразным характером народной песни (откуда, быть может, и про-

²⁷⁴ Archiv Matice slovenske, 1866, št. 48.

²⁷⁵ ОР ГПБ, ф. 608. Письма Русского географического общества к Раевскому.

²⁷⁶ Во второй половине XIX в. в русских изданиях часто писали вместо *словенец* — *словинец*, а вместо *словенский* — *словинский*.

исходит) и необыкновенно вызывающим свойством бойких, задорных звуков». Другие произведения композитора А. Н. Веселовский характеризовал как менее интересные²⁷⁷.

Таким образом, к моменту переустройства Австрийской монархии на дуалистической основе между словенскими и русскими общественными кругами уже установились регулярные контакты.

§ 10. Этнографическая выставка и славянский съезд 1867 г. в Москве

Уже с середины 60-х годов стало ясно, что планы славян о федеративном переустройстве Австрии не встречают сочувствия в правящих кругах монархии, склонявшихся к компромиссу с венгерским дворянством. Боязнь дуализма, означавшего и усиление германизации, вызвала среди многих национальных деятелей славянских народов резкое повышение интереса к России, имевшего уже явно политический оттенок. Даже создатель австрославистских концепций в 1848 г. Ф. Палацкий в серии своих статей «Идея австрийского государства», опубликованных в 1865 г., заявлял, что введение дуализма повлечет за собой рождение панславизма «в наименее желанной форме»²⁷⁸, подразумевая под этим объединение славян под главенством России. Такие же настроения были характерны и для других национальных деятелей славянских народов Австрийской монархии. Чем ближе и неотвратимей надвигался дуализм, тем сильнее становилось русофильство славянских политиков и тем более политический аспект оно приобретало. Несомненно, они не могли не давать себе отчета в том, что Россия, не занимавшая в 60-х годах XIX в. таких сильных позиций в Европе, как в первой половине столетия, не имела реальных шансов объединить вокруг себя славян. Но при росте угрозы германизации для одной части славян и мадьяризации — для другой пропаганда политической опоры на Россию яв-

²⁷⁷ Русский вестник, 1866, № 4, с. 413.

²⁷⁸ День, 28.VIII, 4.IX 1865.

лялась своего рода орудием борьбы за национальное существование славян в Австрийской монархии, за усиление их сопротивления ассимиляции.

В 1867 г. дуализм был одобрен австрийским рейхсратом. Именно в это время и происходила Всероссийская этнографическая выставка в Москве. Она сыграла заметную роль в развитии русско-славянских связей вообще и русско-словенских в частности.

Этнографическую выставку организовало Общество любителей естествознания при Московском университете, создавшее для ее проведения специальный комитет. В 1865 г. комитет по проведению выставки принял предложение профессора Московского университета Н. А. Попова о создании на Этнографической выставке специального отдела зарубежных славян. Для сбора предметов быта и национальной одежды зарубежных славян было решено использовать М. Ф. Раевского, на что он дал свое согласие. Редактор «Славише блаттес» Абель Лукшич, по поручению Раевского, в мае 1866 г. посетил Пешт, Нови Сад, Вуковар, Загреб, Любляну, где вел переговоры о посылке на Этнографическую выставку в Москву различной национальной одежды и предметов быта славян. Кроме того, Раевский письменно обратился с той же просьбой к ряду славянских национальных деятелей: у чехов — к Эрбену, у словаков — к Кузману, у западных украинцев — к Головацкому, у хорватов — к Кукульевичу, у словенцев — к Томану и Блейвейсу²⁷⁹. Ожидать ответа пришлось долго. С грустью Раевский отмечал 27 августа в письме к Попову, что от словенцев, как и от словаков, хорватов, далматинцев, он еще ничего не получал. 19 сентября Раевский указывал, что пока молчат Далмация и Словения²⁸⁰.

Блейвейс ответил на двойное обращение Раевского только 20 октября 1866 г. «Причина того, что Матица словенская в Любляне не может участвовать в выставке в Москве, та,— сообщал он,— что, как сказал председатель Томан, по ее Уставу, это участие для нее невозможно». Однако Блейвейс обещал прислать мужской и женский национальные костюмы из Крайны и фото-

²⁷⁹ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 11, л. 3.

²⁸⁰ Там же, л. 7, 8.

графини к ним на личные средства. Он также сообщал, что написал о желательности посылки словенских национальных костюмов в Каринтию к Маяру, настоятелю прихода в Горьях, и в Штирию к д-ру Разлагу, адвокату в Брежицах. Блейвейс советовал Раевскому написать еще раз Маяру, а относительно морлацких костюмов обратиться к богатому торговцу в Триесте Йосипу Горупу²⁸¹.

Как можно видеть, руководство Матицы на первых порах отнеслось к просьбе Раевского очень осторожно. Желая оградить Матицу от всяких обвинений в связях с Россией, Томан и Блейвейс решили ограничиться частными пожертвованиями.

Маяр, которому написал Блейвейс, откликнулся на призыв Раевского значительно быстрее. 26 октября Раевский сообщил Попову: «Словенцы нам присылают крайнюю²⁸² свадьбу из 6 лиц со всем прибором только без коня и телеги»²⁸³. В декабре посылки от Маяра были получены и отправлены в Россию. В письме к Попову от 28 декабря 1867 г. Раевский указывал среди лиц, сделавших наиболее значительные подарки Этнографической выставке в Москве, воеводинского серба А. Вукашиновича, хорватского фабриканта Феликса Лая и словенца Матию Маяра²⁸⁴. «Матия Маяр,— писала газета «Словенец» о его даре,— купил костюмы зиян и зиянок и послал их на всеславянскую выставку в Москву. В числе их костюмы невесты, жениха, подружки, сватов и т. д., приданое невесты — сундук, постель, прялка»²⁸⁵. Стоимость предметов, посланных Маяром, оценивалась в 350—400 гульденов²⁸⁶, сумма огромная, если принять во внимание, что спустя три года годовое жалование Маяра составляло всего 315 гульденов.

В январе — марте 1867 г. Раевский получил от словенцев: костюм словенца из Крайны и собрание рисунков словенских национальных костюмов, пожертвованные братьями Блейвейсами, Томаном и Костой, модели

²⁸¹ АВПР, ф. 360, д. 175, л. 4 и об.

²⁸² Раевский ошибся — это была каринтийская свадьба.

²⁸³ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 11, л. 10.

²⁸⁴ Там же, л. 16.

²⁸⁵ Slovenec, 19.III 1867, s. 136.

²⁸⁶ Архив АН СССР, ф. 241, оп. 1, д. 85, л. 855; Rokopisni odelek NUK, št. 30/49, s. 7.

домашних произведений словенцев от священника Орожена. Кроме того, один из словацких национальных деятелей В. Кузманы прислал рисунки костюмов триестинских словенцев ²⁸⁷.

Русские славянофилы решили воспользоваться проведением Всероссийской этнографической выставки для созыва славянского съезда в Москве. По их рекомендации на выставку были приглашены видные деятели славянских народов, всего 55 человек, в том числе 10 словенцев: Томан, Блейвейс, Матица словенская в Любляне, Эйншпиллер, Янежич, Трстеняк, Разлаг, Винклер, Коста, Маяр ²⁸⁸. В начале января 1867 г. приглашения были разосланы. 8 февраля 1867 г. Блейвейс поблагодарил Раевского за присланные приглашения и сообщил, очевидно имея в виду себя, Томана и Косту, что приехать они не смогут, так как являются депутатами рейхсрата и провинциального собрания, которые будут заседать весной. Вместе с тем он просил 2—3 билета на случай, если кто-нибудь захочет отправиться в Москву. 18 апреля, вероятно на повторное приглашение Раевского, Блейвейс снова отказался от поездки от своего имени и имени Косты, Томана, Светеца, сославшись на неотложные дела и плохое здоровье. Одновременно он сообщил, что переслал приглашение на выставку Маяру ²⁸⁹. Так же мотивировал свой отказ ехать на Этнографическую выставку и Томан в письме от 30 апреля 1867 г. «Это для меня — жертва! — восклицал он. — Всю мою жизнь у меня было желание увидеть когда-нибудь прекрасный Петроград и святую Москву. Несомненно, я бы однажды поехал туда, если бы *время, дела* и все *обстоятельства* мне это позволили. И теперь — прекрасный случай, а я не могу исполнить свое горячее желание!» ²⁹⁰

В письме от 26 апреля 1867 г. Блейвейс рекомендовал Раевскому для поездки в Москву А. Худеца, доктора права, и И. Вильхара, богатого купца ²⁹¹. В последующих трех письмах от 25 апреля, 29 апреля и

²⁸⁷ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 13.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ АВПР, ф. 360, д. 175, л. 5, 6 и об., 7.

²⁹⁰ ОР ГПБ, ф. 608. Письмо Л. Томана к М. Ф. Раевскому.

²⁹¹ АВПР, ф. 360, д. 175, л. 8.

3 мая Блейвейс сообщал попеременно о намерении Томана, Светеца и Грасели отправиться в Москву. Последнего он характеризовал очень красноречиво: «Славянин душой и телом, собственник дома в Любляне, кандидат в доктора прав, весьма образован во всеславянской литературе, первоклассный патриот»²⁹².

По-видимому, имелись и другие словенцы, желавшие поехать в Москву. В частности, И. Вошняк в своих воспоминаниях утверждает, что он хотел отправиться на Этнографическую выставку, но у него не хватило на это средств²⁹³. Это вполне возможная ситуация, если принять во внимание, что бесплатными билетами ведал Блейвейс и что он, конечно, стремился распределить их между своими сторонниками, к числу которых Вошняк не принадлежал.

В конце концов на Этнографическую выставку в Москву поехали М. Майяр, И. Вильхар, А. Худец. Решение Майяра отправиться на выставку было принято им окончательно после того, как он узнал, что его начальство, епископ Виери²⁹⁴, решительно возражает против его поездки. Этот поступок Майяра свидетельствует о его мужественном и стойком характере, решительности и принципиальности, отличавших его от осторожных словенских политиков типа Блейвейса, Томана, Косты.

Интересно, что отказ Блейвейса ехать в Москву был воспринят частью словенской общественности отрицательно, например газетой «Словенски господар»²⁹⁵.

Словенцы были представлены на Этнографической выставке значительно слабее, чем, например, чехи (27 человек), воеводинские сербы (16 человек), хорваты (10 человек)²⁹⁶. Кроме того, если чехи, сербы, хорваты и др. послали в Москву весьма значительных национальных деятелей: Ф. Палацкого, Ф. Ригера, Ю. Грегра (чехи); Л. Гая, И. Данилу, А. Лукшича (хорваты); М. Полита-Десанчича, А. Вукашиновича, И. Суботича (сербы), то среди словенских делегатов сравнительно видной фигурой был только Майяр, который, однако,

²⁹² Там же, л. 10.

²⁹³ *Vošnjak J.* Spomini, zv. I, s. 248.

²⁹⁴ *Čurkina I.* Matija Majar Ziljski. Ljubljana, 1974, s. 58.

²⁹⁵ *Lončar D.* Dr. Janez Bleiweis in njegova doba.— In: Bleiweisov zbornik. Ljubljana, 1909, s. 217.

²⁹⁶ *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России, с. 175.

в конце 60-х годов уже не играл в словенском национальном движении такой роли, как в 1848 г.

Славянские гости прибыли в Россию в начале мая 1867 г. На всем пути их следования от границы до Петербурга и от Петербурга к Москве их радостно приветствовали представители русской общественности. Славянские гости были встречены торжественно не только славянофилами, но и широкими кругами русской либеральной интеллигенции, дворянства, купечества, духовенства, официальной России. Они были приняты Александром II, великим князем Константином, русским канцлером А. М. Горчаковым, директором Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоуховым. Правительственные круги показывали свое расположение славянам, но никаких обещаний не давали.

Маяр оказался в центре внимания русской прессы. Причиной этому послужил его богатый дар, на основе которого была сделана одна из лучших экспозиций на Этнографической выставке, а также то высококвалифицированное описание обычаев словенцев в Зильской долине, которое он прислал вместе со своим даром. Историк М. Н. Сперанский, изучивший его записку, пришел к выводу, что Маяра можно причислить к видным этнографам XIX в., если не исследователям, то собирателям²⁹⁷. Еще 25 января 1867 г. славянофильская газета «Москва» представила Маяра русскому читателю. «Один из замечательнейших деятелей между небольшим племенем словенцев,— писала «Москва»,— Матия Маяр, пожертвовал Московскому музею чрезвычайно красивую и интересную свадебную группу из Южной Штирии²⁹⁸ со всей обстановкой»²⁹⁹. П. Лавровский в «Современной летописи» расхваливал свадебную группу Маяра, подчеркнув, что «сцена в группе словинцев, представляющая со всеми местными подробностями, столь знаменательными для целого славянства, свадебные обряды с полной обстановкою предметов, а отчасти и обычаев, говорит ясно, как много выиграл бы этот

²⁹⁷ Сперанский М. Н. К истории славянской этнографии.— Изв. АН СССР. Отделение общественных наук. Серия VII, 1931, Л., № 8, с. 1000.

²⁹⁸ Имеется в виду каринтийская свадьба.

²⁹⁹ Москва, 25. I 1867, с. 118.

отдел, если бы и при группах других славян были представлены, хотя и с меньшей сложностью, чем у словинцев, некоторые характеристические сцены из их народной жизни»³⁰⁰. Наконец, в книге «Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г.», изданной вскоре после выставки и подробно описывающей славянских гостей и их пребывание в России, биографии Маяра было уделено больше места, чем биографиям Палацкого и Ригера. Маяру в ней давалась блестящая характеристика: «Это один из деятельнейших между южными славянами проповедников славянской взаимности и братства,— писал составитель биографии Маяра Н. А. Попов³⁰¹,— и вместе с тем литературные труды его дают ему почетное место в ряду южнославянских писателей». В статье сообщалось, что лучшая из групп в славянском отделе выставки, подарена Маяром, что в 1848 г. Маяр выдвинул программу Объединенной Словении, а позднее составил славянскую взаимную грамматику. «Путем, который впервые проложил Маяр, может при усилиях славянских писателей различных племен совершенно органически развиваться действительное литературное общение»,— заключал Попов³⁰².

Сам Маяр не выступал на многочисленных обедах и заседаниях в честь зарубежных гостей. Но есть основания предполагать, что он участвовал в совещаниях, проводившихся славянофилами с целью выработать какие-то общие линии политики всех славянских народов. Так, М. П. Погодин писал, что 26 мая утром он встретился с рядом славянских национальных деятелей, а именно с Ригером, Палацким, Суботичем, Гаем, Петрониевичем и Ламблом. Хотя в числе присутствовавших на этой встрече Погодин не упомянул Маяра, однако он указывал, что прозел с последним почти все время до обеда того же 26 мая³⁰³. Отсюда напрашивается вывод, что Маяр или присутствовал на этом утреннем заседании, или пришел позднее и, несомненно, был ознакомлен с

³⁰⁰ Современная летопись, 28.V 1867, с. 4.

³⁰¹ Многие оценки и даже фразы этой биографии дословно совпадают со статьей Попова «Вопрос об общеславянской азбуке».

³⁰² Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867, с. 135—139.

³⁰³ Русский (М.), 5.VI 1867, с. 21—22.

его результатами. На заседании присутствующие пришли к общему заключению о необходимости создать сравнительные словари и грамматики всех славянских наречий и учредить общеславянский журнал, где бы печатались статьи на всех славянских языках³⁰⁴. Маяр руководствовался решениями, принятыми на совещании у Погодина, по приезду на родину, что еще раз подтверждает его хорошее знакомство с ними.

Маяр присутствовал и на публичном заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете, состоявшемся 20 мая 1867 г. в честь славянских гостей. На заседании был заслушан в числе других доклад П. А. Бессонова «О славянском народном творчестве», в котором он упомянул среди прочих имен заслуженных фольклористов и имена трех словенцев: Станка Врза, Антона Янежича, Матии Маяра. Последнее имя вызвало взрыв аплодисментов³⁰⁵. 22 декабря 1867 г. Общество любителей российской словесности избрало своими действительными членами пять представителей славянской науки, в том числе и М. Маяра³⁰⁶. Кроме того, Маяр был избран действительным членом Общества любителей естествознания при Московском университете³⁰⁷.

За свой дар Маяр получил одну из высших наград выставки — награду второй степени. Следует заметить, что награды первой степени были присуждены только лицам княжеского достоинства и М. Ф. Раевскому. Помимо Маяра, серебряную медаль получил Блейвейс за костюм и фотографии.

Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве вызвали положительный отклик в Словении. Спустя три года после них в «Словенском народе» была перепечатана статья из чешских «Народных листов», в которой говорилось: «Как у нашего народа, так и у других австрийских славян путешествие в Россию оставило глубокий след. Оно как пробудило мощное сознание общих интересов, так и оживило в груди всех сла-

³⁰⁴ Русский (М.), 5.VI 1867, с. 21—22.

³⁰⁵ Беседы в обществе любителей российской словесности при императорском Московском университете, вып. 2. М., 1868, с. 28.

³⁰⁶ Там же, с. 32.

³⁰⁷ Зарубежные славяне и Россия, с. 281.

вянских племен тлеющее чувство братства, зародило в мыслях славян стремление к взаимному сближению и взаимной помощи»³⁰⁸⁻³⁰⁹. Впечатление от приема славян Александром II и другими русскими государственными деятелями было настолько велико, что И. Вошняк с удовольствием вспоминал о них спустя много лет: «Большую сенсацию во всей Европе вызвал торжественный и воодушевленный прием славянских гостей на русской земле, особенно торжественная аудиенция, на которой царь Александр II принял в Царском селе славянских гостей... Обращаясь ко всем, он сказал следующие для того времени действительно многозначительные слова: „Сердечно приветствую вас. Очень рад, что вижу своих родных братьев здесь на родной славянской земле...“ Так же и в Москве был величественный и воодушевленный прием»³¹⁰.

Этнографическая выставка усилила русофильские настроения среди словенских национальных деятелей, особенно молодежи, укрепила среди них надежду на то, что русские правительственные круги вплоть до самого царя, стремясь к связям со славянскими народами, будут так или иначе содействовать их борьбе за национальные права. Надежда эта не имела никаких оснований, ибо относительно австрийских славян царизм всегда придерживался принципов легитимизма. Заигрывание русского царя с представителями славянских народов Австро-Венгрии означало самое большее лишь желание с его стороны иметь австрийских славян в качестве противовеса австрийскому императору в случае недостаточно лояльных с его стороны действий по отношению к России.

Как бы то ни было, но Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве способствовали не только дальнейшему развитию русско-славянских контактов, но и приданию им определенного политического оттенка, носившего антидуалистический характер. Так хотели славянские национальные деятели из Австро-Венгрии, и в этом их поддерживали многие русские славянофилы.

³⁰⁸⁻³⁰⁹ Slovenski narod, 20.XII 1870.

³¹⁰ Vošňjak J. Spomini, zv. I, s. 247—248.

§ 11. Русская основа.
Словенские студенческие кружки
в Вене и Граце.
Начало контактов с младословенцами

В новых условиях славянофилы должны были наметить новые формы связей с национальными деятелями славянских народов Австрийской монархии. Еще в Москве было решено регулярно созывать славянские съезды. Это решение было проведено в жизнь только один раз. В мае 1868 г. по случаю закладки чешского национального театра в Прагу прибыли видные славянские национальные деятели. 4—5 мая было проведено секретное совещание в Стромовке, на котором присутствовали лидер старочехов Ф. Ригер; младочехи Ю. и Э. Грегры, К. Сладковский; русские славянофилы В. И. Ламанский, В. И. Губин, А. Наронович; сербы Й. Суботич, Л. Костич; хорваты М. Мразович, Н. Крестич; русины А. Добрянский, Б. Дедицкий. Попытка установить свой контроль над славянскими национальными движениями путем создания Центрального славянского комитета для координации всех действий славян, принятая русскими славянофилами на этом заседании, не удалась³¹¹. Это лишний раз подтверждало стремление славянских национальных деятелей только на словах, а не на деле припугнуть власти своим «панславизмом».

После встречи в Праге русские представители отправились в Вену. Здесь на совещании у Раевского, кроме Ламанского, Нарановича, Кудрявцева, присутствовали наиболее преданные русофилы из славянских национальных деятелей Австро-Венгрии: русины А. И. Добрянский, О. Н. Ливчак и словак П. Кузмань. Решено было главным объектом внимания Славянского комитета сделать Вену как главное средоточие славянской интеллигенции, затем — западноукраинские (русинские) земли, затем — Словакию, а потом уже всех остальных славян. Интересно, что в отношении очередности помощи славянам совещание в Вене придерживалось не религиозного, а национального признака: на первое место были поставлены украинцы — русины

³¹¹ Никитин С. А. Славянские комитеты в России, с. 235—238.

(униаты), на второе — словаки (протестанты и католики), а на третье — все остальные славяне, причем православные сербы наряду с католиками. В Вене предполагалось поддерживать славянскую газету на немецком языке «Цукунфт», а также образовать общество «Русская основа», которое должно было стать центром распространения русской культуры. Совещание в Вене решило прежде всего оказывать помощь Матицам и читальням, а из отдельных лиц — тем, кто будет способствовать распространению русского языка среди славян. Кроме того, было сочтено желательным образовать особый фонд для выдачи пособия нуждающимся славянским студентам. А. И. Кудрявцев предлагал создать при Русской основе Общую русскую библиотеку для всех кружков русского языка в Вене³¹².

Таким образом, после неудачной попытки русских славянофилов в 1867—1868 гг. взять в свои руки руководство славянскими национальными движениями в Австрийской империи они снова вернулись к прежней культурно-благотворительной деятельности среди славян.

Согласно решению совещания в Вене в ноябре 1868 г. была создана Русская основа — общество русинских студентов, ставшее центром пропаганды русского языка и культуры. В ней проводились доклады и лекции, знакомявшие слушателей с культурными, экономическими и политическими достижениями России. Для этого использовались представители русской интеллигенции, останавливавшиеся на продолжительное время в Вене. Зимой 1868/69 г. и 1869/70 г. известный русский литератор П. Д. Боборыкин регулярно, дважды в неделю, выступал в Русской основе с лекциями о русской литературе; доктор Скоров читал комедии «Горе от ума» (Грибоедова) и «Женитьба» (Гоголя), а доктор Насипов комедию «Ревизор» (Гоголя); князь Енгальчев ознакомил членов общества с реформами в России — крестьянской, судебной и земской, а также прочел курс лекций по истории русской литературы и театра³¹³.

Уже в 1869 г. Раевскому удалось наладить в Русской основе с помощью галичанина Кулянды обучение

³¹² ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 24, л. 3 и об., 4 об.

³¹³ Там же, л. 5.

русскому языку. О количестве обучавшихся можно судить по письму Раевского Попову от 7 декабря 1869 г., в котором он просил 50 экземпляров «Русской грамматики» Востокова, русские хрестоматии, словари, краткий курс истории русской литературы³¹⁴. К началу 1870 г. библиотека Русской основы насчитывала до 400 русских книг, в том числе произведения русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, 18 томов «Истории России» Соловьева, «Историю государства Российского» Карамзина, полное издание «Русской беседы», ряд годовых комплектов газет «Московские ведомости», «Современные известия», «Голос»³¹⁵.

Русская основа существовала до 1873 г. Усилиями Раевского она стала своеобразным центром пропаганды русского языка и культуры в Вене.

Кризис Австрийской монархии, начавшийся с конца 50-х годов и особенно усилившийся после поражения при Садовой в 1866 г., был одной из главных причин полемики, развернувшейся в австрийской печати, о дальнейших путях развития страны. Эта полемика электризовала общественное мнение словенцев, усиливала активность словенских политических и культурных кругов. Прежде всего оживление коснулось студенческой молодежи.

В середине 60-х годов в Вене появилась первая студенческая организация словенцев, функционировавшая довольно регулярно. В 1865 г. в Венском университете стали учиться Йосип Юрчич и Фран Целестин³¹⁶. Они и возглавили тех словенских студентов, которые сплотились вокруг молодого словенского поэта, друга Ф. Левстика Йосипа Стритара, образовав словенское литературное студенческое общество. Члены его собирались еженедельно и читали друг другу свои литературные сочинения. 20 декабря 1865 г. в «Словенском гласнике» появилась заметка Юрчича («Strelec») об этом обществе. По-видимому, его члены были связаны

³¹⁴ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 14.

³¹⁵ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 13, л. 1—5.

³¹⁶ Фран Целестин (1843—1895) — словенский деятель либерального направления, историк русской литературы. В 1869—1873 гг. был учителем классических языков в России, с 1873 г. преподавал

с общеславянским обществом Славия, которое Юрчич также упоминал в своей статье. Славия имела целью познакомить и подружить всю славянскую молодежь в Вене. Общество Стритара также не было чисто литературным. Об этом говорят письма Стритара Левстику и Й. Вошняку, написанные весной 1866 г. В них Стритар писал о необходимости борьбы с «перваками» (т. е. кругом Блейвейса и «Новиц»), о необходимости просвещения народа согласно требованиям современности, «на основе настоящего либерализма»³¹⁷.

Трудно сказать, имели ли члены Словенского литературного общества в Вене в первое время своего существования какие-либо контакты с М. Ф. Раевским, но интерес их к идеям славянской взаимности был несомненен, что подтверждалось интересом их к деятельности Славии.

После введения дуализма словенское студенческое движение стало приобретать все более и более политический характер. И дело было не только в обострившейся борьбе словенцев против дуализма, борьбе, в которой они имели соратников в лице многих славянских национальных деятелей Австрийской монархии, но и в борьбе внутри самого словенского национального движения, развернувшейся между умеренно-консервативным направлением Блейвейса — Томана и радикальным направлением во главе с Вошняком, Зарником, Левстиком. Разрыв наметился уже в 1867 г., когда стало ясно, что большинство словенских депутатов голосуют за дуализм. Весной 1868 г. либералы основали в Мариборе свой собственный печатный орган «Словенски народ», вступивший в борьбу с «Новицами» Блейвейса. Этим актом разрыв был закреплен. Отныне в словенском национальном движении существовали две партии — партия старословенцев, объединявшая консервативных и некоторых либеральных деятелей, и партия младословенцев, в то время очень пестрая по составу и включавшая в себя деятелей ряда направлений — от демократов до умеренных либералов и даже некоторых консерваторов.

славянские языки и литературу в Загребском университете. Убеденный русофил. См.: *Boršnik M. Fran Celestin*. Ljubljana, 1951.

³¹⁷ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, zv. IV, s. 17—19.

Раскол словенского национального движения привел к созданию новых обществ и в самих словенских землях. Матица словенская, многочисленные словенские читальни, которых по подсчету Этбина Косты в 1869 г. насчитывалось 58 в словенских землях (правда, активная деятельность, по крайней мере половины из них, вызывала у него сомнения)³¹⁸. Все эти общества, возникшие в первой половине 60-х годов, в своем большинстве находились под влиянием старословенцев. Левстик и его сторонники, пытавшиеся захватить командные позиции в Матице и в Люблянской читальне, в 1865 г. потерпели поражение и вынуждены были уйти из них.

В 1867 г. по инициативе Левстика и его соратников было учреждено Драматическое общество, главной целью которого являлось содействие созданию словенского театра. После голосования старословенцев в рейхсрате за дуализм их представителям пришлось уйти из Драматического общества. Во главе его летом 1868 г. встал Левстик, позднее долгое время Драматическое общество возглавляли близкие к нему Й. Ноли и П. Грасели³¹⁹.

Близким к либералам было и словенское физкультурное общество Южный Сокол, в основном состоявшее из молодежи и основанное в 1863 г. Его члены отличались национальным радикализмом. Не раз, подчеркивая свои симпатии к России, они исполняли русский гимн³²¹. В ночь с 23 на 24 июля 1867 г. из-за этого у сокольников началась драка с турнерами, членами немшкutarской физкультурной организации Турнферайн. В драке один из немшкutarов был убит. В результате власти распустили Южный Сокол, запретили пение русского гимна. 30 сокольников попали под следствие, а глава Южного Сокола Э. Коста был отстранен от должности жупана (бургомистра) Любляны. В 1868 г. словенское физкультурное общество было воссоздано под названием Сокол³²¹. Сокольцы являлись наиболее горячими борцами за национальные права словенцев, про-

³¹⁸ ОР ГПБ, ф. 979, оп. 2, д. 129.

³¹⁹ О значении для словенцев этого гимна см. с. 140.

³²⁰ Чуркина И. Фран Левстик — вождь левого крыла младословенцев, с. 140—143.

³²¹ ОР ГПБ, ф. 979, оп. 1, д. 130.

водили часто экскурсии в села, где вели национальную агитацию среди крестьян.

Младословенцы были инициаторами проведения таборов, больших митингов словенцев под открытым небом, на которых обсуждались насущные вопросы национального словенского движения. В период с августа 1868 г. по август 1871 г. было проведено 18 таборов, на каждом из которых в среднем присутствовало 5—6 тыс. человек, а на самом крупном из них в Вижмарьях — даже 30 тыс.³²² Основным требованием, выдвигавшимся на таборах, стала Объединенная Словения. Это требование поддерживали в то время и старословенцы. Наряду с этим ораторы призывали участников таборов и к славянской солидарности. Югославянский вопрос ставился на таборах в Орможе (8 августа 1869 г.), в Каставе (21 мая 1871 г.)³²³. На таборе в Сежане (20 мая 1870 г.) присутствовавшие кричали: «Да здравствует Словения, да здравствуют все славяне!»³²⁴. На таборе в Бистрице у Плиберка (Словенская Каринтия), состоявшемся 31 июля 1870 г., Маяр делился воспоминаниями о славянском съезде в Москве³²⁵. Характерно, что все таборы проходили под лозунгами либералов, хотя в них принимали участие и консервативные политики. Несмотря на старания последних, религиозные вопросы на таборах не поднимались совсем³²⁶.

Австрийские власти видели в таборах не только выражение недовольства широких масс словенцев, но даже плод происков России. В этом отношении любопытно донесение русского консула Риеки Л. В. Березина директору Азиатского департамента П. Н. Стремухову от 4 мая 1869 г., касающееся словенского табора в Вижмарьях, близ Любляны, который должен был произойти 5/14 мая. «Мне доверительно сообщено, — писал он, — что австрийско-венгерское министерство, уведомленное о панславистических заявлениях собрания в Вижмарьи, а также и о том, что двое русских (имена коих по сие время мне не известны) отправляются будто бы с революционными прокламациями в Вижмарью, а оттуда

³²² *Melik V. Slovenski tabori.* — *Kronika*, 1969, s. 74.

³²³ Там же, с. 75.

³²⁴ *Slovenski narod*, 11.VI 1870.

³²⁵ *Slovenski narod*, 2.VIII 1870.

³²⁶ *Melik V. Slovenski tabori*, s. 75.

намерены совершить поездку по Триединому королевству, не преминуло дать здешним местным властям тайное приказание: не позволять кроатам принимать участие на помянутой сходке и арестовать означенных русских, если бы они прибыли на территорию Триединого королевства»³²⁷.

Эти фантастические слухи не были совершенно беспочвенны, ибо словенские национальные деятели в то время, как уже неоднократно говорилось выше, открыто заявляли о своих симпатиях к России. Тот же Березин, сообщая Стремоухову 2 июня 1867 г. о банкете, состоявшемся недалеко от Любляны, на котором, кроме словенцев, присутствовало 500 хорватов, писал: «Тост за здоровье нашего императора был принят громким ура, потом музыка исполнила наш гимн, который по общему желанию был многократно повторен»³²⁸.

В этих условиях молодежь, пришедшая в 1867 г. в высшие учебные заведения, имела четкие политические симпатии и антипатии. Франц Левец, также ставший студентом в 1867 г., в письме к своему другу, будущему известному словенскому писателю Я. Керснику, так характеризовал своего приятеля Ф. Шукле: доброволец России и распада Австрии. В том же письме, описывая прощальный ужин молодых люблянцев, уезжавших учиться в Вену, Левец отмечал, что все они много шумели и «пили здравицу за Россию, за русского царя»³²⁹. Приехав в Вену, эта молодежь не стала довольствоваться несколько аморфным политическим обществом Стритара. Левец и Шуклье начали активную агитацию за создание словенской студенческой организации. 2 ноября Левец написал призыв учредить словенское общество студентов, который подписал 41 студент Венского университета. 20 ноября 1867 г. было установлено словенское студенческое общество Сава. 4 декабря Левец сообщал Керснику, что общество насчитывает 30 членов, что его целью является упражнение их в произнесении речей, парламентском поведении и т. д. Последнее весьма примечательно: в отличие от общества Стритара, которое должно было способствовать

³²⁷ АВПР, Гл. арх. V-A₂, оп. 181, д. 1029, л. 43 и об.

³²⁸ АВПР, Гл. арх. V-A₂, оп. 181, д. 1025, л. 91 об.

³²⁹ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, zv. IV, s. 20—22.

развитию литературных талантов своих членов, Сава стремилась воспитать прежде всего политических деятелей. 10 декабря в Саве было уже 40 членов, в числе которых Левец называл в письме к своей невесте Шуклье, Целестина, Бабника, Ульриха, Левца, Брезовара и пр. Члены общества ходили на собрания всех славянских студенческих организаций, которые происходили раз в два месяца. Один раз в месяц устраивались общие собрания югославянских студенческих обществ: Велебита (хорватское), Зоры (сербское) и Савы (словенское)³³⁰.

Первым политическим актом Савы было составление и посылка вотума недоверия Л. Томану, главе словенских депутатов в рейхсрате, голосовавших за подчинение школы церкви. В первой половине 1868 г. Сава собиралась каждую субботу. На собраниях присутствовал и Стритар, читавший студентам стихи Левстика и Лермонтова. Весть об отмене рейхсратом конкордата словенские студенты встретили восторженно. 24 марта 1868 г. Левец писал невесте, что он, Юрчич и И. Кос³³¹ очень веселились по этому поводу: «...кроме доброго венского пива, нас воодушевляло также сладостное сознание, что либерализм победил абсолютизм и ультрамонтанство»³³². Следует подчеркнуть, что в вопросе об отношении с церковью венские студенты были радикальнее люблянцев — словенских политиков.

15 февраля 1868 г. по инициативе штирийских словенцев было создано хорвато-словенское общество Юг. В него вступили 24 словенца, в том числе 16 членов Савы (Стритар, Огринец, Левец, Юрчич и др.). В связи с этим деятельность Савы захирела. Юг предлагал объединиться с ним сербской Омладине, однако Омладина не пошла на это. В Юге одним из острых вопросов стал вопрос о принятии словенцами хорватского языка. Большинство словенцев, например Ф. Левец, выступали против этого. Уже летом 1868 г. многим представителям словенской молодежи стала ясна необходимость создания чисто словенского общества. Эту необходимость

³³⁰ *Prijatelj 1. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, sv. IV, s. 25—28.

³³¹ И. Кос — брат жены В. Зарника. Позднее эмигрировал в Россию.

³³² *Prijatelj 1. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, zv. IX, s. 30—32, 41.

подтвердил и первый съезд словенских студентов, состоявшийся 14 августа 1868 г. в Любляне. На нем присутствовало 120 студентов из Вены, Граца, Праги, некоторое количество абитуриентов. В своем выступлении Юрчич призвал создать словенскую Омладину, либеральное общество словенской молодежи, в основе деятельности которого будет лежать «идея братства и общности, идея славянства и нашего будущего». Корреспондент «Словенского народа», описывавший первый съезд словенских студентов, заключал свой отчет о нем словами: «Смеем надеяться, что наша деятельность полезна для Словении и вместе с тем для будущего всего славянства»³³³.

Зимой 1868—1869 г. общество Юг продолжало функционировать. Совместно хорваты и словенцы провели некоторые мероприятия, например вечер в честь Прешерна. Он состоялся 2 декабря 1868 г., на нем присутствовало до 300 человек: кроме словенцев и хорватов, также чехи, русины, поляки³³⁴. Однако в Юге среди значительной части его членов все более выявлялись панхорватские настроения. Кроме того, и чисто словенские дела вынуждали словенцев собираться отдельно. 7 марта 1869 г. словенские члены общества Юг приняли новый вотум недоверия Томану за его измену знамени федерализма и поддержку им конкордата, увеличения рекрутских наборов, введения чрезвычайного положения в Чехии. «Как словенцы, как славяне, как либералы,— заключали свой вотум студенты,— мы выражаем Вам, милостивый государь, и Вашим коллегам в рейхсрате свое недоверие»³³⁵.

На заседании Юга 9 мая 1869 г. Левец поднял вопрос о создании самостоятельного общества словенских студентов, подкрепив свое предложение ссылкой на решения первого съезда студентов в Любляне, а также на необходимость иметь общество, активно поддерживающее словенскую либеральную партию во главе с Вошняком, Сернецом, Лавричем³³⁶. Большинство словенцев поддержало выступление Левца. А с 26 мая 1869 г.

³³³ Slovenski narod, 20.VIII 1868.

³³⁴ Slovenski narod, 8.XII 1868.

³³⁵ Slovenski narod, 16.III 1869.

³³⁶ *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. IV, s. 70—71.

общество словенских студентов в Вене Словения начало свою деятельность. В его уставе подчеркивалось, что целью общества является «прогресс и образование его членов в либеральном и национальном научно-политическом духе»³³⁷. Этим провозглашалось политическое направление Словении, ставшей центром словенской молодежи в Вене на протяжении ряда десятилетий.

Вторым центром сосредоточения словенской студенческой молодежи был Грац. Еще в 1848 г. в нем появилось общество «Словения», которое в качестве литературного сумело просуществовать до конца 60-х годов. В начале 1868 г. Словения была распущена, а ее членов призвали вступить в новое общество «Славянская беседа», начавшее функционировать с 1 марта 1868 г. В Славянскую беседу наряду со словенцами входили чехи. Ее первыми председателями стали Альбин Позник³³⁸ и Грегор Крек, словенский филолог, человек либеральных взглядов. Уже в первом номере «Словенского народа» была помещена информация о Славянской беседе, написанная неким «Д». В ней отмечалось, что общество собирается дважды в неделю и на его заседания приходят чехи, но не сербы и хорваты³³⁹. То же отмечалось и спустя полгода³⁴⁰. Славянская беседа вела не только национально-культурную, но и политическую деятельность, в частности в апреле 1868 г. ее члены устроили чествование епископа Штросмайера. Славянская беседа приветствовала таборское движение, организованное младословенцами. По поводу первого табора словенцев в Лютомере, состоявшегося 8 августа 1868 г., один из ее членов писал в «Словенском народе»: «Уверены, что первый словенский табор, на котором душою были все славяне, пойдет на пользу и славу нашего народа»³⁴¹.

³³⁷ Ibid., s. 76.

³³⁸ После окончания учебы А. Позник уехал в Каринтию, где стал одним из активных словенских деятелей либерального направления. Однако спустя немного времени из-за происков немецкой партии он должен был покинуть Каринтию и переселиться в Крайну. Д. Кермавнер упоминает о том, что в 1884 г. д-р Альбин Позник был бургомистром (жупаном) Нового Места и действовал там как верный сторонник умеренных либералов (эластичаров). См.: *Kermauner D. Slovenska politika...*, s. 290.

³³⁹ Slovenski narod, 2.IV 1868.

³⁴⁰ Slovenski narod, 1.XII 1868.

³⁴¹ Slovenski narod, 18.VIII 1868.

Кроме Славянской беседы, в конце 60-х — начале 70-х годов в Граце действовали еще два словенских студенческих общества: Вендия, основанное в декабре 1869 г. и объединявшее студентов-техников, и Слога, созданное в феврале 1873 г. с целью «распространять идею славянской взаимности». Основателем и председателем Вендии стал Франце Позник. Спустя год после ее образования он опубликовал небольшую заметку о Вендии в «Словенском народе». В ней Позник сообщал, что целью общества является воспитание своих членов на словенской литературе в югославянском духе, упражнение их в ораторском искусстве. Вендия, по его словам, насчитывала 30 членов. Позник обращался к словенским патриотам с просьбой подарить библиотеке общества словенские и славянские книги³⁴². Вендия и Слога сотрудничали друг с другом и с другими южнославянскими обществами Граца. Их политическая ориентация была весьма определенной: в конце 1870 г. сербы обвиняли грацких словенцев в панславизме и в стремлении идти под русский кнут³⁴³. Вероятно, это и послужило причиной того, что Вендия и Слога в 1875 г. были запрещены правительством³⁴⁴. Вместо них осенью 1875 г. было создано словенское студенческое общество Триглав, просуществовавшее до 1924 г.³⁴⁵

Грацкие студенты, как и венские, активно сотрудничали в словенской либеральной прессе, участвовали в студенческих съездах в Любляне в 1868 и 1869 гг., поддерживали младословенское крыло в словенском национальном движении.

§ 12. Укрепление русско-словенских связей в конце 60-х — первой половине 70-х годов XIX в.

Все словенские общества, как созданные в первой половине 60-х годов, так и появившиеся уже после введения дуализма, активно стремились в конце 60-х —

³⁴² Slovenski narod, 31.I 1871.

³⁴³ Slovenski narod, 29.XI 1870.

³⁴⁴ Kelemina J., Hrašovec S., Serajnik S. Akad. tehn. društvo «Triglav». Ljubljana, 1906, s. 11.

³⁴⁵ Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. IV, s. 104—108.

начале 70-х годов развивать связи с русскими. И в этом они нашли полное взаимопонимание со стороны русских общественных и научных организаций, ибо после Этнографической выставки симпатии к славянам в русском обществе значительно возросли.

Укреплению связей словенцев с Россией способствовала поездка В. И. Ламанского в словенские земли весной и ранним летом 1868 г. Весной по дороге из Вены в Загреб он побывал в Словенской Штирии: Мариборе, Шентюре, Целье. В Мариборе Ламанский посетил Й. Вошняка, с которым познакомился во время закладки чешского национального театра в Праге³⁴⁶. В Шентюре русский ученый встретился с Д. Трстеньяком, который в то время был там настоятелем прихода. Во второй половине июня Ламанский жил некоторое время в Любляне. Кроме научных планов, а именно работы над славянскими рукописями публичной библиотеки Любляны, Ламанский преследовал и другие цели. «Я остановился в Любляне,— писал он,— в которой к радости каждого славянина так быстро и заметно усиливается славянское движение. Мне хотелось проверить лично, в какой степени пробудилась и развилась народность словинская в последние годы, с того времени, как я был в последний раз в Любляне в декабре 1862 г., хотелось сравнить деятельность словинских деятелей в Штирии... с деятельностью их сподвижников в Крайне, лично повидаться со старыми знакомыми в Любляне и сойтись с молодыми деятелями, недавно начавшими свою благодарную работу на родной ниве славянской»³⁴⁷.

Во второй свой приезд в Люблян Ламанский особенно близко сошелся с Ф. Левстиком. В уже цитированных заметках он отмечал Левстика как наиболее выдающегося словенского деятеля³⁴⁸. И это не было случайным, ибо в то время Левстик являлся одним из наиболее популярных и влиятельных деятелей младословенцев. Об этом свидетельствовала речь Й. Юрчича, произнесенная им на обеде после первого съезда сту-

³⁴⁶ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 20.

³⁴⁷ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос.— ЖМНП, 1869, № 5—6, с. 350.

³⁴⁸ Там же.

дентов в августе 1868 г. Юрчич поднял тост за Левстика, «мужа, которого молодежь почитает как первого среди живущих словенских поэтов, врагов которого мы также считаем своими врагами, который всегда с молодежью и за которого всегда будет стоять молодежь»³⁴⁹. Особый интерес Ламанского к Левстику основывался и на общих взглядах по ряду вопросов. Русский славянофил оказал влияние на словенца в вопросе о необходимости принятия русского языка в качестве общеславянского литературного языка³⁵⁰. Со своей стороны понимание Левстиком задач и существа словенского национального движения повлияло на представление Ламанского в этом отношении. Ламанский полностью разделял точку зрения Левстика, во-первых, на необходимость объединения словенских земель в одно целое; а во-вторых, на характер словенского национального движения, как движения демократического в противовес хорватскому и польскому национальным движениям, в которых большую роль играло дворянство³⁵¹.

Кроме Левстика, Ламанский познакомился в Любляне еще с двумя представителями младословенцев, видными деятелями Драматического общества Йосипом Ноли и Мурником, о чем мы можем судить по письму Мурника Ламанскому от 22 июля 1868 г.³⁵²

Интерес к русскому языку в словенских землях непрерывно рос, особенно во второй половине 60-х годов. В 1866 г. открыто ратовали за изучение русского языка немногие словенцы. Среди них был Г. Блаж, который считал, что русский язык очень важен для современной торговли и, кроме того, имеет богатую литературу³⁵³. Осенью 1867 г. о необходимости учить русский язык говорилось в широких кругах словенской интеллигенции. В. И. Губин, окончивший Московский университет, юрист, одно время связанный с членами Каракозовского кружка, писал Раевскому 14 октября 1867 г., подытоживая свои беседы со словенскими и хорватскими дея-

³⁴⁹ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, zv. IV, s. 59.

³⁵⁰ См. § 4, 6.

³⁵¹ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос.— ЖМНП, 1868, № 1—2, с. 137—138.

³⁵² Архив АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. 435.

³⁵³ *Majar M. Slovnica ruska za slovence*, s. 9—10.

телями: «Желали бы иметь учителей русского языка из русских в Любляне и в Загребе. Сожалекот о том, что русские мало путешествуют и бывают раз в три года. Не у кого выучиться говорить по-русски. Звали меня учить их русскому языку»³⁵⁴. А уже в сентябре 1869 г. словенская учащаяся молодежь на своем втором съезде в Любляне постановила принять русский язык в качестве языка высшей литературы для словенцев³⁵⁵. В начале 70-х годов популярность русского языка в кругах словенской интеллигенции не уменьшилась. Это отмечал Бодуэн де Куртенэ, изучавший словенские говоры в 1872—1873 гг. «Кроме ученых и людей общеобразованных,— писал он в своем отчете,— подобную же потребность знакомиться с русским языком чувствуют тоже купцы, которые таким образом желают получить возможность расширить свои непосредственные торговые сношения». Бодуэн делал вывод, что расцвет русской литературы как популярной, так и научной, а также «живой интерес для всех проявлений русской жизни и сочувствие к России вообще будут все более развиваться в южных славянах настоящую потребность знакомиться и с русским языком, и с сочинениями, появляющимися на этом языке. Ученые же люди, особенно по некоторым специальностям, все более и более нуждаются в русских книгах хотя бы только потому, что не хотят отстать от прогресса науки»³⁵⁶.

Интерес к русскому языку был характерен и для представителей других славянских народов Австрийской монархии. Он отмечался и русскими официальными лицами. Так, 18—31 декабря 1867 г. директор одного из департаментов русского министерства просвещения Делянов писал в черновом варианте доклада Горчакову (сначала доклад предназначался для императора), ходатайствуя разрешить открыть русский клуб³⁵⁷ в Вене, что реформы 60-х годов «вызвали сильнейшее против прежнего сочувствие к России в западных и южных

³⁵⁴ Зарубежные славяне и Россия, с. 150.

³⁵⁵ Slovenski narod, 7.IX 1869.

³⁵⁶ Отчеты командированного министерством народного просвещения за границу с ученою целью И. А. Бодуэна де Куртенэ о занятиях по языковедению в течение 1872 и 73 гг.— Изв. и уч. зап. имп. Казанского ун-та, 1876, т. XII, № 1, с. 64.

³⁵⁷ Речь шла, по-видимому, о Русской основе.

славянах и возвысили в их глазах значение русского языка». «По полученным мною достоверным известиям из Вены,— продолжал Делянов,— стремление усвоить себе чистый русский язык и сделать его единственным литературным органом для всех славянских племен все более усиливается в среде славянских ученых Австрийской империи и, что особенно важно, в среде учащейся славянской молодежи». Делянов отмечал интерес к русскому языку прежде всего русинов, присовокупляя, однако, что он охватил «и другие славянские учено-литературные кружки, особенно же чешские, словинские и хорвато-сербские, которые все смотрят на русский язык, как на единственное средство литературного общения и единения всех доселе разрозненных славянских племен»³⁵⁸.

Достоверные сведения о стремлении славянских студентов в Вене изучать русский язык исходили, несомненно, от Раевского, который был связан с Деляновым очень тесно, подбирая для министерства народного просвещения учителей греческого и латинского языка из славян³⁵⁹. Во всяком случае, о том же самом Раевский писал М. П. Погодину 2 января 1868 г.: «В Вене теперь сотни молодых славян студентов, желающих учиться по-русски»³⁶⁰.

С образованием Русской основы Раевскому удалось наладить в ней регулярные занятия русским языком. Трудно отметить всех словенцев, ходивших на занятия по русскому языку в первый год существования Русской основы. Можно только почти наверняка полагать, что среди них были Варфоломей (Ерней) Брезовар и Франц Целестин, активные участники словенских кружков в Вене, отправившиеся осенью 1869 г. в Россию, чтобы стать там учителями классических языков³⁶¹, а также словенцы Крамарич и Бенигар, получавшие в 1868 г. вспомоществование от Славянского комитета³⁶².

К началу 1870 г. словенцы стали уже завсегдаями

³⁵⁸ ЦГИА, ф. 733, оп. 193, д. 348, л. 1 и об.

³⁵⁹ Чуркина И. В. Югославянские стипендиаты Славянского учительского института в Петербурге.— В кн.: Славянское возрождение. М., 1966, с. 127.

³⁶⁰ ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, д. 293, л. 2 об.

³⁶¹ Чуркина И. В. Югославянские стипендиаты..., с. 125.

³⁶² ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 12, л. 15.

Русской основы. Словенцы даже вместе со словаками выражали, по-видимому, желание объединиться с Основою. «После словаков посещают Основу словенцы,— докладывал Раевский в своей записке от 1 марта славянским комитетам в Петербурге и Москве,— также принявшие за изучение русского языка. Число их простирается до 80 человек. Такую массу вдруг припустить к Основе можно лишь с большою осторожностью, следовательно, со временем, при большом помещении, чего у Основы недостает пока»³⁶³. Опасения относительно желаний словенцев слиться с Основою не были случайными: Раевский боялся поглощения ее словенцами, ибо их число было очень значительным и они могли иметь в объединенном обществе решающее влияние.

В той же записке Раевский замечал, что, помимо проведения уроков русского языка в Русской основе, Кулянда преподает его с октября 1869 г. в словацком, словенском и чешском студенческих обществах³⁶⁴.

Несмотря на то что объединения Словении с Русской основой так и не произошло, оба общества сотрудничали друг с другом. Так, в начале декабря 1870 г. Словения устроила праздник в честь Прешерна, на котором присутствовало до 900—1000 человек, главным образом славянских студентов. В числе прочих на вечере выступал на русском языке председатель Русской основы Монастырский. На празднике присутствовал и дьякон русской посольской церкви в Вене Кудрявцев, в то время правая рука Раевского³⁶⁵.

На средства Славянского комитета в Москве в Вене стал издаваться журнал «Русская зоря». Убеждая Попова продолжить субсидирование этого издания, Раевский указывал, что журнал «преимущественно имел подписчиков из западных славян: чехов, словаков и словенцев, служа им постоянным материалом для уп-

³⁶³ ЦГАОР, ф. 1750, д. 13, л. 3.

³⁶⁴ Там же, л. 9 об. И. Приятель также указывает, что Словения нанимала учителя русского языка, однако ему так и не смогли выучиться ни Левец, ни Шуклье, ни Огринец, ни Юрчич, ни Керсник, ни Стритар. Последнее замечание Приятеля можно понять так: указанные выше лица посещали занятия русским языком, хотя и безрезультатно. См.: *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, zv. IV, s. 89—90.

³⁶⁵ *Slovenski narod*, 6.XII 1870.

ражания в русском языке и поддерживая идею литературного славянского единства»³⁶⁶.

Интерес к русскому языку не ослабевал у венских словенцев и позднее. В отчете за январь — октябрь 1872 г. Раевский вновь подчеркивал, что в Русской основе «охотнее занимались русским языком чехи, словенцы и отчасти сербохорваты»³⁶⁷.

Не менее активно интересовались русским языком и грацкие словенцы. Уже 2 ноября 1868 г. один из руководителей чешско-словенского общества Славянская беседа в Граце Богдан Моурек обратился к редакции «Москва» с просьбой высылать в общество бесплатно газету, поскольку за неимением средств оно не может ее выписать³⁶⁸. В январе 1869 г. от имени Славянской беседы выступал уже каринтийский словенец Альбин Позник, один из инициаторов созыва первого съезда словенских студентов в Любляне. Он просил Раевского убедить редакцию «Москвича» («Москвы») высылать газету обществу³⁶⁹. Уже 31 января 1869 г. Раевский обратился к Н. А. Попову с письмом, в котором излагал пожелания Славянской беседы. «Вот в Граце,— писал он,— словенцы, студенты университета, открыли Слав[янскую] беседу и просят о присылке газет русских. Не можете ли хлопотать, чтоб им присылали из Москвы газеты, если не две, так одну»³⁷⁰. Попов выполнил просьбу словенцев. Им послали не только газету, но и значительное количество русских книг. 3 апреля 1869 г. Ф. Облак, тоже один из руководителей грацких словенских студентов, благодарил Раевского за вторую партию русских книг. «Ваша дарящая благо рука помогла тому,— указывал он,— что мы, славянские юноши, сможем научиться языку, который сейчас имеет такую огромную литературу, что вскоре воодушевит собою не только все славянские сердца, но будет импонировать всей Европе»³⁷¹. В январе 1869 г. Раевского благодарил и А. Позник «за богатое надарение нашего друштва», в том числе и за организацию посылки об-

³⁶⁶ АВПР, ф. 360, д. 175, л. 282.

³⁶⁷ ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 7, л. 10 об.

³⁶⁸ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 22, д. 54.

³⁶⁹ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 59.

³⁷⁰ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 14.

³⁷¹ ОР ГПБ, ф. 608, Ф. Облак.

шеству газеты из Москвы. В том же письме Позник просил уже для себя лично 30 гульденов для уплаты таксы за сдачу выпускных экзаменов³⁷². Письмо было написано кириллицей на ломаном русском языке. Просьба Позника была препровождена в Московский славянский благотворительный комитет с весьма лестным сопроводительным письмом Раевского. «Просил бы я еще Слав[янский] комитет,— писал он,— помочь по прилагаемому при сем русскому письму (№ 11) г. Познику, словенцу, кончившему юридический факультет в Граце. Он теперь держит экзамен на доктора и просит пособие в уплату таксы и докторского диплома (рублей 100). Лично я его не знаю, но замечателен он тем, что основал в Граце Словенскую беседу, которой и доселе состоит председателем, научился, как видите, и по-русски отчасти и других заставил учиться, обратился первый ко мне за русскими книгами и газетами; словом, в Граце образовал русское зернышко. Словенцы поднялись дружно и стали настойчиво заявлять свои требования правительству, как Вам гласят о том газеты; нужно на них обратить внимание — к чему я и приступил уже фактически»³⁷³. Просьба А. Позника, горячо поддержанная Раевским, не осталась безрезультатной. 7 января 1870 г. Раевский сообщал Попову, что деньги для Позника получил еще в сентябре 1869 г.³⁷⁴

Раевский и в последующие годы с удовлетворением следил за деятельностью Славянской беседы в Граце. «Прилагаю образчик русской письменности из Граца от словенцев,— писал он Н. А. Попову 27 февраля 1870 г.— Полюбуйтесь и порадитесь успехам. Словенцы основали в Граце Словенскую беседу и просили похлопотать у русских редакторов о присылке газеты «Москва». Уведомив их, о увы! стал им посылать, как сказал, прочитанные газеты раз в месяц, при сем послал и 40 названий разных русских книг и книжек. Вот их благодарственное письмо! Все хотят учиться по-русски!»³⁷⁵ В этом же письме Раевский уточнял, что он посылал в Славянскую беседу газеты «Московские ведомости» и

³⁷² ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 68, л. 5 и об., 6.

³⁷³ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 14.

³⁷⁴ Там же, д. 15.

³⁷⁵ Там же.

«Русские ведомости», которые приходили в Русскую основу в Вене.

Из членов Славянской беседы в Граце, кроме Альбина Позника и Франца Облака, переписку с Раевским вели Фердинанд Плох-Хердвиг, студент философского факультета, Андрей Сенекович, Франьо Симонич. В письме от 20 июня 1870 г. Плох-Хердвиг характеризовал Славянскую беседу как центр, где собираются все славянские студенты для чтения, ибо там имеется больше всего славянских журналов и книг³⁷⁶.

Раевский не оставлял особым вниманием Славянскую беседу и позднее. Так, в последней четверти 1870 г. он посылал книги всего в два словенских общества — в Матицу и Славянскую беседу³⁷⁷. 14 января 1871 г. Раевский представил Московскому славянскому комитету список из 32 славянских организаций и отдельных лиц, которым требовалось высылать русские газеты. В их числе была и Славянская беседа в Граце³⁷⁸.

В июле 1871 г. один из основателей Славянской беседы А. Позник уехал на работу в Великовец (Каринтия). В письме к Раевскому, написанному перед отъездом на русском языке, он так объяснял свое решение: «...частью на приглашение тамошних домородцев да помогаю спасти оную часть словенской земли, которая в весма великой опасности; частью на ластное [словен.— собственное] внушение, понеже бы мне сердце болело видеть, како пропадает германозованю оная доля, в которой стала моя колыбель. Пусть соврагы культуносцы ийдут чрез нашую трупы». В том же письме А. Позник обращался к Раевскому с просьбой от имени Славянской беседы посылать ей русскую газету «Голос»³⁷⁹. Спустя полгода 29 декабря 1871 г. (или 17 декабря по ст. ст., по которому помечал свои письма Раевский) секретарь Славянской беседы Франьо Симонич просил снова о присылке какой-нибудь русской политической или литературной газеты. Симонич подчеркивал важность русского языка для всех славянских наций, так как «раньше или позже он должен стать, по крайней мере,

³⁷⁶ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 61.

³⁷⁷ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 69, л. 12 об.

³⁷⁸ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 16.

³⁷⁹ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 59.

парламентским и научным языком всех славян»³⁸⁰. Уже 22 декабря 1871 г. (по ст. ст.) Раевский сообщил Попову о жалобе общества на отсутствие русских газет.

В январе 1872 г. один из членов комитета Славянской беседы Андрей Сенекович обратился к Раевскому со списком книг, которые бы общество хотело иметь в своей библиотеке. В списке перечислялись труды историков Соловьева, Погодина, Шевырева, Калачова, сочинения Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Венелина. Сенекович указывал также на русские периодические издания, желательные для Славянской беседы: «Вестник Европы», «Заря», «Литературная библиотека», «Московские ведомости», «С.-Петербургские ведомости», «Голос», издания Московского, Петербургского, Одесского, Харьковского университетов, «Известия Академии наук» в Петербурге³⁸¹. Как можно видеть из приведенного списка, круг интересов членов Славянской беседы был довольно широк, но вместе с тем он не выходил за пределы гуманитарных наук.

Поддержка Славянской беседы Раевским продолжалась и позднее. В отчете Московскому славянскому комитету за первые восемь месяцев 1873 г. он сообщал, что отправил в Славянскую беседу в Грац 234 книги³⁸². Фигурировала Славянская беседа и в «Списке славянских обществ, журналов и частных лиц для пересылки книг и журналов», составленном в 1876—1878 гг. в Петербургском славянском благотворительном комитете³⁸³.

Возможно, чисто гуманитарная направленность Славянской беседы явилась одной из причин того, что словенские студенты-техники в Граце основали свое собственное общество Вендию. О Вендии сообщил Раевскому ещё 20 июня 1870 г. член Славянской беседы Ф. Плох-Хердвиг, указав, что это — маленькое общество студентов-техников, которое не имеет своего помещения и члены которого собираются на заседания в корчмах³⁸⁴. 30 января 1871 г. председатель Вендии Франц Позник

³⁸⁰ ОР ГПБ, ф. 608, д. Ф. Симонич.

³⁸¹ ОПИ ГИМ, ф. 347.

³⁸² ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 7, л. 83 об.

³⁸³ ЦГИА, ф. 651, оп. 1, д. 830.

³⁸⁴ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 61.

написал письмо Раевскому. Подчеркнув, что целью общества является объединение югославян в литературном, национальном и политическом отношениях, он просил помочь Вендии деньгами, газетами или книгами на русском или любом другом славянском языке»³⁸⁵.

17 марта 1871 г. от имени Вендии было направлено в Московский славянский благотворительный комитет новое письмо, подписанное Ф. Позником (председателем), Йованичем (вице-председателем), С. Врачаном (секретарем), П. Кресником (казначеем), М. Вейсом (библиотекарем). Это письмо было написано на довольно чистом русском языке. В нем говорилось, что общество Вендия основано славянскими студентами Технической академии в Граце с целью «усовершенствовать членов своих в славянской литературе и действовать между ними главным образом в славянском духе». Вендия обращалась к Московскому славянскому комитету с просьбой помочь ей деньгами или книгами, обосновывая свою просьбу рядом моментов: «1. Общество состоит пока 1,5 года и нуждается, особенно в первых годах своего существования, в пособиях. 2. Денежные средства членов общества недостаточны, чтобы доставить обществу надлежащие средства, а потому полагается общество на пособия славянских патриотов и славянских благотворительных обществ. 3. Общество обращается к Славянскому благотворительному комитету в Москве о пособии особенно еще потому, что большая часть его членов носит с намерением искать в качестве инженеров славянского племени в России место своей деятельности и таким ставится ему в непременную должность осведомиться с языком, правами и всеми гражданскими отношениями великанского братнего племени, отчего общество особенно по этой причине надеется, что достославный комитет главным образом в том отношении воспомоществует ему»³⁸⁶.

Раевский заинтересовался обществом и попросил Ф. Позника сообщить ему о Вендии подробнее. Вероятно, в своем письме к Ф. Познику он даже сделал предположение, что Ф. Позник и председатель Славянской беседы А. Позник — одно и то же лицо. В своем ответе

³⁸⁵ ОР ГПБ, ф. 608, Ф. Позник.

³⁸⁶ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 52, л. 20 и об.

Раевскому от 19 мая 1871 г. Ф. Позник решительно отвергал последнее предположение, подчеркнув, что он является техником, в то время как А. Позник был юристом. Ф. Позник указывал, что Вендия — самостоятельное общество, не связанное со Славянской беседой, во главе которой стоит д-р. Г. Крек. В отличие от Славянской беседы, объединяющей лиц всех состояний, Вендия — чисто студенческое общество, имеющее литературные цели. Ф. Позник вновь отмечал необходимость изучения русского языка для членов общества, поскольку многие из них собираются ехать в Россию в качестве инженеров, и просил русские книги³⁸⁷. Кроме Ф. Позника, Раевский расспрашивал о Вендии и своих знакомых по Славянской беседе. Во всяком случае, А. Сенекович сообщал ему в январе 1872 г., что Вендия объединяет одних техников, всего 25 человек, и имеет маленькую библиотеку³⁸⁸. По-видимому, книги Вендии были отправлены. На это указывает письмо Н. А. Попова Раевскому от 16 мая 1871 г., в котором он просил последнего послать книги обществу славянских техников Вендии³⁸⁹.

Как сложились дальнейшие отношения с Вендией — неизвестно. Следует только повторить, что в 1875 г. Вендия была закрыта.

Кроме студенческих словенских обществ, русским языком интересовались и представители словенской интеллигенции в самих словенских землях. Они образовывали кружки, в которых изучали русский язык. Примером этого может служить кружок Йосипа Вовка в Церкнице. Йосип Вовк был учителем в Церкнице, затем в местечке Чрни Врх у Идрии. Летом 1871 г. Вовк написал в Московский славянский благотворительный комитет письмо с просьбой прислать ему русские книги, обещая взамен словенские книги, в том числе 14 годовых комплектов газеты «Новице»³⁹⁰. Вовк получил письмо Попова, на которое ответил 27 августа 1871 г. В своем ответе, написанном по-словенски, но сербской азбукой Вука Караджича, он изложил свои взгляды.

³⁸⁷ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 59.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Там же, д. 60.

³⁹⁰ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 426, л. 144 и об.

Вовк был твердо убежден, что только Россия является гарантом счастливого будущего славян. Поэтому он считал, что «священной задачей каждого славянина является изучение насколько возможно русского языка», поскольку он станет в будущем «литературным языком всех славян». Вовк полагал, что для этого русские должны прежде всего упростить кирилловскую азбуку, ибо она слишком трудна. Вовк приводил в пример своих друзей, которые рады были бы читать славянские книги, но их пугает гражданская азбука. Свое письмо Вовк заключал сообщением о посылке Попову обещанных книг и комплектов газет³⁹¹.

4 сентября 1871 г. Попов поблагодарил Вовка за присылку книг. «28 названий в 40 переплетах литературного, учебного и музыкального содержания, а также 4-х фотографий и 2 сухих растений и медалей на память о таборе в Церкнице». Попов обещал передать сухие растения в Общество любителей естествознания, а книги — в библиотеку Славянского комитета, а также выслать в ближайшее время русские книги Вовку³⁹². Обещание свое Попов выполнил, и уже 17 ноября 1871 г. Вовк благодарил Славянский комитет за «братское внимание к моей просьбе» и просил какую-нибудь русскую политическую газету³⁹³.

В следующем письме от 15 октября 1872 г. Вовк просил о присылке русской юмористической газеты от своего имени и от имени своих друзей, с которыми он вместе читает русские книги, а именно: Ранта (учителя в Терновом), Гантаря (учителя в Випаве), Доминцеля (учителя в Орехеке)³⁹⁴. Эти люди, очевидно, и составляли ядро кружка Вовка. Один из членов этого кружка Божидар Рант в своем письме к Н. А. Попову от 15 февраля 1872 г. характеризовал Вовка как горячего славянина душой и телом. «Он пишет своим друзьям всегда кириллицей,— продолжал Рант,— и их неустанно агитирует за всеславянский язык. Скажу Вам, высокоученый государь, что в лучшие руки, чем руки Йосипа Вовка, Вы не могли бы дать книги и газеты». Далее

³⁹¹ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 6, д. 38.

³⁹² Arhiv Maticе slovenske, 1872, št. 1.

³⁹³ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 426, л. 156.

³⁹⁴ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 6, д. 38.

Рант сообщал, что книги и газеты, полученные от Славянского комитета, Вовк дает читать своим друзьям, несколько русских книг он подарил местной читальне³⁹⁵. Позднее, когда Вовк в 1874 г. перебрался в Чрни Врх у Идрии, круг его знакомых расширился, в частности в их число вошел Богдан Терновец, который, по словам Вовка, был лично представлен Попову в Загребе³⁹⁶. Вовк получал русские книги через Раевского и в 1875 г.³⁹⁷

Дальнейших данных о деятельности Вовка среди словенцев по пропаганде русских книг и русского языка не имеется.

Во время пребывания И. А. Бодуэна де Куртенэ в Горице в 1872—1873 гг. он организовал там кружок по изучению русского языка. И до приезда Бодуэна в Горице среди молодежи имелся довольно значительный интерес к русскому языку. Так, Блаж сообщал Раевскому в письме от 29 сентября 1867 г., что горицкие семинаристы купили у него 60 экземпляров «Русской грамматики» Маяра³⁹⁸.

Приехав в Вену в середине марта 1872 г., Бодуэн, как и большинство русских ученых, не преминул познакомиться с Раевским, к которому имел рекомендательное письмо от А. Ф. Гильфердинга. «Позвольте Вам рекомендовать подателя сего, магистра славянской филологии и отличнейшего знатока по своей части Ивана Александровича Бодуэн де Куртенэ,— писал Гильфердинг.— Хоть он поляк, но без политических тенденций, а полезный труженик науки. Он едет изучать на месте наречия словенцев и далматинцев. Дайте ему все необходимые указания и снабдите его рекомендациями, особенно к Блейвейсу и Трстенияку»³⁹⁹. Раевский выполнил просьбу Гильфердинга.

После посещения Граца, Марибора, Пониквы, Целья, Загреба, Любляны Бодуэн обосновался в Горице, откуда решил начать экспедиции по изучению южных и юго-западных словенских диалектов. Вскоре он послал

³⁹⁵ Там же, к. 17, д. 20.

³⁹⁶ Там же, к. 6, д. 38.

³⁹⁷ Там же, к. 17, д. 17.

³⁹⁸ Зарубежные славяне и Россия, с. 38.

³⁹⁹ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 25.

письмо Раевскому, в котором писал: «Везде выражали мне желание учиться по-русски. Для членов здешней читальницы я устроил три раза в неделю общие уроки русского языка: более всего их сокрушает то, что они не в состоянии понимать получаемые ими русские газеты». Далее Бодуэн излагал просьбу Лаврича (главы горицких либералов) прислать в читальню ноты русских песен ⁴⁰⁰.

По-видимому, одновременно с Бодуэном было написано и письмо Ивана Слокара, семинариста из Горицы, от имени всех богословов просившего Раевского прислать им произведения русской художественной литературы и русские литературные газеты, ибо «сухая грамматика недостаточна для изучения чужого языка». В письме от 23 апреля/6 мая 1872 г. Раевский сообщал о высылке в Горицу различных пособий для изучения русского языка, а также романсов Балакирева. Одновременно он просил Бодуэна узнать у Слокара конкретнее, какие книги ему требуются ⁴⁰¹. Всего Раевский выслал в Горицкую читальню 70 книг ⁴⁰². 19 июля 1872 г. Бодуэн уведомлял его, что передал полученные книги читальне. «И я со своей стороны считаю обязанностью душевно поблагодарить Вас, почтеннейший Михаил Федорович,— замечал Бодуэн далее,— от имени всех моих учеников и других молодых людей, желающих изучать русский язык. Они несказанно радуются и усердно взялись за работу, насколько, разумеется, им позволяют их обязательные занятия. Вы благодетельствовали Горицкую читальницу так, что, кажется, не остается желать ничего больше; все есть: и грамматики, и словари, и практические руководства, и значительный запас книг из всех отраслей литературы. Этого материала, я думаю, хватит надолго» ⁴⁰³.

При обучении словенских юношей русскому языку Бодуэн пользовался «Русской грамматикой для словенцев» М. Маяра. Впоследствии он так отзывался о ней: «Словенец, изучающий русский язык только с помощью названной грамматики, о некоторых явлениях этого

⁴⁰⁰ Зарубежные славяне и Россия, с. 65.

⁴⁰¹ Архив АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 260, л. 1, 3.

⁴⁰² ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 7, л. 11.

⁴⁰³ Зарубежные славяне и Россия, с. 66.

языка должен получить самое неточное и неверное понятие. Но при содействии опытного учителя можно за неимением лучшей пользоваться успешно и грамматикой Маяра»⁴⁰⁴. Занятия с Бодуэном в Горицкой читальне продолжались до начала августа, когда он отправился на озеро Блед. Они проходили очень живо, учитель и ученики испытывали друг к другу большую симпатию. Накануне отъезда Бодуэна из Горицы его ученики устроили ему теплые проводы. Ученый был тронут. Из Бледа он написал «Открытое письмо» в газету горицких либералов «Сочу», в котором благодарил своих учеников за их сочувствие и доброту. «Я буду стараться,— писал он,— чтобы оправдать, насколько это возможно, Ваше доверие и Ваше сочувствие. Навсегда останутся в моей памяти ясные и веселые мгновения, которые я испытал при общении с некоторыми из Вас, а день 5 августа 1872 г. я всегда буду считать одним из замечательнейших дней в моей жизни. Ничего более не желаю, только бы повсюду встречать ту открытую сердечность и истинную симпатию, которую я нашел среди горицких словенцев вообще, а среди словенских учеников в Горице особенно. Да здравствуют благородные словенские ученики, надежда и опора будущего словенского народа»⁴⁰⁵.

Среди учеников Бодуэна в Горице можно отметить Блаже Пернишека, который в 1872 г. окончил горицкую школу для народных учителей (т. е. для учителей начальной школы). Пернишек не только учился у Бодуэна, но и помогал ему собирать произведения народного творчества⁴⁰⁶.

Кроме различных словенских обществ и кружков, интересовавшихся изучением русского языка, русские общества имели контакты и с другими словенскими организациями. Наиболее прочные и обширные связи с русскими учреждениями установились у Матицы словенской. Эти связи носили форму прежде всего книгообмена. В 1873 г. Матица вела книгообмен с 32 научными обществами, в том числе 29 славянскими (6 чешскими, 4 хорватскими, 2 сербскими, 2 западноукраинскими,

⁴⁰⁴ Отчеты... Бодуэна де Куртенэ..., т. XII, № 1, с. 67.

⁴⁰⁵ Soča, 22.VIII 1872.

⁴⁰⁶ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 8.

1 словацким, 1 болгарским, 1 словенским и 12 русскими). Причем за этот год Матица получила из России 40 экземпляров книг⁴⁰⁷, в то время как от всех прочих 20 обществ — всего 60 экземпляров⁴⁰⁸. В числе тех русских обществ, с которыми Матица вела книгообмен, были: Антропологическое общество (Москва, с 1866 г.), Академия наук (Петербург, с 1866 г.), Общество издания народных памятников (Археографическая комиссия, Вильно, с 1869 г.), Румянцевский музей (Москва, с 1869 г.), библиотека Славянского комитета (Москва, с 1869 г.), Русское географическое общество (Петербург, с 1869 г.), Варшавский университет (с 1872 г.), Московский университет (с 1872 г.), Общество любителей истории и древностей российских (Москва, с 1872 г.), Одесский университет (с 1872 г.), Филологическое общество (Воронеж, с 1872 г.), Археологическое общество (Москва, с 1872 г.)⁴⁰⁹. Попытались завязать сношения с Матицей и некоторые другие русские научные учреждения. Так, 14 февраля 1872 г. Общество испытателей природы при Харьковском университете обратилось к ряду Матиц, в том числе и к словенской, с предложением установить с ними постоянный книгообмен⁴¹⁰. По-видимому, наладить его не удалось.

Русские общества снабжали Матицу научной литературой, отражавшей последние достижения русской науки. Так, Русское географическое общество послало ей: в 1867 г. карту Европейской России с объяснительной запиской; «Записки по общей географии», т. I; «Записки по отделению статистики», т. I; «Записки по отделению этнографии», т. I⁴¹¹; в 1869 г. — годовой отчет Русского географического общества за 1868 г.⁴¹²; в 1870 г. — годовой отчет за 1869 г. и «Записки по отделению этнографии», т. 2⁴¹³. Румянцевский музей в 1869 г. послал Матице словенской «Сборник антропо-

⁴⁰⁷ Здесь приводятся данные Матицы словенской. Они расходятся с данными Раевского, который в отчете за 1873 г. сообщал, что отослал в Матицу словенскую 86 книг. См.: ЛГИА, ф. 400, оп. 1. д. 7, л. 83.

⁴⁰⁸ *Letopis Matice slovenske, 1872—1873, s. 67—69, 112—113.*

⁴⁰⁹ *Lah E. Matice slovenska, s. 407.*

⁴¹⁰ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 73, л. 1 и об.

⁴¹¹ *Arhiv Matice slovenske, 1867, št. 180.*

⁴¹² *Arhiv Matice slovenske, 1869, št. 87.*

⁴¹³ *Arhiv Matice slovenske, 1870, št. 118.*

логических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих», т. I⁴¹⁴, а Археографическая комиссия в 1868 г.— «Памятники русской старины в западных губерниях», вып. 1 (памятники Волыни)⁴¹⁵.

Пересылка всех этих книг шла обычно через Раевского. Всего Матица словенская получила через него только за 1875—1876 гг. 66 книг и 16 годовых подшивок русских журналов⁴¹⁶.

Наиболее прочные связи у Матицы были со Славянскими благотворительными обществами. Последние не только посылали ей книги, но и оказывали иногда ей материальную помощь. Так, Славянский благотворительный комитет вступил в число членов-установителей Матицы, сделав для этого взнос в 100 гульденов⁴¹⁷.

Матица словенская снабжала своими изданиями упомянутые выше русские научные и общественные организации. В частности, библиотеке Славянского благотворительного комитета в Москве она посылала все книги, выходявшие на ее средства, и обещала посылать и впредь «все литературные произведения, которые издаст в будущем»⁴¹⁸.

Славянские комитеты использовали Матицу и для связи с другими словенскими обществами.

На заседании Славянского благотворительного общества в Петербурге от 3 мая 1870 г. было постановлено «составить список всем читальням в славянских землях и, сообщив его Московскому комитету и Киевскому отделу, просить их принять на себя снабжение сих читален русскими книгами, журналами и газетами». В то время у самого Славянского комитета в Петербурге были очень приблизительные сведения о читальнях. Так, комитет полагал, что во всех южнославянских землях 14 читален, из них 5 — словенских: в Любляне, Мариборе, Граце, Триесте и Горице⁴¹⁹. А по данным Этбина Косты⁴²⁰, только в словенских областях насчитывалось 58 читален, половина из них действовала.

⁴¹⁴ Arhiv Matice slovenske, 1869, št. 41.

⁴¹⁵ Arhiv Matice slovenske, 1868, št. 231.

⁴¹⁶ ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 159, л. 2 об.

⁴¹⁷ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 72.

⁴¹⁸ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 426, л. 45 и об.

⁴¹⁹ ОР ГБЛ, ф. Пор./IV, оп. 2, д. 27.

⁴²⁰ Этбин Хенрик Коста (1832—1875) — один из лидеров старословенцев, в 1868—1875 гг.— председатель Матицы словенской.

Установить точное число славянских читален, места их деятельности славянские комитеты поручили М. Ф. Раевскому. Это задание ему было дано задолго до вышеупомянутого заседания Славянского общества в Петербурге. Во всяком случае, еще 4 марта 1870 г. Раевский жаловался секретарю Славянского благотворительного комитета в Москве Н. А. Попову, что полгода назад разослал всем славянским Матицам письмо с просьбой известить о количестве и местонахождении читален, но получил ответ только из двух мест: из Любляны и из Ужгорода. «Читальницы роятся как грибы и часто пропадают вдруг как грибы»⁴²¹, — присовокуплял он.

Люблянская Матица послала Раевскому сведения о словенских литературных обществах 28 августа 1869 г. Всего секретарем Матицы А. Лесаром было перечислено 48 мест, где имелись словенские общества. При этом в Любляне указывались три общества: политическое «Словения», Матица словенская, читальня; в Целовце — два: Общество св. Могора, читальня; в остальных местах — по одной читальне (К р а й н а: Шент Вид у Любляны, Крань, Лока, Идрия, Постойна, Планина, Випава, Подрага у Випавы, Шент Вид у Випавы, Иллирска Бистрица, Черномль, Метлика, Ново Место, Содражица; Ш т и р и я: Марибор, Целье, Птуй, Словенска Бистрица, Вранско, Жалец, Севница, Лютомер, Ормож, Войник у Целья, Св. Бенедикт в Словенских Горицах; Г о р и ц а: Кобарид, Толмин, Волче, Циркно, Канал, Солкан, Чернице, Айдовщина, Рихемберг, Вртойба, Комен, Скопень, Штандраж, Првачина, Мирен; Т р и е с т: Барковлье, Роян, Колонья, Роцол, Кастав)⁴²². Любопытно, что, перечисляя самые мельчайшие читальные общества, находившиеся в самых отдаленных местах Словении, Лесар «не вспомнил» находившееся в Любляне Драматическое общество. Явно, что в этом свою роль сыграла его неприязнь к нему, как к обществу, находившемуся под влиянием младословенцев.

Согласно журналу Славянского благотворительного комитета в Москве сведения Лесара о литературных словенских обществах были получены им от Раевского

⁴²¹ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 15.

⁴²² ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 426, л. 78—79 об.

в августе 1869 г.⁴²³ Однако книги для распределения среди словенских читален были посланы Матице словенской лишь через полтора года. 21 декабря 1871 г. Раевский сообщил Матице словенской, что отправил на ее адрес 13 пакетов книг для читален в Целье, Целовце, Горице, Идрии, Ипаве (Випаве), Камнике, Кастве в Истрии, Кране, Любляне, Мариборе, Новом Месте, Постойне, Триесте⁴²⁴.

Уже 28 декабря 1871 г. Матица словенская разослала упомянутым читальням письма, в которых говорилось: «Госп. Мих. Раевский, епископ⁴²⁵ при имп. русском посольстве в Вене, послал в дар Матице много русских книг, среди которых имеются также книги, предназначенные сл[авной] читальнице в... (следовало место нахождения читальни.—И. Ч.). Если сл[авная] читальница желает принять упомянутые книги, пусть нам соблаговолит коротко сообщить свое решение, чтобы мы ей их послали».

Уже в период с 30 декабря 1871 г. по 12 января 1872 г. читальни в Каставе, Триесте, Новом Месте, Випаве, Целовце заявили о своей готовности получить книги. Всего русские книги были отправлены в девять словенских читален, находившихся в Целье, Мариборе, Каставе, Горице, Випаве, Циркно, Целовце, Триесте, Кране; во всяком случае, этими читальнями были присланы уведомления Матице о приеме книг⁴²⁶. Секретарь читальни в Целовце Симен Янежич послал не только уведомление Матице словенской, но и благодарственное письмо Славянскому комитету в Москве, в котором благодарил Попова за «большое собрание прекрасных выдающихся русских книг, которые Ваше превосходительство изволило великодушно подарить ей»⁴²⁷.

Весть о посылке русских книг в некоторые читальни распространилась довольно широко. 8 января 1874 г. секретарь читальни в Айдовщине Карол Баллог просил Попова прислать газеты и журналы на любом славянском языке читальням, действующим в Випавской долине. Для себя он просил русский журнал «Современные

⁴²³ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 2, д. 2.

⁴²⁴ Arhiv Matice slovenske, 1872, št. 1.

⁴²⁵ Раевский был митронованным протоиереем.

⁴²⁶ Archiv Matice slovenske, 1872, št. 1.

⁴²⁷ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 426, л. 188.

известия», «чтобы можно было также и нам, южным ипавским славянам, из первых рук узнавать что-нибудь о наших славных братьях русских». Характеризуя читальни Випавской долины, Баллог отмечал, что читальни в Айдовшине и Випаве — господские, а в Локавце и Комне — чисто крестьянские, но те и другие либерального направления⁴²⁸. К сожалению, не сохранилось сведений, получили ли випавские читальни русскую литературу.

Если Матица словенская брала на себя посредническую роль в связях между Славянскими комитетами и словенскими читальнями, то этого нельзя сказать относительно тех словенских организаций, которые находились в руках младословенцев. Список Лесара, посланный Раевскому, довольно красноречиво свидетельствовал об этом.

Либеральные словенские общества стремились сами завязать сношения с русскими общественными и научными организациями. И по этому вопросу они обращались прежде всего к Раевскому. В 1870 г. с ним вступило в контакт Драматическое общество в Любляне. Об этом свидетельствует письмо И. Мурника к П. Грасели, рассказывающее о его встрече с Раевским, по поручению общества. «Г. епископу Раевскому,— писал Мурник 25 сентября 1870 г.,— я отдал все, что мне послало Драматическое общество. Епископ меня очень приветливо принял, и эта приветливость несколько не уменьшилась, когда я ему объяснил чего хочу. Просил я его также о книгах драматического содержания. Он мне обещал, что поддержит просьбу и сделает все, что в его силах, чтобы общество получило денежную и литературную помощь. При этом мы говорили (я — по-словенски, он — по-русски) также и далее о Драматическом обществе. Я ему все точно рассказал, и ему это обращение общества очень понравилось. Он заявил также, что ему бы очень хотелось, чтобы я его посещал»⁴²⁹. По-видимому, то, что передал Мурник Раевскому было письмом к нему руководителей Драматического общества П. Грасели и И. Ноли от 15 сентября 1870 г., в котором последние просили Раевского под-

⁴²⁸ ОР ГБЛ, ф. 239, оп. 4, д. 33.

⁴²⁹ Mestni arhiv, f. P. Grasselli, Murnik, 25.IX 1870.

держат их просьбу о денежной помощи перед Славянским благотворительным обществом в Петербурге ⁴³⁰.

Раевский выполнил свое обещание Мурнику о поддержке просьбы Драматического общества относительно денежной помощи. 18 мая 1871 г. общество получило через Э. Косту 200 гульденов, присланных Славянским благотворительным обществом в Петербурге. «Будьте уверены, преосвященный господин епископ,— подчеркивали в своем благодарственном письме от 20 мая 1871 г. Грасели и Ноли,— что общество будет всегда достойно ценить этот благородный жест действенной любви своих благих северных братьев и что оно будет, как и до сих пор, так и впредь искренне способствовать развитию и прогрессу своего бедного словенского народа» ⁴³¹. 30 июня 1871 г. Раевский «за литературные вспомоществования, оказанные словенцам, избран был почетным членом литературно-драматического общества словенцев в Люблянах» ⁴³².

Дар Петербургского славянского благотворительного общества был одним из самых крупных даров, которые получило Драматическое общество за первые 10 лет своего существования. Об этом свидетельствует тот факт, что на его заседании 18 мая 1877 г. только два дара ему были признаны *установниной* (т. е. учредительным взносом): дар Томана по завещанию в 1000 гульденов и дар Славянского благотворительного общества в Петербурге в 200 гульденов ⁴³³.

24 августа 1871 г. Драматическое общество получило от Раевского несколько книг, за которые Грасели и Ноли и поблагодарили его в письме от 2 сентября ⁴³⁴. Получало Драматическое общество русские книги и позднее. Так, Славянский комитет в Петербурге в письме от 2 января 1872 г. поручал Раевскому переслать Драматическому обществу сочинения русского драматурга А. Н. Островского в пяти экземплярах ⁴³⁵.

⁴³⁰ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 28.

⁴³¹ Там же.

⁴³² АВПР, ф. ДЛС и ХД, оп. 755, д. 3, л. 16 об.

⁴³³ Slovenski narod, 26.V 1877.

⁴³⁴ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 28.

⁴³⁵ ОР ГПБ, ф. 608. Славянский благотворительный комитет в Петербурге.

15 октября 1873 г. руководство Драматического общества вновь обратилось к Раевскому с просьбой о денежной помощи. Одновременно 10 октября оно отправило прошение Московскому славянскому комитету. Указывая на тяжелое материальное положение общества, на бедность словенского народа, который не в состоянии обеспечить ему необходимую помощь, на невозможность получить поддержки от государства, комитет общества отмечал, что ему не остается ничего другого, «как обратиться за поддержкой не только к словенским, но и к своим славянским братьям, которые находятся в более счастливом политическом и материальном положении». Комитет подчеркивал, что Славянский комитет в Москве должен по праву ценить «большое значение словенского народа как стража на берегах Адриатического моря и его культурную борьбу в интересах всего славянства»⁴³⁶. 20 апреля 1874 г. Грасели и Ноли повторили свою просьбу Раевскому. Они указали на огромный дефицит общества в 2000 флоринов, на невозможность достать необходимую сумму среди словенцев, на вероятность прекращения словенских театральные представлений из-за отсутствия средств. Грасели и Ноли сообщали, что с прошениями о поддержке они обращались к славянским комитетам в Петербурге, Москве, Одессе⁴³⁷. Каковы были результаты этой второй просьбы Драматического общества, неизвестно. Сведения о дальнейших контактах между Славянскими благотворительными комитетами и Драматическим обществом в Любляне отсутствуют.

Славянские комитеты посылали русские издания и редакциям некоторых словенских газет. Так, в списке славянских обществ и редакций, куда требовалось посылать русские газеты, от января 1871 г. Раевский указывал и редакцию «Словенского народа» в Мариборе⁴³⁸. В «Списке славянских обществ, журналов и частных лиц для пересылки книг и журналов» Славянского общества в Петербурге за 1876—1878 гг. значились «Словенски народ» и «Зора» (журнал, издававшийся по инициативе Д. Трстеняка в 1872—1878 гг.)⁴³⁹.

⁴³⁶ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 426, л. 237 и об., 238.

⁴³⁷ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 28.

⁴³⁸ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 16.

⁴³⁹ ЦГИА, ф. 651, оп. 1, д. 830.

Наконец, русские книги и газеты высылались Славянскими комитетами отдельным представителям словенской интеллигенции, если от них поступали просьбы.

Регулярно высылал Московский славянский комитет книги М. Маяру, который был хорошо знаком со многими русскими славянофилами со времен Этнографической выставки в Москве. Достаточно сказать, что только в 1873 г. ему было послано 98 книг, больше, чем в Матицу словенскую (86 книг)⁴⁴⁰. М. Ф. Раевский давал Маяру на время книги из своей личной библиотеки, например монографию И. П. Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (СПб., 1841—1849), которую Маяр держал у себя более года⁴⁴¹.

Получил от Раевского сочинение Гоголя студент Венского университета Мартин Крамарич, впоследствии ставший учителем в русской гимназии Смоленска⁴⁴². В декабре 1872 г. почтовый служащий в Триесте Йосип Семич попросил у Славянского комитета в Москве прислать ему учебник русского языка, поскольку «Русская грамматика» Маяра его не удовлетворяла. В конце марта 1873 г. Семич получил 36 азбук, 10 хрестоматий, 6 синтаксисов и 6 этимологий русского языка. «Я думал, что мне придет одна грамматика, о которой я просил,— писал он в благодарственном письме от 5 апреля 1873 г. Славянскому комитету,— а т. к. мне славный комитет послал столько книг и без счетов, то я не знаю своих обязанностей. Я разделил несколько посланных экземпляров между здешними почтовыми служащими»⁴⁴³.

В декабре 1871 г. просил послать ему сочинения Ушинского и другие педагогические книги на русском языке словенский учитель Иглар из Кралевицы в Хорватском Приморье⁴⁴⁴. Даворин Синкович, студент философского факультета Грацкого университета, писал в июне 1873 г. о своем желании иметь русско-немецкий и немецко-русский словари, а также русскую художе-

⁴⁴⁰ ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 7, л. 83.

⁴⁴¹ Зарубежные славяне и Россия, с. 280, 281.

⁴⁴² ОР ГПБ, ф. 608, Д. Крамарич.

⁴⁴³ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 426, л. 186 и об., 229 и об.

⁴⁴⁴ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 2, д. 2.

ственную и научную литературу⁴⁴⁵. Просил о присылке истории русской литературы и сочинений русских классиков семинарист из Любляны Антон Зупан⁴⁴⁶.

Интерес к русским книгам был настолько велик, что встал вопрос о создании русского книжного магазина в Штирии. Уже в воззвании к словенцам с приглашением вступать в число акционеров Словенской типографии указывалось на необходимость словенцам взять в свои руки торговлю национальными и славянскими книгами, что особенно важно, «так как наша молодежь и старшее поколение жаждут изучать славянские языки и так как не хватает славянских книг»⁴⁴⁷. Инициатором создания магазина русских книг выступил словенец Иван Блаж, имевший поддержку в лице русского консула в Риеке Л. В. Березина. Возможно, он являлся родственником риекского купца Грегора Блажа, известного русофила. Возможно, именно через Грегора Блажа Иван Блаж и установил контакты с Березиным. Березин в свою очередь начал действовать через Раевского. Письма его к последнему и дают представление о попытке создания такого магазина. По словам Березина, на заседании Славянского общества в Петербурге от 4 апреля 1871 г. было единогласно принято его предложение ходатайствовать перед министерством народного просвещения, чтобы оно по самым низким ценам продало русские учебники словенцу Блажу⁴⁴⁸. В следующем письме от 12 мая Березин сообщил, что Петербургский комитет грамотности решил подарить Блажу, открывающему магазин русских книг в Целье, 800 книг, которые и будут отправлены Раевскому в 5 тюках. За книгами в Вену должен был приехать сам Блаж⁴⁴⁹. Наконец, 19 ноября 1871 г. Березин благодарил Раевского за известие о получении им книг для Блажа и просил его как можно скорее отправить их в Целье на имя Капуса, купца и председателя местной читальни⁴⁵⁰.

⁴⁴⁵ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 426, л. 232—233.

⁴⁴⁶ Там же, д. 55, л. 24 и об., 25.

⁴⁴⁷ ОР ГПБ, ф. 979, оп. 2, д. 135.

⁴⁴⁸ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 13.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Там же.

По-видимому, из затей Ивана Блажа ничего не вышло. Во всяком случае, в своем отчете министерству народного просвещения Бодуэн де Куртенэ, описывая свое посещение 2 апреля 1872 г. Цельской читальни и встречу с Капусом, замечал, что, «несмотря на искреннее желание некоторых южных славян учиться русскому языку и пользоваться русской литературой, все же таки количество запросов на книги, выходящие в России, слишком здесь ничтожно для того, чтобы какой-нибудь книготорговец мог без убытка войти в постоянные, на кредите основанные сношения с русскими книготорговцами»⁴⁵¹. Вероятно, не случайно мысль о возможности создать русский книжный магазин пришла Бодуэну именно в Целье, куда за несколько месяцев до этого были отправлены русские книги для магазина Блажа. Любопытно, что Бодуэн отмечал значительное количество русских книг в цельской читальне⁴⁵²; возможно, часть их была из упомянутой посылки.

Не только словенские общества и отдельные лица были заинтересованы в получении русских книг, но и русские общественные и научные учреждения нуждались в славянской, в том числе и словенской литературе. Славянский благотворительный комитет в Москве, например, в конце 60-х годов решил составить библиотеку из славянских книг. Он обратился ко всем редакторам славянских журналов, писателям и издателям, чтобы они дарили свои издания комитету. Это обращение Московского славянского комитета было опубликовано в «Словенском народе»⁴⁵³.

Интересовалась славянскими изданиями и Императорская публичная библиотека в Петербурге. Ее директор А. Ф. Бычков благодарил 24 августа 1872 г. Раевского за посылку ему ряда славянских изданий⁴⁵⁴. Сестра умершего видного деятеля старословенцев Этбина Хенрика Косты предложила Публичной библиотеке в Петербурге купить архив и библиотеку своего брата и отца, бывшего директором люблянской таможни. А. Ф. Бычков согласился. Библиотека Косты была куп-

⁴⁵¹ Отчеты... Бодуэна де Куртенэ..., с. 64.

⁴⁵² Там же, с. 63.

⁴⁵³ Slovenski narod, 23.III 1869.

⁴⁵⁴ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 8.

лена за 700 гульденов, а рукописи — за 300. Эти деньги были отправлены сестре Косты Корнелии Шолмайер в ноябре — декабре 1875 г.⁴⁵⁵

Кроме книгообмена, существовали и другие формы русско-славянских связей. Славянские комитеты приняли рекомендации совещания у Раевского в мае 1868 г. об оказании материальной помощи славянским обществам, отдельным лицам из славянских национальных деятелей, наконец, славянским студентам из бедных семей.

Выше уже говорилось, что денежные пособия от комитетов получили Матица словенская и Драматическое общество в Любляне.

В 1868 г., когда политическая борьба в словенских землях достигла высшего накала, встал вопрос об учреждении новой словенской политической газеты. Для обеспечения ее издания словенские либералы считали необходимым создать словенскую национальную типографию. Есть сведения, что А. Томшич, первый редактор «Словенского народа», просил в 1868 г. Славянский комитет помочь словенцам купить типографию. Письмо Томшича не найдено, но о его содержании сохранилось упоминание в письме Раевского Попову от 7 января 1870 г.⁴⁵⁶ В 1869 г.⁴⁵⁷ с той же просьбой обратился Йосип Вошняк. Указав, что он обращается к Раевскому по рекомендации Матицы словенской, Вошняк обрисовал особенно сложное положение штирийских словенцев, их борьбу против германизаторского натиска. В письме говорилось о словенских газетах «Словенски господар», «Словенски народ», «Словенски гласник», о их роли в отстаивании интересов словенцев, подчеркивалась необходимость устройства типографии в Мариборе. «Русский Славянский комитет в Петербурге, — писал Вошняк, — располагает очень большими средствами. Нельзя ли нам получить от него беспроцентный заем в 5000 рублей для основания славянской типографии и книжной торговли в Мариборе?» Вошняк выражал надежду, что в течение года после создания типографии ссуда будет возвращена⁴⁵⁸.

⁴⁵⁵ Архив ГПБ, 1875, № 13, л. 9, 10, 12, 33.

⁴⁵⁶ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 15.

⁴⁵⁷ В письме Вошняк упоминает, что в прошлом году была основана газета «Словенски народ» (основана в 1868 г.).

⁴⁵⁸ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 20.

У нас нет материалов о результатах просьб Томшича и Вошняка. Но нам кажется, что она не могла быть выполнена. Предположения Вошняка о значительных фондах, которыми мог распоряжаться Славянский комитет в Петербурге, были явно преувеличенными. Достаточно привести следующие цифры: в 1867 г. весь доход Славянского комитета в Москве составлял 1698 руб., а в 1868 г., когда после Этнографической выставки и Славянского съезда в Москве интерес к славянам резко возрос,— всего 9000 руб.⁴⁵⁹ Надо иметь в виду, что эти средства расходовались на оказание помощи всем славянам — и балканским, и австрийским, и прусским. Суммы, предназначавшиеся С.-Петербургским Славянским обществом для австрийских славян, были очень невелики. В своем отчете от 31 декабря 1872 г. Раевский жаловался, что из обещанных ему 2000 руб. в год в последние два года Петербургский славянский комитет посылает только по 1300 руб., чего явно не хватает⁴⁶⁰. В свете вышесказанного ясно, что не в возможностях Славянского общества в Петербурге было выделить для словенцев сразу 5000 руб., хотя бы и взаймы.

Несмотря на очень ограниченные средства, Славянские комитеты все же оказывали поддержку некоторым периодическим изданиям словенцев. В частности, журнал Маяра «Славян» пользовался субсидиями Московского славянского комитета. Этот журнал Маяр решил издавать после неудачной попытки эмигрировать в Россию. Начиная издание, он надеялся на помощь своих русских друзей, которые появились у него после поездки на Этнографическую выставку в Москву. В письме к Попову от 11/23 ноября 1872 г. Маяр просил его достать журналу «Славян» несколько подписчиков в России⁴⁶¹. Попов послал Маяру 100 руб., указав, что это сумма от подписки на 50 экз. журнала⁴⁶². На самом деле эти средства были взяты из фонда Московского славянского комитета, на что указывает письмо Н. А. Попова к И. С. Аксакову от 19 ноября 1872 г. «Известный

⁴⁵⁹ Никитин С. А. Славянские комитеты в России, с. 44.

⁴⁶⁰ ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 7, л. 3.

⁴⁶¹ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 13, д. 19.

⁴⁶² Там же.

Вам Матия Майер, ученый словенец,— писал Попов,— издает небольшой журнал «Славян», весь посвященный защите кириллицы и доказательствам ее преимуществ над латинским шрифтом в славянских литературах. Он намерен пропагандировать впоследствии и распространение русского языка между славянами. Я нахожу не только справедливым, но и необходимым оказать ему немедленную поддержку от комитета высылкою ста рублей». На письме Попова рукою И. С. Аксакова было написано: «Конечно, согласен»⁴⁶³.

По сто рублей было выслано Маяру Московским комитетом в 1874 и в 1875 г.⁴⁶⁴

Получали субсидии от комитетов и некоторые словенские студенты. Осенью 1868 г. 11 венских студентов являлись стипендиатами Московского славянского комитета, двое из них были словенцами (Мартин Крамарич и Иван Бенигар). Раевский выдавал им по 10 гульденов в месяц⁴⁶⁵. В первой половине 1869 г. среди постоянных стипендиатов (7 человек) находился снова Бенигар. За пять месяцев (март — июль 1869 г.) Раевский выдал ему 54 гульдена. Кроме того, за то же первое полугодие Раевский оказал единовременную помощь еще 14 славянским студентам, среди которых было 4 словенца: 15 гульденов — Готушь, студент-юрист, и по 10 гульденов — Коправшь, студент-юрист, Дерганец, студент-философ; Ферлин, студент-юрист⁴⁶⁶. Бенигар получал стипендию славянских комитетов в течение двух лет, о чем он сам писал Славянскому комитету в Москве в благодарственном письме от 6 июля 1870 г.⁴⁶⁷

1 ноября 1870 г. студент философского факультета в Граце Фердинанд Плох-Хердвигов обратился к Московскому славянскому комитету с просьбой о пособии⁴⁶⁸. Раевский поддержал его прошение, написав Попову: «я бы находил полезным дать словенцу Плоху из Граца пособие»⁴⁶⁹. В описи бумаг Московского славянского комитета за 1868—1877 гг. в разделе за

⁴⁶³ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 73, л. 45 и об., 46.

⁴⁶⁴ *Curkina I. Matija Majar Ziljski*, s. 85.

⁴⁶⁵ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 12, л. 15.

⁴⁶⁶ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 68, л. 41 об.

⁴⁶⁷ Там же, д. 426, л. 121 и об.

⁴⁶⁸ Там же, л. 116—117.

⁴⁶⁹ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 13.

1870 г. отмечалось, что Плох-Хердвигов до этого являлся стипендиатом комитета⁴⁷⁰. В первом полугодии 1871 г. Плох-Хердвигов получил 40 гульденов вспомоществования⁴⁷¹.

В январе 1870 г. гимназист из Нового Места Иван Плантан попросил пособия у Московского славянского комитета⁴⁷². Ему было выдано 35 или 50 гульденов (Раевский не мог точно вспомнить цифру)⁴⁷³. Спустя 5 лет, в 1875 г., Иван Плантан, уже студент Венского университета, вновь просил о пособии⁴⁷⁴. Результат этой просьбы остался неизвестным.

В 1870—1877 гг. неоднократно просил материальной поддержки у Славянских комитетов Матия Зидарич, студент медицинского факультета Грацкого университета⁴⁷⁵. Иногда комитет откликался на его просьбы. Так, в начале 1873 и в начале 1874 г. он получил по 30 гульденов единовременного пособия из фондов Петербургского славянского общества⁴⁷⁶.

Летом 1871 г. получил 40 флоринов от Славянских комитетов помощник учителя гимназии в Новом Месте Михаил Печар⁴⁷⁷.

Представители словенской интеллигенции обращались в Славянские комитеты не только за помощью деньгами или книгами, но и с просьбами дать рецензию на страницах русской прессы, на их труды. Так, Йосип Сернец 18 августа 1874 г. послал Попову 5 экземпляров своей брошюры «Материализм и славянство», вышедшей на немецком языке, с просьбой обсудить ее и содействовать ее рассылке редакциям русских журналов. На это Сернец выделил 100 экземпляров⁴⁷⁸. 6 декабря 1874 г. Сернец вновь написал Попову в ответ на не дошедшее до нас письмо последнего от 13/25 сентября 1874 г. По-видимому, Попов обещал в нем Сернецу устроить обсуждение его брошюры на заседании Славян-

⁴⁷⁰ Там же, оп. 2, д. 2.

⁴⁷¹ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 81, л. 13 об.

⁴⁷² ОР ГПБ, ф. 608, И. Плантан.

⁴⁷³ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 13.

⁴⁷⁴ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 426, л. 277.

⁴⁷⁵ Там же, л. 150 об., 151 и об.; АВПР, ф. 360, д. 175, л. 93—147.

⁴⁷⁶ ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 7, л. 43, 46.

⁴⁷⁷ ОР ГПБ, ф. 608, М. Печар.

⁴⁷⁸ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 426, л. 258 и об.

ского благотворительного комитета в Москве. Не получив информации об этом заседании, Сернец делал вывод, что его работа не была одобрена. Сернец просил Попова в случае выхода в России рецензии на его брошюру, выслать ее ему. В этом письме к Попову Сернец указывал, что его брошюра писалась «горячим славянским сердцем в убеждении, и теперь еще твердом, что предназначение славян — перестроить социальную жизнь». Далее Сернец сообщал историю выхода в свет брошюры. Сначала она была написана по-словенски и отдана редактору «Словенского народа» Юрчичу с тем, чтобы ее напечатали в «Прешерновом альманахе». По прошествии полутора лет Сернец взял свой труд у Юрчича, дал его перевести на немецкий язык, а после этого издал его. Он надеялся, по его признанию, неоправданно, что напечатанная по-немецки брошюра окупит себя. 150 экземпляров ее Сернец послал в Россию, в Германию же не послал ничего, ибо «все немецкие социалисты отвергают все, что в какой-либо степени относится к коммунизму»⁴⁷⁹.

Кроме Московского славянского комитета и редакций русских журналов Сернец послал свои брошюры ряду лиц, интересовавшихся словенскими делами. В их числе был И. А. Бодуэн де Куртенэ. Бодуэн написал рецензию на книгу Сернеца, в которой довольно подробно пересказывал ее содержание. Упрекая автора в пристрастности и односторонности, в растянутости изложения, Бодуэн вместе с тем отмечал, что книга «не лишена интереса и... заслуживает того, чтобы обратить на нее внимание русской читающей публики»⁴⁸⁰.

9 апреля 1876 г. И. Сернец благодарил его за внимание к брошюре «Материализм и славянство». «От своей брошюры я не получил ничего радостного,— писал Сернец,— и если бы Вы в письме из Лейпцига от 29 августа 1874 г., а также профессор Нил Александрович Попов из Москвы не написали бы мне так приветливо, у меня пропала бы всякая охота к дальнейшему изучению национально-экономических вопросов»⁴⁸¹.

⁴⁷⁹ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 18, д. 23.

⁴⁸⁰ Сборник государственных знаний, т. III. СПб., 1877, с. 112—113.

⁴⁸¹ Архив АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 282.

§ 13. Русская пресса конца 50—70-х годов о словенцах

Со второй половины 50-х годов русская пресса стала проявлять интерес к славянским народам, их истории, культуре, современному социально-экономическому положению. Особенно старалась в этом отношении славянофильская печать, к сотрудничеству в которой привлекались не только русские журналисты и ученые, но и публицисты из славянских земель, в том числе и словенцы.

В 1856 г. один из видных славянофилов А. И. Кошелев, которого Ленин называл независимым либералом⁴⁸², начал издавать журнал «Русская беседа», первое славянофильское периодическое издание. В нем публиковались статьи не только по внутренней политике России, по крестьянскому вопросу и пр., но и о положении славянских народов Австрийской и Оттоманской империй. Поэтому редакция «Русской беседы» стремилась завязать сношения с национальными деятелями зарубежных славянских народов, чтобы получать информацию из первых рук. В частности, Кошелев просил Раевского пересылать экземпляры «Русской беседы» словенским национальным деятелям А. Янежичу и А. Кремплю⁴⁸³. Уже в начале 1856 г. Гильфердинг просил Раевского стать посредником между славянскими учеными и «Русской беседой», на что последний ответил согласием⁴⁸⁴.

Среди словенцев выбор Раевского как на возможно-го заграничного корреспондента «Русской беседы» пал на Винко Клуна. Клун к тому времени уже был знаком с рядом русских ученых и общественных деятелей: И. И. Срезневским, Е. И. Ламанским, А. И. Кошелевым, Ф. В. Чижовым, А. Ф. Гильфердингом, М. Ф. Раевским, И. С. Аксаковым. Последнему в 1860 г. он давал рекомендации к различным словенским национальным деятелям, например к Д. Трстеняку.

Получив от Раевского приглашение сотрудничать в «Русской беседе», Клун довольно скоро реально откли-

⁴⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 31.

⁴⁸³ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 42. Кремпль умер в 1844 г.

⁴⁸⁴ Там же, д. 25.

кнулся на него. В 1856 г. он послал в редакцию свою статью «Словенцы». В письме от 25 ноября 1856 г. Клун писал Раевскому о том, что вчерне уже закончил работу над своей второй статьей «История словенской литературы от 16 в. до настоящего времени», которая и будет окончательно доделана в продолжение зимы. Он выражал надежду, что с помощью русских его труд по истории словенской литературы выйдет в свет, а успехи южнославянских литератур смогут вызвать в русском обществе интерес к южным славянам. Клун предлагал еще для напечатания «Словенскую библиографию» и несколько биографий знаменитых словенцев⁴⁸⁵. Раевский сразу же сообщил предложение Клуна редакции «Русской беседы». «Статьи д-ра Клуна чрезвычайно интересны,— отвечал Кошелев Раевскому от 20 декабря 1856 г.,— и весьма охотно мы заплатили ему по 40 талеров за лист печати *Gegenwart* или по 30 талеров за наш лист... Сверх того, д-ру Клуно можно предоставить право поместить свою статью о словенцах в *Gegenwart* через шесть месяцев после напечатания ее в „Русской беседе“.

Что касается до других сочинений д-ра Клуна — до его „Истории литературы словенской“ и до биографий знаменитых словенцев, то предмет крайне важен и мы охотно будем их принимать... Впрочем, вероятно, и то и другое будет интересно, ибо видно, что д-р Клун славно пишет — живо и глубокомысленно. Возвращаю его письма, дабы Вы могли ему отвечать. Сделайте милость, не упустите его — он славным будет нашим соотрудником»⁴⁸⁶.

В третьем номере «Русской беседы» за 1857 г. была опубликована статья Клуна «Словенцы». Редакция журнала тепло представляла своим читателям автора как представителя славянского племени, «которое доселе оставалось почти неизвестным»⁴⁸⁷. В статье Клун с большим чувством писал о словенцах, подчеркивая, что, несмотря на малочисленность, они «в сознании своей народности, в своих надеждах и энергии» не уступят никому из соплеменников. Описывая их национальный

⁴⁸⁵ АВПР, ф. 360, д. 49, л. 2 и об.

⁴⁸⁶ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 42.

⁴⁸⁷ Клун В. Ф. Словенцы.— Русская беседа, 1857, № 3, с. 65.

характер, праздники (святки, троицу, пасху, Иванов день и пр.), Клун старался подчеркнуть их сходство с русскими и вообще славянскими празднествами. Коротко Клун останавливался и на программе Объединенной Словении⁴⁸⁸. Это одно из первых высказываний о ней со стороны словенских национальных деятелей после подавления революции 1848 г., высказывание, сделанное в зарубежной прессе, но тем не менее имеющее определенное значение как доказательство верности многих словенских либералов этой программе, несмотря на их вынужденное молчание в 50-х годах. Заключал свою статью Клун весьма энергически и полностью в духе славянофилов. «Я только старался и, надеюсь, успел ясно доказать,— писал он,— что словенцы — даровитое и энергическое племя, выступающее на поприще всемирной истории во всей силе юности, с живым сознанием своей народности и с горячею любовью к вере. В этом убеждении смело и честно протягивают они дружескую руку своим соплеменным братьям, дабы единство духа и энергии привело всех к одной общей цели, дабы все мы слились в единую народную семью!»⁴⁸⁹.

14 сентября 1858 г. И. С. Аксаков просил Раевского уплатить Клуну за его вышедшую статью и дать ему даже вперед, поскольку в ближайших номерах «Русской беседы» должны появиться и следующие его очерки⁴⁹⁰. И действительно, в начале 1859 г. вышла вторая статья Клуну «Словенцы. Очерк истории их словесности»⁴⁹¹, та самая, которую он завершал зимою 1856/57 г. Она была написана так же живо и в публицистическом плане, как и первая статья. Цель своего труда Клун определял так: доказать, что «и по способностям, и по успехам духовной деятельности словенцы выдержат сравнение с любыми из соплеменников и не будут последними в ряду их». Клун начал с Фрейзингенских отрывков, древнейших памятников словенской письменности. Вся последующую историю словенской литературы он разделил на два периода: протестантский (XVI в.) и католический (с конца XVI в. и до совре-

⁴⁸⁸ Там же, с. 71.

⁴⁸⁹ Там же, с. 121—122.

⁴⁹⁰ ОР ГПБ, ф. 14, д. 648, л. 9.

⁴⁹¹ Клуи В. Словенцы. Очерк истории их словесности.— Русская беседа, 1859, № 1, с. 87—114; № 2, с. 95—125.

менности). Клуна высоко оценивал деятельность словенских протестантов и прежде всего Приможа Трубара, назвав его вслед за Метелко «нашим литературным Колумбом». Не менее высоко он ставил и роль католического духовенства в развитии словенской литературы. «С конца XVI в., — писал Клуна, — и до нашего времени католическое духовенство может назваться главным представителем словенской литературы, самым ревностным и деятельным двигателем в исследовании, развитии и дальнейшей обработке нашего языка». В этом утверждении Клуна имелось зерно истины, ибо он доводил свое изложение словенской литературы до начала XIX в., а в то время, действительно, словенская интеллигенция, следовательно и словенские писатели, почти сплошь были людьми духовного звания. Среди словенских писателей-католиков Клуна упоминал и яркого контрреформатора Томажа Хрена, по чьему приказу горели костры из протестантских словенских книг, и немецкого дворянина Сигизмунда Герберштейна, одного из первых иностранцев, написавших записки о Московском государстве, и историков Шенлебена и Вальвасора, изучавших историю Крайны и писавших свои книги главным образом на немецком языке. Особенно тепло писал Клуна о словенских просветителях конца XVIII в. Япеле, Кумердее, Линхарте, Воднике, указывая, что они «не перестанут считаться красой своего племени, доколе люди будут ценить патриотизм и науку».

Очерк о словенской литературе был написан Клуном с патриотических позиций, но имел ряд ошибок, вызванных именно чересчур большим словенским патриотизмом. Вслед за Копитаром Клуна объявлял старословенский язык идентичным старославянскому; доказывал, что Фрейзингенские отрывки являются самыми древними памятниками славянской письменности; утверждал, что древнерусскую летопись Нестора нашел «один ученый словенец», а именно С. Герберштейн. Клуна призывал русских отбросить греческие крючки, т. е. кириллицу, и в интересах славянской литературной взаимности принять латиницу. Редакция «Русской беседы» должна была в примечании дать ответ на последнее высказывание Клуна: «Вообще как с этим, так и со многими другими мнениями г. Клуна, мы положительно не согласны, но тем не менее признаем за его трудом неос-

поримое достоинство первого, полного и стройного исторического обзора литературы словенцев»⁴⁹². Здесь, правда, стоит оговорить, что первую историю словенской литературы написал все-таки М. Чоп, и она была использована П. Шафариком в его книге «История южнославянских литератур».

Клун думал написать и историю словенской литературы XIX в., о чем он сообщал в письме Раевскому, очевидно в середине 1857 г.⁴⁹³ Редактор «Русской беседы» Кошелев в декабре 1857 г. настоятельно просил Раевского поторопить Клуна с присылкой окончания его статьи о словенской литературе⁴⁹⁴. Однако эта часть его труда в «Русской беседе» не была опубликована. Может, она так и не была написана Клуном, а может быть, ее не опубликовали из-за прекращения в 1859 г. издания «Русской беседы».

Статьи Клуна понравились русской общественности⁴⁹⁵. Это было причиной того, что Ф. В. Чижев, также видный славянофил, задумав издавать «Вестник промышленности» (1858—1861), обратился к Клуноу с просьбой о сотрудничестве. «Упросите Клуна,— писал он Раевскому 10 мая 1858 г.,— чтобы ответы на мои вопросы в отдельной от обозрения статейке прислал бы тоже к началу или много к 10 нашего июня... и попросите Клуна прислать мне первое обозрение к началу нашего июня»⁴⁹⁶. Клун выполнил просьбу Чижева. Но то, что он прислал, не подходило русскому издателю. «Кроме нескольких страничек, посланных Вами, от Клуна я ничего не имею,— сообщал Чижев Раевскому 25 июля 1858 г.,— а их напечатать нельзя, потому что это похвала моему журналу, следов[ательно] скажут мне: оржанная каша сама себя хвалит»⁴⁹⁷. Чижев далее указывал, что он согласился платить Клуноу 250 талеров в год с тем, чтобы он присылал ему по статье каждый месяц. Первое

⁴⁹² Русская беседа, 1859, № 1, с. 91.

⁴⁹³ АВПР, ф. 360, д. 49, л. 4.

⁴⁹⁴ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 42.

⁴⁹⁵ У словенцев статья Клуна о словенской литературе, опубликованная в начале 60-х годов в «Presse», не вызвала восторга. Ф. Левстик в письме к Эрьявцу с насмешкой отзывался о его труде, добавив, что в России в 1858 г. Клун получил по 30 руб. за половину печатного листа. См.: Levstikova pisma, s. 61.

⁴⁹⁶ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 75.

⁴⁹⁷ Там же.

обозрение, сделанное Клуном, разочаровало Чижова. «Потрудитесь попросить его,— замечал он в письме к Раевскому от сентября 1858 г.,— не присылать таблицы ценностей австр[ийских] бумаг, нам они не нужны, а хотелось бы иметь шире промышленные новости. У него почти все одни цифры. Статью его отдельную я хотел бы не столько о коммерческом, сколько о промышленном (индустриальном) обучении»⁴⁹⁸.

5 октября 1858 г. Чижев высказался Раевскому еще резче и откровеннее: «Обозрения моего корреспондента жидки и пусты... Там, где он без цифры,— решительно профессор, толкующий о верности практики, а потом голые цифры. Писать мне к нему... не хочется... трудно так написать, чтоб не оскорбить самолюбия. Мало жизни: там плаванье по Дунаю, там Ллойд, там банкир, наконец, там промышленность, там ремесленные стеснения скверными уложениями, там обременительные налоги, там цехи, там жалоба на бедность, там племенные несогласия — такое множество всего». Чижев просил Раевского передать Клуноу, что нужно в каждой статье разобрать основательно по два вопроса, не более⁴⁹⁹. Все увещания и просьбы Чижова, вероятно, остались без внимания со стороны Клуна. Спустя некоторое время Чижев отказался от сотрудничества с ним, мотивируя этот отказ в письме к Раевскому слабостью его обозрений и высокой платой за них, требуемой Клуном⁵⁰⁰.

Несмотря на недовольство статьями Клуна, Чижев все-таки печатал их в «Вестнике промышленности». За 1858 г. в нем было помещено четыре очерка Клуна: «Взгляд на торгово-промышленное положение Австрии», «Положение промышленности в Австрии», «Обозрение промышленности в Австрии» и «Обозрение промышленности и торговли в Австрии»⁵⁰¹. Замечания о них, сделанные Чижевым в письмах к Раевскому, справедливы: тематически они раздроблены, перегружены цифровым материалом. Вместе с тем в них Клуно отчетливо выражал свои либеральные взгляды: восхвалял реформу 1849 г., отменившую крепостное право в Ав-

⁴⁹⁸ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 75.

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ Там же.

⁵⁰¹ Вестник промышленности, 1858 (М.), № 3—6.

стрии, которое являлось самым крупным препятствием, по его словам, процветанию земледелия и промышленности; выступал за отмену разного рода стеснительных тарифов в торговле, за увеличение в стране политической и промышленной свободы. Эти его взгляды вполне соответствовали взглядам Чижова, и последний использовал высказывания Клуна об австрийских делах для того, чтобы выступить против российских порядков. Якобы дополняя Клуна, Чижев отмечал среди препятствий, мешающих развитию австрийской (русской) промышленности: бессмысленность коммерческих и банковских законов, притеснение полиции, бюрократический хаос формальностей, мешающий всякому движению вперед, отсутствие кредита, плохие пути сообщения, презрение к труду⁵⁰².

Кроме Клуна, в славянофильских изданиях конца 50-х — начала 60-х годов, судя по имеющимся материалам, из словенцев никто не сотрудничал. Только в письмах русского вице-консула в Риеке В. Ф. Кожевникова сохранились сведения о его попытке привлечь к сотрудничеству в «Дне» словенца Махнича. Кожевников рекомендовал его Раевскому в письме от 22 октября/3 ноября 1861 г. «Он был из числа тех людей, — писал русский вице-консул, — на которых я рассчитывал относительно политических корреспонденций для «Дня», но, к сожалению, он уезжает на некоторое время в Прагу. Впрочем, и оттуда он рад будет сообщать Вам кое-что для вновь открывающегося листка. Надеюсь, что Вы примете его с тем радушием, которое вообще встречают в доме Вашем все славяне, и позвольте ему, живя в Вене, посещать Вас.

Я могу смело сказать, что этот человек был для меня очень полезен во многих случаях, и с ним Вы, не стесняясь, можете затрагивать даже *щекотливый* религиозный вопрос»⁵⁰³.

Следов участия Махнича в «Дне» нам обнаружить не удалось: по-видимому, он не писал в него корреспонденций.

Известен еще один случай попытки словенского национального деятеля в 60-х годах сотрудничать в рус-

⁵⁰² Вестник промышленности, 1858, № 6, с. 293.

⁵⁰³ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 40.

ской прессе. 5 мая 1868 г. в «Цукунфт» был напечатан «Призыв к славянским ученым», в котором редакция «Журнала министерства народного просвещения» обращалась с просьбой к славянским ученым и педагогам присылать в журнал статьи о развитии школьного дела, о книгах по педагогике. Вскоре словенский учитель из Каринтии Фердо Вигеле⁵⁰⁴ написал письмо Раевскому: «Я охотно взялся бы написать о школьных порядках в словенской части Каринтии,— замечал он.— Как педагог, имеющий 9-летнюю практику, я хорошо знаю последние, часто высказывался по этому поводу как в политических словенских журналах, так и в словенской школьной газете „Učiteljski tovarš“ и сам испытал уже кое-какие „любезности“ со стороны германизаторов»⁵⁰⁵. Однако следов участия Вигеле в «Журнале министерства народного просвещения» нам обнаружить не удалось.

По-видимому, можно считать, что в конце 50-х — начале 60-х годов Клуи был единственным из словенцев, сотрудничавший в русской прессе.

Конец 60-х — первая половина 70-х годов отмечаются ростом интереса русских ученых к словенцам. Ряд их посещают в это время словенские земли, в том числе А. С. Будилович, А. А. Кочубинский, В. Макушев, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др. Результатом этих посещений были не только научные труды, но и публицистические очерки о политическом положении, культуре, обычаях словенцев. С несколькими заметками в «Журнале министерства народного просвещения» выступил А. С. Будилович. Им была написана статья «Славянские Матицы и ученые дружества», посвященная славянским культурно-просветительским учреждениям. Будилович подчеркивал их важность в развитии национального самосознания славянских народов. В статье Будилович останавливался и на деятельности Матицы словенской в Любляне. Указывая, что она имеет небольшие материальные средства и небольшое число членов, он выражал надежду, что она сможет сыграть свою

⁵⁰⁴ Фердо Вигеле — собственник и торговец в Бистрице на Зили, активный словенский либеральный деятель в Каринтии, в 1865—1867 гг. — корреспондент газеты «Словенец» Эйншпиллера. Позднее переселился в Крайну, где был учителем. См.: *Plečerski J. Narodna in politična zavest na Koroškem*, s. 159—160.

⁵⁰⁵ Зарубежные славяне и Россия, с. 93.

роль в пробуждении словенцев. «Сумрачный краинец,— писал Будилович,— спит еще в своем угрюмом логовище, и чужды ему Копитары и Миклошичи, мало знакомы даже Водники и Прешерны. Дай бог, чтобы расшевелить их удалось Вончинам и Косам, Лесарам и Блейвейсам»⁵⁰⁶. В этом же году Будилович опубликовал «Славянскую библиографию за 1868 год», в которой с похвалой отозвался о книге, изданной Янежичем «Цветник словенске словесности», представлявшей собою хрестоматию словенской литературы⁵⁰⁷.

В июне — сентябре 1872 г. по славянским землям Австро-Венгрии путешествовал славист А. А. Кочубинский. По возвращении на заседании Славянского общества в Одессе 11 мая 1873 г. он выступил с воспоминаниями о своей поездке. В выступлении он подчеркнул невыгодность для славян дуализма, а выгодность для них провинциальной автономии. В связи с этим Кочубинский трактовал закон о прямых выборах в рейхсрат, минуя провинциальные собрания как удар по оппозиции. «Если кому из славянских народов Цислейтании,— продолжал Кочубинский,— прямые выборы и могут принести некоторую пользу, то это словенцам в провинциях Крайна, Штирия, Каринтия: своей государственной жизни у них никогда не было, следовательно, терять нечего, а приобрести кое-что и можно». Кочубинский с сожалением замечал, что борьба младословенцев и старословенцев мешает их совместным выступлениям за национальные права⁵⁰⁸.

В. В. Макушев, много работавший в южнославянских и итальянских архивах, в 1873 г. поместил довольно обширную статью «Словенцы» в журнале «Русский вестник». В ней он рассказывал о своем пребывании в Любляне. Прежде всего Макушев посетил Блейвейса, «чье имя стал уважать еще на студенческой скамье», узнав о нем от своего учителя И. И. Срезневского 15 лет тому назад. Встреча с Блейвейсом и определила круг знакомств Макушева в Любляне. Он познакомил-

⁵⁰⁶ Будилович А. Славянские матицы и ученые дружества.— ЖМНП, 1869, № 2, с. 474.

⁵⁰⁷ Будилович А. С. Славянская библиография за 1868 г.— ЖМНП, 1869, № 6, с. 430—431.

⁵⁰⁸ Кочубинский А. А. Мы и они (1711—1878). Очерки истории и политики славян. Одесса, 1878, с. 188, 190.

ся с ближайшими сподвижниками Блейвейса: с профессором богословия и словенского языка в Люблянском лицее Марном, поразившим его своею скромностью, образованностью и преданностью национальному делу словенцев, и с Лесаром, секретарем Матицы словенской, преподавателем закона божьего и словенского языка в Люблянском реальном училище. «Этими лицами,— замечал Макушев,— ограничился круг моего знакомства в Любляне: с другими Блейвейс не считал нужным знакомить меня». Как можно видеть, круг лиц, с которыми общался Макушев, ограничился старословенцами. Именно из их уст он знакомился с состоянием национального движения в словенских землях, поэтому оно ему представлялось в весьма одностороннем виде. Прежде всего на первый план вышли заслуги Блейвейса, которого Макушев представлял читателю как виновника народного возрождения словенцев. «Блейвейс стал настоящим главою народа,— писал Макушев,— словенец слушает его как своего отца и прибегает к нему за советом в своих домашних делах». Словенцы «под руководством опытного и практического Блейвейса постоянно идут вперед, без задержки, осторожно, не раздражая без пользы своих врагов, и в народном деле достигли таких результатов, каким могут позавидовать остальные австрийские славяне». Информация, полученная Макушевым от Блейвейса и его друзей, была столь удивительна, что вступление Лесара в 1866 г. на должность секретаря Матицы словенской он объяснял смертью ее прежнего секретаря Ф. Левстика⁵⁰⁹, которого вынудили уйти с этого поста и который благополучно здравствовал до 1887 г.

И Кочубинский, и Макушев явно сочувствовали старословенцам. Другого характера была информация о словенцах, опубликованная Л. В. Березиным. Умный и образованный человек, горячо сочувствовавший славянам, Березин в 1863—1871 гг. был русским консулом в Риеке. В своих донесениях Азиатскому департаменту МИД он характеризовал не только положение в хорватских землях, но и в словенских землях.

Статья Березина «Словенцы и избирательная реформа» отличалась сравнительно глубоким знанием положе-

⁵⁰⁹ Макушев В. Словенцы.— Русский вестник, 1873, т. 6, с. 345—367.

ния в словенских землях. Отметив, что русские газеты очень мало пишут о словенцах, он подчеркнул, что словенское национальное движение началось только с 1848 г. Одну из причин его возникновения Березин видел в том, что австрийское правительство, желая подавить венгерскую революцию, стало более благосклонно относиться к политическим требованиям славянских народов. С большой симпатией в статье рассказывалось о народных таборах в Словении, на которых выдвигалось требование «о необходимости всему словенскому племени соединиться в одно административное и, насколько возможно, государственное целое». Указав на тяжелое положение словенцев в их борьбе с немецким и итальянским засильем, Березин подчеркивал, что оно усугубляется тем, что правительство поддерживает немцев, а у словенцев две партии, консерваторы и прогрессисты, вступили в междоусобную борьбу. Консерваторы во главе с Костой и Блейвейсом поддержали государственно-правовую программу, принятую в сентябре 1872 г. на съезде федералистов в Вене и предусматривавшую автономию австрийских провинций. Но против этой программы выступили младословенцы во главе с Вожняком (т. е. Вошняком) и Зорником (т. е. Зарником), которые требовали воссоединения словенских земель, доказывая, что при провинциальной автономии словенцы отдадут себя на милость и немилость немецкого большинства.

Березин отмечал желание младословенцев пойти на соглашение со старословенцами для совместного выступления в период избирательной кампании по выборам в рейхсрат в 1874 г. Но этого достичь не удалось. «Фанатизм старословенцев,— писал Березин,— не имел пределов: священники с церковной кафедры предавали анафеме политические заявления младословенцев, называя их вождей безбожниками, масонами, богоотступниками и тому подобными милыми названиями. С церковной же кафедры эти ревнителю народного блага спешили запретить своим прихожанам чтение газет „Slovenski narod“, „Soča“, „Slovenski tednik“; чтение этих газет, проповедовали они,— „смертельный грех“». Березин осуждал не только эту, по его словам, «иезуитскую шайку», но и кучку литераторов из консервативных изданий «Кметийске ин рокоделске новице» и «Словенски господар», которые «сыпали целые потоки ругательств

на головы защитников политических интересов своего отечества»⁵¹⁰.

Подводя итоги выборам 1874 г., весьма печальным для словенцев, Березин обвинял в них старословенцев.

Статья Березина, в которой он выражал солидарность с либеральным крылом словенского национального движения, вызвала нападки со стороны прессы консерваторов. Так, «Словенец» ругал Березина за то, что он придерживался в своей статье точки зрения «Словенского народа»⁵¹¹.

В апреле 1874 г. в Любляне останавливался А. С. Будилович. О его пребывании там и встречах почти не сохранилось никаких сведений, кроме письма его к Раевскому от 3/15 апреля 1874 г. «Познакомился я здесь с некоторыми тузами местного литературного и народного движения,— писал Будилович.— Печальный раздор и разлад царит в их среде, и причин его было бы ошибочно искать лишь на одной из двух сторон: старой или молодой. Мне только кажется, что последняя с каждым днем здесь усиливается и с тем вместе умнеет. Конечно, наше положение д[олжно] б[ыть] соверш[енно] нейтральное»⁵¹². Несмотря на последнее замечание о необходимости нейтралитета со стороны русских в споре между старословенцами и младословенцами, Будилович явно сочувствовал последним. На это указывает и тот факт, что 12/24 февраля 1874 г. он просил Ламанского писать ему в Любляну на адрес Ф. Левстика, одного из самых непримиримых врагов старых (т. е. старословенцев)⁵¹³.

Сохранились письма Будиловича из Любляны Н. А. Попову, датированные 23 марта 1874 г. (ст. ст.) и 15/27 мая 1874 г. Почти два месяца, которые лежат между этими датами, Будилович не жил постоянно в Любляне. Так, в последнем письме он сообщал Попову, что 10 дней путешествовал по Хорутании и Штирии⁵¹⁴.

⁵¹⁰ *Березин Л.* Словены и избирательная реформа.— Сын отечества, 10/22.IX 1874.

⁵¹¹ *Slovenec*, 13.X 1874.

⁵¹² ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 13.

⁵¹³ Документы к истории славяноведения в России (1850—1912), с. 81.

⁵¹⁴ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 5, д. 41.

Итак, в 50—70-х годах русская пресса уделяла немного внимания словенцам. Однако по сравнению с предыдущим периодом все же был сделан известный шаг вперед: статьи о словенцах, хотя и редко, но появлялись в русской печати. И эти статьи были достаточно квалифицированными, ибо писались они или словенцами, или русскими учеными-славистами, бывавшими в словенских землях.

§ 14. Уменьшение симпатий к России среди словенцев к середине 70-х годов XIX в.

К середине 70-х годов русско-словенские общественные связи начинают идти на спад. Связано это было с рядом обстоятельств. Во-первых, со стороны русских общественных кругов упал интерес к славянам Австро-Венгрии в связи с Балканским кризисом 1875 г. и начавшимися вооруженными выступлениями славян Османской империи. Внимание и средства русской общественности обратились прежде всего на Балканы. Одной из причин ослабления связей русских общественных кругов со славянскими народами Австрийской монархии был такой, казалось бы, частный факт, как здоровье М. Ф. Раевского, существенно ухудшившееся в связи с преклонным возрастом. «Вы просите у меня указания на некоторых славянских деятелей,— писал Раевский к А. И. Васильчикову 28 мая 1876 г.,— но я уже отчасти и устарел, а потому холоднее, критичнее и скептически отношусь ко всему славянству, отчасти и менее прежнего вхожу в частные дела славян, не потому, чтобы не хотел, но потому, что грехи не пускают»⁵¹⁵. Во-вторых, и со стороны словенских национальных деятелей отношение к России начало меняться в худшую сторону. Такое изменение вызвано было, с одной стороны, стабилизацией внутреннего и внешнего положения Австро-Венгрии. Правящие круги хорватов, поляков, чехов на время, за ряд мелких национальных уступок со стороны правительства, примиряются с дуализмом. У самих словенцев усиление германизаторского натиска привело к соглашению между

⁵¹⁵ ЦГИА, ф. 651, оп. 1, д. 651, л. 3.

старословенцами и младословенцами, при этом своими принципами поступились последние. Международное положение Австро-Венгрии уже не внушало опасений: создание Германской империи, не включавшей в себя австрийские земли, снова на неопределенное время отодвигало вопрос о судьбе словенцев в случае распада Габсбургской монархии.

С другой стороны, Россия, которую в 60-х годах младословенцы значительно идеализировали, сильно потускнела в их глазах. После выстрела Каракозова (апрель 1866 г.) началось резкое поправление русских правительственных кругов, что не могло остаться незамеченным европейским общественным мнением. Словенская общественность знала об этом из первых рук, ибо с конца 60-х годов в Россию в качестве учителей древних языков попало несколько словенских либералов. Российская действительность в значительной степени развеяла их иллюзии. Своими впечатлениями об этом они делились не только с родственниками и друзьями, но через словенскую прессу и с другими соотечественниками. В этом отношении особый интерес представляет эволюция Ф. Целестина, одного из самых пламенных словенских русофилов конца 60-х годов.

Первые корреспонденции Целестина из России появляются в «Звоне» в мае 1870 г. под названием «Письма из России». В них он довольно поверхностно знакомил словенских читателей со своими русскими впечатлениями, описывая красоту Петербурга⁵¹⁶, русскую масленицу, которую ему удалось увидеть в Москве⁵¹⁷, православную церковь⁵¹⁸. Наряду с этим он написал несколько строк и о нигилистах, и об эмансипации женщин. В целом Целестин излагал только более или менее благоприятные впечатления о России, а если и говорил о недостатке цивилизации в ней, то причину этого видел прежде всего в обширности ее пространств и их редком заселении. Целестин не преминул подчеркнуть, что правительство всячески пытается бороться с этим путем строительства дорог и колонизации пустующих земель⁵¹⁹. Однако в личном письме к Й. Юрчи-

⁵¹⁶ Zvon, 1870, N 9, s. 137—140.

⁵¹⁷ Zvon, 1870, N 15, s. 229—231.

⁵¹⁸ Zvon, 1870, N 16, s. 246—249.

⁵¹⁹ Zvon, 1870, N 16, s. 246—247.

чу от 10 ноября 1870 г. Целестин вынужден был признать, что русское правительство стало реакционным. Он объяснял это тем, что Александра II, человека с благороднейшим сердцем, запугали неразумными заговорами⁵²⁰. Немного позднее он тому же Юрчичу с горечью писал, что самодержавие в значительной степени сломило славянский характер русских. «Такое утверждение покажется, может быть, обидным тебе, который с таким воодушевлением ждет великих дел от русского народа, когда придет время и для нас, славян»⁵²¹.

Сохранился дневник Целестина, который он вел в России. В нем он расстается с иллюзиями относительно русской деревни, описывая нищету, забитость крестьян, эксплуатацию их со стороны помещиков и попов, отмечая, что и община не является им защитой. «В общине суд решает водка,— писал Целестин — обиженному судьи кричат: ставь водку на стол!»⁵²². Низкого мнения был он и о русском купечестве, указывая на его нечестность, необразованность, и о чиновничестве, низшие слои которого малограмотны и нищи, а высшие ищут лишь личной выгоды⁵²³.

Новый взгляд Целестина на русскую действительность был в какой-то мере подытожен в его письме от 12 июня 1872 г. к П. Грасели. Описывая положение различных слоев русского общества, Целестин констатировал полное равнодушие крестьян и купечества к политическим вопросам, скудость культурной жизни, бездеятельность земств, сохраняющиеся сословные предрассудки. Недоумение Целестина было вызвано и рядом действий русского правительства, в частности запрещением открывать частные школы.

Особенно огорчало Целестина равнодушие русской общественности к славянскому вопросу. Западники, к которым Целестин относил либералов, нигилистов, социалистов, высказывали ему следующие соображения относительно славян: «зачем нам надо других умыть, если мы сами грязные». «В России славянство спит,— делал вывод Целестин,— в этом я день ото дня все

⁵²⁰ *Boršnik M. Fran Celestin*, s. 94.

⁵²¹ *Ibid.*, s. 102.

⁵²² *Ibid.*, s. 105.

⁵²³ *Ibid.*, s. 109—112.

больше убеждаюсь, т. е. славянство в том смысле, как его понимаем мы и все на Западе». Поэтому, по мнению Целестина, австрийским славянам надо надеяться самим на себя. «Мы только сами себя обманываем,— замечал он,— когда думаем, что Россия нам когда-нибудь поможет». Это неутешительное заключение отнюдь не означало окончательного разочарования Целестина в России и русском народе. «Но не подумайте,— заключал он письмо к Грасели,— что я разочаровался в России; я верю в ее будущее, в счастливое будущее, которое придет, когда пробудится мысль в этой массе тел, и в 19 столетии этот процесс пойдет быстрее, чем прежде. Только сегодняшняя Россия не такова, какой мы себе ее представляем дома, и в настоящее время мы должны надеяться только на самих себя, если не хотим себя обманывать, ибо в настоящее время Россия имеет слишком много своих собственных дел»⁵²⁴.

С грустью Целестин должен был признать Бодуэну де Куртенэ в своем письме от 2 августа 1872 г.: «Должен Вам сказать, что в России я излечился от панславизма, опирающегося на насилие»⁵²⁵.

Таков был неутешительный итог знакомства Целестина с русской действительностью. Вернувшись в конце 1873 г. в Словению, Целестин изложил впечатления о России в книге «Россия после отмены крепостного права», которая вышла в Любляне в 1875 г. на немецком языке. Резкой критике Целестина подверглись администрация, суд, цензура, полиция и т. д. Книга была запрещена в России.

Книга Целестина нашла понимание в среде словенских либералов. Так, Й. Стритар в 1877 г. в своем журнале «Звон» похвалил ее, отметив, что не знает другой такой книги на немецком языке, из которой можно было бы так основательно узнать о России⁵²⁶.

Книгу Целестина читал и русский либеральный литератор П. Д. Боборыкин. О Целестине он отозвался как об авторе «весьма толково и талантливо составленной книги о России». «С русским языком ознакомился он очень хорошо,— отмечал Боборыкин далее,— и его

⁵²⁴ Mestni arhiv, f. P. Grasselli.

⁵²⁵ Архив АН СССР, ф. 102, оп. 2, л. 331, л. 1.

⁵²⁶ *Boršnik M. Fran Celestin*, s. 153.

книга показывает, что русское общество, наши государственные и общественные порядки изучены им довольно старательно и без предубеждений»⁵²⁷.

Более трезвый взгляд на Россию словенских либералов вовсе не означал их отказа от надежд на нее. В этом отношении любопытны воспоминания И. Хрибара. Он сообщает, что однажды при И. Юрчиче кто-то сказал, что «австрийские славяне не имеют от России никакой пользы, что, если бы Россия хотела, она могла бы сделать что-нибудь для нас, чтобы нас здесь не так угнетали». На это Юрчич ответил: «Самая большая заслуга России перед австрийскими славянами заключается в том, что она вообще существует»⁵²⁸. В той или иной степени такой взгляд на Россию был характерен для многих словенских национальных деятелей как консервативного, так и либерального направлений, несмотря на их известное разочарование в России.

⁵²⁷ *Боборыкин П.* На славянском распутьи.— Отечественные записки, 1878, № 6, с. 204.

⁵²⁸ *Hribar I.* Moji spomini (od 1853 do 1910), zv. I. Ljubljana, 1928, s. 84.

Словенские русофилы последней четверти XIX в.

В конце 70-х годов XIX в. словенские русофилы активизировали свою деятельность. В 80—90-х годах они представляли собою особую группировку в словенском национальном движении, имевшую свою программу, собственный печатный орган. Их взгляды слабо исследованы словенской историографией: для них нет даже определенного названия (см. Введение). В монографии мы их будем называть «словенские русофилы последней четверти XIX в.» или короче «словенские русофилы».

§ 1. Балканский кризис и русско-турецкая война 1877—1878 гг. и словенская общественность

Последняя четверть XIX в. характеризовалась небывалым аграрным кризисом в Австрийской монархии (как и во всей Европе), приведшим к разорению массы крестьян, мелких предпринимателей и торговцев. Мелкий буржуа, стоявший на пороге разорения и вместе с тем изо всех сил стремившийся удержать свою собственность, разочарованный в политике партий господствующих классов (консерваторов и либералов), напуганный ростом рабочего движения, в конце 70-х — начале 80-х годов все более активно выходит на политическую арену, пытаясь создать свою собственную политическую программу. Не случайно, именно в это время оформляются во всех австрийских землях самостоятельные мелкобуржуазные партии и группировки.

В немецких землях на рубеже 70—80-х годов возникло несколько пангерманских группировок, в числе которых была и группа Шенерера. Выступая как глашатай интересов немецкой мелкой буржуазии, Шенерер развивал проект ограничения прав крупного капитала, поддержки мелких сельских и городских собственников. Не оставлял он без внимания и рабочих, предлагая меры для улучшения их положения: ограничить рабочий день, запретить детский труд и т. д. Шенерер выставлял и общедемократические требования: расширение избирательного права, уменьшение армии и налогов, борьба против засилья католической церкви. Вместе с тем для идеологии Шенерера и его соратников был характерен ярый национализм, выражавшийся в откровенном расизме, антисемитизме и ненависти к славянским народам. И именно национальная программа Шенерера явилась главной приманкой, привлекавшей к нему сторонников, стала центральным пунктом идеологии пангерманистов¹. Пангерманисты требовали укрепления связей Австрии с Германией. Они выступали против дуализма, за предоставление особых прав Галиции, Буковине, Далмации. Вместе с тем они требовали ужесточения национальной политики властей в остальной Цислейтании, введения в ней немецкого языка в качестве государственного. Все было рассчитано на то, чтобы немцы в Цислейтании получили полное преобладание как в численном отношении, так и в политических правах.

В этом случае им легче было германизировать входивших в состав Цислейтании чехов и словенцев².

Таким образом, национальная программа пангерманистов, получившая распространение в 80—90-х годах XIX в. среди немецких мелкобуржуазных и буржуазных кругов Австрии, острием своим была направлена против чехов и словенцев. Ее демагогия, а также создание многочисленных пангерманских организаций, стремившихся провести ее в жизнь, вызвали ответную реакцию со стороны буржуазных и мелкобуржуазных деятелей

¹ Ратнер Н. Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М., 1970, с. 33—51.

² Там же, с. 51, 52, 72—76, 115—116.

угнетенных славянских народов, прежде всего чехов и словенцев.

Аграрный кризис, охвативший Австрийскую монархию в 70—90-х годах и сильно задевший мелкобуржуазную часть ее населения, особенно больно ударил по мелким собственникам угнетенных народов Габсбургской империи. Они испытывали эксплуатацию не только со стороны своей буржуазии и государства, но и со стороны правящих классов господствующей нации. Их разорение шло значительно быстрее, чем разорение мелких производителей и торговцев немецкой национальности. В частности, в конце 70-х годов в Штирии, где словенцы составляли всего одну треть, 80% всех распродаж имущества за долги падало на словенское население³.

Словенские мелкие буржуа, разоряемые крупным капиталом, разочарованные в государстве Габсбургов, олицетворявшем для них экономическое и национальное угнетение, испуганные ростом рабочего движения, панически боялись возможности германизации, которая казалась особенно реальной с созданием агрессивной Германской империи и с усилением пангерманизма в самой Австрийской монархии. Они пытались найти выход из создавшегося положения в русофильских иллюзиях. Развитию последних в среде словенской мелкой буржуазии способствовали русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии.

Уже Балканский кризис середины 70-х годов стал важным поворотным пунктом в развитии словенской национальной идеологии. Восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 г. словенцы встретили с большой симпатией. Газеты призывали к сбору средств для повстанцев, причем эти призывы исходили как со стороны младословенцев, так и со стороны старословенцев.

Симпатии к боснийцам и сербам объяснялись не только одним сочувствием словенцев к своим угнетенным соплеменникам. У ряда младословенских деятелей начало восстания в Боснии и Герцеговине возбудило надежду на создание свободного славянского государства на развалинах европейской Турции. «Завоеванная ими [босняками.— И. Ч.] свобода будет нашей, т. к. завое-

³ *Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja*, s. 355.

вание национальной свободы одной частью югославян принесет пользу всем югославянам», — писал «Словенский народ» 3 августа 1875 г.⁴ В середине сентября 1875 г. в «Словенском народе» появились две статьи: «Борьба югославянства» и «Опасность для Австрии», в которых критиковалась позиция монархии в отношении создания большого югославянского государства на Балканах и подчеркивалось, что такое государство пользовалось бы симпатиями славян Австро-Венгрии и было бы для них притягательным центром. За публикацию этих статей главный редактор «Словенского народа» И. Юрчич отвечал перед окружным судом Любляны 4 ноября 1875 г. На суде он выступал очень смело, обвинив австрийское правительство в туркофильской и антиславянской политике⁵.

Сбор средств в пользу повстанцев начался летом 1875 г. В частности, в письме Бодуэну де Куртене от 21 августа 1875 г. Д. Трстеняк сообщал о развернувшемся среди словенцев сборе пожертвований в пользу герцеговинцев⁶. В сентябре 1875 г. в Любляне был создан комитет помощи беженцам из Боснии и Герцеговины. В Люблянский комитет вошли представители обоих главных направлений в словенском национальном движении: старословенцы и младословенцы. Всего словенцами было собрано для беженцев, по опубликованным данным, 9157 гульденов 3 крейцера деньгами, большое количество санитарных материалов, одежды, обуви. Помимо официального комитета словенцы создали и нелегальный комитет помощи повстанцам во главе с вождями либералов И. Вошняком и И. Юрчичем, который на свои средства покупал для повстанцев оружие, порох, одежду.

Апрельское восстание в Болгарии, вызвавшее сначала у словенцев надежду на успех, также подробно освещалось на страницах словенской печати. Словенцы приветствовали вступление в войну с Турцией в конце июня 1876 г. Сербии и Черногории. Вновь появились статьи о создании на Балканах крупной югославянской

⁴ *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina*, s. 199—200.

⁵ *Lukovič P. Stališče slovencev do vstaje v Hercegovini in Bosni in do bosansko-hercegovskega vprašanja v letih 1875—1878. Ljubljana*, 1977, s. 85—86.

⁶ Архив АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 298, л. 17 об.

державы⁷. Несколько десятков словенцев, в том числе многие словенские студенты⁸, участвовали в боснийско-герцеговинском восстании и в войне Сербии против Турции. Однако разгром апрельского восстания болгар, поражения сербов и черногорцев привели словенскую общественность к убеждению, что только вступление в войну с турками России может освободить югославянские народы от турецкого рабства. «Нет сомнения, — писал накануне вступления России в войну видный словенский либерал Янко Сернец, — что весь русский народ страстно желает войны против Турции, и не из-за эгоистических побуждений, но лишь потому, чтобы освободить своих братьев от четырехсотлетнего ига»⁹.

Вступление России в войну 24 апреля 1877 г. словенская общественность встретила с нескрываемым одобрением и радостью¹⁰. Это характерно было для всей словенской печати как либеральной, так и консервативной. «Весь славянский мир с воодушевлением и великими надеждами, с великой верой и с горячими пожеланиями самых больших успехов, — подчеркивал «Словенски народ» 28 апреля 1877 г., — приветствовал русскую освободительную армию, которая в день св. Юрия перешла Прут... чтобы уничтожить врага, четырёхста лет державшего в рабстве и страшной неволе наших болгарских и сербских славянских братьев... Каждый словенец и каждый славянин знает и чувствует, что нашей будет родственная кровь, которая потечет в Болгарии; что успех русского оружия есть успех всего славянства, то есть также и наш»¹¹.

С победой России словенцы связывали свои самые смелые планы. Еще до начала войны корреспондент «Словенского народа» из Петербурга пересказывал статью из консервативного издания кн. Мещерского «Гражданин» о значении войны с Турцией, как первого шага к победе всего славянства¹². Позднее на страницах «Словенского народа» передавалась и статья П. Томича

⁷ Lukovič P. Stališče slovencev..., s. 137, 138—143.

⁸ Vencajz J. Spomenica o petindvojetsetletnici akad. društva «Slovenija» na Dunaji. Ljubljana, 1894, s. 72.

⁹ Slovenski narod, 23.III 1877.

¹⁰ Lukovič P. Stališče slovencev..., s. 236, 245.

¹¹ Slovenski narod, 28.IV 1877.

¹² Slovenski narod, 11.IV 1877.

из «Приморца», в которой он проводил мысль о том, что «решение восточного вопроса принесет... и решение чешского, польского и хорватского вопросов». К этому редакция добавляла: «с хорватским [вопросом.— И. Ч.] будет решен также словенский»¹³. Открыто объяснить, что она подразумевала под решением словенского вопроса, редакция «Словенского народа» не имела возможности. Но некоторые материалы газеты дают право предполагать, что надежды ее шли далеко. Так, в июле 1877 г. в «Словенском народе» была помещена статья «Новое славянское государство». В ней приветствовалась деятельность России по формированию болгарской администрации и болгарской армии — в этом автор статьи видел закладывание основ для создания болгарского государства. Статья заканчивалась словами: «Как падение Царьграда в 1453 г. стало рубежом во всемирной истории, так и уничтожение Турции в Европе станет рубежом в истории, который ознаменует собой возрождение славянства и изменение всего лица Юго-Восточной Европы»¹⁴. По-видимому, под «возрождением славянства» подразумевалось не его культурное возрождение, которое давно имело место и ни у кого не вызывало сомнения, но его политическое возрождение, т. е. создание славянскими народами своих независимых государств. Недаром вслед за «возрождением славянства» говорилось об изменении всего лица Юго-Восточной Европы.

Симпатии к славянским народам Балкан и России, ведшим упорную борьбу против турецких войск, были широко распространены не только среди словенской интеллигенции, но и среди простых словенцев. Корреспондент «Словенского народа» из Трбовель (центра угольной промышленности в Словении) сообщал, что и простой крестьянин, и рудокоп, и чернорабочий — все с нетерпением ожидают победы русских над турками. Корреспондент признавал, что до сих пор о русских простые люди из Трбовель мало что слышали. Но сейчас, читая сообщения о русских и турках, «они желают нашим братьям русским самого большого счастья». Корреспондент из Трбовель подчеркивал, что только

¹³ Slovenski narod, 15.VI 1877.

¹⁴ Slovenski narod, 6.VII 1877.

среди «лучших кругов» (т. е. среди интеллигенции и представителей зажиточных классов) имеются люди, симпатизирующие туркам¹⁵. (По-видимому, речь шла о немшкутарах).

Корреспондент «Словенского народа» из Тухиньской долины вторил корреспонденту из Трбовель: все жители крестьянской Тухиньской долины радуются победам русских, никто не сочувствует туркам¹⁶.

Временные неудачи русских под Плевной несколько изменили тон словенской прессы. На страницах «Словенского народа» появились корреспонденции, пытающиеся проанализировать причины русских неудач. Так, в одной из них приводилось мнение корреспондента «Дейли ньюс», писавшего об исключительной храбрости русских солдат и бездарности русского командования¹⁷. Венский корреспондент «Словенского народа» «R. P.» в статье «Славянство разбито?» тоже подчеркивал, что ход войны задерживается из-за нехватки у русских способных генералов и дополнительных тысяч солдат на поле боя. «R. P.» указывал, что русские военачальники вербуются большею частью по кастовому признаку из князей, графов, сыновей военных и чиновников. Чтобы русское командование было боеспособным, необходимо понять, что военачальников надо назначать не по происхождению, а по способностям. «R. P.» выражал уверенность, что «Россия, увидев свои ошибки, исправит их и достойно решит свою историческую задачу»¹⁸.

На страницах «Словенского народа» осенью 1877 г. появлялись даже опасения, что Россия может проиграть войну с Турцией. В частности, «S-p», допуская такую возможность, все же подчеркивал, что и в этом случае ее война с турками не будет напрасной. Во-первых, «кровь героев, павших в бою за свободу, будет непрестанно звать к отмщению», и Россия рано или поздно вновь начнет войну с Турцией и освободит славян. Во-вторых, благодаря русско-турецкой войне Европа впервые смогла по-настоящему узнать о славянах, оценить благородство тех, кого она считала варварами. Нако-

¹⁵ Slovenski narod, 6.X 1877.

¹⁶ Slovenski narod, 1.XI 1877.

¹⁷ Slovenski narod, 18.IX 1877.

¹⁸ Slovenski narod, 23.IX 1877.

нец, «наибольшая польза для славян заключается в том,— отмечал «S-p»,— что они сами друг друга признали родными братьями, и между ними начала развиваться действительная взаимность»¹⁹.

Неудачи русских, а также статьи в немецкой и венгерской прессе, обвинявшие славянских национальных деятелей, горячо сочувствовавших России, в панславизме, несколько поубавили энтузиазм словенских политиков. Осенью 1877 г. они значительно скромнее оценивали перспективы для славян Австрийской монархии в случае русской победы. Корреспондент из Гореньского (Верхней Крайны) в конце августа 1877 г. вновь поднял вопрос об Объединенной Словении, указывая, что это, во-первых, будет способствовать распространению просвещения и национальных идей среди словенцев, а во-вторых, создаст крепкий заслон для Австрийской монархии против итальянцев, стремящихся присоединить к себе некоторые территории Австро-Венгрии²⁰. В следующей статье тот же корреспондент из Верхней Крайны подчеркивал необходимость сплочения Объединенной Словении с Хорватией в более тесный союз, что способствовало бы как успешной борьбе обоих народов против германизации, итальянизации и мадьяризации, так и созданию на юге для Австрии прочной опоры²¹. Таким образом, корреспондент из Верхней Крайны явно более трезво подходил к вопросу о политических возможностях словенцев воспользоваться плодами побед русского оружия, думая только о расширении прав словенцев в составе Австрийской монархии.

Победы русской армии над турецкими войсками воспринимались словенцами, имевшими чувство национального самосознания, с радостью. Особенное воодушевление вызвало падение Плевны. «Славный и радостный день сегодня для всякого славянина!— писал «Словенски народ».— Плевна пала!.. Уничтожены все надежды врагов славянских, которые они связывали с именем Плевны. Славен день, исторический для всего славянства и всего мира, этот день, который нам принес столь великую новость... Здесь победили дикую азиатскую храбрость славянское постоянство, славян-

¹⁹ Slovenski narod, 13.X 1877.

²⁰ Slovenski narod, 5.IX 1877.

²¹ Slovenski narod, 7.IX 1877.

ская непреклонность, славянское будущее! Слава русским!.. Исход войны с падением Плевны уже предreshen!»²².

По всей Словении горели праздничные костры. В Нотранском (Внутренняя Крайна) словенские патриоты зажгли большой костер на высокой горе Грмада, потом собрались все вместе, пили за братьев русских, пели песни разных славянских народов, австрийский и русский гимны. В Радовлице в честь победы под Плевной горело два костра, вокруг которых веселилась молодежь. Повсюду слышались здравицы в честь русского народа, принесшего столько жертв ради освобождения угнетенных братьев-славян. В Горице и ее округе — Доренберге, Черничах, Бричах, Койском, Локавце — молодежь жгла костры, стреляла, пела славянские песни. В Мозирье (Савинская долина) члены словенской читальни иллюминировали свое помещение, устроили праздник, на котором пили «за здоровье храбрых и героических русских, предводителей южных славян». В Барке у Дивачи молодежь зажигала соломенные факелы, стреляла, пела словенскую патриотическую песню «Напрей, застава славы!»²³ В Шент Петре (Нотранско) в честь взятия Плевны жгли костры, пускали фейерверк²⁴. Патриотически настроенные хорваты и словенцы из Копра устроили экскурсию в ближнюю словенскую деревню Побеге. «Собрались около нас жители, — сообщал корреспондент «Словенского народа», — и слушали с открытыми ртами песни, здравицы освободителю бедной раи и речь словенского кандидата о русско-турецкой войне и падении Плевны. Народ был сильно воодушевлен русскими»²⁵. В Черномле все дома были иллюминированы, кроме домов чиновников. В ближайшей от городка деревне Локе зажгли огромный костер и пускали фейерверк. По домам парни расходились с песней «Гей, славяне!»²⁶.

Таким образом, взятие Плевны русскими солдатами было отмечено словенскими патриотами как собственный национальный праздник.

²² Slovenski narod, 12.XII 1877.

²³ Slovenski narod, 16.XII 1877.

²⁴ Slovenski narod, 18.XII 1877.

²⁵ Slovenski narod, 19.XII 1877.

²⁶ Slovenski narod, 3.I 1878.

Радостно приветствовали словенцы и заключение Сан-Стефанского договора, благоприятного не только для России, но и для балканских народов. Однако против него решительно восстали европейские державы, прежде всего Англия и Австро-Венгрия. Уже в декабре 1877 г. в связи с продвижением русских войск к Константинополю англичане стали угрожать России введением своего флота в проливы. 19/31 января русский посол в Вене Е. П. Новиков с опасением сообщал об идентичности взглядов австрийских дипломатических кругов со взглядами англичан²⁷. Используя затруднительное положение России в связи с угрожающей позицией Англии, Австро-Венгрия стала активно готовиться к оккупации Боснии и Герцеговины, одновременно протестуя против создания на Балканах сильного славянского государства²⁸. Россия оказалась в изоляции.

Все эти события широко комментировались органами европейской печати. Не осталась в стороне от этого и словенская пресса. Словенские публицисты все время проводили мысль о необходимости союза Австро-Венгрии с Россией. «Влияние и силу на Востоке Австрии может иметь только в дружбе с Россией,— писал «Словенски народ».— Для этой дружбы Австрии необходимо добиться симпатий славян Балканского полуострова, а также и своих собственных славян»²⁹. Словенский депутат Й. Вошняк выступал в рейхсрате еще более решительно. На одном из заседаний он заявил, что война Австрии против России была бы воспринята как «удар кулаком в лицо 16 млн. австрийских славян, она бы стала началом конца Австрии»³⁰. Ту же мысль Вошняк проводил и в другой своей речи от 7 июня 1878 г., выступая в защиту Сан-Стефанского договора. «Славяне были бы против всякой акции,— подчеркнул он,— которая могла бы повредить нашим братьям в Турции, и никогда бы австрийские славяне не отдали бы своего имущества и своей крови на то, чтобы разрушенное турецкое господство продолжалось бы и далее». Вошняк вновь указывал, что любая акция Австрии в пользу со-

²⁷ Освобождение Болгарии от турецкого ига, т. II. М., 1964, с. 429.

²⁸ Освобождение Болгарии от турецкого ига, т. II, с. 491, 512.

²⁹ *Slovenski narod*, 8.III 1878.

³⁰ *Melik V. Slovenska politika...*, s. 275.

хранения Турции (следовательно, против России.— И. Ч.) являлась бы самоубийством для Австрийского государства³¹.

Любопытно, что все трения между Россией и Австро-Венгрией словенские национальные деятели пытались объяснить венгерскими кознями, обвиняя прежде всего министра иностранных дел Д. Андраши, которого они ненавидели как одного из создателей системы дуализма. Вошняк, например, прямо заявлял, что особая опасность для Австрии заключается в том, что «в один из важнейших моментов во главе нашего правительства стоит человек, который руководствуется только венгерскими племенными интересами, а не пользой всей Австрии»³². Обвиняя в антиславянской политике венгров, словенские либералы тем самым снимали с Габсбургов ответственность за поддержку Турции.

Словенские публицисты стремились подчеркнуть, что против войны Австрии с Россией решительно выступает не только интеллигенция, но и крестьяне. «Когда наши крестьяне слышат о войне с Россией,— писал корреспондент «Словенского народа» из Краса,— в которую нас хотят втянуть наши мадьяры, они смеются над этим желанием, как над детским поступком... Русско-турецкая война сильно повлияла на нашего крестьянина... Крестьяне питают священное уважение к русскому народу, не поддающееся описанию... Как думают высокие ученые господа, так думает и низкий, никем не уважаемый мужичок»³³.

В словенской печати прославлялись мужество и отвага русской армии. В статье словенского офицера «Краткий обзор русско-турецкой войны в Европе и ее характер» высоко оценивались боевые качества русского солдата. Указывая, что при Шипке русские воевали «храбрее спартанцев при Фермопилах», он утверждал, что в прошедшей войне «русский солдат доказал, что его нужно считать первым в ряду солдат всех государств в отношении храбрости, стойкости, умения, когда нужно, идти на самопожертвование ради родины»³⁴.

³¹ Slovenski narod, 16.VI 1878.

³² Slovenski narod, 16.VI 1878.

³³ Slovenski narod, 29.III 1878.

³⁴ Slovenski narod, 10.III 1878.

Причины такого горячего сочувствия словенцев борьбе балканских славян и русской армии против турок совершенно справедливо объясняет В. Мелик. События на Балканах, отмечает он, стали для словенцев неотъемлемой частью их собственной политической борьбы, ибо, поскольку симпатии немецкой партии были на турецкой стороне, то «всякая победа повстанцев, сербов или русских — являлась вместе с тем и словенской победой, а всякое их поражение — также и словенским поражением»³⁵.

Русско-турецкая война значительно подняла авторитет России не только среди словенской интеллигенции, но и среди широких трудящихся масс. Корреспондент «Словенского народа» из Краса так писал об отношении словенских крестьян к России после ее победы: «Русский в глазах нашего крестьянина — храбрый силач, которого никто не может победить»³⁶. Если в период таборов простые словенцы узнали о программе словенского национального движения Объединенной Словении, то во время русско-турецкой войны они ближе познакомились с Россией и прониклись к ней симпатией. И это было первым последствием русско-турецкой войны для словенцев.

Резкое осложнение политической обстановки в Европе значительно уменьшило надежды словенских политиков на скорое освобождение словенцев с помощью России. В «Словенском народе» уже не встречались заявления о том, что победа русского оружия принесет немедленные плоды и для славян Австрийской монархии. Наоборот, газета приводила статью вождя старочехов Л. Ригера, в которой он заявлял, что в ближайший год славянский вопрос не будет решен полностью. По его мнению, русско-турецкая война принесет свободу только балканским славянам, а для австрийских славян она будет полезной лишь опосредствованно, создавая условия, которые они смогут затем использовать в своих интересах³⁷. С этой точкой зрения, по-видимому, была согласна и редакция «Словенского народа». Уже упоминавшийся корреспондент «S-n» в статье «Над Балка-

³⁵ Melik V. Slovenska politika..., s. 272.

³⁶ Slovenski narod, 29.III 1878.

³⁷ Slovenski narod, 9.I 1878.

нами восходит солнце», приветствуя освобождение славян от турецкого ига, подчеркивал, что только в настоящей войне идея славянской взаимности из теории превратилась в плоть. «Могучий русский,— продолжал «S-p»,— взял на себя гигантскую задачу спасти балканских славян от рабства и освобожденных ввести в славянскую семью»³⁸.

Указывая на роль русско-турецкой войны в укреплении славянской взаимности, «S-p» ни словом не обмолвился о значении ее для словенцев. Это попытался конкретизировать корреспондент из Верхней Крайны. В своей заметке он отмечал, что освобождение славян от турецкого ига открыло торговые пути на Балканы, и призывал словенцев взять посредническую торговлю между освобожденными славянскими землями и Европой в свои руки. В конце статьи корреспондент из Верхней Крайны делал вывод: «Это поднимет нашу торговлю, а с ней благосостояние, просвещение и славянскую взаимность среди словенцев»³⁹. Для него славянская взаимность имела весьма осязаемую форму выгодной торговли словенских купцов в славянских странах.

Об этом же писал анонимный «Словенский офицер» после заключения Сан-Стефанского мира. Подчеркивая огромное значение русской победы для всех славянских народов, «Словенский офицер» прежде всего указывал на распространение идей славянской взаимности. «Великая идея распространилась далеко,— отмечал он.— Как во дворце, так и в крестьянской хижине чувствуется воодушевление ею, весь славянский мир осознал свою национальность, величину и силу славянства». «Словенский офицер» выражал надежду на быстрое экономическое и культурное развитие Балкан⁴⁰.

Итак, если в самом начале русско-турецкой войны словенские либералы возлагали значительные надежды на победу России над Турцией, то к концу ее эти надежды свелись к констатации расширения идей славянской взаимности в народе и к мечтам об участии словенцев в посреднической торговле между балканскими землями и Европой. Причины этого словенские ли-

³⁸ Slovenski narod, 17.I 1878.

³⁹ Slovenski narod, 15.II 1878.

⁴⁰ Slovenski narod, 12.III 1878.

бералы очень четко сознавали. «Некто» («Nekdo») в статье «Взгляд на Балканы», возвращаясь к битвам русских и сербов с турками, писал: «В этой битве мы видели начало славянской федерации, т. е. объединения славянских сил в общей славянской цели, и видели также действия во имя человечности и цивилизации»⁴¹. Однако, по мнению «Некто», сбыться всем этим надеждам помешала Европа, не разрешившая сначала русским войти в Константинополь, а затем наложившая «вето» на Сан-Стефанский договор⁴².

И все же, несмотря на то что надежды словенских национальных деятелей на национальное освобождение отодвинулись снова на неопределенное время, они приобрели реальные очертания. Пример Болгарии, Сербии, Черногории, славянских государств на Балканах, установивших свою независимость с помощью России, казалось, давал мечтам и проектам словенцев реальное направление. Вера в освободительную миссию России окрепла. При этом ей уже в период русско-турецкой войны стал придаваться оттенок, которого не было до той поры в идеологии словенских национальных деятелей. Надежда на помощь России стала все более связываться с надеждой на помощь русского царя. Эти царистские нотки еще не господствовали, но приобретали все больший вес.

Усиление русофильских настроений коснулось всего словенского общества, как это уже отмечалось выше. Однако эти настроения перешли в политические концепции только у части либералов. Победа русского оружия способствовала формированию русофильской группировки, сыгравшей определенную роль в политической жизни Словении последней четверти XIX в. Таково было второе последствие для словенцев русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

§ 2. Первый этап формирования идеологии словенского русофильства

В первое время после русско-турецкой войны концепция словенского русофильства только еще начинала вырабатываться.

⁴¹ Slovenski narod, I.XI 1878.

⁴² Ibidem.

В 1879 г. И. Стритар вновь стал издавать журнал «Звон». В нем он пропагандировал идею славянского мессионизма, доказывая, что именно славянство принесет миру благородство и человеколюбие и этим будет способствовать всеобщему прогрессу. Стритар утверждал, что славяне решат социальную проблему, которую Запад разрешить не в состоянии⁴³.

В том же плане начал выступать и Ф. Целестин в «Словенском народе». В 1878 г. он высказался за развитие славянской взаимности под покровительством России, подчеркивая, что объединенное славянство должно решить и социальный вопрос⁴⁴.

С начала 80-х годов стал выходить литературный журнал «Люблянски звон», издававшийся либеральными словенскими деятелями. В нем уже с самого начала существовало русофильское направление, представителем которого был Ф. Целестин. Взгляды его к этому времени во многом совпадали со взглядами русских панславистских и славянофильских кругов 80-х годов XIX в. Как и они, Целестин исходил из положения, что все славянство представляет собой особый культурный тип. Причем православное славянство сохраняет черты этого типа в большей степени, чем католическое (чехи, поляки), утерявшие часть чисто славянских черт⁴⁵. Западная буржуазная цивилизация была ненавистна Целестину, как и прежде. В начале 80-х годов он стоял на антикапиталистических позициях. «Капитализм,— писал он 20 декабря 1881 г. к Ф. Левцу,— бессердечная эксплуатация целых народов со стороны капиталистов, которые пожирают сначала мелких собственников, а потом и крупных, что увеличивает число социальных рабов... капитализм, развивающийся согласно своей природной тенденции, грозит, по моему глубокому убеждению, цивилизации вообще»⁴⁶. Поддерживая полностью лозунги Великой французской буржуазной революции, Целестин считал, что они так и не были осуществлены буржуазией. Для славян он видел выход в «постоянном прогрессе не только господствующих клас-

⁴³ *Legiša L., Šlodnjak A. Zgodovina slovenskega slovstva, zv. 2, s. 295—296.*

⁴⁴ *Boršnik M. Fran Celestin, s. 174—175.*

⁴⁵ *Ljubljanski zvon, 1887, N 11, s. 686, 687.*

⁴⁶ *Boršnik M. Fran Celestin, s. 178.*

сов, как это было и есть на Западе, но всего славянского мира в целом вплоть до самых низших слоев»⁴⁷.

В своих взглядах на Россию и русское общество Целестин не был последовательным. Он высоко оценивал деятельность революционного демократа Белинского, отмечая, что последний всю свою жизнь «страстно стремился к свободе мысли и жизни, как условиям здорового прогресса»⁴⁸, что он видел спасение России «в успехах цивилизации, просвещения, человечности, в пробуждении у народа чувства человеческого достоинства»⁴⁹. Но, как мелкобуржуазного националиста, Целестин не устраивал «космополитизм» великого русского демократа, который он объяснял преувеличением со стороны Белинского роли личной свободы, не критичным отношением его к Западу⁵⁰. Высоко ставил Целестин и других «западников» 40-х годов: Кавелина, Станкевича, Грановского и особенно Герцена, подчеркивая, что они «хотели служить обществу, народу»⁵¹.

Наибольшими симпатиями Целестина все же пользовались славянофилы. Он их восхвалял за то, что они призывали общество «любить весь народ и заниматься также и положением самых низших народных слоев, и такой важной и интересной русской общиной (миром)»⁵². Целестин признавал заслуги К. С. Аксакова в развитии славянофильской теории, но значительно выше ставил деятельность его брата И. С. Аксакова, человека, который, по его мнению, много сделал для отмены крепостного права и «с таким ясным сознанием и без всяких предрассудков, такой горячей любовью любил все славянство»⁵³. Высоко оценивал Целестин деятельность Аксакова в период Восточного кризиса и русско-турецкой войны.

Наряду с демократом Белинским и умеренным либералом Аксаковым Целестин восхвалял и ярого реакционера Каткова. В последнем ему импонировал его национализм. «Он любил царя и отечество,— писал Целе-

⁴⁷ Ljubljanski zvon, 1887, N 11, s. 680.

⁴⁸ Ljubljanski zvon, 1886, N 4, s. 225.

⁴⁹ Ljubljanski zvon, 1886, N 4, s. 223.

⁵⁰ Ljubljanski zvon, 1886, N 2, s. 102—104.

⁵¹ Ljubljanski zvon, 1886, N 1, s. 40—41; N 2, s. 102.

⁵² Ljubljanski zvon, 1886, N 3, s. 170.

⁵³ Ljubljanski zvon, 1886, N 3, s. 169.

стин о Каткове,— был полезен царю, будил патриотизм, любил славянство и все благородное в человечестве»⁵⁴. В Белинском Целестина устраивала любовь к угнетенным, в Аксакове — интерес к общине и любовь к славянству, в Каткове — его национализм.

Такая путаница взглядов в идеологии Целестина не являлась чем-то оригинальным. Те же самые крайности были свойственны кругу словенских национальных деятелей, которые позднее объединились вокруг «Слованского света», образовав политическую группировку словенских русофилов.

Возвращаясь к Целестину, нужно отметить, что, будучи, несомненно, во многом последователем славянофилов, он не во всем соглашался с ними. В своем письме к М. Ф. Раевскому от 17 июня 1883 г. Целестин довольно откровенно изложил свое отношение к ряду моментов славянофильской теории. Письмо это явилось ответом на послание Раевского к Целестину от 9 мая 1883 г. Сам Раевский так писал о содержании своего письма к профессору Киевской духовной академии А. Д. Воронову: «Недавно я писал к хорватам послание, некоторыми вопросами к стене их прижал, именно: что у них нет национальности, что обычаи их немецко-католические, совсем не такие, как у православных, т. е. славян, что культуру свою они сами называют западною, что в руках Рима они вечно служили и служат орудием в пользу немцев, что у них нет, как у католиков, опоры в славянстве, что им никогда не дадут сделаться самостоятельными»⁵⁵. «Я верю, что славянство не проживет даром, не внося своей самобытной доли в культурную жизнь,— замечал на это Целестин.— Но это „что-то другое, чего на Западе и у нас нет“ (как вы изволили выразиться), хотел бы видеть более определенным, чтоб Россия и остальное славянство могли все более приближаться [к] этой ясно сознаваемой „правде“. Сам Целестин полагал, что у православных славян, особенно у русских, есть элементы, необходимые для выполнения своей мировой задачи, но вместе с тем он отмечал, что в России «процесс ассимиляции с западом в политической и экономической жизни — к мое-

⁵⁴ Ljubljanski zvon, 1887, N 9, s. 539—546.

⁵⁵ ОПИ ГИМ, ф. 347.

му очень большому сожалению — идет так быстро вперед», что он, Целестин, боится за их сохранность. «Русская самобытность,— продолжал Целестин,— находится под двойным *сильнейшим* давлением: с одной стороны, под давлением всей западной цивилизации, а с другой,— течением своей домашней жизни, которая, к сожалению, в слишком многих — очень важных — отношениях идет как западная». Целестин предвидел, что «западный капитализм и с ним все прелести, которыми и на Западе не восхищаемся, будут вдвояться с еще большей силой, нежели это бывает теперь». В том, что, пойдя по капиталистическому пути, Россия не пропадет, Целестин был уверен, но он сетовал, что она в этом случае испытает лишние мучения⁵⁶. Спустя три года Целестин желал славянофилам в России крепнуть и увеличивать свои ряды, «но без непродуктивного романтизма и мистицизма... и без этого самодовольства и самохвальства, без этой слишком большой влюбленности в самих себя, которые так ограничивают национальное развитие и прогресс и вредят национальной жизни вообще»⁵⁷.

Первым печатным органом, в котором русофилы играли решающую роль, стала литературная газета «Слован», издававшаяся либералами И. Хрибаром⁵⁸ и И. Тавчаром⁵⁹ в 1884—1887 гг. По словам Тавчара, сказанным им в беседе с Ф. Левцом, целью «Слована», с одной стороны, было проведение радикальной политики, с другой — содействие публикации переводов произведений из литературы других славянских народов. Первая задача — проведение радикальной политики — встала перед «Слованом» не случайно.

⁵⁶ Зарубежные славяне и Россия, с. 459—460.

⁵⁷ Ljubljanski zvon, 1886, N 5, s. 280.

⁵⁸ Иван Хрибар (1851—1941) — словенский либеральный политик. Происходил из крестьянской семьи. Много лет являлся представителем чешского банка «Славия» в Любляне. Неоднократно избирался депутатом краинского провинциального собрания, и рейхсрата, в 1896—1910 гг. был городским головой (жупаном) Любляны. Убежденный русофил и сторонник идей славянской взаимности. В 1940 г. — один из основателей «Общества друзей Советского Союза» в Словении.

⁵⁹ Иван Тавчар (1851—1923) — словенский писатель и либеральный политик. Происходил из крестьянской семьи. Многие годы избирался депутатом краинского провинциального собрания и рейхсрата, в 1911—1921 гг. являлся городским головой Любляны.

Летом 1879 г. пало либеральное правительство Австро-Венгрии, так как либералы решительно выступили против оккупации Боснии и Герцеговины. К власти пришел консерватор гр. Э. Тааффе, возглавлявший правительство вплоть до ноября 1893 г. Тааффе проводил политику мелких уступок по отношению к славянским и итальянской национальным партиям и этим добился их поддержки в рейхсрате. Словенские депутаты в рейхсрате, как и многие депутаты других славянских народов, вошли в правительственный клуб графа Гогенварта. На протяжении всех 14 лет пребывания Тааффе у власти его поддерживали словенские консервативные политики и большинство либеральных. Оппортунистическая политика руководства словенских либералов, так называемых эластичаров, активно сотрудничавших с словенскими консерваторами и правительством, вызвала недовольство ряда либеральных деятелей, требовавших проведения более решительной национальной политики. При этом надо иметь в виду, что как эластичары, так и радикалы (последнее название дано И. Приятелем сторонникам Хрибара и Тавчара) стояли на позициях поддержки политики Тааффе. Но то, что «Слован» проводил линию, в известной мере оппозиционную по отношению к эластичарам, отмечали и руководящие деятели последних, в частности Ф. Левец. В письмах к своему единомышленнику, известному словенскому писателю Янко Керснику, он неоднократно подчеркивал это. Уже в декабре 1883 г. Левец жаловался, что люблянские радикалы во главе с Тавчаром, Железникаром и Зарником объявили бой эластичарам, что новорожденный «Слован» все более показывает когти «Люблянскому звону», руководимому Левцом, что «Слована» поддерживают также Г. Крек, Д. Трстеняк и Б. Раич. В начале 1884 г. в связи с потерей «Люблянским звоном» части подписчиков, ушедших к «Словану», а также укреплением позиций Хрибара и его сторонников в магистрате Любляны Левец впал в паническое состояние, утверждая в письме к Керснику от 19 апреля 1884 г., что еще немного — и в Любляне будет Парижская коммуна⁶⁰. Неприязненное отношение Левца к Хрибару и другим радикалам⁶¹ со-

⁶⁰ Pisma Frana Levca. Ljubljana, 1967, s. 131, 132, 135—138.

⁶¹ Левец среди радикалов называл и Левстика, ставя его среди них на первое место (Pisma Frana Levca, s. 150). По-видимому, не-

хранилось и позднее, спустя много лет после закрытия «Слована».

Вторая цель «Слована», указанная Тавчаром в разговоре с Левцом, характеризовалась в воспоминаниях И. Хрибара более четко: «Я хотел словенцев познакомиться с жизнью других славянских народов и таким образом будить в них чувство славянской взаимности»⁶². Поэтому уже само название газеты «Слован» было глубоко символично. Оно не только подчеркивало «всеславянскую» идейную направленность газеты, но и указывало на ее преемственность по отношению к газете М. Маяра «Славян». Эту духовную преемственность доказывают и статьи, посвященные Маяру и помещенные в «Словане». В первой из них о Маяре писалось как об искреннем патриоте, которому только в будущем история отведет заслуженное место и воздаст причитающийся ему почет⁶³. Другая статья о Маяре появилась в «Словане» в связи с приездом в Прагу делегации словенцев для празднования 1000-летия со дня смерти Мефодия⁶⁴. В ней Маяра оценивали как одного из лучших сынов словенской земли, одного из первых славянских будителей, а о его газете «Славян» писали, что она в течение трех лет воодушевляла славян идеей славянской взаимности. «Докажем,— призывал автор статьи,— что славянской взаимности идея, которой он посвятил свою жизнь, стала плотью и сопровождала нас по пути в братскую чешскую землю»⁶⁵.

Издатели «Слована» исходили из того, что славяне являются единым народом. «Словенский народ,— писалось в программе «Слована»,— это малая часть всего славянства, подобная изолированному озеру, которое постепенно высохнет, если не получит притока из вели-

выступая в открытой политической борьбе, Левстик являлся своего рода духовным наставником словенских радикалов середины 80-х годов.

⁶² Hribar I. Moji spomini, d. 1. Ljubljana, 1928, s. 106.

⁶³ Slovan, 1884, N 27, s. 211—212.

⁶⁴ По всей вероятности, автором второй статьи о Маяре был Ивац Хрибар, ибо именно он подал словенской делегации в Праге мысль посетить «своего дорогого соотечественника» — Матию Маяра и устроить в честь него банкет. См.: Slovan, 1885, N 20, s. 311.

⁶⁵ Slovan, 1885, N 10, s. 159.

кого славянского моря»⁶⁶. Некоторые сотрудники «Слована» выражались в этом отношении еще более резко. Так, Югович взял эпитафией к своей статье «Славянская идея» слова: «Кто не является славянином, тот не является и словенцем»⁶⁷.

В программе «Слована» указывалось, что славянское самосознание необходимо для успешной борьбы словенцев с врагами. «Для этого,— отмечалось в ней,— мы создали «Слован», который прежде всего будет защищать целостность всего словенского народа, а во вторых, возбуждать славянское самосознание и славянскую гордость в широком смысле этого слова, чтобы всякий словенец гордился тем, что является членом великой и славной славянской семьи». Газета обещала касаться политических, экономических и культурных вопросов, писать о сербах, хорватах, болгарам, полякам, чехах, русских⁶⁸.

Итак, несмотря на всеславянскую ориентацию и твердо выраженное намерение пробуждать у словенцев славянское национальное самосознание, на первое место «Слован» все же ставил борьбу за «целостность всего словенского народа», что в политическом аспекте означало борьбу за Объединенную Словению. Хотя в «Словане» почти не писали о политике, некоторые материалы дают возможность полагать, что его редакция еще имела надежду на то, что Австрия станет славянской. В частности, в заметке под портретами Александра III и Франца-Иосифа подчеркивалось: «Естественное развитие таково, что Австрия должна стать славянским государством»⁶⁹. Вместе с тем уже в программной статье «Слован» высказывал сомнение в возможности для словенцев удовлетворить свои национальные требования с помощью правительства. Вся борьба словенцев, писала газета, велась на конституционной основе, но она не дала результатов. «Мы, следовательно, видим,— продолжала газета,— что помощи от правительства нет... При этом мы не являемся в принципе врагами правительства: все, что оно сделает хорошего нашему народу, мы

⁶⁶ Slovan, 1884, N 1, s. 1.

⁶⁷ Slovan, 1884, N 46, Priloga, s. 379.

⁶⁸ Slovan, 1884, N 1, s. 1.

⁶⁹ Slovan, 1885, N 19, s. 294. Австрославизм радикалов отмечает также Д. Кермавнер. См.: *Kermauner D. Slovenska politika...*, s. 278.

рады поддержать». Все же «Слован» советовал словенцам надеяться на самих себя. «Мы убеждены,— отмечал он,— что можем многое достичь сами»⁷⁰.

Всеславянским вопросам «Слован» уделял значительное внимание, особенно России и ее культуре. Ряд статей о русских писателях поместил в газете Целестин. Из русских общественных течений особый интерес газета проявляла к славянофилам. В ней была перепечатана из хорватского журнала «Виенац» («*Vienac*») большая статья о И. С. Аксакове, в которой всячески превозносилась партия славянофилов, которая, по мнению автора статьи, впервые обратила внимание русской общественности на самую важную часть общества, а именно на крестьянское сословие, показав его обычаи, способ мышления, характер и потребности. Славянофилы указали на гигантские различия в русском обществе и предложили способ их уничтожения. «Изучая свой народ,— говорилось в статье,— узнала эта партия естественным образом также родственные, славянские племена, которые также пробудились к новой духовной жизни в первой половине нашего столетия. Те чувства, которые эта партия питала к русскому народу, она перенесла также на другие славянские племена»⁷¹. Таким образом, славянофилы рисовались «Виенацом» (а также и «Слованом») как некая идеальная для националистически настроенного мелкого буржуа партия: она имеет влияние в обществе, горячо сочувствует крестьянству, всем славянам, а главное — знает способ уничтожить различия между высшими классами и народом. Последнее было особенно привлекательно для мелкобуржуазных деятелей, мечтавших о классовой гармонии внутри общества, обеспечивавшего себя таким путем от угрозы революционных взрывов.

Церковный вопрос также волновал «Слована». В статье «Национальная церковь», автор, подписавшийся «Словенский священник», доказывал, что национальная славянская церковь не обязательно должна быть православной. Раньше католическая церковь была национальной церковью. Сам «Словенский священник» выступал за славянскую (словенскую) литургию в церк-

⁷⁰ Slovan, 1884, N 1, s. 1.

⁷¹ Slovan, 1884, N 17, s. 131—132.

ви, подчиняющейся Риму⁷². Его взгляды полностью находились в русле течения католической церкви, развивавшегося с одобрения папы Льва XIII и ратовавшего за введение славянского богослужения в католической церкви на территории, населенной славянами. Это движение, развернувшееся в рядах славянского католического духовенства, стремилось приспособить католическую церковь к национальным нуждам славян, сделать из нее союзницу национальных движений славянских народов. В конце XIX в., когда одним из главных условий демократизации Австрии являлось уничтожение всех остатков феодализма, союз с церковью (пусть и славянизированной) значил для славянских национальных движений то же самое, что и союз с дворянством, и мог привести к тому, что они вновь, как в 1848 г., выступили бы на стороне реакции. «Слован» не имел успеха. Просуществовав 4 года, он был закрыт, принеся издателям 1300 гульденов убытку, как писал в своих воспоминаниях И. Хрибар⁷³. Помимо причины, указанной издателем «Слована» и подчеркиваемой И. Приятемом и Д. Кермавнером, мы считаем необходимым отметить еще одну, не менее важную: с конца 1887 г. начались гонения австрийских властей и католической церкви на словенских русофилов. Этот момент, по-видимому, также сыграл не последнюю роль в закрытии «Слована».

Хотя на основании некоторых материалов можно определить политическое лицо «Слована», все же он основное внимание уделял культурным вопросам. Политические взгляды И. Хрибара и его окружения гораздо полнее отражал орган словенских либералов «Словенски народ», находившийся под контролем Хрибара, являвшегося директором Национальной типографии. Главными публицистами «Словенского народа» стали в это время (1886—1887 гг.) Ф. Подгорник⁷⁴ и

⁷² Slovan, 1886, N 9, s. 133—134.

⁷³ Hribar I. Moji spomini..., s. 107. В последнем номере «Слована» (от 15.XII 1887) издателями называлась другая цифра — 1952 гульдена.

⁷⁴ Фран Подгорник (1846—1904) — словенский либеральный публицист, родом из крестьянской семьи. Горячий русофил. Издатель и редактор журналов «Slovanski svet» (1888—1899, Горица, Три-

Д. (М.) Хостник⁷⁵. Ф. Подгорник освещал внутреннюю политику Австрии, вопросы национальной борьбы словенцев; Хостник, подписывавшийся «Круторогов», писал очерки о России. Его статьи печатались в «Словенском народе» довольно часто в период с марта 1886 г. по ноябрь 1887 г. Статьи Хостника сыграли известную роль не только в формировании словенской русофильской идеологии, но и в истории словенской печати вообще. Хрибар оценивал их достаточно высоко — его взгляды вполне соответствовали направлению этих статей. «Он [Хостник.— И. Ч.] посылал очень остроумные и интересные статьи, которые подписывал псевдонимом «Круторогов», — писал впоследствии Хрибар. — Все эти статьи были полны славянского воодушевления и имели своей целью расчистить путь к сближению славянских народов»⁷⁶. И. Приятель писал о статьях Хостника более трезво. „Круторогов“, наиболее знаменитое имя в Словении в том году, — отмечал он, — был профессором в России и оттуда посылал „[Словенскому] народу“ корреспонденции, написанные на пестром русско-словенском языке, но не без темперамента. Он был духовным сыном поздних славянофилов и полностью шел за Катковым»⁷⁷. Оценка Приятеля страдает известной односторонностью. В своей книге Приятель разобрал только те статьи Хостника, которые были посвящены внешней политике России, не касаясь статей о ее внутреннем положении⁷⁸.

Оценка Хостником внутреннего положения России не дает нам основания видеть в нем последователя Кат-

ест, Вена), «*Slavisches Echo*» (1899—1904, Вена); *Kermavner D. Začetki slovenske socialne demokracije*.

⁷⁵ Даворин (Мартин Матвеевич) Хостник (1853—1929) — словенский либеральный публицист, по происхождению — из крестьянской семьи. В начале 80-х годов эмигрировал в Россию, где работал учителем иностранных языков. Активно сотрудничал в словенских либеральных изданиях «Словенски народ» и «Словански свет». После революции 1917 г. сочувствовал большевикам, активно участвовал в строительстве советской школы, за что получил от Советского правительства персональную пенсию. См.: *Čurkina I. Davorin Hostnik.— Zgodovinski časopis*, 1968, s. 261—309.

⁷⁶ *Hribar I. Moji spomini...*, s. 88.

⁷⁷ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*, zv. V, s. 275—276.

⁷⁸ Уже Д. Кермавнер обратил внимание на то, что Приятель в своем исследовании использовал далеко не все статьи Хостника в

кова — апологета реакции в России в 80-х годах. Хостник сам отрекался от солидарности с ним по вопросам русской внутренней политики, подчеркивая, что в их оценке Катков был не всегда прав ⁷⁹.

Первая статья Хостника «Письма из России» была опубликована в «Словенском народе» 31 марта — 8 апреля 1886 г. Она посвящалась 25-летию со дня освобождения русских крестьян от крепостного права. Этот юбилей, подчеркивал Хостник, не праздновали в России, «хотя нет дня, который имел бы такое важное значение для культурного и социального развития огромного северного царства». Много лет прошло со дня освобождения крестьян, а они все еще должны выплачивать помещикам деньги. И Хостник делает вывод: «Мужик есть и останется заклятым врагом помещика, пока будет иметь перед глазами малейшее напоминание о прежних днях» ⁸⁰. Итак, царский манифест не ликвидировал антагонизма между двумя классами России — помещиками и крестьянами. И Хостник смотрит на эти противоречия не глазами постороннего наблюдателя. Сын крестьянина, он сам становится на сторону крестьян.

В тех же «Письмах о России» Хостник описывает русских дворян как недоучек, жестоких людей с атрофированными чувствами даже по отношению к своим собственным детям ⁸¹. В противовес дворянству он рисует крестьян с большой симпатией. Немцы часто называют русских мужиков ворами и пьяницами. «Не верьте этому,— писал Хостник.— Если русский мужик крадет, то лишь в том случае, если ему грозит смерть от голода... Пьет русский мужик и с горя, и с радости... Вообще, когда иностранец судит русского мужика, пусть он не забывает, что мужик сотни и сотни лет жил как скотина, и если он мало развит нравственно, то в этом виноват не он, но те, чьим рабом он был...

Русский народ благороден, добр, честен, нельзя забывать, что 25 лет назад он был еще рабом, скотиной помещика» ⁸².

«Словенском народе». См.: *Kermavner D. Slovenska politika...*, s. 376.

⁷⁹ Slovenski narod, 6.VIII 1887.

⁸⁰ Slovenski narod, 31.III, 8.IV 1886.

⁸¹ Slovenski narod, 5.IV 1886.

⁸² Slovenski narod, 8.IV 1886.

Революционные выступления крестьян в период крепостничества Хостник считал делом оправданным. Крестьянам негде было искать защиты: на селе права помещиков защищал дворянин исправник, а в городе — дворянин городничий. Губернатор, судьи — все были дворянами. Поэтому крестьянам ничего не оставалось делать, как самим убивать своих наиболее жестоких притеснителей⁸³.

Земскую реформу, давшую местное самоуправление России, Хостник характеризовал с позиций демократа. Он подчеркивал, что право избирать в земство имеют только владельцы недвижимости — земли или дома. «Самоуправление,— подводил итог Хостник,— не принесло народу тех благ, которые желал подарить ему незабвенный царь-освободитель... Как Ваша конституция дает сильному возможность душить и давить слабого, так тоже и наше русское самоуправление»⁸⁴. Борьба партий в период выборов не носит принципиального характера: все они борются за теплые денежные места и за земскую казну⁸⁵.

Но при всем своем понимании многих отвратительных сторон современной ему русской действительности, при всем сочувствии к угнетенному народу и неприязни к правящим классам Хостник оставался царистом по своим убеждениям. Для него русский царь был не первым среди русских помещиков, но защитником русского народа от их притеснений. Только Екатерина II рассматривалась им как ставленница дворян. Но ее благоволение к ним Хостник объяснял тем, что она была немкой и боялась, как бы ее не выгнали назад в Германию. Остальные русские цари, по мнению Хостника, пытались улучшить положение народа. Особенно много для него сделал Александр II, которого словенский публицист называл царем-освободителем рабов русских и турецких⁸⁶. Во всех беспорядках в России Хостник обвинял русские правящие классы⁸⁷.

Будучи царистом, Хостник неприязненно относился к русскому революционному движению, направленному

⁸³ Slovenski narod, 1.IV 1886.

⁸⁴ Slovenski narod, 26.V 1886.

⁸⁵ Slovenski narod, 22.II 1887.

⁸⁶ Slovenski narod, 5, 8.IV 1886.

⁸⁷ Slovenski narod, 21.V 1886.

против самодержавия. Так, он писал, что Александра II убила «злодейская рука»; в анархистах же он видел или евреев, или подкупленных немцами подлецов⁸⁸.

Как мелкобуржуазный политик Хостник полагал, что все противоречия в России могут сгладиться мирным путем. Для этого нужно всеобщее обязательное образование. «Мужик должен подняться,— писал он,— помещик спуститься; оба способны на это, т. к. лучшего и более благородного народа, чем русские, нельзя найти»⁸⁹. «Пусть пройдет пятьдесят лет,— замечал Хостник в другой статье,— пусть вымрет теперешнее поколение, пусть сблизятся мужики с дворянством, тогда Европа увидит, что такое Россия!»⁹⁰

Если внутреннее положение России рисовалось Хостником далеко не в радужных красках и при всех своих царистских заблуждениях он смотрел на русскую действительность глазами демократически настроенного мелкобуржуазного политика, то русская внешняя политика рассматривалась им с позиций ура-патриотов, группировавшихся вокруг реакционера Каткова. В последнем словенский публицист видел «искреннего патриота, искреннего русского и горячего защитника русского величия и славянской идеи». По мнению Хостника, Катков был для России тем же, чем Бисмарк для Германии⁹¹. Такая безоговорочная поддержка Каткова Хостником объяснялась его боязнью, что Германия поглотит малые славянские народы. Для Хостника, представителя малой словенской нации, любовь к родине неразрывно была связана с борьбой против германизации⁹². Главное зло для Хостника воплощала в себе бисмарковская Германия. В статье «Будущая война между Россией и Германией» он писал о неизбежности столкновения славян с немцами, в котором со стороны славян главной силой выступит Россия. Если Бисмарку «посчастливится задавить Россию, он может играть держать в руках другие славянские народы и топтать их один за другим в немецком море». Именно

⁸⁸ Slovenski narod, 31.III 1886, 30.III 1887.

⁸⁹ Slovenski narod, 22.V 1886.

⁹⁰ Slovenski narod, 8.IV 1886.

⁹¹ Slovenski narod, 6.VIII 1887.

⁹² Slovenski narod, 29.X 1887.

поэтому целью России в решающей схватке с Германией будет уничтожение германского милитаризма. «И тогда,— заключал Хостник,— начнется время, когда славянин сможет жить как хочет, хозяином в своем доме, на своей земле»⁹³.

Поскольку именно Россия явится главной силой в борьбе с Германией, она — главный оплот славянства, его естественная мать. «Россия, как независимое могущественное славянское государство,— писал Хостник,— которое насчитывает теперь около ста миллионов, охраняет славянство от насилий немцев. Чем могущественнее будет Россия, тем тяжелее будет держать в узде ее родных братьев»⁹⁴. Но и сама Россия также нуждается в поддержке славян. «Как славяне черпают нравственную силу в России... так и Россия черпает значительную часть своего могущества в сочувствии австрийских славян»⁹⁵.

Признание огромной роли России в судьбах всех славянских народов являлось краеугольным камнем идеологии Хостника. Исходя из этого Хостник предлагал сделать русский язык языком общения между всеми славянами⁹⁶. Однако он считал, что с введением русского языка в качестве общеславянского спешить не стоит. Кроме учреждения общеславянского языка, Хостник полагал укрепить единство славян путем введения у них кирилло-мефодиевской церкви. Эта церковь, по его мнению, должна быть независимой от Рима и языком ее богослужения должен стать славянский язык. Открыто пропагандировать свои взгляды на религиозный вопрос Хостник не мог. В газете он выступал в более завуалированной форме. Главный удар его был направлен против словенских клерикалов, провозгласивших основной национальной чертой словенцев их принадлежность к католицизму.

Публицистическая деятельность Хостника не могла долго продолжаться в Австрийской монархии. При всей завуалированности Хостник слишком резко критиковал католический клир, откровенно ждал помощи для сло-

⁹³ Slovenski narod, 3, 5.IV 1886.

⁹⁴ Slovenski narod, 5.VI 1886.

⁹⁵ Slovenski narod, 3.X 1887.

⁹⁶ Slovenski narod, 27.X 1887.

венцев только со стороны России, с которой в 1878—1887 г. у Австро-Венгрии были натянутые отношения. Из-за его статей власти дважды конфисковали отдельные номера «Словенского народа» (№ 268 от 23 ноября и № 278 от 4 декабря 1886 г.). Однако окончательный удар по газете был нанесен примерно через год. В конце октября — начале ноября 1887 г. в ней была опубликована новая статья русского корреспондента, написанная в очень резких тонах. Хостник критиковал австрийское правительство за то, что оно не дало никаких прав славянам и способствовало германизации ряда славянских областей, а также выступал против политики римского папы, назвав его «извергом человечества». В конце статьи Хостник призывал славян готовиться к решительному бою с немецким гнетом⁹⁷.

Эта статья получила довольно широкий отклик в австрийской прессе. Словенские консерваторы, немецкие националисты, официозные журналисты — все набросились на «Словенски народ», обвиняя его в предательстве, в антикатолицизме и т. д. В середине ноября 1887 г. император Австрии Франц-Иосиф упрекнул словенского депутата в венском парламенте д-ра Поклукара в русофильстве словенских газет. Мнение императора было немедленно обнародовано в прессе. Воспользовавшись недвусмысленным высказыванием императора, Горицкий архиепископ Миссия 26 ноября 1887 г. написал папское послание, подписанное всеми семью епископами Горицкой архиепископии. Послание было направлено против «Словенского народа» и других словенских либеральных органов печати, обвиняло их в антикатолических и антиавстрийских тенденциях. Всем священникам и правоверным католикам запрещалось не только сотрудничать в этих изданиях, но и подписываться на них. Пастырское послание было опубликовано впервые через двенадцать дней после его написания в венской клирической газете «Фатерланд» (6 декабря 1887 г.)⁹⁸.

18 декабря 1887 г. на собрании акционеров Национальной типографии, издававшей «Словенски народ», была полностью изменена его редакция. Из комитета Национальной типографии был выведен главный покров-

⁹⁷ *Kermavner D. Slovenska politika...*, s. 402—405.

⁹⁸ *Ibid.*, s. 425.

витель русофилов И. Хрибар. Направление газеты резко переменялось⁹⁹.

Осенью 1887 г. закончился первый этап развития русофильства в словенских землях. Начавшийся в период русско-турецкой войны он продолжался примерно десять лет. Для него характерен ряд моментов. Во-первых, развитие русофильской идеологии происходило в рамках словенского либерального движения. Его идеологи выступали практически во всех органах либеральной прессы, не имея своего печатного органа. Даже «Слован», который возглавлялся близким к русофилам И. Хрибаром и ратовал за славянскую взаимность, не может считаться их газетой. Во-вторых, в этот период в целом уже определились основные моменты словенской русофильской идеологии последней четверти XIX в.: вера в спасительную для славян миссию царской России, восхваление самодержавия и кирилло-мефодиевской (т. е. православной) церкви, уверенность в необходимости сделать русский язык общеславянским, боязнь развития капитализма и рабочего движения, надежда на возможность избежать как капитализма, так и социализма и найти третий путь и т. д.

§ 3. «Словански свет».

Его национальная программа

Начавшиеся гонения со стороны властей и католической церкви на русофильско настроенных либералов напугали большую их часть. Главные органы либеральной печати газета «Словенски народ» и журнал «Люблянски звон» резко изменили направление. «Слован» перестал выходить. Однако это не значило, что русофи-

⁹⁹ И. Приятель так оценивает эти события: «Круторогов бросил в „Словенски народ“ роковую бомбу... Тогда Миссия вышел из своего затишья и замахнулся своей мощной рукой не только на словенских русофильских фантастов, но и на словенский либерализм вообще». См.: *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. V, s. 279, 280.*

На наш взгляд, Приятель чересчур преувеличивает роль Хостника. Гонения на либеральную прессу были вызваны всеми словенскими русофильскими публицистами (Целестином, Подгорником, Хрибаром и др.), а статья Хостника послужила для этого только поводом.

лы сложили оружие. При активном участии Хрибара¹⁰⁰ Ф. Подгорником была основана новая газета «Словански свет». В либеральной печати было опубликовано заявление издателей «Слована» И. Хрибара и И. Тавчара, в котором они призывали литературных сотрудников «Слована» писать отныне в «Люблянски звон», а прочих — в «Словански свет». Все подписчики, уже уплатившие за «Слована», передавались «Слованскому свету». Таким образом, последний как бы официально признавался преемником первого. Рядом с заявлением И. Хрибара и И. Тавчара «Люблянски звон» помещал краткое оповещение о начале издания «Слованского света». Издатель его, говоря о цели газеты, подчеркивал, что она состоит в том, чтобы сообщать словенцам все интересное, происходящее в славянском мире в области культуры и политики¹⁰¹.

«Словански свет» выходил с 1888 по 1899 г. Он стал главным рупором словенских русофилов. В числе его активнейших сотрудников, помимо самого Ф. Подгорника, были Ф. Целестин, Д. Хостник, Л. Лесковец (Ламурский) и др. Из них особенно выделялись двое первых. В. Томич, один из словенских национальных деятелей, писал, что если Подгорника можно назвать душой «Слованского света», то Целестина — его сердцем¹⁰².

Имея расхождения по некоторым вопросам, сотрудники «Слованского света» все же в идеологическом отношении составляли единую группировку, которой было присуще общее мировоззрение. Чтобы понять его сущность, необходимо рассмотреть это мировоззрение в комплексе, т. е. во всей совокупности социальных, экономических, национальных и политических взглядов. Наряду с этим нужно уяснить политическую обстановку в словенских землях в то время.

«Словански свет» издавался в период, когда в Словении активно происходила поляризация классовых сил. Лагерь словенской буржуазии, хотя и разделенный на

¹⁰⁰ «Грибар, — писал Хостник И. С. Пальмову 7 сентября 1896 г., — приостановил своего «Слована», и он, самый честный и самый умный из теперешних патриотов и политиков, натолкнул Подгорника на издание „Slov. sveta“ и писал мне: вот где продолжай!» См.: Архив АН СССР, ф. 105, оп. 2, д. 288, л. 11.

¹⁰¹ Ljubljanski zvon, 1888, N 1, s. 56.

¹⁰² Bošnik M. Fran Celestin, s. 265.

два крыла — консервативное и либеральное, но с середины 70-х годов выступавший единым фронтом, распался. Связано это было с усилением клерикализма, чему способствовала политика папы Льва XIII, требовавшего, чтобы духовенство активно вмешивалось в политическую жизнь. Активизация словенских клерикалов началась с середины 80-х годов, после смерти либерального люблянского епископа Янеза Погачара, место которого занял Якоб Миссия, отличавшийся большой религиозной нетерпимостью. Он призвал в 1887 г. иезуитов, всячески содействовал строительству новых монастырей в словенских землях. При Миссии активную роль стал играть профессор богословия в Горице, католический фанатик Антон Махнич, идеолог словенских клерикалов, издававший с 1888 г. их газету «Римский католик». Ярый католик, убежденный монархист, противник всяких выступлений угнетенных народов за свое освобождение, всякого демократического переустройства общества Махнич много сделал для того, чтобы словенский клерикализм получил «наиболее реакционную и обскурантистскую форму, чем где-либо в более развитых странах Европы»¹⁰³. Наступление клерикалов на либерализм началось в конце 1887 г. (см. выше)¹⁰⁴. Оно было тем более опасным, что клерикалам удалось увлечь за собой массу крестьян, поддержав ряд их экономических требований и создав в деревне сберегательные кассы, ограничившие производ ростовщиков. Раскол словенского буржуазного лагеря был окончательно закреплён созданием в 1892 г. католической национальной партии (клерикалов), а в 1894 г. — национально-прогрессивной партии (либералов).

В 80-х годах укрепилось и словенское рабочее движение, что было связано как с количественным ростом рабочего класса, так и с усилением его классового самосознания. Несмотря на жестокие гонения против социалистов, начавшиеся в Австрийской монархии с середины

¹⁰³ *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina*, s. 210.

¹⁰⁴ По мнению Д. Кермавнера, русофильские настроения были присущи и словенским консерваторам. Отход их от симпатий к России Д. Кермавнер датирует 1886 г., т. е. за год до решительного наступления клерикалов на словенских русофильских либералов, начавшегося с конца ноября 1887 г. См.: *Kermavner D. Slovenska politika...*, s. 29, 377.

80-х годов, в 1896 г. была основана Югославянская социал-демократическая партия, костяк которой составлял словенский пролетариат.

Все эти обстоятельства (и рост клерикализма, и усиление рабочего класса) оказали влияние на программу «Слованского света».

*

Центральное место в программе русофилов занимал национальный вопрос. И это они неоднократно подчеркивали. Так, «Словански свет» призывал славянских депутатов рассматривать каждое предложение, каждый закон прежде всего «с национальной точки зрения, а потом уже с либеральных или консервативных позиций», ибо главное для славян — добиться национального равноправия ¹⁰⁵.

Подгорник и его соратники считали, что славяне являются единым народом. Только их внутренние раздоры и несогласия были причиной их разъединения на мелкие народности, в результате чего они и были завоеваны чужеземцами. Славяне потерпели много бед от того, что каждая их ветвь поддерживала своих вождей, защищавших свои личные интересы и даже бывших иногда просто предателями ¹⁰⁶. Из-за политики этих вождей огромный славянский народ делился, слабел, часть его была ассимилирована другими народами. Оставшимся славянам враги вбивали в голову местный патриотизм с тем, чтобы они забыли о своем единстве. Славян разъединили по религии, языку, культуре, стали их натравливать друг на друга — все для того, чтобы легче их ассимилировать ¹⁰⁷. В своих взглядах на славян как на единый народ русофилы исходили из представлений, бытовавших среди славянских просветителей и ученых первой половины XIX в. и характерных для очень многих славянских политиков второй половины XIX в.

В конкретной политической программе подгорниковцы исходили из более узкого понимания нации, подразумевая под ней прежде всего словенский народ. Связа-

¹⁰⁵ Slovanski svet, 1891, N 3, s. 34.

¹⁰⁶ Slovanski svet, 1888, N 1, s. 3—4.

¹⁰⁷ Slovanski svet, 1891, N 15, s. 233.

но было как с конкретными условиями политического положения словенцев, так и с опасением различного рода репрессий со стороны австрийского правительства, видевшего в общеславянских политических программах факт государственной измены.

Политическая программа Подгорника и его окружения была неясна и нередко менялась. Он отмечал, что «национальная автономия в нашей программе является первым и самым необходимым условием развития языка и национальности»¹⁰⁸, но само понятие национальной автономии определялось не всегда одинаково.

Хотя Подгорник и желал солидаризироваться в национальной программе с чехами и хорватами, борющимися за историческое право своих народов, он вместе с тем понимал, что сами словенцы в своих национальных требованиях могут базироваться только на естественном праве. Поэтому, пытаясь как-то совместить эти два противоречащие друг другу понятия, он то писал, что национальную автономию в Австрии можно осуществить двояким способом: или в национальных границах, или в границах исторических земель (для чехов, хорватов, украинцев)¹⁰⁹; то доказывал, что словенцы имеют место в хорватском историческом праве¹¹⁰. Под влиянием такой двойственной позиции Подгорник по-разному определял и само понятие национального права и национальной автономии.

Так, уже в 1888 г. Подгорник объяснял национальную автономию, как право создавать национальные органы, которые бы следили за школами¹¹¹. Спустя несколько месяцев Подгорник развил свою мысль дальше. Ратуя за создание общей политической программы для всех славян, он предложил заменить провинциальную автономию во всех вопросах, касающихся дел национальности, национальной автономией¹¹². Это был призыв к введению культурно-национальной автономии.

Полностью программу культурно-национальной автономии Подгорник развил позднее, в сентябре 1891 г.

¹⁰⁸ Slovenski svet, 1892, N 24, s. 380.

¹⁰⁹ Slovenski svet, 1895, N 1, s. 1.

¹¹⁰ Slovenski svet, 1893, N 19, s. 361.

¹¹¹ Slovenski svet, 1888, N 5, s. 70.

¹¹² Slovenski svet, 1888, N 15, s. 234.

Подчеркивая, что провинциальная автономия не может защитить права ряда австрийских народов, в том числе словенского, он предлагал, чтобы каждый славянский народ создал для себя некий юридический орган, который бы заботился о законах и указах относительно языка и национальности. Этот орган действовал бы наряду с провинциальными органами, но имел бы свой круг вопросов и свои средства. Потом постепенно часть дел от провинциальных органов перешла бы к национальным. Такая национальная автономия, по мнению Подгорника, могла бы существовать наряду с провинциальной¹¹³. Юрисдикции провинциальных органов он отдавал экономические вопросы¹¹⁴.

Пытаясь примирить два взаимоисключающих права — историческое и естественное, — Подгорник надеялся, что чешские и хорватские политические деятели также сделают ответные шаги к признанию естественного права. Но их не последовало, и уже в 1895—1896-е годы Подгорник должен был с горечью писать о пренебрежении чехов к национальному праву, что, по его мнению, наносило ущерб и их собственной национальной программе¹¹⁵. Сам Подгорник в это время стал снова утверждать, что для славянских народов на первом месте должна быть защита языка и национальности, а на втором — проведение в жизнь исторических прав¹¹⁶.

Наряду с выдвижением компромиссной программы культурно-национальной автономии, Подгорник одновременно развивал в своих статьях и программу территориальной национальной автономии. В 1890 г. он выступил за предоставление национальной автономии всем народам, насчитывающим более 1 млн. человек¹¹⁷. Корреспондент «Слованского света» Ромбонский (Rombonsky) писал о необходимости для словенской интеллигенции бороться за Объединенную Словению¹¹⁸⁻¹²⁰. И сам Подгорник нередко выступал на страницах своей газеты в поддержку этой программы. Когда словенский де-

¹¹³ Slovanski svet, 1891, N 18, s. 282—283.

¹¹⁴ Slovanski svet, 1892, N 5, s. 59.

¹¹⁵ Slovanski svet, 1895, N 31, s. 290.

¹¹⁶ Slovanski svet, 1896, N 1, s. 1.

¹¹⁷ Slovanski svet, 1890, N 1, s. 10.

¹¹⁸⁻¹²⁰ Slovanski svet, 1889, N 3, s. 42.

путат Ферьянчич перед своими избирателями в Идрии заявил, что словенские таборы с их программой шли по неправильному пути, Подгорник горячо обрушился на него и других словенских депутатов в рейхсрате за то, что они борются за мелкие уступки со стороны правительства, но забыли требовать Объединенной Словении. Подгорник критиковал высказывания Ферьянчича о том, что словенцы должны сначала объединиться духовно, а потом уже территориально, подчеркивая, что, наоборот, их территориальное объединение должно предшествовать духовному. Программу таборов, центральным пунктом которой было требование Объединенной Словении, он полностью поддержал¹²¹. «Словански свет» отметил двадцатилетний юбилей со дня проведения самого многочисленного словенского табора в Вижмарье (у Любляны). В статье приводилась полная программа табора: объединение словенских земель, введение словенского языка в школы и учреждения, создание словенского университета в Любляне, установление сберегательных касс для крестьян и т. д. Далее подчеркивалось, что подобные таборы были бы необходимы и сейчас, поскольку национальное существование словенцев еще не гарантировано¹²².

Таким образом, Подгорник в разное время вкладывал разное содержание в понятие национальной автономии: когда он выступал с позиций естественного национального права, он подразумевал под ней территориальную автономию; когда с позиций исторического права — культурно-национальную¹²³.

Подгорник полагал, что Словения будет автономной единицей в федеративном государстве, ибо Подгорник, как и Левстик, считал невозможным и нецелесообразным образование независимого словенского государства. Он писал, что малые народы могут быть подлинно независимы только на островах посреди океана, а на материке о самостоятельности того или иного народа мож-

¹²¹ Slovanski svet, 1894, N 7, s. 122—123.

¹²² Slovanski svet, 1894, N 10, s. 195—196.

¹²³ Мнение Я. Плетерского о том, что под национальной автономией Подгорник подразумевал только территориальную, — односторонне. Понимание Подгорником ее было сложнее и противоречивее. См.: Pleterski J. Jugoslovanska misel pri slovincih v dobi Taaf-fejjeve vlade. — Zgodovinski časopis, 1975, N 3—4, s. 266.

но говорить, если он насчитывает, по крайней мере, 30 млн. человек¹²⁴. Подгорник высмеивал тех политических деятелей, которые всячески расхваливали независимость малых балканских государств, указывая, что их формальная политическая свобода является одной видимостью: рано или поздно все они попадут в зависимость от своих могущественных соседей¹²⁵.

В этом вопросе, как и в ряде других, Подгорник был солидарен с В. И. Ламанским, который в своей речи по поводу смерти Александра III (конец 1894 г.) высказал мысль, что малые народы могут быть самостоятельны только во внутренней, но никак не во внешней политике. Чтобы стать независимыми и во внешних делах, малые народы, по мнению Ламанского, должны объединиться в содружества. Эти высказывания были подробно пересказаны Подгорником в «Слованском свете»¹²⁶, поскольку во многом отвечали его собственным взглядам. Подгорник даже полагал, что политическая самостоятельность малых народов не только невозможна, но и вредна, так как эти народы неизбежно попадают не только в политическую, но и в культурную зависимость от великих народов, что подготавливает их ассимиляцию¹²⁷. Поэтому Подгорник полностью соглашался с Ламанским по поводу необходимости федерации для малых народов. Сам он являлся сторонником переустройства Австрийской империи на началах федерализма. Эту идею он активно пропагандировал с начала 1885 г. в «Parlamentär» — еженедельнике, издававшемся на немецком языке в Вене чешским национальным деятелем Карелом Живным при поддержке А. И. Добрянского. Подгорник считал, что каждый народ Австрийской монархии, объединенный в этнических границах в одно административное целое, должен сам решать свои национальные, школьные и прочие дела¹²⁸. Позднее, уже будучи издателем «Слованского света», Подгорник развил свои идеи подробнее. В программе «Слованского света» на 1890 г. он предложил создать федеративную

¹²⁴ Slovanški svet, 1893, N 9, s. 161.

¹²⁵ Slovanški svet, 1895, N 32, s. 297.

¹²⁶ Slovanški svet, 1894, N 23, s. 441—442.

¹²⁷ Slovanški svet, 1891, N 15, s. 236.

¹²⁸ Kermažner D. Slovenska politika..., s. 184.

Австрию, в которую бы вошли следующие автономные единицы, организованные по национальному признаку: 1) немецкая, 2) югославянская, 3) чешская, 4) польская, 5) галицко-русская, 6) венская (г. Вена), 7) румынская, 8) венгерская. В югославянскую автономную единицу должны были войти: Крайна, Триест, Горица, Градишка, словенские части Штирии и Каринтии, словенские земли Прекомурья, Истрия, Далмация, Хорватия, Славония, Риека, сербская Воеводина, Босния и Герцеговина¹²⁹. Такую же программу Подгорник защищал и в 1892 г.¹³⁰

Любопытно отметить, что, развивая свою федеративную программу, основанную на национальном принципе, Подгорник вместе с тем писал о необходимости временно до ее осуществления ввести культурно-национальную автономию. По-видимому, культурно-национальная автономия являлась его программой-минимумом в решении национального вопроса, программой же максимумом была федерализация Австрии на основе национальной автономии с созданием югославянской автономной общности.

Будучи убежденным федералистом, Подгорник, естественно, являлся решительным противником дуализма. Он рассматривал дуализм как последовательную политику немецких либералов, направленную на онемечивание славян, ибо в результате дуализма чехи были отделены от словаков, а словенцы — от хорватов, что давало возможность скорее их ассимилировать¹³¹.

Предназначение Австро-Венгрии как многонационального государства подгорниковцы видели в том, чтобы она проявляла одинаковую заботу о всех своих народах и этим укрепляла свое единство.¹³² Они считали, что в силу географического положения и особен-

¹²⁹ *Slovanski svet*, 1890, N 1, s. 7. Я. Плетерски справедливо считает, что, предполагая объединить всех южных славян монархии, Подгорник тем самым выступал сторонником югославянской политической программы (см.: *Pleterski J. Jugoslovanska misel pri slovenih...*, s. 267, 268). Стоило бы только добавить, что его югославянская программа носила австрославистский характер, как, впрочем, и почти у всех словенских национальных деятелей XIX в.

¹³⁰ *Slovanski svet*, 1892, N 3, s. 27.

¹³¹ *Slovanski svet*, 1894, N 13, s. 242.

¹³² *Slovanski svet*, 1888, N 6, s. 86.

ностей исторического развития Австрийская монархия объединила в своих границах народы, принадлежавшие к двум культурам: западной (латино-немецкой) и восточной (греко-славянской). Поэтому ради укрепления государства правительство должно одинаково относиться к этим культурам и поддерживать их¹³³. Подгорник утверждал, что без решения национального вопроса Австро-Венгрия не сможет упрочить и своего международного положения. Поскольку в ней существуют два главных народа (немецкий и славянский), правительство должно в равной мере покровительствовать им обоим с тем, чтобы ни один народ не угнетал другой. Пока это не будет проведено в жизнь, балканские народы не пойдут за Австро-Венгрией¹³⁴.

Конечно, все эти благие пожелания подгорниковцев правительству не имели отклика со стороны австрийских правящих кругов.

Отдельные шаги австрийского правительства критиковались на страницах «Слованского света». Так, уже летом 1890 г. там осуждались принципы переписи населения, которую намечалось провести в конце года. Наибольшие нарекания встретила графа «язык общения», введенная вместо графы «национальность». «Словански народ» справедливо считал, что графа «язык общения» не может дать представления о национальном составе Австро-Венгрии, так как язык общения нестабилен и может меняться у одних и тех же людей в разных условиях жизни¹³⁵. После проведения переписи Подгорник отмечал, что такого рода перепись проводилась в ущерб славянским народам, ибо у всех чиновников и у всех рабочих, работающих на немецких предприятиях, язык общения—немецкий вне зависимости от их национальной принадлежности¹³⁶.

В «Слованском свете» появились статьи, в которых политика австрийских властей косвенно признавалась негодной. Так, в статье «Новейшие проявления германизаторских стремлений» указывалось, что радикализм некоторых славянских партий и депутатов является не

¹³³ Slovanski svet, 1889, N 1, s. 4—6.

¹³⁴ Slovanski svet, 1890, N 1, s. 2, 3.

¹³⁵ Slovanski svet, 1890, N 11, s. 167, 168.

¹³⁶ Slovanski svet, 1891, N 2, s. 17—19.

чем иным, как сопротивлением нынешней правительственной системе, направленной против славян. Правда, тут же подчеркивалось, что в основе этого сопротивления лежит глубочайшая лояльность по отношению к государству и к Габсбургам¹³⁷. Были и более резкие выступления на страницах «Слованского света» против австрийских властей. «Б-с» («B-s»), например, прямо писал, что вся система внутренней и внешней политики Австро-Венгрии направлена против славянских народов, и мелкие подачки со стороны правительства дела не меняют¹³⁸.

Но все же можно отметить, что «Словански свет» выступал против правительства очень осторожно, осторожнее, чем делал это Левстик и его соратники в конце 60-х — начале 70-х годов.

Думали ли словенские русофилы о создании единого всеславянского государства? Сам Подгорник решительно отрицал стремление к этому своих сторонников. Он указывал, что политическое объединение славян невозможно по ряду причин. Во-первых, у них отсутствует общее политическое самосознание. Во-вторых, обеспечить славянам их политическое объединение может только революционное восстание, на что славяне не могут пойти¹³⁹. Поэтому Подгорник утверждал, что среди славенцев не может быть панславистов в политическом смысле¹⁴⁰, а в политический панславизм, в котором немцы упрекают славян, является прежде всего пугалом¹⁴¹.

Трудно судить, насколько был искренен Подгорник, полностью отрекаясь от стремления к политическому объединению славянских народов: свои статьи он публиковал в Австрийской монархии, где это стремление рассматривалось как государственная измена. Помимо этого, нужно иметь в виду, что ни русские официальные круги, ни большинство русских общественных деятелей, идеи которых были популярны у подгорниковцев, не ставили вопроса об объединении славянских народов

¹³⁷ Slovanski svet, 1892, N 22, s. 330.

¹³⁸ Slovanski svet, 1892, N 23, s. 347.

¹³⁹ Slovanski svet, 1888, N 16, s. 252.

¹⁴⁰ Slovanski svet, 1895, N 36, s. 335.

¹⁴¹ Slovanski svet, 1893, N 15, s. 281.

вокруг России. Сторонниками политического единства славян являлись лишь русские панслависты, которые также оказали большое влияние на деятелей из «Слованского света». В какой-то мере интерес для определения политических надежд и желаний словенских русофилов представляет их отношение к России, к ее политике, экономике, культуре.

Подгорник и его соратники считали Россию главной опорой славянских народов. В частности, Подгорник подчеркивал, что Россия нуждается в славянах в гораздо меньшей степени, чем они в ней, так как она «имеет достаточно сил, чтобы развиваться культурно самостоятельно, собственными средствами». Другие же славяне, по его мнению, нуждаются в России, в духовной связи с ней, поскольку именно русская культура (русский литературный язык, русская церковь) сохранила и развила традиции старославянской культуры Кирилла и Мефодия¹⁴².

Значение России для славян словенские русофилы не ограничивали важностью ее культуры. Они подчеркивали и ее политическое значение. «Эти [т. е. западные.— И. Ч.] славяне,— писал Подгорник,— радуются, что Россия могущественна, так как благодаря ее мощи они могут сами без ее непосредственной поддержки бороться за свое существование и за свои собственные права. Малые славянские народы без существования России были бы настоящими ничтожествами... при существовании же могущественной России остальные славяне получают моральную опору своему мужеству, необходимому им в национальной борьбе». При этом Подгорник посчитал нужным снова подчеркнуть, что «Россия не требует себе западных славян, и эти славяне не стремятся политически к России»¹⁴³.

Видя политическую роль России среди западных [австрийских.— И. Ч.] славян в ее моральной поддержке их национальных стремлений, русофилы в этом отношении стояли на позициях, близких к позиции многих словенских национальных деятелей, начиная с просветителей конца XVIII в. Однако, рассматривая ее роль в перспективе, они шли значительно дальше. Подгорник

¹⁴² Slovanski svet, 1888, N 12, s. 185, 186.

¹⁴³ Slovanski svet, 1896, N 15, s. 170.

подчеркивал, что только политическая деятельность русского народа (или русского государства) имеет значение для будущего славян, остальные же славянские народы не могут оказать на него решающего влияния¹⁴⁴. И в этом утверждении Подгорника уже проступали различия во взглядах на Россию большинства словенских национальных деятелей и подгорниковцев.

В перспективе роль России далеко не ограничивалась, по их мнению, моральным фактором. Открыто «Словански свет» не мог писать об этом. Но помещенные в нем материалы весьма характерны. Так, в 1891 г. в газете был опубликован подробный пересказ книги Данилевского «Россия и Европа», сделанный Целестином¹⁴⁵. Конечно, помещение пересказа книги Данилевского не было случайным. Целестин передал в нем те мысли, которые наиболее отвечали его личным взглядам и взглядам круга лиц, группировавшихся вокруг «Слованского света». В пересказе он подчеркнул прежде всего ту мысль, что Россия и славянство не принадлежат европейской цивилизации; их предназначение — создать свой новый культурный тип. Поэтому идея славянства должна быть главной идеей для каждого славянина, а уже вслед за ней должны идти идеи свободы, просвещения, науки. Славянский мир имеет важные отличия от романо-германского мира. Во-первых, для романо-германцев характерен индивидуализм, что ведет их к безграничной свободе и политической раздробленности, в то время как славяне более общественны, отличаются терпимостью и нелюбовью к насилию. Во-вторых, русским, как и другим славянам, всегда было присуще социальное и экономическое равенство, что совсем не соответствовало характеру романо-германцев, имевших рабство, феодализм и пр.

Подробно пересказывал Целестин взгляды Данилевского относительно Австрии и австрийских славян. Особо он подчеркивал вывод Данилевского о том, что австрийским славянам может помочь только создание федерации славянских народов (с включением Греции, Венгрии, Румынии) под главенством России и что народы, вошедшие в эту федерацию, должны пользоваться

¹⁴⁴ Slovanski svet, 1894, N 1, s. 1.

¹⁴⁵ Slovanski svet, 1891, N 9, s. 10—12.

ся широкой автономией типа финляндской, сохранять свои национальные особенности. Целестин останавливался также на выводе Данилевского о том, что славянский культурно-исторический тип, соединив в себе все лучшие черты предшествующих типов, сможет решить и общественно-экономические проблемы.

Передав содержание книги Данилевского, Целестин поспешил отмежеваться от ее наиболее опасных выводов, подчеркнув, что теперь времена изменились и «о славянском союзе мы не думаем». При этом Целестин указывал на успехи русской внешней политики и культуры и недвусмысленно намекал на возможность развития особого славянского культурно-исторического типа ¹⁴⁶.

Так же подробно, как и книга Данилевского, пересказывалась на страницах «Слованского света» и статья В. И. Ламанского «Три мира» («Славянское обозрение», 1892, № 1—4). В ней Ламанский развивал теорию существования трех типов культуры: европейского, азиатского и среднего между ними. В последний входили, кроме России и всех славянских земель, венгерские, румынские, греческие земли, прибрежная полоса Малой Азии с Константинополем и Сирия. Средний культурно-исторический тип характеризовался преобладанием славянского населения в национальном отношении и православных — в религиозном. Азиатский мир, по мнению Ламанского, безнадежно устарел; европейский находится в стадии расцвета, но с признаками старости, а будущее — за самым молодым, средним миром. На это указывают, в частности, и последние события: образование Греции, Румынии, Сербии, Черногории и Болгарии с помощью России. Для расцвета среднего мира Ламанский считал необходимым сохранить его разнообразие, т. е. самостоятельное развитие малых славянских и неславянских народов. ¹⁴⁷

Близкие по духу Ламанскому и Данилевскому идеи генерала Р. А. Фадеева так же высоко ставились «Слованским светом», как идеи, завоевавшие себе право на будущее ¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Slovanski svet, 1891, N 12, s. 196.

¹⁴⁷ Slovanski svet, 1892, N 20, s. 304—306.

¹⁴⁸ Slovanski svet, 1890, N 8, s. 125.

Пересказ сочинений Данилевского, Ламанского, Фадеева на страницах «Слованского света» указывает прежде всего на то, что их взгляды были близки словенским русофилам, даже те, от которых они вынуждены были публично отмежеваться. Идеи русских панславистов импонировали «Слованскому свету» прежде всего потому, что они предсказывали лучшее будущее (расцвет) славянским народам, находившимся в данный момент в тяжелом политическом положении. В завоевании для славян прекрасного будущего основная роль отводилась России, что, безусловно, признавалось, как это говорилось выше, Подгорником и его соратниками.

России как оплоту будущего славянства «Словански свет» уделял на своих страницах пристальное внимание. О ней писали сам редактор Ф. Подгорник, загребский корреспондент «Слованского света» Ф. Целестин, словенские эмигранты в России Д. Хостник (Roščin), Ф. Штифтар (Твогцов), Л. Лесковец (Lamurski). При этом Россия и жизнь в ней чрезвычайно идеализировались. Всячески прославлялись экономическое положение России, ее финансы, состояние ее военного потенциала, просвещения. Много писалось о положении русских крестьян: тематика вполне понятная, если принять во внимание, что большинство словенцев были крестьянами. Но реальная картина жизни русской деревни была очень далека от того, что писалось в «Слованском свете». Так, Ф. Штифтар восхищался справедливостью крестьянской реформы, которая распределила землю между общинами, не оставив ни одного крестьянина без надела. В случае необходимости русские крестьяне могли получать ссуды в Крестьянском банке. Штифтар все-таки вынужден был признать рост безземелья среди крестьян, которое он объяснял увеличением численности сельского населения. Однако этот недостаток земли компенсировался крестьянину арендой участков у помещиков за «очень умеренную цену»¹⁴⁹. Русское правительство выступало в роли истинного благодетеля крестьян. «Для низших слоев сделано очень много», — писал «Словански свет» в декабре 1893 г.¹⁵⁰ Это «очень много» разъяснялось как создание русским прави-

¹⁴⁹ Slovanski svet, 1890, N 9, s. 144.

¹⁵⁰ Slovanski svet, 1893, N 24, s. 461.

тельством кредитных банков, приобретение им паровых машин и пр., т. е. указывались те меры, которые отвечали скорее пожеланиям крепких хозяев, чем «низших слоев». Лесковец тоже подчеркивал, что русское правительство больше всего заботится о крестьянстве, которое составляет 92% населения России. Именно крестьянству была дана такая широкая автономия в общественных делах, какой не имеют никакие крестьяне нигде в мире, а именно община и общинное самоуправление. Признавая разорение многих крестьян в России, Лесковец указывает, что они получают возможность переселиться в Сибирь, где им дают 80 десятин земли, двух волов и на 10 лет освобождение от всех налогов¹⁵¹. В другой статье, сравнивая положение словенского и русского крестьянина, Лесковец делал вывод, что положение последнего гораздо лучше, так как он не имеет задолженности словенца, не знает борьбы политических партий, а знает лишь одного царя-батюшку¹⁵². Даже в этих идеальных описаниях русской деревни и Штифтар, и Лесковец вынуждены были говорить о росте сельского пролетариата в России. Писал об этом и Целестин, опираясь на труды русского ученого Н. П. Семенова¹⁵³.

Но все они, зная главный бич словенской деревни 90-х годов XIX в.— задолженность и безземелье,— старались уверить словенского крестьянина в том, что, даже разорившись, русский крестьянин имеет выход из создавшегося положения. Согласно Штифтару, выход был в аренде крестьянами земли у помещика, Лесковцу — в переселении их в Сибирь, Целестину — в общине, права которой он призывал расширить, а также в запрещении продажи земель лицам не из крестьян. Из всех трех корреспондентов, освещавших жизнь русских крестьян, Целестин ближе всего стоял к славянофилам в вопросе о путях развития русской деревни, видя в общине не только залог самобытности русской национальной жизни, но и залог установления известного социально-экономического равенства в деревне. Как

¹⁵¹ Slovanski svet, 1895, N 30, s. 282.

¹⁵² Slovanski svet, 1895, N 46, s. 427.

¹⁵³ Slovanski svet, 1893, N 17, 18, s. 334, 353—354.

Целестин, так и Штифтар, и Лесковец в своих корреспонденциях о положении крестьян в России сделали значительный шаг назад по сравнению с корреспонденциями Хостника в «Словенском народе» в 1886—1887 гг.

Русским помещикам в «Слованском свете» уделялось мало внимания. Но некоторые выступления Целестина показывают, что и в этом отношении словенские русофилы сделали шаг вправо по сравнению с корреспонденциями Хостника. Если последний последовательно отрицательно относился к русскому дворянству, то Целестин уже говорил с одобрением о том, что при Александре III оно получило некоторые права, отнятые у него крестьянской реформой, и что интеллигенция раньше слишком мало ценила «великие заслуги дворянства перед русской жизнью и прогрессом»¹⁵⁴.

Самодержавие и русские цари выступали на страницах «Слованского света» в безупречных одеждах героев и законодателей. Статьи о них писались Целестином, Подгорником, Штифтаром. Николая I—Николая Палкина, как звали его в народе,—Целестин характеризовал как строгого царя, якобы имевшего планы решения Восточного вопроса в пользу славян. Александр II, по его мнению, был государем, полным идеальных стремлений и человеколюбия, трагической жертвой «разнузданности... западных мыслей и стремлений»¹⁵⁵. Тупой реакционер Александр III поднимался «Слованским светом» почти на недостижимую высоту как могущественный государь, величайший защитник мира, крестьянский царь, сделавший для крестьян больше, чем все другие цари, вместе взятые, наконец, как великий славянин по мыслям и чувствам¹⁵⁶. В новом царе Николае II подчеркивались его милосердие, верность православию и национальности.

Таким образом, Россия в «Слованском свете» выступала даже не в идеализированном виде, но как некая утопическая страна, предел мечтаний мелкого собственника, прежде всего крестьянина, где каждый крестьянин имеет свой надел, свободно получает кредит, а если разорится, то может или получить даром землю в Си-

¹⁵⁴ Slovanski svet, 1890, N 3, s. 40.

¹⁵⁵ Slovanski svet, 1894, N 22, s. 431.

¹⁵⁶ Slovanski svet, 1894, N 21, s. 401.

бири или арендовать ее за бесценок у помещика; где царь — великодушный и щедрый радатель своего народа. Истинная Россия с ее нищетой народных масс, заилием бюрократии, отсталостью, с ее вопиющими социальными противоречиями оставалась совершенно неизвестной читателю «Слованского света».

Нужно, однако, подчеркнуть, что не все лица, сотрудничавшие в «Слованском свете», восхищались самодержавным строем России. Этого восхищения, например, не разделял Хостник. «Я, как сказал,— писал он 31 декабря 1897 г. русскому ученому М. Н. Сперанскому,— отнюдь не увлекаюсь политической Россией и душевно скорблю о том, что ее внутренние дела находятся в обратной пропорции с ее политическим могуществом, но люблю русских и всегда любил»¹⁵⁷. Того же мнения придерживалась и студенческая молодежь, пришедшая из «Весны». «Фг. Г.» (Ф. Говекар? Фр. Гестл?) еще в июле 1892 г. отмечал: «Мы никоим образом не воодушевлены русскими внутривластными отношениями, но это не может уменьшить наши симпатии к народу и языку»¹⁵⁸. Однако такие мнения не публиковались на страницах «Слованского света».

Поскольку существовавшая в то время Россия признавалась «Слованским светом» идеальной, то соответственно этому оценивались и общественные течения в ней. При этом не всегда оценка была равнозначной. Имелись определенные колебания. На крайнем правом крыле стояли Ф. Штифтар, затем Л. Лесковец и Ф. Целестин. Более прогрессивно были настроены Ф. Подгорник и М. Хостник. Наибольшее сочувствие «Слованского света» среди течений русской общественной мысли вызывали, естественно, славянофилы. Деятельность Петербургского славянского благотворительного общества не раз освещалась на его страницах. Так, в честь двадцатилетия общества «Слованский свет» поместил статью, в которой характеризовалась деятельность общества за этот период, приводились конкретные данные о его помощи различным славянским обществам и отдельным деятелям. В статье подчеркивалось, что «общество по целям и действиям носит культурный и цивилизаторский

¹⁵⁷ Архив АН СССР, ф. 172, оп. 1, д. 256, л. 2 об., 3.

¹⁵⁸ Vesna, 15.VII 1892, s. 105, 106.

характер в благороднейшем значении этого слова», что оно никогда не давало средств в поддержку ассимиляции неславянских народов, как это делают общества подобного рода у немцев и итальянцев¹⁵⁹. Спустя пять лет «Словански свет» вновь дал подробный отчет о праздновании 25-летнего юбилея Петербургского славянского благотворительного общества. Помимо перечисления именитых гостей на торжественном заседании и именитых отправителей поздравительных телеграмм, в нем пересказывалась торжественная речь гр. Игнатьева, где особо отмечалось, что началом общества он считает кружок славянофилов во главе с Хомяковым¹⁶⁰. Славянофилы первого поколения в лице А. Хомякова и К. Аксакова высоко чтились подгорниковцами. Так, Целестин считал их представителями не только национальной, но и общечеловеческой идеи, поскольку они резко выступали против культа насилия, например против Ивана IV и Петра I¹⁶¹.

Отношение словенских русофилов к русским либералам было неодинаковым. Штифтар оценивал их весьма недоброжелательно, как и либеральные реформы Александра II. Совсем по-другому относился к русским либералам Хостник. Критикуя православного мракобеса Спектатора, он указывал, что консерваторы вообще лгут на либералов, а Спектатор особенно, поскольку приписывает им связь с русскими террористами¹⁶². «Словански свет» высоко оценивал правого либерала Краевского как большого и самоотверженного патриота, оставившего о себе добрую память в русском народе¹⁶³.

Что касается революционных движений в России, то большинство сотрудников «Слованского света» относилось к ним отрицательно. Уже декабристы вызвали осуждение Целестина за то, что пытались ввести в России европейские нормы, что было непростительным, с точки зрения славянского националиста¹⁶⁴. В споре западников и славянофилов Целестин отдавал предпочтение последним, но не забывал при этом указать, что

¹⁵⁹ Slovaniski svet, 1889, N 5, s. 75—77.

¹⁶⁰ Slovaniski svet, 1893, N 11, s. 203—204.

¹⁶¹ Slovaniski svet, 1890, N 19, s. 306—307.

¹⁶² Slovaniski svet, 1890, N 20, s. 326—327.

¹⁶³ Slovaniski svet, 1889, N 18, s. 303.

¹⁶⁴ Slovaniski svet, 1891, N 14, s. 228.

впоследствии и западники потеряли веру в европейское образование, а их глава Герцен «сказал хваленой западной культуре несколько действительно горьких истин».

Не одобрял Целестин и русских интеллигентов 60-х годов, которые мечтали осчастливить русский народ радикальным западным способом, веря в бесконечный прогресс на принципах здорового эгоизма. Вместе с тем его радовало, что они большое место в своих планах отводили русской общине¹⁶⁵.

Штифтар был еще более резок в оценке русского революционного движения 50—60-х годов. Как и Целестин, он видел в нем чужеродное для славян явление, вызванное стремлением подражать Западу. Гибель русских демократических журналов «Современник» и «Отечественные записки» Штифтар воспринимал как закономерный результат их «чрезмерной приверженности западу и его порядкам», особенно крайнему социализму и нигилизму¹⁶⁶.

Но наряду с этими отрицательными оценками русского революционного движения «Словански свет» помещал и другие. Так, в нем выражалось самое глубокое почтение памяти Н. Г. Чернышевского как великого социалистического писателя и русского мыслителя. Газета с удовлетворением подчеркивала удивление иностранных теоретиков социализма перед тем величием духа, который показал Чернышевский в своих трудах. «Был он одним из величайших духовных титанов современности вообще...», — продолжала газета и далее заключала, что будущие поколения еще более высоко оценят «великий ум покойного»¹⁶⁷. С симпатией отзывался «Словенски народ» о народнике С. М. Степняке-Кравчинском как о признанном вожде русских нигилистов, которые находятся на пути обращения к практическим теориям. Последнее очень устраивало «Словански свет», особенно тот факт, что воплотить эти теории в действительность нигилисты 90-х годов думали с помощью всех слоев русского народа¹⁶⁸.

¹⁶⁵ Slovanski svet, 1890, N 22, s. 363—364.

¹⁶⁶ Slovanski svet, 1893, N 1, s. 12.

¹⁶⁷ Slovanski svet, 1889, N 21, s. 351; N 18, s. 303.

¹⁶⁸ Slovanski svet, 1894, N 24, s. 478.

Итак, для подгорниковцев несомненна была идеализация царской России, в которой они видели единственную спасительницу славян от угнетения их другими народами.

Как многие мелкобуржуазные политики в конце XIX в. словенские русофилы являлись антисемитами. Их антисемитизм базировался на экономических трудностях, особенно усилившихся к концу XIX в. и приводивших к разорению массы мелких производителей и торговцев. В своих невзгодах мелкий буржуа обвинял крупный еврейский капитал. Это мнение в нем взращивали и постоянно подогревали его собственные национальные капиталисты. Наиболее активно писали антисемитские статьи в «Слованском свете» сам Ф. Подгорник и Ф. Штифтар. В них они доказывали, что евреи являются врагами славянских, германских и романских народов¹⁶⁹, что особенно много вреда принесли они славянам, способствуя немцам в Австро-Венгрии угнетать их, создав в России для подрыва ее могущества нигилизм¹⁷⁰. В 1895 г. «Словански свет» даже провозгласил антисемитизм одним из пунктов своей программы¹⁷¹.

Антисемитские выступления «Слованского света» облекались в форму борьбы как против крупного капитала, так и против разных «разрушительных» и «нигилистских», с точки зрения мелкого производителя,— революционных течений.

Антисемитизм таких мелкобуржуазных деятелей, как Подгорник, Шенерер и др., находил отклик не только в среде мелкой буржуазии, но и у части рабочих и радикальной интеллигенции, которые воспринимали его как борьбу против крупного капитала, в значительной степени находившегося в руках еврейских дельцов.

Энгельс четко определил классовую сущность антисемитизма, подчеркнув в своем письме к венскому служащему Эренфрэйнду его реакционность: «Антисемитизм, таким образом,— писал Энгельс,— это не что иное, как реакция средневековых, гибнущих общественных слоев против современного общества, которое состоит в основ-

¹⁶⁹ Slovanski svet, 1890, N 14, s. 221—224.

¹⁷⁰ Slovanski svet, 1894, N 11, s. 203—205.

¹⁷¹ Slovanski svet, 1895, N 1, s. 1.

ном из капиталистов и наемных рабочих; он служит поэтому лишь реакционным целям, прикрываясь мнимосоциалистической маской, это уродливая разновидность феодального социализма, и мы не можем иметь с ним ничего общего»¹⁷². В том же письме Энгельс отмечал, что антисемитизм является признаком отсталой культуры и поэтому имеет место только в Пруссии и Австрии да еще в России¹⁷³.

Главными врагами славян, принесшими им много горя и невзгод, русофилы считали немцев. И в этом их взгляды не отличались от взглядов большинства буржуазных славянских национальных деятелей Австрийской монархии.

В том, что немецкие националисты провозглашали себя лидерами всего цивилизованного мира, словенские русофилы не видели большого зла. Опасно, по их мнению, было стремление немцев навязать свою культуру славянам, которые не желали этого, поскольку сами имели достаточно высокую культуру, обладали большим талантом созидания и восприимчивостью к прогрессу¹⁷⁴. Подгорника возмущали открытое требование немецких националистов ассимилировать чехов и словенцев, их попытка доказать последним выгоду этой ассимиляции¹⁷⁵. Это обвинение Подгорника было вполне справедливо, но в запальчивости он нередко предьявлял к немецким господствующим классам и абсурдные обвинения, например в том, что они, чтобы ослабить славян, насаждают среди них различные партии¹⁷⁶.

В целом русофилы правильно отмечали опасность германизации, которая особенно усилилась после введения дуализма. В своей газете они указывали на те средства, которыми производилась эта германизация: издание брошюр, пропагандирующих немецкую культуру, создание различных обществ, активно проводящих германизаторскую политику. Из последних особенно выделялись общества Зюдмарк (Südmark) и Шульферайн (Schulverein). Зюдмарк был создан в Граце. Его целью

¹⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч., т. 22, с. 54.

¹⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч., т. 22, с. 53.

¹⁷⁴ Slovanski svet, 1890, N 16, s. 255—256.

¹⁷⁵ Slovanski svet, 1892, N 22, s. 329—330.

¹⁷⁶ Slovanski svet, 1892, N 6, s. 74.

являлась скупка в Штирии земель у словенских крестьян и передача их немецким крестьянам. Общество создавало немецкие детские сады и школы, в которые охотно принимали детей из бедных словенских семей¹⁷⁷. Шульферайн находился в Вене. Основанный немецкими либералами он активно действовал по всей Цислейтании. Его поддерживали власти, многие немецкие университеты, даже Шульферайн в Германии¹⁷⁸.

Наибольшую опасность для славян Подгорник и его единомышленники видели в деятельности немецкой националистической партии Шенерера. И эта точка зрения была вполне оправданной. Политическая программа, выдвинутая ею, имела резко антиславянскую направленность.

Отделившись в 1879 г. от либералов, Шенерер уже в 1881 г. опубликовал воззвание к немцам Австрийской монархии. Конечной целью он провозглашал объединение всех немцев в едином государстве. Предварительным условием этого Шенерер считал необходимость превращения Цислейтании в область с чисто немецким населением¹⁷⁹. Таким образом, чехи и словенцы делались первыми объектами германизаторских устремлений немецких националистов. И в этом хорошо отдавали себе отчет Подгорник и его друзья. Уже в первых номерах «Слованского света» появилось имя Шенерера. Подгорник характеризовал его как строгого антисемита и националиста, мечтающего об объединении Австрии с Германией. Подгорник относился к идеям Шенерера двойственно. С одной стороны, он подчеркивал, что политические цели шенерианцев неприемлемы для славян, так как они предполагают потопление словенцев и чехов в немецком море. Но, с другой стороны, Подгорник проявлял полное понимание таких черт шенерианства, как антисемитизм и национализм¹⁸⁰.

В 1894—1897 гг. агрессивные, шовинистические черты шенерианства проявились еще более отчетливо. Взрыв национализма был реакцией на законы Бадени-

¹⁷⁷ *Slovanski svet*, 1889, N 20, s. 321, 322.

¹⁷⁸ *Slovanski svet*, 1894, N 5, s. 85.

¹⁷⁹ См. выше.

¹⁸⁰ *Slovanski svet*, 1888, N 3, s. 39. Подгорник хвалил Шенерера за последовательный антисемитизм еще в августе 1886 г. в «Словенском народе». См.: *Kermauner D. Slovenska politika...*, s. 377.

Гауча, дававшие права чешскому языку в чешских землях (1897—1899). Во главе антиславянской немецкой пропаганды стали шенерианцы, но к ним примкнули и немецкие либералы и даже немецкие социал-демократы из чешских областей¹⁸¹. Все это заставило русофилов уделить шенерианству более пристальное внимание. В 1894 г. Подгорник писал о нем как о националистическом учении, призывавшем немцев завоевать восточные земли и рисовавшем австрийских славян в качестве агрессоров¹⁸². Подгорник подчеркивал, что если бы немецкие националисты достигли одной десятой провозглашенных ими целей, то не только все малые славянские народы, но и большая часть русского народа попали бы под власть Великой Германии, в сферу немецкой культуры. Поэтому он призывал славян отнестись к великонемецкой пропаганде со всей ответственностью и вести активную борьбу против пангерманизма¹⁸³. Подгорник обращал внимание на сходство взглядов Мольтке и Бисмарка¹⁸⁴ с идеями шенерианцев: и те и другие желают отнять у Австро-Венгрии немецкие земли, компенсировав ее за это на востоке, и те и другие стремятся включить чехов, словенцев, хорватов в сферу немецкой культуры¹⁸⁵.

Вместе с тем шенерианцы и другие немецкие националисты вызывали известные симпатии Подгорника и его окружения. В частности, в сентябре 1895 г. он с удовольствием констатировал победу антисемитов, под которыми подразумевал в первую очередь националистов, затем христианских социалцев и, наконец, консерваторов, на выборах в венский магистрат. Для Подгорника эта победа была важна, во-первых, потому, что она являлась победой над немецкими либералами, которых русофилы рассматривали как ставленников еврейского капитала и главных врагов славян, а во-вторых, потому, что она демонстрировала рост самосознания арийских народов. Подгорника привлекало в антисемитах их не-

¹⁸¹ *Ratner H. D.* Очерки по истории пангерманизма..., с. 94—96, 102—104.

¹⁸² *Slovanski svet*, 1894, N 5, s. 84.

¹⁸³ *Slovanski svet*, 1896, N 3, s. 25.

¹⁸⁴ Относительно Бисмарка Подгорник ошибался — Бисмарк был противником аншлюса.

¹⁸⁵ *Slovanski svet*, 1896, N 11, s. 121.

гательное отношение к насильственным переворотам, т. е. к революции ¹⁸⁶. Ему нравились высокий уровень их организации, их политическая активность.

Подгорник пытался определить и социальную сущность немецких националистов. Он указывал, что антисемиты представляют собой городские низы, бедноту. Позднее Подгорник подчеркивал, что раскол немецких партий консерваторов и либералов привел к выделению из первых христианских социалцев, а из вторых — немецких националистов. Христианских социалцев и националистов Подгорник считал антикапиталистическим содружеством ¹⁸⁷. И на это были основания. Шенерер и другие немецкие националисты, являясь выразителями разорявшихся немецких мелкобуржуазных слоев города и деревни (ремесленников, крестьян), нередко выступали в рейхсрате против засилья крупного капитала и налогов, за улучшение положения трудящихся ¹⁸⁸. Эти требования находили отклик и у Подгорника, выдвигавшего очень схожую социально-экономическую программу.

У русофилов было много общего с немецкими националистами и в политических требованиях. И те и другие, каждая со своих позиций, являлись противниками дуализма, боролись за расширение избирательных прав. На этой базе Подгорник допускал возможность тактического объединения славянских национальных партий с «немецкими антисемитами и антикапиталистами» ¹⁸⁹. Любопытно, что, перечисляя ошибки младочехов в их политической борьбе, Подгорник не преминул подчеркнуть их нежелание идти на союз с немецкими антисемитами для совместной борьбы с Венгрией ¹⁹⁰.

Таким образом, выступая против пангерманских идей немецких националистов, русофилы вместе с тем сочувствовали их антисемитизму и антивенгерским настроениям, а также их антикапиталистическим тенденциям. Даже их национализм вызывал у панславистов известное понимание и был бы им даже симпатичен, если бы

¹⁸⁶ Slovanski svet, 1895, N 36, s. 332.

¹⁸⁷ Slovanski svet, 1895, N 44, s. 409.

¹⁸⁸ Ратнер Н. Д. Очерки по истории пангерманизма..., с. 41—46.

¹⁸⁹ Slovanski svet, 1895, N 44, s. 409.

¹⁹⁰ Slovanski svet, 1896, N 4, s. 37.

не был своим острием направлен против славян. И это сочувствие не было случайным, так как словенское русофильство, как и австрийский пангерманизм, питала одна и та же социальная среда разоряющейся и боящейся разориться мелкой буржуазии, видевшей свое спасение в ликвидации крупного капитала, особенно еврейского, в установлении сильного национального государства (великогерманского или великославянского), в котором они видели панацею от всех бед.

**§ 4. Социально-экономическая программа
«Слованского света».
Отношение его
к различным словенским партиям**

Подгорник и его соратники являлись выразителями интересов мелкой словенской буржуазии как городской, так в особенности и сельской. Уже в первых номерах «Слованского света» провозглашалось, что «сохранение среднего крестьянского сословия желательно не только с экономической, но также и с социальной, и с политико-государственной точки зрения». Критикуя правительственный законопроект о неделимости кметского надела и о передаче его в руки единого наследника, Подгорник подчеркивал, что такой закон будет способствовать развитию нищеты остальных наследников, превращая их в пролетариев. «Так увеличится пролетариат на пользу заводскому капиталу, который, таким образом, чем дальше, тем больше будет иметь выбор рабочих рук по самой низкой цене». Подгорник считал, что улучшению положения крестьян может помочь только снижение государственных налогов¹⁹¹. Другой способ укрепления крестьянского хозяйства Подгорник видел в развитии и сохранении у славян общины-мира или задруги, где, по его мнению, «отмечается соответствие работы выгоде»¹⁹². В «Слованском свете» нередко помещались статьи, в которых всячески расхваливались эти патриархальные институты. Так, один из его корреспондентов утверждал, что «задруга является основой, с помощью которой, а также и других славянских обществен-

¹⁹¹ Slovanski svet, 1888, N 9, s. 133—135.

¹⁹² Ibidem.

но-экономических основ, можно было бы создать, развить и укрепить целую экономическую систему»¹⁹³.

Главным пропагандистом распространения общины среди славян являлся Ф. Целестин. Его взгляды в этом вопросе, по мнению М. Боршник, оказали значительное влияние на взгляды Подгорника¹⁹⁴. Целестин видел спасение славянских народов как от капитализма, так и от социализма в общине, считая, что она даст возможность решить социальный вопрос. «Я в русском мире,— писал он к М. Ф. Раевскому в письме от 17 июня 1883 г.,— (конечно, не недвижимом, но на своем принципе развивающемся) вижу фундамент, на котором должна развиваться и далее самобытная культурная жизнь, но так, чтобы и остальное, не крестьянское, общество согласно развивалось, чтобы оно не теряло живого смысла за совокупное развитие всего народа»¹⁹⁵. Таких взглядов он придерживался до конца своей жизни.

Решение социального вопроса в пользу мелких собственников словенские русофилы считали важнейшим условием успешного развития словенской национальности. Целестин, например, призывал в 1889 г. в «Люблянском звоне» укреплять экономическую самостоятельность словенцев, ибо, по его мнению, «в противном случае мы не спасем столпа своего — крестьянского сословия, а с ним потеряем и все остальное»¹⁹⁶.

Будучи выразителями интересов мелких собственников, словенские русофилы ненавидели дворянство и опасались партий, связанных с ним. В этом отношении они придерживались той же точки зрения, что и Левстик, и отчасти русские славянофилы 60—70-х годов, считавшие, что австрийские славяне не должны идти на союз с феодальными кругами. Как и они, Подгорник подчеркивал, что феодализм не был присущ славянам. «Славянин не знал ни господина, ни слуги,— писал он,— это различие ему было привнесено насильно». И, конечно, это различие было привнесено с Запада германскими завоевателями. Подгорник приходил к выводу, что в основе национального антагонизма между славянскими

¹⁹³ *Slovanski svet*, 1888, N 21, s. 338.

¹⁹⁴ *Boršnik M. Fran Celestin*, s. 281.

¹⁹⁵ Зарубежные славяне и Россия, с. 460.

¹⁹⁶ *Boršnik M. Fran Celestin*, s. 251—252.

народами, с одной стороны, и германскими и романскими,— с другой, лежат экономические и социальные различия¹⁹⁷. Подгорник следовал здесь за Левстиком, который одним из первых словенских национальных деятелей поднялся до понимания национальных противоречий в словенских землях как противоречий, в основе которых лежит классовый антагонизм.

Считая дворянство чуждым в национальном отношении славянским народам Австро-Венгрии, Подгорник и его единомышленники выступали против любой формы союза с ним. Они решительно критиковали словенских депутатов, вступивших в клуб реакционного дворянского политика гр. Гогенварта¹⁹⁸, отмечая, что «граф Гогенварт был и есть антиславянский политик». Осуждали они и Ригера, считая его вождем консервативного чешского дворянства¹⁹⁹. Когда летом 1895 г. некоторые славянские газеты подняли вопрос о создании коалиции против немецких либералов, состоящей из чешских и польских дворянских политиков в союзе с немецкими и славянскими консерваторами, «Словански свет» выступил против этих планов²⁰⁰. Русофилы не только видели в дворянстве класс, чуждый национальным интересам славянских народов, но и были убеждены, что свои сословные интересы дворянства всегда будет ставить выше, чем интересы государства и всего народа²⁰¹.

Наиболее полными выразителями интересов дворянства Подгорник и его сторонники считали консерваторов, хотя вместе с тем и указывали, что, помимо аристократии, к последним принадлежат многие крестьяне и почти все духовенство²⁰². В связи с этим, отмечали русофилы, и социально-экономические взгляды консерваторов неоднородны. Одни из консерваторов, писалось в «Слованском свете», близки к либералам-немшкутарам, другие — объявляют себя христианскими социальцами, третьи являются решительными противниками последних, но все эти группировки объединяет ярый клерикализм, слепая преданность католической церк-

¹⁹⁷ Slovanski svet, 1888, N 9, s. 135.

¹⁹⁸ Slovanski svet, 1895, N 35, s. 325.

¹⁹⁹ Slovanski svet, 1894, N 3, s. 56.

²⁰⁰ Slovanski svet, 1895, N 29, s. 269.

²⁰¹ Slovanski svet, 1888, N 7, s. 106—107.

²⁰² Slovanski svet, 1894, N 15, s. 281.

ві 203. «Словански свет» підчеркивал, що консервативно-клерикальної партією править вищеє духовенство, близьке дворянству, по суті своєї антиславянське і антисловенське, вредящее національному розвитку словенців 204.

Против словенської консервативно-клерикальної партії, духовним отцем якої являвся Махнич, подгориновці виступали особливо активно. Вони критиковали її за слепе копіювання німецької консервативної партії і її програми, особливо її вимог провінціальної автономії (замість національної) і релігійної школи 205. «Словански свет» осуджав тих діячів слов'янських народів, які виступали за передачу шкіл з ведення церкви, вважаючи це вимогу реакційним 206.

Програма клерикалів, насадження ними в народі релігійного фанатизму викликала різкий опір на сторінках «Слованського світла». Почти в кожному номері поміщалися статті, направлені проти махничевців, в яких говорилось про них, як про кліку, осуджаємою всіма колами, відзначаємою безстыдними поступками і тероризмом 207, убиваємою в народі любов'ю до ближнього і дискредитуємою віру в очах всіх мислячих людей 208. Махнич, по словам «Слованського світла», сеяв роздор, з-за якого терпели народ і віра 209. В частинних листах словенський фанатик отримував ще більш різку характеристику з боку русофілів. «Махнич... — писав Хостник Пальмову в березні 1898 р., — іезуїт самого гнусного закалу, ярий ненавистник православія» 210.

Клерикали викликали особу неприязнь «Слованського світла» тим, що ставили віру вище національності, тим, що награвляли народ на словенських національних діячів, не являючись релігійними фанатиками. Газета писала, що клерикальна партія являється ла-

203 Slovanski svet, 1895, N 10, s. 91.

204 Slovanski svet, 1894, N 17, s. 323, 324.

205 Slovanski svet, 1893, N 9, s. 164.

206 Slovanski svet, 1888, N 5, s. 70—71.

207 Slovanski svet, 1891, N 5, s. 75.

208 Slovanski svet, 1891, N 13, s. 212.

209 Slovanski svet, 1895, N 10, s. 91.

210 Архив АН СССР, ф. 105, оп. 2, д. 288, л. 30.

тинизаторской и германизаторской партией. И только для того, чтобы добиться успеха у простых словенцев, клерикальная партия добавляет к своему названию «национальная». Газета подчеркивала, что появление католической партии у словенцев — не исключение для Австро-Венгрии. Такие партии создаются у чехов, малорусов, хорватов. И они, как и у словенцев, являются не национальными, а латинизаторскими партиями²¹¹.

Откликаясь на первый католический съезд в Словении, происходивший в 1892 г., «Словански свет» сравнивал деятельность клерикалов с деятельностью знаменитого словенского контрреформатора Т. Хрена, сжигавшего первые словенские книги, изданные протестантами. «В настоящее время, — писал «Словански свет», — их критикой сжигаются лучшие плоды словенской литературы»²¹².

Словенские русофилы спорили с махничевцами буквально по всем вопросам: по основным положениям национальной программы, по вопросам религии, отношению к школьному делу, по женскому вопросу, вопросам литературной критики и т. д. Главными оппонентами клерикалов в «Слованском свете» выступали Д. Хостник, Ф. Целестин, сам Ф. Подгорник и особенно А. И. Добрянский²¹³. Об участии последнего в полемике с Махничем Хостник сообщал Пальмову, подчеркивая, что Добрянский несколько лет подряд в «Слованском свете» разоблачал Махнича, доказывая еретичность его идей с точки зрения учения католической церкви²¹⁴. Ф. Целестин защищал от нападок Махнича произведения замечательных словенских писателей И. Тавчара, Я. Керсника, А. Ашкерца, которых католический фанатик упрекал за реалистическое отображение жизни.

²¹¹ *Slovanski svet*, 1893, N 24, s. 464; 1897, N 2, s. 20—22.

²¹² *Slovanski svet*, 1892, N 24, s. 362.

²¹³ Адольф Иванович Добрянский (1817—1901) — горный инженер по профессии. Видный политический деятель Закарпатья, горячий русофил. Многие его взгляды оказали влияние на Ф. Подгорника, которого Д. Кермавнер не без основания считает учеником Добрянского. Последний поддерживал в Австрийской монархии русофильские издания материально и активно сотрудничал в них (например, в «*Parlamentär*» Карела Живного, «Слованском свете» Подгорника). См.: *Kermavner D. Slovenska politika...*, s. 183, 200, 454—455.

²¹⁴ Архив АН СССР, ф. 105, оп. 2, д. 288, л. 30.

Таким образом, словенские консерваторы-клерикалы являлись для подгорниковцев врагом номер один в словенской общественной жизни, и борьба с ними имела, несомненно, положительное значение для словенцев.

Отношение к другой словенской партии — партии либералов — было у словенских русофилов много сложнее. В немецком либерализме, проводившем открыто политику германизации славянских народов, «Словански свет» видел одного из главных своих противников. Он не импонировал ему и с классовых позиций. «Словански свет» прямо называл немецкую либеральную партию партией крупных промышленников и торговцев. «Эта партия,— писала газета,— в своих интересах подрывает основы благосостояния среднего и мелкого крестьянства, эксплуатирует рабочие массы на фабриках и уничтожает мелкое ремесло и торговлю, монополизировав их в своих руках»²¹⁵. Крупный капитал Подгорник считал космополитичным и антинациональным по своей сущности. О представителях крупного капитала он писал: «Люди действуют против государства и народов, где они обогатились и среди которых они даже сами были рождены и воспитаны, если им иностранцы пообещают выгоду»²¹⁶.

Словенских либералов подгорниковцы не считали выразителями интересов капитала. Наоборот, словенскую либеральную партию они считали партией национальной и необходимой словенцам²¹⁷ и приветствовали переименование Словенского общества в Любляне в национально-прогрессивную партию, высоко оценивая выступление И. Тавчара с ее программой. В его выступлении им особенно импонировало желание словенских либералов наладить духовные связи со всеми славянскими народами²¹⁸.

Вместе с тем словенская либеральная партия далеко не полностью удовлетворяла подгорниковцев, и прежде всего Хостника. Приветствуя ее как национальную словенскую партию, он в то же время не одобрял ее равнодушие к религии, считая, что пока светская и ду-

²¹⁵ Slovanski svet, 1894, N 20, s. 382.

²¹⁶ Slovanski svet, 1888, N 1, s. 5—6.

²¹⁷ Slovanski svet, 1894, N 17, s. 323.

²¹⁸ Slovanski svet, 1891, N 11, s. 180—181.

ховная власть связаны друг с другом неразрывно, нужно принимать в расчет и религиозные чувства. Самой подходящей церковью для славян Хостник считал кирилло-мефодиевскую. Его мнение полностью поддерживала редакция «Слованского света»²¹⁹. После того как статья Хостника вызвала критику главного органа либералов «Словенского народа», он разъяснил свою позицию, указав, что сам принципиально принадлежит к либералам и их программа, изложенная Тавчаром, полностью его удовлетворяет. Вместе с тем Хостник сетовал, что либералы отреклись от своей прежней программы, «Все за народ и свободу», что они изменили свое отношение к России, что они не поняли своей главной задачи — выбить оружие веры из рук клерикалов и этим завоевать на свою сторону простой народ. Как уже отмечалось выше, выбить это оружие Хостник полагал с помощью кирилло-мефодиевской церкви²²⁰.

Критика либералов на страницах «Слованского света» усугубилась в 1894—1896 гг., когда в газете стала активно сотрудничать словенская студенческая молодежь. Но направленность ее критики была другая. Хостник критиковал либералов за их равнодушие к кирилло-мефодиевской церкви и недостаточные симпатии к России; словенские радикалы — за дряблость, неорганизованность, трусость, оппортунизм. Уже в августе 1894 г. некто Довч (Dovč), указывая, что либералы (или прогрессисты) теряют свои позиции в народе, предлагал им перейти от бездействия к активной агитации среди народа, перенимать у католиков их дисциплину и методы борьбы²²¹. В конце 1894 г. в большой корреспонденции «Слованского света» рассказывалось об организационном съезде словенской либеральной партии. В ней одобрялся выход либеральных депутатов из клуба Гогенварта, решение съезда укреплять культурную взаимность словенцев с другими славянами, усилить борьбу за национальную автономию словенцев и всеобщее избирательное право. Но корреспондент «Слованского света» критиковал либералов за то, что они одобрили деятельность либералов типа соглашателя

²¹⁹ Slovanski svet, 1891, N 13, s. 212; N 16, s. 261, 262.

²²⁰ Slovanski svet, 1891, N 22, s. 350—353.

²²¹ Slovanski svet, 1894, N 15, s. 286.

Ферьянчича, что приняли слишком мягкие резолюции относительно клерикалов²²².

В мае 1895 г. «Квидам» («Quidam»), член словенского студенческого общества в Вене Словения, подтвердив, что большинство общества примыкает к либералам, вместе с тем обвинил либералов в их безразличии к студентам, что привело к гибели студенческого печатного органа «Весна». Выразив уверенность, что словенцы имеют будущее только в культурной связи с остальным славянством, «Квидам» призывал руководителей либеральной партии не критиковать радикализм студентов, а отнестись к нему благожелательно и в согласии со студенчеством «действовать на пользу и славу отечеству»²²³.

Осенью 1895 г., когда встал вопрос о выборах в краинское провинциальное собрание, «Домолюб» («Domoljub») на страницах «Слованского света» высказал сожаление по поводу возможной победы клерикалов в Крайне. Он предсказывал поражение либеральной партии, ибо она «без настоящего руководства, без ясной программы, не завоевала ничьих симпатий». Она не пошла к народу, не попыталась привлечь к себе пролетариат, не вела среди него агитацию, в то время как клерикалы проявляли в этом отношении значительную активность²²⁴. Спустя несколько дней «х» резко критиковал воззвание либералов к избирателям, указав, что в нем не выражена ясно их программа, а слышатся бессилие, равнодушие, безнадежность²²⁵.

Итоги выборов в краинское провинциальное собрание оправдали пессимистические прогнозы корреспондентов «Слованского света»: либералы потеряли полностью опору в крестьянской курии, получив некоторую поддержку только у горожан. Результаты выборов в «Слованском свете» комментировал некий «Видененсис» («Videlensis»). Он показал, что либералы получили большинство в городах не потому, что активно действовали там, а потому, что ни одна партия не выступила перед горожанами с честной социально-экономической

²²² Slovanski svet, 1894, N 23, s. 443—445.

²²³ Slovanski svet, 1895, N 19, s. 175.

²²⁴ Slovanski svet, 1895, N 42, s. 392, 393.

²²⁵ Slovanski svet, 1895, N 45, s. 418, 419.

программой. Кроме того, мелких ремесленников и небогатое мещанство клерикалы еще не успели привлечь на свою сторону. «Видененсис» пришел к неутешительному выводу, что «отечественная либеральная партия в истинном смысле является партией буржуазии» и что в провинциальном собрании Крайны теперь представлены помещичья партия, партия буржуазии и партия аграрно-социальных клерикалов. Интеллигенция перестала быть вождем народа, превратилась в генерала без армии. Либералы впали в окончательный маразм: у них нет опоры в народе, нет авторитета среди молодежи, нет экономической и социальной программы, нет славянского самосознания. Их лозунгом стал лозунг консерваторов: «Все за веру, отечество, императора»²²⁶.

Следует, однако, подчеркнуть, что критика либералов со стороны «Видененсиса» была скорее исключением в «Слованском свете». Он единственный из его корреспондентов ясно определил сущность словенского либерализма, как буржуазного, не способного вследствие этого сплотить вокруг себя широкие массы трудящихся.

Близким к «Видененсису» был «Иван В-ч» («Ivan V-č») из Штирии. Он подверг сомнению казавшееся таким неоспоримым утверждение Левстика о демократичности словенцев. Словенский народ насквозь демократичен, писал он, так как у него нет ни национального дворянства, ни национальной крупной буржуазии. Его интеллигенция вышла из крестьян. Так почему же, спрашивал Иван В-ч, половина словенских депутатов в рейхсрате поддерживает интересы феодалов и капиталистов в ущерб крестьянам и горожанам. И народ не протестует против этого, наоборот, под руководством священников он вновь и вновь избирает таких же и даже худших депутатов²²⁷. «Иван В-ч», как и «Видененсис», уже в значительной степени отшел от понимания словенского народа как единого, бесклассового общественного организма, понимания, характерного для многих словенских русофилов.

Большинство корреспондентов «Слованского света» ограничивалось более скромной критикой либералов, не вдаваясь в их классовую сущность. Основные пункты

²²⁶ Slovanski svet, 1895, N 47, s. 435.

²²⁷ Slovanski svet, 1895, N 46, s. 428.

обвинения сводились к тому, что либералы отказались в своей программе: 1) от всеславянских идей; 2) от борьбы за Объединенную Словению, провозглашенную еще в 1848 г.²²⁸ Кроме того, либералы всячески укорялись за их тактику: отсутствие организованности, связей среди простого народа, оппортунизм.

Критическое отношение русофилов распространялось не на всех словенских либералов. Либералы старого поколения вызывали искреннюю симпатию «Слованского света». В некрологе Д. Трстеняку он называл его «одной из самых светлых звезд на словенском, а также и на славянском небе»²²⁹. Высокую оценку газеты получил и М. Маяр. «Матия Маяр оставил вечную память о своем уме,— писала она,— он увеличил значимость словенского имени среди других славян». «Словански свет» высоко ставил его всеславянские идеи, хотя и выступал против попыток Маяра создать искусственный общеславянский язык, считая это его принципиальной ошибкой. «Был он человеком будущего,— заключала газета,— имя которого должна сохранить не только словенская, но и вообще славянская литература»²³⁰.

Высокой оценки удостоивался В. Зарник, один из ведущих деятелей словенских либералов Крайны еще со времен словенских народных таборов. «Словански свет» в некрологе назвал его словенцем и славянином²³¹ — в устах подгорниковцев это была высшая похвала. Один из русских корреспондентов «Слованского света» (почти наверняка Д. Хостник) ставил Зарника в один ряд с вождем левого крыла младословенцев в конце 60-х — начале 70-х годов Ф. Левстиком, отмечая, что о их смерти он может думать не иначе, как с душевной болью. «Эти два настоящих словенца,— продолжал он,— были по своему характеру полностью подобны Ламанскому и Миллеру: искренние, саркастические и преданные своей идее, несмотря на обстоятельства»²³².

Перед Ф. Левстиком, наиболее ярким представителем словенской демократии 60—70-х годов XIX в., ру-

²²⁸ Slovenski svet, 1897, N 4, s. 53, 54.

²²⁹ Slovenski svet, 1890, N 3, s. 46.

²³⁰ Slovenski svet, 1892, N 15, s. 231; N 16, s. 238.

²³¹ Slovenski svet, 1888, N 7, s. 114.

²³² Slovenski svet, 1889, N 13, s. 216.

софилы в полном смысле этого слова преклонялись. Уже в первых номерах «Слованского света» был помещен призыв к словенским патриотам жертвовать на памятник Ф. Левстику. Последний характеризовался как один из острейших словенских умов, принесший огромную пользу словенскому народу в качестве литературного критика, истинно народного писателя и одаренного поэта²³³. Не случайно, когда Хостника попросили в России перевести на русский язык какое-либо произведение словенского писателя для издававшегося Чудиновым «Пантеона литературы», он выбрал «Мартина Крпана» Левстика, считая, что этим он поставил «незабвенному Левстику постоянный, хотя и скромный, памятник в русской литературе, и исполнил таким образом долг *rijetete* по отношению к самому словенскому из всех словенских писателей, чья добрая наука о словенской литературе навсегда осталась у меня в памяти»²³⁴. Хостник был твердо убежден, что если бы не умерли Юрчич, Зарник и Левстик, клерикализм не расцвел бы так ярко в Крайне, ибо они именно и были теми энергичными и смелыми борцами, которых недооценивало либеральной партии 90-х годов²³⁵. Другой корреспондент «Слованского света» болгарин д-р Ковачев, рассматривая культурную жизнь словенцев в 1893 г., важнейшим событием ее считал издание избранных произведений Левстика, о котором он отзывался, как о замечательнейшей личности в словенской литературе за прошедшее полу столетие, соединившей в одном лице Прешерна и Миклошича²³⁶.

Высокая оценка «Слованским светом» Ф. Левстика не были случайной. Подгорник и его соратники считали себя наследниками его традиций, традиций молодого словенского либерализма конца 60-х — начала 70-х годов, бесстрашно сражавшегося за национальные права словенского народа. И действительно, мы можем провести ряд параллелей между взглядами Левстика и словенских русофилов конца 80—90-х годов XIX в. И Левстик, и подгорниковцы в национальном вопросе

²³³ *Slovanski svet*, 1888, N 4, s. 66; 1889, N 14, s. 337.

²³⁴ *Slovanski svet*, 1891, N 16, s. 257, 258.

²³⁵ *Slovanski svet*, 1891, N 22, s. 351.

²³⁶ *Slovanski svet*, 1894, N 1, s. 11.

являлись активными сторонниками создания Объединенной Словении и опоры словенского национального движения на славянскую взаимность, прежде всего на единственное независимое славянское государство — Россию. И Левстик, и вслед за ним подгорниковцы рассматривали словенскую национальную борьбу как форму классовой борьбы между немецкими феодалами и словенскими крестьянами, решительно выступая против любого союза словенских национальных деятелей с консервативно-феодальными партиями. И Левстик, и подгорниковцы стремились обратить внимание на положение словенских трудящихся, разоряющихся крестьян и рабочих, пытались выработать социально-экономическую программу улучшения их материального положения²³⁷.

Но время деятельности Левстика очень отличалось от времени деятельности Подгорника. Левстик действовал в период, когда на повестке дня еще остро стоял вопрос борьбы с феодальными пережитками в экономическом, социальном, политическом планах; и эта борьба острее своим была направлена против немецкого дворянства. В то же время классовые капиталистические противоречия в самом словенском обществе не были еще отчетливо выражены. Поэтому упор Левстика на антифеодальную борьбу был оправдан. В 90-х годах XIX в. необходимость антифеодальной борьбы в словенских (как и вообще в австрийских) землях сохранялась, но не она являлась главной. Главным стало противоречие между трудом и капиталом, и это противоречие существовало не только между немецким капиталистом и словенским рабочим, но и между словенским капиталистом и словенским рабочим. Поэтому рассмотрение словенцев в качестве демократической однородной массы, оправданное у Левстика недостаточной развитостью капиталистических отношений в словенском обществе 60-х годов, у подгорниковцев уже являлось тенденциозным, сознательно направленным на то, чтобы отвлечь рабочих от классовой борьбы и втянуть их в русло словенской буржуазной политики. Следует заметить, что Левстик в 60-х годах сумел увидеть появление словенской буржуазии, к которой у него было отрицательное

²³⁷ Об отношении русофилов к рабочему вопросу см. ниже.

отношение. Подгорник же и его соратники предпочитали не видеть классовых капиталистических отношений в словенском обществе и в 90-х годах.

Относительно лозунга Объединенной Словении можно сказать, что как в 60-х, так и в 90-х годах XIX в. он оставался важнейшим пунктом национальной программы словенцев, проведение в жизнь которого давало возможность решить словенский национальный вопрос наиболее демократическим путем. То, что подгорниковцы поддерживали эту традицию Левстика, хотя и не всегда последовательно, имело большое положительное значение для словенского национального движения. Что касается убеждения Левстика и подгорниковцев в необходимости словенцам опираться в борьбе за свои национальные права на славянскую взаимность, то его нужно рассматривать с двух сторон. Когда они призывали все угнетенные славянские народы образовать единый фронт борьбы против эксплуататорских классов господствующих в Австро-Венгрии немецкой и венгерской наций, этот призыв имел прогрессивное значение, ибо осуществление его означало возможность для угнетенных народов Австрийской монархии добиться для себя больших национальных прав. Когда же Левстик и подгорниковцы призывали словенцев опереться в своей национальной борьбе на Россию, то этот призыв был полностью нереальным, ибо официальная Россия никогда всерьез не думала о поддержке национальных движений в Австрийской монархии, а, наоборот, была заинтересована в сохранении ее целостности. И здесь положение Левстика и подгорниковцев было различным. В 60-х годах, когда в России были проведены буржуазные реформы, Левстик и его современники могли еще надеяться на ее дальнейшую либерализацию, на замену в ней самодержавного строя какими-либо парламентскими формами. Такая надежда сыграла известную роль в расчетах Левстика на поддержку России. Однако главным моментом, определившим рост его русофильских настроений, было введение дуализма в Австрийской монархии, что означало крах надежд словенских (как и других славянских) национальных деятелей на получение от австрийского правительства равноправия для славянских народов. Русофильство Левстика явилось для него формой отхода от австрославизма, отка-

за от расчетов на возможность приемлемого существования словенцев в Австрийской монархии, поисков им новых путей обеспечения национальных прав словенского народа.

Словенские русофилы 90-х годов уже вполне могли убедиться, что самодержавная Россия неспособна ни к какой либерализации своих институтов, что она является оплотом всего самого реакционного. Их идеализация царской России, восхваление ее самодержавных порядков, несомненно играли реакционную роль, способствовали укреплению реакции и в Австрийской монархии.

То, что одни и те же положения у Левстика и Подгорника имели различное значение для национального, социального и экономического развития словенцев, объяснялось не столько личными особенностями этих деятелей, сколько различием той роли, которую мелкобуржуазные слои населения играли в 60-х и 90-х годах XIX в. В 60-х годах, когда рабочее движение в словенских землях еще не выделилось из общедемократического и когда борьба с остатками феодализма занимала значительное место в словенской общественной жизни, ведущую прогрессивную роль в словенском национальном движении играли мелкобуржуазные слои города и отчасти деревни. Левстик являлся идеологом этих слоев, его идеи носили прогрессивный демократический характер. В 90-х годах мелкобуржуазная демократия потеряла свою ведущую, прогрессивную роль, которая перешла к словенскому рабочему классу и его партии. Двойственность положения мелкой буржуазии, ее боязнь, с одной стороны, крупного капитала, а с другой — рабочего движения, все более отчетливо стала сказываться на взглядах ее идеологов, усиливая их реакционную сторону. Это-то и являлось причиной того, что взгляды подгорниковцев при всем видимом сходстве со взглядами Левстика были по своему существу гораздо консервативнее и носили в ряде случаев даже реакционный характер.

Прошлое словенского национального движения всячески идеализировалось словенскими русофилами. Так, Хостник с восторгом писал о временах словенских таборов, когда не было ни старых, ни молодых, а имелось единое национальное движение с общей программой: Объединенная Словения и права словенского народа.

Согласно изложению Хостника, только позднее деятельность ряда священников привела к расколу словенской национальной партии ²³⁸.

Из словенских либералов 90-х годов симпатией подгорниковцев пользовался Иван Хрибар. Они отметили 25-летний юбилей его службы в Люблянском отделении чешского банка «Славия»; всячески рекламировали этот банк, называя его банком славянских патриотов, который чехи основали не только затем, чтобы помочь своей родине, но и ради помощи всем славянам ²³⁹.

Наибольшее неудовольствие «Слованского света» вызывали такие деятели либеральной партии в Крайне, как Шуклье, Вшняк, Ферьянчич, даже И. Тавчар. Когда в 1897 г. Шуклье отказался от участия в политической жизни страны, «Словански свет» с удовольствием заметил, что он «играл в политике столько разных ролей, что мыслящие словенские патриоты с облегчением вздохнули, узнав, что он ушел от непосредственной политической деятельности» ²⁴⁰.

Таково было отношение подгорниковцев к либеральной партии Крайны. К либералам Горицы и Приморья оно было значительно снисходительнее. Объяснялось это, во-первых, тем, что горичане и приморцы более решительно и успешно вели борьбу с клерикалами, а во-вторых, тем, что у них было сильнее развито чувство славянской взаимности. Триестинское общество словенских либералов Единост пользовалось полной поддержкой «Слованского света». Последний призывал словенцев вступать в Единост, расхваливал всячески ее руководителя Ивана Набергоя как скромного и преданного словенскому народу политика ²⁴¹. «Словански свет» постоянно освещал на своих страницах деятельность общества, подчеркивал ее важность для словенцев. Оценивая значение посещения собраний Единости ее членами, газета подчеркивала активность окрестного крестьянского населения в противовес интеллигенции ²⁴². Экономические и национальные требования, выдвигавшиеся на заседаниях Единости, получали под-

²³⁸ Slovanski svet, 1891, N 13, s. 214.

²³⁹ Slovanski svet, 1894, N 10, s. 197; 1895, N 14, s. 129.

²⁴⁰ Slovanski svet, 1897, N 4, s. 52.

²⁴¹ Slovanske svet, 1891, N 1, s. 10.

²⁴² Slovanski svet, 1895, N 26, s. 244.

аую поддержку русофилов, например требования снижения цен на соль, уменьшения продолжительности рабочего дня на газовом заводе в Триесте, создания отдельных административных органов для словенцев Триеста и т. д.²⁴³

Словенское общество Слога в Горице также привлекало внимание «Слованского света», особенно после того, как к руководству им вместо яркого консерватора Тонкли пришел терпимо относившийся к либералам Грегорчич. Это событие комментировалось как коренное изменение, которое приведет к улучшению деятельности Слоги. Спустя несколько лет «Словански свет» с сочувствием рассказал о желании общества организовать словенскую ремесленную школу для краснодеревщиков и резчиков, послать петицию властям о распространении в торговой палате Горицы избирательных прав на всех торговцев и ремесленников, платящих налоги²⁴⁴.

Либеральная словенская печать поддерживалась подгорниковцами. В честь 25-летнего юбилея главного органа словенских либералов газеты «Словенски народ» на страницах «Слованского света» была опубликована большая статья, в которой подчеркивалось, что «Словенски народ» за все время своего существования оставался национальной, верной словенскому народу газетой. «„Словенски народ“, — писал „Словански свет“, — действительно имеет большие заслуги в деле пробуждения народа... он вел интеллигенцию к национальному самосознанию». «Словански свет» советовал «Словенскому народу» отойти от узости мышления малых народов и иметь перед глазами всегда «весь народ в целом»²⁴⁵. Это означало, что «Словенски народ» должен стать органом не только словенцев (малого народа), но и всех славян (всего народа в целом).

Такая общая высокая оценка «Словенского народа» не исключала довольно частой полемики против него на страницах «Слованского света». В частности, Хостник упрекал «Словенски народ» в том, что он изменил своей программе, перестал стремиться поддерживать

²⁴³ Slovanski svet, 1894, N 20, s. 394.

²⁴⁴ Slovanski svet, 1890, N 19, s. 316; 1894, N 20, s. 394.

²⁴⁵ Slovanski svet, 1893, N 7, s. 137, 138.

«духовную связь с Россией, как единственной независимой и могущественной славянской державой»²⁴⁶.

В начале 1891 г., давая оценку различным органам печати в словенских землях, с точки зрения близости их программ к его собственной программе, «Словански свет», указав на влияние «Словенского народа», вместе с тем дал ему неопределенную характеристику как газете, направление которой зависит от управителей комитета Национальной типографии. По-видимому, Подгорник не хотел резко критиковать «Словенский народ», опасаясь расколоть антиклерикальный лагерь. Органы триестинских и горицких либералов «Единость» и «Наша Соча» превозносились «Слованским светом», как наиболее отвечающие требованиям словенской национальной программы. Близко к ним «Словански свет» ставил и выходившую в Целовце газету «Мир», хотя и отмечал ее большую непоследовательность по сравнению с «Единостью» и «Нашей Сочей»²⁴⁷.

Таково было сложное отношение русофилов к либералам. Как можно видеть, в целом сочувствуя словенскому либерализму, они тем не менее не отождествляли себя с ним, занимая по ряду вопросов (отношение к рабочему классу, к парламентской тактике, к борьбе за избирательные права и т. д.) более радикальные позиции, а по некоторым вопросам (отношение к самодержавному строю в России и пр.) — более консервативные.

Являлась ли группа Подгорника каким-то самостоятельным политическим течением или представляла собою одно из направлений либеральной партии? Этот вопрос, несомненно, имеет значение, так как решение его могло бы добавить новые штрихи в политическую обстановку в словенском национальном движении.

Хостник в 1891 г. в своих статьях высказывал мнение, что круг «Слованского света» представляет собою третью маленькую словенскую партию, которая не борется за парламентские места, а полностью придерживается старой программы словенских либералов времен таборов и которую за это преследуют как клерикалы (в большей степени), так и либералы (в меньшей сте-

²⁴⁶ Slovanski svet, 1891, N 22, s. 350—353.

²⁴⁷ Slovanski svet, 1891, N 2, s. 28.

пени), обвиняя ее в русофильстве. «Мы, стоящие за полную, действительно всесловенскую программу и культурную славянскую программу,— писал он,— единственные, которые могут спасти словенский народ от верной гибели» [т. е. ассимиляции.— И. Ч.]²⁴⁸. Хостник, таким образом, четко сформулировал основное кредо объявленной им партии по национальному вопросу: старая национальная программа (Объединенная Словения), общеславянская культурная программа (опора на славянские народы и на Россию).

Где эта программа находила отклик? Прежде всего в среде интеллигенции, особенно в рядах наиболее антиавстрийски настроенной радикальной студенческой молодежи. У нее было сильно развито чувство славянской солидарности: учась в немецких университетских городах (чаще всего в Вене и Граце), словенские студенты непосредственно сталкивались со студентами других славянских народов, имели с ними тесное общение, в результате чего видели много общего в положении славянских народов Австро-Венгрии, а следовательно — и много общего в задачах их борьбы за свои национальные права. Формированию чувства славянской взаимности у словенских (как и вообще славянских) студентов помогала и антиславянская агитация пангерманистов и немецких либералов, имевших многих сторонников среди немецких студентов.

Русофилы с симпатией следили за развитием словенского студенческого движения. Эта симпатия базировалась, помимо всего прочего, и на их твердой уверенности в том, что молодежь — будущее нации; и каждая партия, желающая иметь будущее, должна за нее бороться, особенно за студенчество. «Немецкие националы все[й] нашей монархии работают всюду в пангерманском духе,— писал Подгорник к И. С. Пальмову 5 января 1897 г.,— пропаганда сильна, и студен[че]ство мыслит более и более все по-прусски. Для нас это очень опасно, и для того нам должно молодежь готовить за нашу программу»²⁴⁹. И Подгорник старался повести словенскую молодежь за собой. Уже в третьем номере

²⁴⁸ Slovanski svet, 1891, N 13, s. 214, 215.

²⁴⁹ Архив АН СССР, ф. 105, оп. 2, д. 211, л. 6 и об. Письмо написано по-прусски.

«Слованского света» была помещена статья о славянских студенческих обществах Граца. Газета приветствовала образование совместного общества грацких славянских студентов Славии, в которое входили словенцы, чехи, хорваты, сербы, болгары и поляки, всего — более 100 человек. Целью общества было «укреплять дружбу славянских студентов Граца и готовить его членов к деятельности в области славянской литературы»²⁵⁰.

Много писал «Словански свет» об обществе словенских студентов в Вене — Словении, освещая все его наиболее значительные мероприятия. При этом особенно приветствовались интерес членов общества к русской культуре и устройство ими общеславянских праздников. Так, корреспондент «Слованского света» с гордостью описывал устроенный Словенией концерт, на котором присутствовали 600 словенцев, хорватов, чехов, сербов, болгар, в том числе Л. Ригер, Д. Стратимирович и 17 болгарских журналистов²⁵¹. С воодушевлением рассказывал корреспондент «Слованского света», по-видимому член Словении, о праздновании обществом своего 25-летнего юбилея 31 января 1894 г. На юбилее присутствовали представители всех славянских студенческих обществ, а также представители славянской интеллигенции в Вене: министерский советник Иречек, профессор Ягич, русский архиерей Николаевский и др. «Праздник носил всеславянский характер», — заключал корреспондент. Весной 25-летие Словении было отмечено еще раз экскурсией за город, в которой приняли участие большинство славянских студенческих обществ за исключением польского. В статье указывалось, что из 700 человек, бывших членами Словении за 25 лет ее существования, только один предал интересы своего народа²⁵². В призыве к словенским студентам вступать в Словению редакция «Слованского света» характеризовала это общество как центр словенского передового студенчества, очаг для словенских студентов на чужбине, воспитывающий их в духе старого лозунга либералов «Все за свободу и национальность»²⁵³. Это же

²⁵⁰ Slovanski svet, 1888, N 3, s. 40, 52.

²⁵¹ Slovanski svet, 1893, N 4, s. 77.

²⁵² Slovanski svet, 1894, N 3, s. 57; N 9, s. 175.

²⁵³ Slovanski svet, 1895, N 28, s. 268.

подчеркивал и студенческий корреспондент «Слованского света» «Квидам», отмечая, что Словения всегда была оплотом либерализма, всегда активно боролась с клерикалами и перваками (т. е. старословенцами.— И. Ч.)²⁵⁴.

Любопытной была статья о Словении «-i-». В ней приводилась численность общества на протяжении всего ее существования и профессиональный состав ее членов. Наибольшее количество членов Словения имела в 1869/70 г.—95 человек; в 1877/78 г.—110 человек; в 1895 г.—100 человек; наименьшее количество в 1886/87 и 1887/88 гг.—по 25 человек и в 1873/74 г.—26 человек²⁵⁵. Характерно, что подъем популярности Словении совпадал с важными политическими событиями в словенских землях и за рубежом: 1869—1870 гг. были временем проведения таборов в словенских землях, т. е. временем наивысшего подъема словенского национального движения; 1877—1878 гг. также были очень знаменательны, так как это были годы русско-турецкой войны и освобождения Болгарии от турецкого ига, событий, оказавших влияние на оживление надежд словенских национальных деятелей на возможность скорого освобождения от австрийского ига. Наконец, середина 90-х годов тоже явилась важной вехой в словенском национальном движении. В 1894 г. образовалась словенская Национальная партия либералов. Либеральное движение в связи с этим несколько укрепило свои позиции. Эта аффирмация либералов отразилась и на популярности Словении, в основном стоявшей на либеральных позициях.

Любопытную заметку о концерте, устроенном Словенией для представителей славянских народов, написал «Ф. Г-к» («F. G-k»). На концерте присутствовали русские, чехи, хорваты, сербы, словенцы, главным образом из числа интеллигенции: университетские профессора и доценты, адвокаты, писатели, журналисты, офицеры, чиновники. Было много студентов и дам. Корреспондент особо отметил теплую встречу, устроенную студентами редактору «Слованского света» Подгорнику²⁵⁶.

²⁵⁴ Slovanski svet, 1895, N 19, s. 175.

²⁵⁵ Slovanski svet, 1895, N 48, s. 447.

²⁵⁶ Slovanski svet, 1896, N 8, s. 95.

С симпатией следил «Словански свет» за деятельностью словенского студенческого общества в Граце — Триглав. Газета одобряла его патриотические экскурсии по селам словенской Штирии в целях национальной агитации крестьян²⁵⁷, благосклонно отзывалась о концертах, даваемых его членами. В частности, высокую оценку получил концерт в честь Прешерна, на котором оркестр исполнял произведения Чайковского, Глинки, чешские народные песни²⁵⁸. Корреспондент «А-р» («А-г»), очевидно являвшийся постоянным корреспондентом Подгорника в Триглаве (он же писал и о концерте в честь Прешерна), дал в «Словански свет» корреспонденцию о праздновании двадцатилетия существования общества. На этом юбилее присутствовали представители всех славянских обществ в Граце, поднимались тосты за болгар, чехов, хорватов, поляков, малорусов и румын²⁵⁹. «Словански свет» с удовольствием приводил высказывание заместителя председателя Триглава Силва Доминцеля на съезде славянских студентов в Вене (летом 1892 г.) о том, что Триглав борется за введение у южных славян кирилло-мефодиевского обряда и за Объединенную Словению. Доминцель подчеркнул, что члены Триглава чувствуют себя прежде всего словенцами, затем славянами, а потом уже всем прочим. Под прочим подразумевалось, по-видимому, австрийское гражданство. Социальный вопрос Доминцель, как и русофилы, ставил на второе место²⁶⁰.

На страницах «Слованского света» всячески пропагандировалась радикальная газета словенских учащихся «Весна», возникшая в 1894 г. Не раз отмечались ее статьи, например «Кое-что о прекрасном» («-pi-»), в которой критиковались взгляды клерикальных философов на прекрасное; статья, направленная против клерикальной газеты «Даница»²⁶¹. Когда из-за нападок католиков и потери большей части подписчиков «Весна» должна была прекратить свое существование, «Слован-

²⁵⁷ Slovanski svet, 1892, N 12, s. 180.

²⁵⁸ Slovanski svet, 1895, N 12, s. 108—109.

²⁵⁹ Slovanski svet, 1895, N 48, s. 447.

²⁶⁰ Slovanski svet, 1892, N 13, s. 198.

²⁶¹ Slovanski svet, 1894, N 23, s. 460.

ски свет» объявил себя органом тех учащихся, которые остались верными старой программе «Весны»²⁶².

В сентябре 1896 г. Хостник смог с гордостью отметить в письме к Пальмову: «Довольно уже того, что молодежь на нашей стороне»²⁶³. Подгорник старался сделать «Словански свет» интересным для студенчества. «Узнавши,— сообщал он Пальмову 5 января 1897 г.,— что акад. молодежь желает немножко читать и по общим фило[со]фическим вопросам, особенно касающимся социализтики и соц. экономии, то я обещал в г. 1897 писать и потом [т. е. о том.— И. Ч.]. Это нужно, если [по]смотрим и на русскую, и чешскую молодежь»²⁶⁴.

С приходом после закрытия «Весны» в «Словански свет» радикально настроенной молодежи оппозиционные настроения газеты возросли. Уже в начале февраля 1895 г. в ней появилась обширная статья «Учащегося-прогрессиста» («Naprednjak-dijak») «Клерикальная и национальная партии и словенские студенты». В ней автор с горечью писал о распространении среди словенцев клерикализма, причину чего видел в бездеятельности либералов и в активности и наступательной тактике католиков. Махнич и его клика всячески мешали «Весне», стоявшей на национальных и всеславянских позициях, вели агитацию против нее, создали в противовес ей свою католическую студенческую газету «Зора». В результате «Весна» потеряла большую часть своих подписчиков среди учащихся гимназий. «Учащийся прогрессист» упрекал либералов в том, что они не только не поддерживали «Весну», но сами нападали на нее. В результате «Весна» погибла, а студенческое общество Словения находится на краю гибели²⁶⁵.

Другой корреспондент из Вены «Непомук» («Неротик»), по-видимому тоже студент, настроен был не менее пессимистически. Прекращение издания «Весны», возникновение католического студенческого общества Даница и католической газеты «Зора» воспринимались им, как начало черной ночи мракобесия в словенских землях²⁶⁶. «Непомук», как и «Учащийся прогрессист».

²⁶² Slovanski svet, 1894, N 24, s. 461; 1895, N 1, s. 1.

²⁶³ Архив АН СССР, ф. 105, оп. 2, д. 288, л. 10 об.

²⁶⁴ Там же, д. 211, л. 4 и об.

²⁶⁵ Slovanski svet, 1895, N 6, s. 55—56.

²⁶⁶ Slovanski svet, 1895, N 10, s. 90.

в бедах словенского студенческого движения обвинял, помимо клерикалов, и либеральную верхушку. Так, он критиковал словенский клуб в Вене, куда допускались только имеющие солидное положение словенцы, но не студенты²⁸⁷. С издевкой «Непомук» рассказывал о ежемесячных собраниях этого клуба, на которых чиновники-словенцы, постоянные жители Вены, пьют, болтают, превозносят друг друга до небес. Кроме словенцев, постоянно живущих в Вене, в австрийской столице есть много словенских студентов, а также словенских мелочных торговцев каштанами, апельсинами и т. д. «Непомук» призывал создать общий клуб для венских словенцев и студентов, а для мелочных торговцев основать словенскую читальню, где бы они могли читать словенские газеты, слушать беседы на разные темы, которые бы проводили для них образованные словенцы²⁸⁸.

Из студенческих корреспондентов «Слованского света», чье подлинное имя удалось установить, следует отметить Янко Венцайза, сына провинциального судьи, жившего в г. Шент Вид. Он опубликовал в «Слованском свете» статьи «Наша светская интеллигенция и студенческая молодежь» и «Заметки учащегося». Первая статья была направлена против оппортунизма вождей словенских либералов, вторая — посвящена истории словенского студенчества. Венцайз активно участвовал в деятельности славянских обществ в Вене (Словения, Сава, Славянская беседа), сотрудничал в «Словенском народе», являлся одним из создателей студенческого печатного органа «Весна». В родном Шент Виде он организовал читальное общество. Близкими единомышленниками Венцайза были Владимир Равнихар и активные корреспонденты «Слованского света» Ф. Говекар и Фр. Гёстл²⁸⁹.

«Словански свет» пытался заручиться поддержкой не только студенческой молодежи, но и политически активной молодежи вообще. Большая часть ее была организована в различные гимнастические сокольские общества. О деятельности этих обществ «Словански свет» неоднократно давал информации на своих страницах.

²⁸⁷ Slovanski svet, 1895, N 4, s. 36.

²⁸⁸ Slovanski svet, 1895, N 35, s. 327.

²⁸⁹ Slovanski svet, 1895, N 36, s. 339—340.

Особой его симпатией пользовался люблянский Сокол, старостой которого долгое время был Иван Хрибар, а почетным членом — известный поэт, с большой симпатией относившийся к России, Антон Ашкерц²⁷⁰. Внимательно следил «Словански свет» за деятельностью Сокола в Триесте. Газета с гордостью отмечала в ноябре 1894 г., что в нем до 500 членов, т. е. больше, чем в любой другой сокольской организации Словении. На открытии нового здания Сокола в Триесте его староста Грегорин утверждал, что у словенцев не может быть различия между рабочими и хозяевами, так как все словенцы — рабочие. Эта мысль вполне соответствовала взглядам Подгорника и его окружения и находила у них одобрительный отклик. «Славански свет» с удовольствием замечал, что у триестинского Сокола хорошее будущее, так как он опирается на средние слои, «которые не стыдятся быть в дружбе с аристократами духа и капитала»²⁷¹.

Патриотически настроенная молодежь, особенно студенческая, в значительной степени поддерживала «Словански свет». Об этом писал его корреспондент из Вены «Непомук», подчеркивая, что за «Слованским светом» не стоят массы, но многие словенские и славянские патриоты, особенно из молодежи и женщин²⁷². В программе на 1896 г. редакция «Слованского света» также указывала, что одной из главной ее целей является защита интересов молодежи и женщин²⁷³.

Рост рабочего движения в словенских землях, и прежде всего в Триесте, вызвал увеличение к нему интереса со стороны словенских мелкобуржуазных политиков. Это не было случайным. Как писала газета словенских либералов в Триесте «Единост» в сентябре 1890 г., подчеркивая свои симпатии к рабочим, «врагами этого сословия мы не являемся и не можем быть уже по той причине, что оно есть главный столп словенства в Триесте»²⁷⁴. Подгорник среди русофилов являлся главным теоретиком по рабочему вопросу. Он

²⁷⁰ *Slovanski svet*, 1894, N 1, s. 15.

²⁷¹ *Slovanski svet*, 1894, N 21, s. 434.

²⁷² *Slovanski svet*, 1895, N 50, s. 465.

²⁷³ *Slovanski svet*, 1896, N 1, s. 1.

²⁷⁴ *Kermavner D. Začetki slovenske socialne demokracije...*, s. 242.

принадлежал к тем, кто пытался отвлечь рабочий класс от классовой борьбы, втянуть его в русло мелкобуржуазной национальной политики. Еще в 1884 г. Подгорник выпустил в Горице брошюру «Делавски приятель» («Delavski prijatelj» — «Друг рабочих»). В 1890 г. переселившись из Горицы в Триест, он еще ближе столкнулся с рабочим движением. В это время он издавал свой собственный орган «Словански свет», одновременно сотрудничая в либеральной «Единости». Как в той, так и в другой газетах Подгорник развивал свое понимание рабочего вопроса. В ноябре 1890 — январе 1891 г. Подгорник выступил в «Единости» с серией статей о рабочем движении, подписываясь под ними «Делавски приятель»²⁷⁵. Уже в первой статье он подчеркнул, что «весь словенский народ принадлежит рабочему сословию» и поэтому «не может быть народа, у которого было бы больше симпатий и дружеского отношения к рабочим, чем у словенского народа». Позднее в статье, напечатанной в ноябре 1893 г. в «Слованском свете», Подгорник уточнял, что он понимал под рабочими крестьян, мелких промышленников, ремесленников, работников-поденщиков, так как все они страдают от крупного капитала, все эксплуатируются им²⁷⁶.

Мысль о том, что большинство словенцев принадлежит к сословию рабочих, впервые высказал Левстик. Но сделал это в то время, когда классовые отношения в словенском обществе еще не выкристаллизировались, когда рабочее движение в словенских землях только начинало выделяться из общедемократического. Ошибка Левстика объяснялась объективными обстоятельствами. Высказывания же Подгорника, сделанные им в период, когда классовая борьба достигла значительного накала, когда уже достаточно определились классы словенского буржуазного общества, указывала на неспособность и нежелание этого мелкобуржуазного политика понять принципиальное отличие рабочего класса от прочих классов.

В своих статьях, помещенных в «Единости», Подгорник указывал на различия между бедными и богатыми,

²⁷⁵ Kermauner D. Začetki slovenske socialne demokracije..., s. 255—261.

²⁷⁶ Slovanski svet, 1893, N 21, s. 403.

но при этом делал вывод, что поскольку они существуют уже тысячелетия, устранить их сразу не удастся. Поэтому целью рабочих должно быть не устранение этого неравенства, а стремление добиться, чтобы им полностью оплачивали их труд. Этого можно достигнуть путем борьбы за повышение зарплаты. Одновременно рабочие должны бороться и за сокращение рабочего дня²⁷⁷. Но Подгорник никогда не выдвигал лозунга восьмичасового рабочего дня. Он писал позднее, что нельзя требовать для всех восьмичасового рабочего дня, ибо для одних категорий трудящихся и 9 часов работы справедливо, а для других, занятых на тяжелых работах, и 8 часов слишком много²⁷⁸. Таким образом, Подгорник призывал рабочих ограничить свои требования требованием увеличения заработной платы и уменьшения рабочего дня, что даст им возможность просвещаться и достичь облагоустроенной жизни²⁷⁹. Для осуществления этих требований Подгорник предлагал рабочим создавать свои особые сословные организации. Еще в своих статьях в «Единости» он называл их: профсоюзы по образцу английских тредьюнионов, кассы взаимопомощи, различные кооперативы²⁸⁰. Подгорник подчеркивал, что рабочим нужны свои собственные организации для того, чтобы договориться с хозяевами. Эти организации должны действовать не против общества в целом, но только против наиболее несправедливых капиталистов²⁸¹.

Будучи идеологом мелких собственников, Подгорник не мог быть врагом частной собственности. В цикле своих статей 1890 г. он писал, что богатство является не только плодом труда рабочих, но и плодом собственников. Поэтому рабочие не должны стремиться к уничтожению частной собственности²⁸². Эту цель Подгорник считал нереальной. Она, по его мнению, была поставлена перед рабочими еврейскими агитаторами, действующими в интересах еврейского капитала, ибо

²⁷⁷ *Kermavner D. Začetki slovenske socialne demokracije...*, s. 256.

²⁷⁸ *Slovanski svet*, 1895, N 18, s. 158.

²⁷⁹ *Slovanski svet*, 1895, N 18, s. 159.

²⁸⁰ *Kermavner D. Začetki slovenske socialne demokracije...*, s. 259.

²⁸¹ *Slovanski svet*, 1895, N 18, s. 158.

²⁸² *Kermavner D. Začetki slovenske socialne demokracije...*, s. 258, 259.

они нацеливают рабочих на далекое будущее, отвлекая от борьбы за свои ближайшие насущные интересы²⁸³. В качестве примера таких агитаторов Подгорник называл Маркса и Лассалья. Помимо борьбы против частной собственности, Подгорник выступал и против их интернационализма, который он определял как «космополитизм рабочего сословия»²⁸⁴. Сам Подгорник, не отрицая права рабочих иметь свои «сословные» интересы, как мелкобуржуазный националист утверждал, что «интересы наций настолько влиятельны, что сословия не могут хорошо защитить своих интересов, если они идут вразрез с национальными интересами»²⁸⁵. Поэтому он призывал словенских рабочих слушать не еврейских агитаторов, ратующих за интернационализм, а арийских учителей, в числе которых он отмечал «благородного французского социалиста» Луи Блана, а также «социалистов» романских, германских и славянских народов, особенно русского²⁸⁶. Подгорник считал национальные интересы выше интересов классовых или сословных, объясняя это тем, что увеличение зарплаты и уменьшение рабочего дня является для рабочих не целью, а средством достижения цели. «Настоящая наша цель,— продолжал он,— возвыситься духовно, расширить познание мира и жизни, облагородить свое сердце». Достичь же всего этого можно лишь с помощью национальной литературы и искусства²⁸⁷.

В борьбе за свои политические права, особенно за всеобщее избирательное право, Подгорник рекомендовал всем рабочим, как славянским, так и немецким, искать себе союзников среди угнетенных славянских народов. Он аргументировал это тем, что все славяне являются пролетарским племенем в большей мере, чем любое другое племя в Европе, ибо у них нет помещиков и крупных капиталистов, а преимущественно — малоземельные крестьяне, мелкие промышленники, ремесленники, поденщики-рабочие²⁸⁸. «Славянин по крови и по

²⁸³ *Slovanski svet*, 1895, N 18, s. 157.

²⁸⁴ *Kermavner D. Začetki slovenske socialne demokracije...*, s. 258.

²⁸⁵ *Slovanski svet*, 1895, N 5, s. 42.

²⁸⁶ *Kermavner D. Začetki slovenske socialne demokracije...*, s. 258.

²⁸⁷ *Slovanski svet*, 1893, N 21, s. 405.

²⁸⁸ *Slovanski svet*, 1893, N 21, s. 404.

положению не может быть врагом рабочих, и рабочий класс может больше надеяться получить от дальнейшего развития славянского племени,— писал Подгорник,— чем какого-либо другого»²⁸⁹. Он подчеркивал, что интересы рабочих, с одной стороны, сталкиваются с интересами феодального и индустриального капитализма, а с другой — с интересами господствующих наций. Поэтому в борьбе за всеобщее избирательное право рабочим необходимо поддерживать в парламенте депутатов славянских народов, так как и для рабочих, и для славянских народов оно выгодно как для угнетенных классов и наций, а противодействуют этому господствующие нации (немцы и венгры) и господствующие классы (помещики и капиталисты). Они противятся введению всеобщего избирательного права из-за эгоистичных материальных, сословных и национальных интересов. Сам Подгорник решительно ратовал за всеобщее избирательное право²⁹⁰, так как считал, что оно может привести к решению национального вопроса в Австрийской монархии в пользу угнетенных наций. Все славяне, кроме поляков, писал он, стоят за прямое и равное избирательное право, во-первых, потому что это справедливо, а во-вторых, потому что надеются с его помощью добиться национальных прав²⁹¹. Для рабочих же всеобщее избирательное право тоже очень важно, так как принятие его приведет к известному равновесию между трудом и капиталом²⁹².

Итак, если в области экономической борьбы Подгорник признавал за рабочими право иметь свои собственные цели и организации для их достижения, то в области борьбы за политические права он считал для них необходимым идти за собственными национальными буржуазными партиями.

Поэтому социал-демократическая партия не могла вызывать у Подгорника сочувствия, ибо вырывала рабочих из-под политического влияния национальной буржуазии. Он писал, что во всех социал-демократических

²⁸⁹ Slovanski svet, 1897, N 3, s. 40.

²⁹⁰ Словенские либералы (кроме триестинских) выступали против всеобщего избирательного права. См.: *Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja*, s. 379—380.

²⁹¹ Slovanski svet, 1894, N 6, s. 103.

²⁹² Slovanski svet, 1893, N 21, s. 404.

партиях у руководства стоят евреи, действующие в интересах еврейского капитала²⁹³, что немецкие рабочие дали себя увлечь еврейским агитаторам и теперь эта же опасность угрожает славянским рабочим²⁹⁴. Подгорник призывал последних отречься от немецкого, пропитанного немецким духом социализма Маркса и Лас-салья²⁹⁵. Видя в социал-демократии плод романо-германской культуры, Подгорник считал ее вредной для национального, религиозного и экономического развития славян²⁹⁶. «Социал-демократия, какой она является в настоящее время, не способна действительно улучшить материальное положение рабочих,— писал он,— и еще менее — облагородить рабочие массы»²⁹⁷. Помещая заметку о Пражском съезде австрийской социал-демократии, «Словански свет» с сочувствием отнесся к борьбе социал-демократов за всеобщее избирательное право. Вместе с тем газета критиковала те решения съезда, в которых подчеркивалась необходимость интернационализма. Статья о Пражском съезде австрийских социал-демократов заканчивалась призывом к словенцам не быть безразличными к деятельности австрийской социал-демократии²⁹⁸. Зная общее отношение Подгорника и его соратников к социал-демократии, этот призыв можно расценить только как рекомендацию вести с ней борьбу.

Относясь отрицательно к австрийской социал-демократии, рассматривая ее идеологию и деятельность с позиций мелкобуржуазного национализма и антисемитизма, Подгорник вместе с тем сумел подметить некоторые ее слабые стороны. Так, он справедливо отмечал, что социал-демократия Австро-Венгрии наносит вред рабочему движению тем, что не принимает во внимание национальные стремления угнетенных народов²⁹⁹.

Отдельные социал-демократы получали высокую оценку на страницах «Слованского света», редакция которого не могла не считаться с радикальными настрое-

²⁹³ Slovanski svet, 1895, N 18, s. 157.

²⁹⁴ Slovanski svet, 1893, N 21, s. 405.

²⁹⁵ Slovanski svet, 1893, N 16, s. 319.

²⁹⁶ Slovanski svet, 1897, N 3, s. 38.

²⁹⁷ Slovanski svet, 1897, N 16, s. 248.

²⁹⁸ Slovanski svet, 1896, N 11, s. 131.

²⁹⁹ Slovanski svet, 1895, N 18, s. 158.

ниями студентов, провозгласивших его своим печатным органом. Так, Фран Говекар в 1896 г. опубликовал в нем некролог Карелу Гейгеру, одному из активных сотрудников «Весны», близкому по своим взглядам к социал-демократам. Говекар характеризовал его как верного и разумного сторонника социал-демократии, высокообразованного и благородного человеколюбца³⁰⁰.

Соответственно своим взглядам Подгорник относился и к различным рабочим обществам. Уже в первых номерах «Слованского света» он приветствовал образование Рабочего общества взаимопомощи в Триесте, как очень важного для словенского населения. Подгорник не ошибся в нем — оно развивалось в тесной связи с либеральным словенским движением в Триесте. Описывая праздник очередной годовщины Рабочего общества взаимопомощи, «Словански свет» указывал, что первая часть празднования прошла в церкви, а вторая вылилась в национальный праздник, на котором присутствовали все национальные словенские общества в Триесте, рабочие и интеллигенция. Особенно подчеркивалось присутствие Сокола, который, по словам газеты, «является крепким связующим звеном между рабочими кругами и интеллигенцией». Спустя год «Словански свет» с удовлетворением рассказывал о совместном походе членов рабочего общества взаимопомощи и триестинского Сокола в Солкан, где они были встречены местной молодежью со знаменем времен 1848 г. На митинге выступали видные либеральные деятели: проф. Мандич (председатель Рабочего общества взаимопомощи), Андрей Габршек, писательница Павлина Пайкова»³⁰¹.

Кроме триестинского Рабочего общества взаимопомощи, особые симпатии «Слованского света» вызывало Рабочее читальническое общество в Идрии. Газета отмечала, что в праздновании десятилетия со дня его образования принимали участие все слои населения Идрии, поскольку за годы своей деятельности оно привлекло к себе всеобщие симпатии³⁰². Подробно о деятельности Рабочего читальнического общества писал радикал «-й»

³⁰⁰ Slovanski svet, 1896, N 8, s. 91.

³⁰¹ Slovanski svet, 1888, N 7, s. 114; 1894, N 16, s. 315; 1895, N 36, s. 342.

³⁰² Slovanski svet, 1894, N 16, s. 316.

из Идрии. К 1895 г. общество имело около 200 членов и более 1000 гульденов годового дохода. Оно выписывало либеральные газеты «Словенски народ», «Единост». на его заседаниях велись беседы о необходимости объединения и просвещения рабочих, о деятельности Кирилла и Мефодия и влиянии ее на славян. Все это указывало на то, что Рабочее читальническое общество, по-видимому, находилось под влиянием либералов. Идрийский радикал сообщал об образовании нового политического общества в Идрии — Еднакоправност, которое должно было объединить все рабочее сословие, в которое, по его мнению, входили не только рабочие, но и крестьяне. В следующем номере, возможно, тот же «-й» описывал первое собрание нового общества Еднакоправност; на котором была провозглашена его главная цель: «содействовать политическому, материальному и духовному сословному и национальному прогрессу, особенно рабочего и крестьянского сословия, а также национальному и сословному равноправию». Достигнуть этого общество предполагало легальными путями — собраниями, лекциями, выступлениями в печати³⁰³. Такие общества, как Рабочее читальническое общество и Еднакоправност в Идрии, действующие в русле словенской либеральной политики, являлись для Подгорника и его соратников образцом.

Подгорник всячески пытался стимулировать создание в Словении ссудно-сберегательных касс по типу касс Шульце-Делича, писал об этом большие статьи (особенно в 1895 г.). В Программе «Слованского света» на 1896 г. подчеркивалось, что особое значение газета будет придавать распространению опыта сберегательных касс³⁰⁴.

Русофилы призывали словенских национальных деятелей уделять самое пристальное внимание рабочим. Так, «Ресницолоуб» («Resnicoljub» — «Правдолюб») из Приморья в корреспонденции от июня 1897 г. сетовал на то, что либералы на очередных выборах не получили поддержки низших слоев населения. В частности, крестьяне долины Дравы голосовали за них, а работники — за социал-демократов. «Ресницолоуб» упрекал сло-

³⁰³ Slovanski svet, 1895, N 1, s. 6, 7; N 2, s. 18.

³⁰⁴ Slovanski svet, 1896, N 1, s. 1.

венскую интеллигенцию за то, что она на собрания национальных обществ привлекает только крестьян, оставляя за бортом работников и ремесленников. Корреспондент призывал крестьян включаться в национальную агитацию, разъяснять своим работникам национальные требования, внушать им, что «крестьянин и работник — одно и то же»³⁰⁵.

Пытаясь воспитать у словенских рабочих националистические чувства, «Словански свет» нередко противопоставлял их немецким, еврейским, итальянским пролетариям³⁰⁶.

В. И. Ленин, говоря о народниках, являвшихся в конце XIX в. выразителями интересов мелкобуржуазных слоев населения в России, подчеркивал: «как настоящие идеологи мещанства, они хотят не уничтожения эксплуатации, а смягчения ее, хотят не борьбы, а примирения»³⁰⁷. Эта характеристика полностью применима к взглядам на рабочий вопрос идеолога словенских русофилов Ф. Подгорника. Как истый выразитель интересов словенских мелких буржуа, он старался лишь улучшить положение рабочих в рамках существующего капиталистического строя, улучшить путем мелких реформ, а не решительной революционной борьбы.

Автор монографии совершенно согласен с оценкой взглядов Подгорника на рабочий вопрос, данной Д. Кермавнером. Издатель «Слованского света» действительно хотел политически подчинить словенское рабочее движение интересам словенской националистической мелкой буржуазии, отвлечь его от классовой солидарности с рабочими других национальностей³⁰⁸.

§ 5. Культурная программа словенских русофилов

Наряду с конкретной политической и экономической программами, созданными на основе существующего положения словенцев в Австро-Венгерской монархии и призванными сплотить их в борьбе за свои насущные

³⁰⁵ *Slovanski svet*, 1897, N 10, s. 147.

³⁰⁶ *Slovanski svet*, 1894, N 24, s. 478.

³⁰⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 250.

³⁰⁸ *Kermažner D.* *Začetki slovenske socialne demokracije*, s. 279.

интересы, словенские русофилы имели и открыто пропагандировали на страницах «Слованского света» культурную программу. И если в политической программе они в центр внимания ставили словенский народ, то в культурной — все славянство в целом. Славянскую культуру Подгорник рассматривал как нечто единое, отличное от мировой культуры, присущее только славянам. По его мнению, славяне являлись особым культурным типом, который нельзя просветить и осчастливить по общему шаблону. Вместе с тем Подгорник не отделял китайской стеной славянскую культуру от мировой, указывая, что первая не отвергает мирового гуманизма, но включает его³⁰⁹. Культура славян, по его мнению, как и культура других народов, включала в себя множество элементов, в том числе литературу, религию, обычаи и пр. Первые — литература и религия — являлись основополагающими. Подгорник был убежден, что в давние времена славяне имели общую культуру. «Славяне были так счастливы в истории, — писал он, — что получили, кроме славянских церковных обрядов, также особый алфавит и литературный язык, которых в такой полноте не было ни у одного другого европейского народа»³¹⁰. Такого же мнения был и корреспондент «Слованского света», подписывавшийся «Rñu». Он подчеркивал, что еще до христианства у славян имелась общая мифология. Затем в эпоху раннего христианства у них были общая азбука — кириллица, общий старославянский литературный язык, общие элементы социально-экономического строя (задруга и община-мир), общее славянское право («Русская правда», «Законник Стефана Душана»), общие элементы в архитектуре, резьбе. Поэтому славяне, указывал «Rñu», не должны стремиться создать для себя новую культуру, но «обновить и оживить... древнюю классическую славянскую культуру», ибо «народ, который не строит настоящего на основе прошлого, не имеет будущего»³¹¹.

Главным врагом славянской культуры подгорниковцы считали немцев, которые хотели навязать славянам свою культуру, более сильную и развитую. Славяне мо-

³⁰⁹ Slovanski svet, 1897, N 1, s. 8.

³¹⁰ Slovanski svet, 1888, N 4, s. 53—56.

³¹¹ Slovanski svet, 1889, N 5, s. 78—79.

гут выжить как народ, только противопоставив немцам равноценную культуру, создать которую они в состоянии только общими силами. Для этого им необходимы общий литературный язык, общая письменность, общая церковь³¹². Принятие славянами единого общеславянского языка поможет создать им общеславянское искусство и общеславянскую науку³¹³.

Таким образом, главным в создании общеславянской культуры, по мнению подгорниковцев, являлось принятие единого общеславянского языка. Они считали, что малым народам, какими и является большинство славянских народов, недостает живых сил для создания полноценной литературы, тем более что наиболее талантливые их представители уходят искать счастье в другие земли. «Не легкомыслие, не своеволие, но основательное раздумье о национальных границах отечественной литературы,— писал Подгорник,— заставляет славянских патриотов малых славянских племен советовать малым славянским народам принять язык самого большого славянского народа». Это необходимо потому, что первым и неперенным условием самостоятельного развития национального языка, национальной литературы и культуры является величина народа, его многочисленность³¹⁴. Что касается славянских народов Австро-Венгрии, то, по мнению Подгорника, ни один из них «не имеет достаточно сил и условий, чтобы по достижении относительной самостоятельности мог бы культурно развиваться в таких масштабах, которые необходимы для сосуществования и соревнования с другими более многочисленными и культурными народами»³¹⁵.

Кроме указанной, самой важной причины необходимости единого общеславянского литературного языка малым славянским народам, подгорниковцы выставляли и вторую причину, а именно: интересы их конкретной политической борьбы. Поскольку большинство редакторов славянских газет не читают газет на других славянских языках, они вынуждены черпать сведения о своих соплеменниках из недоброжелательной к славя-

³¹² Slovenski svet, 1888, N 16, s. 250.

³¹³ Slovenski svet, 1892, N 13, s. 187.

³¹⁴ Slovenski svet, 1888, N 22, s. 355; N 23, s. 371—372.

³¹⁵ Slovenski svet, 1893, N 9, s. 161—162.

нам немецкой и французской прессы. Для того чтобы славяне лучше знали свои программы и чаяния, им также необходим общеславянский язык³¹⁶. Словенские русофилы указывали, что общеславянским языком может быть только русский язык. В доказательство этого «Словански свет» приводил доводы чешского политического деятеля русской ориентации д-ра Живного: «потому что он [русский язык.—И. Ч.] развился из старославянского церковного литературного языка, потому что он принадлежит самому большому славянскому племени, признается теперь мировым языком и имеет великую литературу»³¹⁷. Ратуя за общеславянский язык, Подгорник, однако, как и Ламанский, считал, что он вовсе не исключает возможности существования и развития отдельных мелких славянских языков. Последние употреблялись бы для просвещения широких народных масс, в то время как общеславянский язык использовался бы для науки и высшего образования³¹⁸.

Все работы, посвященные общеславянскому языку, горячо приветствовались «Слованским светом». Так, сочинение А. С. Будиловича «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой истории», провозглашавшее необходимость объявить русский язык общеславянским, было разрекламировано Подгорником. Он отмечал, что за 20 лет своей научной деятельности Будилович «доказал чрезвычайную одаренность и ученость во всем, что касается славистики и славяноведения». Главным достоинством его книги Подгорник считал соединение лингвистических и исторических методов исследования. Подчеркивая ее огромное значение, он утверждал, что «вопрос об общеславянском литературном языке с появлением исследования Будиловича окончательно и навсегда решен. Теория теперь не может больше сделать принципиального прогресса». Последнее заключение, естественно, приводило Подгорника к выводу о том, что дело теперь за практикой³¹⁹.

Высоко оценивал Подгорник книгу А. Ф. Гильфердинга «Общеславянская азбука», вновь изданную в

³¹⁶ Slovanski svet, 1891, N 17, s. 266.

³¹⁷ Slovanski svet, 1888, N 16, s. 253.

³¹⁸ Slovanski svet, 1891, N 15, s. 235.

³¹⁹ Slovanski svet, 1892, N 6, s. 75—77.

1892 г. Он указывал, что она особенно необходима западным и южным славянам, потому что они «из политических причин или по неведению заменили кириллицу латиницей и даже немецкими буквами»³²⁰. Письмо А. И. Добрянского об общеславянском языке Подгорник также перепечатал в «Слованском свете» из «Варшавского дневника»³²¹.

Таким образом, в вопросе о принятии русского языка в качестве общеславянского Подгорник полностью разделял позиции русских славянофилов и панславистов, открыто признавал свою солидарность с ними.

В качестве первого шага к принятию русского языка как общеславянского Подгорник рекомендовал Академиям наук малых славянских народов печатать свои труды на русском языке³²², а славянским студентам и членам различных культурных славянских обществ (читален, сокольских организаций и т. д.) изучать его в первую очередь. С восторгом Подгорник приветствовал мысль, высказанную А. И. Маркевичем на заседании Одесского славянского благотворительного общества о создании в честь 900-летия крещения Руси в Киеве Общеславянской Академии наук. Академия должна была иметь новейшую базу для естественных наук, в ней должны были сотрудничать ученые всех славянских народов. Предложение Маркевича было одобрено славянскими благотворительными обществами Киева, Москвы и Петербурга. Подгорнику особенно импонировало в предполагаемой Академии то, что она мыслилась не как государственное, но как частное учреждение. В этом он видел залог ее большей объективности³²³.

В вопросе об общеславянском языке словенские русофилы в целом продолжали традиции словенских радикальных младословенцев конца 60-х годов. Но в отличие от последних наряду с принятием русского языка как общеславянского они выдвигали и другой пункт, исполнение которого, по их мнению, должно было лечь в основу славянского культурного единства, а именно воссоздание кирилло-мефодиевской церкви. Подгорник

³²⁰ Slovanski svet, 1893, N 13, s. 260.

³²¹ Slovanski svet, 1889, N 3, s. 35.

³²² Slovanski svet, 1888, N 23, s. 372.

³²³ Slovanski svet, 1888, N 15, s. 236—237.

утверждал, что религия, как и язык, является национальной чертой и национальные свойства в виде религиозных обрядов благотворно влияют на развитие национального искусства, способствуют консолидации нации³²⁴. Он считал, что как католическая церковь наиболее соответствует национальным особенностям романских народов, а протестантская церковь — особенностям германских народов, так кирилло-мефодиевская церковь полнее всего выражает интересы славян³²⁵. Только она может способствовать сохранению славянской национальности. Так, России удалось отстоять свою независимость в борьбе с внешними врагами, а болгарам и сербам — выдержать четырехсотлетнее турецкое иго и вернуть себе независимость только благодаря наличию у них кирилло-мефодиевской церкви. В то же время, по мнению Подгорника, гибель польской государственности, национальная зависимость словенцев объяснялись утерей поляками и словенцами национальной церкви, включением их в сферу западной культуры³²⁶. Подгорник прямо подчеркивал, что в сохранении национальности национальная церковь играет большую роль, чем язык и культура. Поэтому для того, чтобы сохранить свою национальность, западные славяне должны восстановить у себя национальную, т. е. кирилло-мефодиевскую церковь. Основными чертами ее русофилы считали греческий обряд и старославянский язык при богослужении³²⁷. Из сказанного легко можно сделать вывод, что под кирилло-мефодиевской церковью Подгорник и его соратники подразумевали православную церковь, хотя открыто и не писали об этом из-за цензурных соображений. Но в частной переписке они говорили об этом определенно. «Всегда меня одушевляла только одна идея: идея православного славянства, — писал Хостник к И. С. Пальмову 7 сентября 1896 г. — И как ни маскирует эту идею „Slovanski svet“, ее можно читать везде между строк»³²⁸. Спустя полтора месяца он в письме к тому же корреспонденту

³²⁴ *Slovanski svet*, 1891, N 4, s. 60.

³²⁵ *Slovanski svet*, 1889, N 15, s. 241; 1891, N 15, s. 235, 236.

³²⁶ *Slovanski svet*, 1893, N 13, s. 241, 242.

³²⁷ *Slovanski svet*, 1894, N 15, s. 283.

³²⁸ Архив АН СССР, ф. 105, оп. 2, д. 288, л. 12.

замечал: «Я много перенес за свои убеждения, что единственное спасение славянства возможно в тесной связи с православием»³²⁹.

Многочисленные корреспонденции из России, написанные в основном Ф. Штифтаром, всячески прославляли русскую православную церковь. В них доказывалось, что православие преобразовало всю социальную жизнь в России, дало внутреннюю силу русскому государству³³⁰, что православный «сельский священник был и остается величайшей духовной и прогрессивной силой простого русского народа»³³¹.

Нужно, однако, отметить, что в целом для «Слованского света» были характерны более умеренные отзывы об официальной православной церкви. Так, М. Хостник выступил на его страницах против православного мракобеса Спектатора, ставившего в своих статьях православие выше национальности и толковавшего о православной миссии России. Хостник писал: «Для славян Россия имеет значение только как славянское государство. Когда оно перестанет быть славянским государством и встанет на исключительно православную основу, тогда она будет в наших глазах иметь точно такую же ценность, как Греция или Румыния, или любое другое неславянское государство православного вероисповедания». Хостник подчеркивал, что православие симпатично для славян не с точки зрения религиозной, а с точки зрения национальной, так как богослужебный язык и обряды там славянские. «Не православная Россия нам дорога, но славянская Россия», — заключал Хостник³³².

Любопытно, что редакция «Слованского света», напечатав выступление Хостника, не встала безусловно на его сторону, а заняла осторожную позицию по отношению к его полемике со Спектатором. Она отметила, что и Спектатор и Хостник желают добра славянам, но первый является пессимистом, а второй — оптимистом³³³. Все же и для Подгорника в целом был характерен тот же взгляд на православие, что и для Хостника, и для него оно было важно прежде всего

³²⁹ Там же, л. 14.

³³⁰ Slovanski svet, 1888, N 14, s. 217—218.

³³¹ Slovanski svet, 1895, N 50, s. 467—468.

³³² Slovanski svet, 1890, N 22, s. 358—360.

³³³ Slovanski svet, 1890, N 22, s. 360.

как национальная славянская религия. Те же идеи развивал и Целестин. Указывая, что русские преданы православию, он вместе с тем отличал их большую веротерпимость. Как и Подгорник, и Хостник, Целестин всячески подчеркивал, что православие в отличие от католицизма способствовало сохранению народных традиций и литературы³³⁴.

Православные тенденции «Слованского света» вызывали яростные нападки со стороны словенских клерикалов, обвинявших «Словански свет» в измене католицизму и попытках внести раскол среди словенцев-католиков. Поэтому в «Слованском свете» время от времени появлялись высказывания, подчеркивавшие его верность папе и католицизму. Так, Рожинский (Rožinskiy) в своей заметке указывал, что славянская кирилло-мефодиевская церковь будет всегда верной папе³³⁵. Сам Подгорник подчеркивал, что папа Лев XIII разрешил славянам ввести в церковь собственные обряды и язык, но этому препятствуют епископы³³⁶, что истинную религию славян он видит в католическом православии св. Кирилла и Мефодия в смысле энциклики папы Льва XIII³³⁷. Введение кирилло-мефодиевской церкви у словенцев «Словански свет» предполагал сделать с помощью унии, которая бы не только не расколола католиков, но стала бы средством религиозного сближения всех славян³³⁸. Поэтому всякое намечавшееся сближение России с Римом горячо приветствовалось русофилами. Хостник в 1894 г. полагал, что это «сближение могло бы рано или поздно перейти в соединение западной церкви с восточной». Такое соединение, по его мнению, означало бы ослабление немецкого и еврейского элементов, не принадлежавших к этим церквям³³⁹ (как указывалось выше, Подгорник считал национальной немецкой церковью протестантскую церковь).

Итак, церковь рассматривалась подгорниковцами как средство укрепления национальности и националь-

³³⁴ Slovanski svet, 1892, N 15, s. 227.

³³⁵ Slovanski svet, 1889, N 5, s. 71.

³³⁶ Slovanski svet, 1891, N 4, s. 60—61.

³³⁷ Slovanski svet, 1891, N 3, s. 54.

³³⁸ Slovanski svet, 1894, N 15, s. 283.

³³⁹ Slovanski svet, 1894, N 3, s. 45.

ной культуры. В полемике с махничевцами, упрекавшими «Словански свет» в безверии, газета подчеркивала, что она не унижает веру, но считает борьбу за сохранение национальности более необходимой, чем борьбу за веру³⁴⁰. Поэтому вполне можно согласиться с мнением Д. Кермавнера, что для Подгорника религия являлась не самоцелью, а средством укрепления буржуазных порядков³⁴¹. Это особенно ясно при сравнении религиозной программы русофилов и клерикалов. Последние всегда во главу угла ставили интересы католической церкви: подчиняя ей интересы национальной борьбы и используя последнюю только для укрепления и усиления католицизма. Русофилы же, наоборот, свою кирилло-мефодиевскую церковь думали сделать орудием борьбы за национальное существование словенцев и других славян, борьбы, носившей в своей основе буржуазный характер.

Всеславянство Подгорника отразилось прежде всего в его культурной программе, но не в политической. Это отмечает и Д. Кермавнер, указывая на две отличительные черты его всеславянских идей: пропаганду введения славянского богослужения у католических славян и принятия русского языка в качестве общеславянского³⁴².

*

Второй период существования словенского русофильства, совпавший со временем издания «Слованского света», также имел отличительные черты. Словенские русофилы в это время представляли собою определенную общественно-политическую группировку, имевшую свой печатный орган. Разногласия их с либералами были уже достаточно велики: в отличие от последних русофилы выступали за всеобщее избирательное право, требовали более решительной борьбы за национальные права словенцев в рейхсрате и провинциальных собраниях, более активного противостояния словенскому клерикализму. Выступления их против крупного капитала,

³⁴⁰ *Slovanski svet*, 1892, N 17, s. 251.

³⁴¹ *Kermavner D. Začetki slovenske socialne demokracije*, s. 261.

³⁴² *Kermavner D. Slovenska politika*, s. 183.

в защиту улучшения положения мелких производителей и рабочих отличали их от либералов, почти совершенно не уделявших внимания социально-экономическим вопросам. Вместе с тем в национальном вопросе взгляды их во многом совпадали. Поэтому, несмотря на значительные особенности, отличавшие русофилов от либералов, они все же не отделились от них окончательно в организационном отношении, а в целом шли с ними в одном русле (например, на выборах).

Во второй период окончательно оформились отрицательные черты словенских русофилов, выразившиеся прежде всего в безудержном восхвалении русского самодержавия и православия, являвшихся главными столпами реакции в России. Их национализм и антисемитизм в это время также расцвели полным цветом.

§ 6. Отношение к русофилам словенской прогрессивной общественности

Далеко не все либералы придерживались взглядов подгорниковцев. Многие из них, относясь с большим уважением к русской культуре и к русскому народу, не разделяли восторгов подгорниковцев по отношению к русским общественным и государственным порядкам.

Русофилы критиковались с двух сторон. Справа они подвергались резкой критике клерикальных и монархических кругов, обвинявших их в нелояльности к Австрии и католической церкви. Слева подгорниковцев критиковали часть либералов и представители крепнущего словенского рабочего движения, молодой словенской социал-демократии. Эта критика слева и представляет для нас наибольший интерес.

Уже в первой половине 80-х годов в либеральном «Люблянском звоне» наряду со статьями Целестина, восхвалявшими русские порядки, были и более трезвые выступления. К. Штрекель, Ф. Висталер, А. Феконя при всей своей симпатии к русской культуре не разделяли многих взглядов русофилов. Штрекель, например, критиковал теорию своеобразия славянского, прежде всего русского, культурного типа, противопоставление его западному романо-германскому культурному типу. Он писал, что западная культура не может рассматриваться как непримиримый враг русской жизни и рус-

ско́го народа. «Единственно верно, — замечал он, — то, что западная культура должна быть для народов славянских, особенно русского, несколько подготовлена, переделана. И в таком виде она должна войти в возможно более тесную связь с отечественной цивилизацией»³⁴³. В русском обществе Штрекелю импонировали либеральные круги. С симпатией он писал о хождении в народ русских интеллигентов, которые видели награду себе лишь в сознании, что они сделали что-то полезное для народа и свободы. Хождение в народ воспринималось Штрекелем скорее «как паломничество убежденных и доверчивых людей в народную жизнь, чем как действительно продуманная деятельность осознавшей себя и организованной революционной партии». Именно потому, что Штрекель не видел в хождении в народ русской интеллигенции какой-то ясной и четкой выраженной революционной акции, он горячо ему симпатизировал³⁴⁴. Последующие действия русских народников вызывали его резкое осуждение. «Из либеральных критиков существующих порядков, — отмечал Штрекель, — нигилисты превратились постепенно в социалистов, в подстрекателей народа, а т. к. правительство их преследовало, — в убийц». «Деятельный русский народ отворачивается от революционеров так же, как и от дворян», — заключал он. Идеалом в русской общественной жизни для Штрекеля был фабрикант и практический деятель Соломин («Новь» Тургенева), представлявший, по его мнению, «здоровый элемент русской жизни», некий вариант русского Шульце-Делича. Он является частицей той мыслящей части русского народа, по словам Штрекеля, которая «не требует и не же-

³⁴³ Ljubljanski zvon, 1884, N 8, s. 493.

³⁴⁴ И. Стритар, мечтавший после войны 1877—1878 гг. о всеславянской федерации, в письме к Левцу от 5 февраля 1884 г., выражая свое разочарование в царской России, вместе с тем, как и Штрекель, восхищался хождением в народ русской интеллигенции. «Это единственно волнующее, что мы видим в этой несчастной стране, — замечал он. — Это и есть любовь к родине. Такой любви к родине я бы желал нашей интеллигенции, нашим господам». Но, как справедливо указывает Кермавнер, Стритар рассматривал хождение в народ русских революционеров только с сентиментально-филантропических позиций и, как и Штрекель, совсем не симпатизировал их революционности. См.: *Kerma-vner D. Slovenska politika...*, s. 285.

лает никакой конституции... она хочет только реформ, которые бы отменили и прекратили коррупцию чиновников и государственных деятелей и которые бы настолько обеспечили личную свободу, чтобы гражданин был гарантирован от самовластья разных чиновников»³⁴⁵. Как можно видеть, либерализм Штрекеля был сверхумеренных тонов и никак не отличался от либерализма Целестина и других русофилов. Различие между ними заключалось лишь в степени признания необходимости для России и славян западной культуры.

Ф. Висталер более четко отделял себя от словенских русофилов. Приветствуя книгу Пыпина по истории славянских литератур и понимание им панславизма как чисто литературного явления. Висталер замечал, что это мнение Пыпина охладит голову «многочисленным чересчур горячим словенским славянам [т. е. русофилам.— И. Ч.], которых более заботят далекие славяне, чем родные словенцы»³⁴⁶. Перед Висталером не стоял вопрос — нужна западная цивилизация славянам или нет, наоборот, он стремился подчеркнуть, что славянское возрождение не противоречит ей³⁴⁷.

Близок к Висталеру в своем понимании соотношения славянства со словенством был А. Феконя, указывавший, что единственная защита словенцев против германизации — словенский язык, который понимают словенские крестьяне, являющиеся «главной опорой и поддержкой словенской национальности». «Как невозможно строгое единство славян в политике,— утверждал Феконя,— так оно невозможно и в литературе». Поэтому он призывал к федерализму славян и в политике, и в литературе. Вместе с тем Феконя рекомендовал изучать славянские языки, особенно хорватский и русский³⁴⁸.

Как можно видеть, на первых порах критика русофилов со стороны некоторых либеральных деятелей носила в 80-е годы самый общий характер. Она стала значительно более определенной после начала выхода «Слованского света», в публикациях которого русофиль-

³⁴⁵ Ljubljanski zvon, 1884, N 11, s. 685—689; N 12, s. 749.

³⁴⁶ Ljubljanski zvon, 1884, N 9, s. 565.

³⁴⁷ Ljubljanski zvon, 1884, N 9, s. 566.

³⁴⁸ Ljubljanski zvon, 1885, N 10, s. 611, 612.

ские идеи давались в концентрированном виде. В это время в словенских землях появилось новое направление либеральной мысли, близкое к направлению Масарика в Чехии. Представители этого направления, не отказываясь от идеи славянской взаимности, вместе с тем более трезво смотрели на возможность опереться на Россию в своей борьбе за национальные права. Будучи буржуазными деятелями, они объективно оценивали царскую Россию как реакционное государство с отсталыми социальными, экономическими и политическими институтами и были убеждены, что такая Россия ничего хорошего не может дать славянским народам Австро-Венгрии, в том числе и словенцам. Поэтому они вернулись к идее австрославизма, утверждая, что только федерализованная и демократизированная Австрия может стать гарантом свободного развития славянских народов. К подобным либералам-австрославистам принадлежал и известный словенский филолог Матия Мурко, активно занимавшийся не только научной деятельностью, но и публицистикой.

Матия Мурко первоначально принадлежал к русофильскому крылу либералов. Учась на философском факультете Венского университета, он активно участвовал в деятельности словенского студенческого общества, способствовал укреплению его связей с другими студенческими обществами. В сентябре 1887 г., окончив университет, Мурко по рекомендации профессора И. В. Ягича вместе с доцентом Пастерне отправился в Россию. После десятимесячного пребывания в Петербурге и летнего путешествия по Волге Мурко в ноябре 1888 г., работая над рукописями в Москве, написал записки «В русской провинции», опубликованные в 1889 г. в «Люблянском звоне». В записках Мурко с позиций либерала-прогрессиста попытался суммировать свои впечатления о России. Они были сложны и противоречивы. «Повсюду видите новое рядом со старым,— писал он,— величайшую ученость со страшно распространенным невежеством, высочайшую культуру рядом с допотопной первобытностью, пробуждающую общественную жизнь рядом со старым деспотизмом и беспробудным сном; повсюду виден прогресс на пути общеевропейской цивилизации в противовес всяким противным ему теориям и попыткам. Находите поэтому многое,

чему радуется славянское сердце, но много и такого, что нужно судить с исторических позиций, и немало такого, что нехотя резко осуждаешь»³⁴⁹.

Мурко с удовлетворением отмечал, то новое в жизни Поволжья, что несло ему развитие капиталистических отношений: оживленную Нижегородскую ярмарку, хорошие железные дороги, прекрасное пароходное сообщение. Своей красотой и чистотой его восхитил Саратов, который он назвал истинной столицей Поволжья.

Мурко тепло отзывался о ряде представителей русского общества. С сочувствием приводил он слова инспектора реального училища в Вятке о том, что русский рабочий «сделает вам все, что вы ему только покажите, и так, что даже директора и фабричные техники ему обычно удивляются». Но тут же инспектор добавлял, что никаких потребностей, кроме как выпить водки после работы, рабочие не имеют³⁵⁰. Искренние симпатии Мурко вызывали русские крестьяне: плохо одетые, нечесаные, но очень добрые и кроткие.

Интересовали словенского ученого и представители русской буржуазной интеллигенции. Уже упомянутого инспектора из Вятки, ратовавшего за развитие русского реального образования, долженствующего обеспечить развивающуюся русскую промышленность технически грамотными кадрами, Мурко представлял читателю как образованного и умного русского патриота. С таким же сочувствием он описывал деятельность гр. П. С. Уваровой, председательницы Московского археологического общества, которая построила в своем поместье хорошие школу и больницу. Вообще русская интеллигенция поразила Мурко своей высокой образованностью, знанием иностранных языков, последних научных и культурных достижений Европы. Особенно его удивляла самостоятельность русских женщин, их стремление к овладению специальностями, считавшимися всегда мужскими. С удивлением он отмечал, что в народных школах, в ученых обществах и канцеляриях работает много женщин. И вообще, по его мнению, русские интеллигентные женщины обладали большей смелостью, большей сер-

³⁴⁹ *Murko M. V provinciji na Ruskem.*— Ljubljanski zvon, 1889, N 5, s. 278.

³⁵⁰ Ljubljanski zvon, 1889, N 6, s. 340.

дечностью и свободой обращения, чем мужчины их круга ³⁵¹.

Русские купцы показали Мурко очень скучными и консервативными. Вместе с тем он заметил среди них людей нового склада, активных и трезво мыслящих предпринимателей. После встречи с русским купцом, уроженцем Северного Кавказа, человеком, не слишком образованным, но деловым и сметливым, Мурко записал: «Дайте такому народу право судить о своих делах, развейте его природные данные, и Россия станет совсем другой, чем теперешняя. Изучайте этот народ и не лгите нам, что он сам хочет быть вечным рабом, за который может думать только горстка эгоистических чиновников» ³⁵². Последняя фраза была адресована Мурко русским славянофилам и их последователям в словенских землях.

Вообще заметки Мурко острием своим были направлены против чрезмерно экзальтированных словенских русофилов из круга Подгорника, восхвалявших русское самодержавие и православие. Критикуя мнение, что русское самодержавие является исконно русским институтом, Мурко писал, что в нем нет ничего оригинально русского, что примером для него служит прусское полицейское государство. «Проклятие, как и повсюду, здесь еще также и в том, что выбирается, копируется и привносится все, что на Западе есть полицейского» ³⁵³, — замечал он. Указывая на культурную отсталость России, Мурко винил в ней прежде всего самодержавие, которому «развитие умственных сил также опасно, и от этого терпит повсюду русский народ» ³⁵⁴. Второй столп веры словенских русофилов — православие также не остался без внимания Мурко. Он писал об отсутствии религиозной свободы в России, об ограниченности православного духовенства, неспособности его обратить в христианство народы Поволжья, многие из которых еще сохраняли веру в идолов. К раскольникам Мурко относился с сочувствием, отмечая среди них распространение набожности, честности, взаимопомощи,

³⁵¹ Ljubljanski zvon, 1889, N 11, s. 671—672.

³⁵² Ljubljanski zvon, 1889, N 8, s. 464.

³⁵³ Ljubljanski zvon, 1889, N 11, s. 670; N 12, s. 718.

³⁵⁴ Ljubljanski zvon, 1889, N 11, s. 670.

старорусских обычаев³⁵⁵. С укором писал он о наивности словенских политиков, призывающих к возврату словенцев к кирилло-мефодиевской, т. е. православной церкви³⁵⁶.

Национальная политика русского правительства тоже не вызывала восторга молодого словенца. Описывая положение черемисов, мордвы и других угнетенных народов Поволжья, он находил в нем много общего с положением славянских народов Австро-Венгрии³⁵⁷. Присматриваясь к жизни простых русских людей, Мурко приходил к выводу, что «русский народ также угнетен и, может быть, более, чем какой-либо другой славянский народ»³⁵⁸.

Все виденное в России убедило Мурко в том, что «русские не могут спасти славян от культурного и экономического угнетения»³⁵⁹.

И все же Мурко верил в будущее русского народа, в его силу и величие. «Нет, господа мои,— говорил он на заседании Словении, делясь со студентами своими впечатлениями после поездки в Россию,— русский народ действительно великий народ, т. к. имеет великие умы, которые учат его познать самого себя, которые не скрывают от него правды, которые борются этим самым за великие идеи всего человечества»³⁶⁰.

В 1892 г. на страницах «Люблянского звона» Мурко позволил себе усомниться в святая святых словенского либерализма — идее славянской взаимности. Поводом для этого послужили несколько моментов: холодная встреча русской музыкальной общественностью постановки в 1871 г. на сцене Мариинского оперного театра оперы чешского композитора Б. Сметаны «Проданная невеста», появление интереса среди славян к произведениям великих русских писателей только после признания их на западе и т. д. «Мы должны заботиться,— делал вывод Мурко,— чтобы иметь общеевропейскую культуру: истинные же таланты всегда будут одновре-

³⁵⁵ Ljubljanski zvon, 1889, N 11, s. 662—663.

³⁵⁶ Ljubljanski zvon, 1889, N 12, s. 713.

³⁵⁷ Ljubljanski zvon, 1889, N 7, s. 421.

³⁵⁸ Ljubljanski zvon, 1889, N 9, s. 541.

³⁵⁹ Ljubljanski zvon, 1889, N 12, s. 711.

³⁶⁰ *Slodnjak A. Matija Murko.*— Slavistična revija, 1954 (Ljubljana), N 5—7, s. 49.

менно и национальными. Конечно, славянские народы не являются единым целым, а каждый из них имеет свои особенности»³⁶¹.

В большой статье, посвященной «Славянскому обозрению» А. С. Будиловича, опубликованной в том же 1892 г., Мурко дал резкую характеристику русскому славянофильству 80—90-х годов. Отметив, что в свое время славянофилы имели заслуги в русской общественной жизни, что Хомяков, Кириевские, Самарин и Аксаковы были людьми искренних и самобытных убеждений, он вместе с тем подчеркнул, что славянофильская партия, «хотя и не желая и не ведая этого, служила реакции, любила мистическую средневековую тьму, хвалила крестьянскую первобытность и не ходила по земле, а витала в облаках, особенно в вопросах политики». Только в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. славянофилы имели влияние в русском обществе. Если до роспуска Московского славянского комитета славянофильство еще имело какие-то привлекательные черты, то после него, по мнению Мурко, оно потеряло их окончательно. Петербургское славянское благотворительное общество состоит из генералов, чиновников, эмигрантов, попов, представляющих собою «горсточку невлиятельных людей, спорящих друг с другом». В качестве примера ограниченности и отсутствия единства в славянофильской группировке Мурко приводил факт изгнания ею из редакции «Славянских известий» В. И. Ламанского, своего «самого ученого, одаренного и интеллектуального члена». Это привело к гибели «Славянских известий» и, хотя вместо них было создано «Славянское обозрение» Будиловича, оно стоит на более низком уровне, написано плохим русским языком, затуманенным показной ученостью. Особенно Мурко раздражала панславистская направленность «Славянского обозрения», непонимание славянофилами значения национальности и национального языка³⁶².

Мурко выступил с критикой основных положений теории Ламанского о трех культурных мирах: западном, восточном и среднем; считал, что она имеет своей целью разбить и ограбить Европу с помощью некото-

³⁶¹ Ljubljanski zvon, 1892, N 8, s. 515—516.

³⁶² Ljubljanski zvon, 1892, N 9, s. 571—575.

рых народов этой самой Европы. Таким образом Мурко ясно и четко видел империалистические реакционные тенденции русского панславизма и открыто говорил о них. Он указывал на неуместность противопоставления России и всего славянского мира западной цивилизации. «Я не знаю теперь ни одной стороны русской государственной и духовной жизни, которая бы не была европейской», — писал он. Критикуя Ламанского, Мурко все же не ставил его на одну доску с казенными славянофилами. В частности, он признавал у Ламанского ряд справедливых мыслей: что не только Россия нужна славянам, но и славяне России; что русские должны быть благодарны полякам за их борьбу с германской опасностью; что русский язык долго не сможет стать общеславянским из-за культурной отсталости России. Мурко импонировали выступления Ламанского против отсутствия религиозной свободы в России и насильственной русификации нерусских народов.

Общий вывод Мурко был таков: славянофильство — устаревшая теория, его орган «Славянское обозрение» руководствуется предвзятой идеей и не может быть полезным словенской молодежи. Призывая ее изучать русский язык, Мурко рекомендовал ей читать умеренно-либеральный «Вестник Европы», более радикальную «Русскую мысль» или правительственный «Русский вестник»³⁶³.

Конечно, взгляд Мурко на Россию, взгляд достаточно трезвый и критический, не мог прийтись по душе словенским русофилам. Хостник обвинил Мурко в том, что он был якобы послан в Россию австрийским правительством для шпионажа³⁶⁴. Еще более активно нападал на Мурко Л. Лесковец. Спустя несколько лет по выходе записок «В русской провинции» в 1895 и 1897 гг. он поместил в «Слованском свете» несколько статей, направленных против их автора. В этих статьях не велась сколько-нибудь серьезная полемика с Мурко: Лесковец ограничился руганью и голословным обвинением противника в русофобстве, обмане и лжи. Лесковец докатился до утверждения, что Мурко плохо знает русский и словенский языки, что он слаб в истории и гео-

³⁶³ Ljubljanski zvon, 1892, N 10, s. 639—642.

³⁶⁴ *Slodnjak A. Matija Murko*, s. 48.

графии, что он нарочно позорил Россию в печати, так как являлся агентом еврейских газет³⁶⁵.

Первый ответ Мурко на обвинения Лесковца был достаточно сдержанным. В нем он только давал объяснения по поводу своего пребывания в России и сотрудничества в газетах³⁶⁶. Второй ответ Мурко был значительно более резким. Мурко признавал, что его записки «В русской провинции» были чересчур полемичными, так как он слишком долго верил в России тем людям, которые считали, что спасут западных славян от всех неприятностей, послав им несколько церковных книг и колоколов (явный намек на славянофилов.— И. Ч.). Мурко подчеркивал, что эти люди не имеют никакого влияния в русском обществе. Решительно отвергал Мурко обвинение в русофобстве, указывая, что может легко договориться по любому вопросу со многими русскими, но не с теми, «которые хотят быть большими русскими, чем сами русские»³⁶⁷. Относительно своего знания русского языка Мурко ссылался на авторитет крупнейшего филолога В. Ягича. Подводя итог своей дискуссии с Лесковцем он справедливо восклицал: «Спаси бог Россию от таких защитников!»³⁶⁸

Точка зрения Мурко на царскую Россию, его достойный ответ словенским апологетам самодержавия встретили понимание и поддержку со стороны передовых русских ученых. Б. М. Ляпунов в письме к Мурко от 12/24 декабря 1897 г. высоко оценил его записки. «В общем Вы верно представили слабые стороны русской жизни, хотя некоторые частности могли быть для Вас неясны,— писал он.— Верно отмечено у Вас беспорядочность, произвол, невежество, наружная набожность или материальное понимание религии и проч. В особенности хороши заметки о бедности и некультурности крестьян, о недостатках министерства нар[одного] просвещ[ения], об универс[итетском] уставе 1884 г., о приниженности духовенства (об этом писал еще Белинский, противопоставляя наше духовенство западному) перед светской

³⁶⁵ Slovanski svet, 1895, N 46, s. 427; N 48, s. 443; 1897, N 4, s. 60, 61; N 7, s. 106; N 13, s. 201.

³⁶⁶ Slovanski svet, 1895, N 48, s. 444.

³⁶⁷ Slovanski svet, 1897, N 15, s. 237.

³⁶⁸ Slovanski svet, 1897, N 16, s. 252.

властью, о расколе и др.». Дискуссия Мурко с Лесковцем была Ляпуновым также замечена. «С раздражением и досадой читал я шовинистическую статью „Slov[anskega] sveta“ и с удовольствием Ваш прекрасный ответ в той же газете», — сообщал он своему словенскому коллеге в письме от 2/14 февраля 1898 г. Ляпунов не был одинок. Осуждал нападки Лесковца на заметки Мурко и молодой русский филолог М. Н. Сперанский³⁶⁹.

Мурко не был единственным критиком словенских русофилов. В «Люблянском звоне» С. Рутар, описывая строительство транссибирской железной дороги, пытался дать объективную оценку русским условиям³⁷⁰. Да и сама редакция «Люблянского звона», призывая подписываться на «Словански свет» и утверждая, что словенцам «очень нужна газета, особой целью которой было бы укрепление культурных связей между словенцами и другими славянами», все же выражала убеждение, что «такой орган должен быть по-другому основан, частично даже на других принципах и с другими целями»³⁷¹. Вместе с тем «Люблински звон» печатал статьи, написанные активными сотрудниками «Слованского света» Целестином, Гестлом и т. д. В конце 90-х годов в «Люблянском звоне» стали сотрудничать словенский поэт А. Ашкерц и молодой литературовед И. Приятель, оба большие почитатели русской культуры. С их приходом русская тематика журнала вновь стала расширяться.

Критика Мурко и некоторыми другими либералами идей Подгорника и его соратников шла слева, но она являлась все же критикой мелкобуржуазных либералов-прогрессистов и при всей своей справедливости в ряде вопросов исходила от представителей того же класса, к которому принадлежали сами русофилы. Поэтому альтернатива, предлагавшаяся Мурко взамен идей Подгорника, была, конечно, мало реальна: создание федеративной Австрии путем избирательной борьбы.

Другой характер носила критика взглядов русофилов со стороны представителей молодой словенской социал-демократии. В 1896 г. была основана Югославян-

³⁶⁹ *Slodnjak A. Matija Murko*, s. 52.

³⁷⁰ *Ljubljanski zvon*, 1896, N 8, s. 470—474.

³⁷¹ *Ljubljanski zvon*, 1897, N 3, s. 189.

ская социал-демократическая партия, в которую, помимо словенцев, входили и хорватские рабочие Истрии и Далмации. Центром ее деятельности являлся многонациональный портовый город Триест с достаточно сложными и запутанными национальными отношениями. Поэтому национальный вопрос в программе Югославянской социал-демократической партии занимал значительное место. Уже в первых номерах ее главного печатного органа «Рдечи прапор» (Красное знамя) подчеркивалось, что социализм выступает за равноправие всех народов и по своей сущности противен всякому господству одного народа над другим³⁷². Необходимым условием для решения всего комплекса социальных вопросов, в том числе и национального, «Рдечи прапор» считал социалистическую революцию³⁷³. Горячо полемизируя с газетой триестинских либералов «Единост», полагавшей возможным решение национального вопроса в рамках существующего австрийского государства, «Рдечи прапор» не менее решительно отвергал и надежды словенских русофилов на царскую Россию. «Воодушевляться русским государством,— писал он в июле 1900 г.,— и его царем — безумие. Русское государство — варварское, его царь — тиран; и если бы случайно словенцы жили не на юге Австрии, но где-нибудь на Волге или Кавказе, словенская национальность исчезла бы в одну ночь. Народняштво [т. е. деятели Национальной словенской партии, либералы.— И. Ч.] у нас чисто детское. Так как русские — славяне, то все, что там [в России.— И. Ч.] происходит, должно быть святым и хорошим. Но только славные патриоты не думают, что именно из любви к русскому народу они должны быть самыми решительными противниками русского царизма. Но зря им говорить об этом, поскольку они так фанатичны, что даже свои домашние дела изучают по петербургским или московским „Ведомостям“»³⁷⁴. Ненависть к царизму сочеталась у словенских социал-демократов с глубоким сочувствием к прогрессивным силам русского общества. «Мы не русофобы,— подчеркивал «Рдечи прапор».— Мы любим русский народ так же

³⁷² Rdeči prapor (Trst), 1898, N 8.

³⁷³ Rdeči prapor, 1898, N 22.

³⁷⁴ Rdeči prapor, 1900, N 20.

сердечно, как все народы мира. Именно поэтому мы желаем русским, чтобы им посчастливилось разрушить российские порядки и освободиться от ярма и кнута. Наши симпатии на стороне Толстого, русских студентов и студенток, новейших русских писателей, но — против русского царя, русского правительства, священного синода и т. д. И эти симпатии базируются не на туманных фразах о „славянской взаимности“ и о „миролюбивом“ царе, но на реальном положении вещей»³⁷⁵.

Как можно видеть, словенские социал-демократы осуждали русофилов за их слепую веру в самодержавие, которое сами они разоблачали значительно с более непримиримых и решительных позиций, чем Мурко. И все же критика русофилов велась словенскими социал-демократами скорее с общедемократических позиций, чем пролетарских. Они видели в подгорниковцах наивных фантастов, но не представителей мелкобуржуазной идеологии, для которой был характерен ярый национализм. И в этом позиция словенских социал-демократов сближалась с позицией либерала-прогрессиста Мурко. Классового, пролетарского подхода как по отношению к словенским русофилам, так и по отношению к русской действительности у словенских социал-демократов конца XIX — начала XX в. еще не наблюдалось.

Несколько, можно сказать, снисходительное отношение к подгорниковцам пролетарского органа печати объяснимо. Дело в том, что Югославянская социал-демократическая партия в известной мере сочувствовала ряду пунктов национальной программы «Слованского света» и даже частично взяла ее себе на вооружение. К сожалению, ее привлекла не программа Объединенной Словении, которую «Словански свет» хотя и непосредственно, но защищал, а программа культурно-национальной автономии, выдвигавшаяся подгорниковцами наряду с программой Объединенной Словении³⁷⁶. Программу культурно-национальной автономии Югославянская социал-демократическая партия выдвинула на Брюнском съезде австрийской социал-демократии. В. И. Ленин решительно критиковал ее как гениально-

³⁷⁵ Rdeči prapor, 1901, N 14.

³⁷⁶ Чуркина И. В. К вопросу о культурно-национальной автономии. — Советское славяноведение, 1975, № 4.

мещанскую и гениально-националистическую идею отчаявшегося мелкого буржуа³⁷⁷, как проявление буржуазного национализма, соединяющего пролетариат и буржуа одной нации и разделяющего пролетариат разных наций³⁷⁸.

§ 7. Русско-словенские общественные связи в конце 70-х — 90-е годы XIX в.

После войны 1877—1878 гг. внимание словенских общественных кругов к России снова возросло. Однако общественные связи между словенцами и русскими так и не достигли того уровня, который был характерен для конца 60-х — начала 70-х годов. Причин было несколько. Во-первых, в 1878 г. после речи И. С. Аксакова по поводу Берлинского конгресса был распущен Московский славянский комитет в Москве, самый деятельный из славянских комитетов. Практически все дела со славянами стало вести одно Петербургское славянское благотворительное общество. После убийства в 1881 г. революционерами Александра II в России установилась жесточайшая реакция, что не способствовало развитию русской общественной жизни, связи с заграницей не слишком поощрялись. Во-вторых, уже в 70-х годах произошла частичная стабилизация внутреннего положения в Австро-Венгрии. В это же время началась клерикализация словенских консерваторов. Католический фанатизм клерикалов, считавших вероисповедание главным признаком нации, захватывал все более широкие слои словенского народа, главным образом крестьянство и часть интеллигенции, весьма охлаждал симпатии среди них к православной России. Представители крепнущего рабочего класса Словении также не могли восхищаться Россией, которая в глазах передовых людей всего мира была оплотом самой мрачной и жестокой реакции. Наконец, словенская либеральная интеллигенция, всегда являвшаяся оплотом русофильских настроений, после известного разговора Поклукара с австрийским императором, стала значительно осторожнее демонстрировать свои симпатии к России. Все это

³⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 176.

³⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 209.

послужило причиной того, что русско-словенские связи в указанный период развивались не слишком активно.

Книгообмен между русскими научными и общественными учреждениями и словенскими культурно-просветительскими обществами продолжался в 80—90-х годах довольно интенсивно. Это объяснялось отчасти тем, что Петербургское славянское благотворительное общество поставило литературные отношения со славянами в центр своей деятельности.

По-прежнему главным словенским обществом, с которым русские организации имели наиболее прочные связи, была Матица словенская. В 1879 г. она послала в Россию свои книги 16 адресатам, в том числе 3 частным лицам, а именно М. Ф. Раевскому, Даворину Боле и Франу Штифтару (последние двое — словенские эмигранты в России), и 13 обществам: Петербургскому славянскому благотворительному обществу, Российской академии наук, Русскому географическому обществу, Антропологическому обществу в Москве, Археографической комиссии в Вильно, Румянцевскому музею в Москве, библиотеке Московского славянского комитета, университетам в Москве, Варшаве, Одессе, Филологическому обществу в Воронеже, Археологическому обществу в Москве, Обществу любителей истории и древностей в Одессе³⁷⁹. Кроме того, с 1882 г. Матица вступила в книгообмен еще с Киевским университетом. Как можно судить по письму секретаря Петербургского славянского благотворительного общества В. И. Аристова к Раевскому от 17 января 1883 г., рассылку книг Матицы словенской в России приняло на себя Петербургское славянское благотворительное общество³⁸⁰. К концу XIX в. число русских обществ, с которыми Матица имела сношения, резко уменьшилось: в 1899 г. их было только шесть³⁸¹.

Иногда русские ученые учреждения приглашали Матицу на ученые торжества. 25 мая 1884 г. ректор Киевского университета послал Матице письмо, в котором просил ее «почтить своим вниманием его пятидесятилетнее юбилейное празднество, имеющее происходить 7,

³⁷⁹ Arhiv Matice slovenske, 1878, št. 58.

³⁸⁰ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 9.

³⁸¹ Letopis Matice slovenske, 1899, s. 72—73.

8 и 9 сентября сего 1884 года». На заседании комитета Матицы от 11 июня 1884 г. было решено: «Принять к сведению приглашение и послать университету письменное поздравление»³⁸².

Вообще Матица словенская в это время относилась ко всяким контактам с Россией довольно осторожно. Без ответа осталось предложение Гашпара Крижника, сапожника из Мотника, увлекавшегося сбором фольклора об избрании почетным членом Матицы Бодуэна де Куртенэ, профессора Казанского университета, который, по словам Крижника, «уже четыре книги о словенских наречиях издал на русском языке»³⁸³. В апреле 1878 г. учитель гимназии Иван Стекласа предложил Матице свою рукопись «Русской истории», актуальность которой он обосновывал следующим образом: «в отношении славянской взаимности этот важный труд не только принес бы пользу самому обществу и вообще народу, т. к. познакомил бы их с русскими нравами, русскими обычаями, русской религией и вообще славянской историей, но и было бы также очень важно обратить внимание на великий народ, который уже теперь достиг в Европе такого исторического значения и которого ожидает великое будущее»³⁸⁴. 14 декабря 1878 г. на заседании Издательского отдела Матицы Марн посоветовал отвергнуть предложение Стекласы, что и было принято³⁸⁵. Та же судьба постигла и труд Ф. Целестина. 20 мая 1880 г. он сообщал Раевскому о том, что собирается на основе своих лекций по русской литературе, которые читал в Загребском университете, написать книгу. Ее издание, как он надеялся, должны были взять на себя хорватская и словенская Матицы³⁸⁶. Однако надеждам Целестина не суждено было сбыться. Уже 16 марта 1881 г. Целестин писал Ф. Левцу, что Матица хорватская отказалась печатать его труд. Причиной этого, по его мнению, было нежелание Матицы печатать «ничего русского, т. е. о русских». В связи с этим Целестин просил Левца попытаться опубликовать его труд

³⁸² Arhiv Matice slovenske, 1884, št. 128.

³⁸³ Arhiv Matice slovenske, 1878, št. 78.

³⁸⁴ Ibid., 1878, št. 145, 353.

³⁸⁵ Ibid., 1878, št. 337.

³⁸⁶ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 77.

в Матице словенской. Спустя три года, 3 апреля 1884 г., дело находилось в том же положении: на предложение Целестина Матица словенская даже не ответила³⁸⁷. И позднее все оставалось по-прежнему, и Целестин напечатал свою «Историю русской литературы» отдельными очерками в «Люблянском звоне».

Кроме Матицы словенской Петербургское славянское благотворительное общество продолжало уделять внимание словенским студенческим обществам в Вене и Граце.

В Вене по-прежнему действовала Словения. В 1884/85 учебном году в ней насчитывалось 33 действительных, 14 — поддерживающих и 10 почетных членов. Имущество общества оценивалось в 283 гульдена, в библиотеке имелось 839 книг в 1075 томах, 173 музыкальных сборника, 22 карты. Читальню Словения имела общую с хорватским обществом Звонимир³⁸⁸. И. Бывалый, корреспондент «Славянского обозрения», характеризовал деятельность Словении следующим образом: «Деятельность его скромная, живет оно тихо, дружно, и со всеми славянами, не исключая и сербов, поддерживает хорошие отношения». Ежегодно Словения давала бал, на котором выступал хор тамбурашей и который являлся местом встречи всех славян без исключения³⁸⁹.

Словенские студенты пытались создать и свой собственный печатный орган. В 1879 г. студенческая молодежь Вены подготовила издание «Альманах слованске младине дунайске», в котором имелись отделы: русский, малорусский, чешский, словацкий, хорватский, сербский, болгарский, словенский. Альманах редактировала коллегия из 14 редакторов, в числе которых были два словенца — Д. Хостник и Р. Пукл. Особенно много для издания альманаха сделал Хостник, имевший из-за этого неприятности с властями. Интересно, что на «Альманах» подписалось 736 человек, из них 335 словенцев, 127 чехов, 119 словаков, 40 малорусов, 31 хорват, 20 русских, 9 сербов и 7 болгар³⁹⁰. Эти данные говорят, что основ-

³⁸⁷ Rokopisni odelek NUK, Ms. 973, VIII/B.

³⁸⁸ Ljubljanski zvon, 1885, N 11, s. 700—701.

³⁸⁹ Бывалый И. Славянские студенческие общества в Вене.— Славянское обозрение, 1894, с. 248.

³⁹⁰ Ljubljanski zvon, 1896, N 4, s. 254—257.

ную роль в издании «Альманаха» играли словенские студенты. По-видимому, его задумало созданное в феврале 1879 г. Словенское литературное общество в Вене, в котором активную роль играли Ф. Подгорник, К. Штрекель (секретари общества) и Д. Хостник (библиотекарь)³⁹¹.

В 1892—1894 гг. Словении удалось наладить выпуск собственного журнала «Весна», ставшего рупором радикальной словенской молодежи. Из-за нападков со стороны католических фанатиков «Весна» прекратила свое существование³⁹². Кроме того, часть студентов под влиянием травли со стороны клерикалов вышла из Словении³⁹³. Оставшиеся в обществе студенты придерживались прежнего направления: антиклерикального, прогрессивного, с сильно развитым чувством славянской взаимности.

В 1886 г. по поводу смерти И. С. Аксакова словенские студенты совместно с хорватскими и болгарскими послали в его газету «Русь» телеграмму с соболезнованием. «Вместе с сильным братским народом русским,— говорилось в телеграмме,— мы плачем у одра бессмертного покойника, надеясь, однако, что русский народ даст нам преемника его идей и стремлений»³⁹⁴. 24 мая/7 июня 1899 г. по предложению Словении славянские студенческие общества — Академицки сполек, Балкан, Буковина, Огниско, Сич, Словения, Зора, Звонимир — торжественно отметили столетнюю годовщину со дня рождения А. С. Пушкина³⁹⁵.

Петербургское славянское благотворительное общество довольно регулярно снабжало Словению русскими книгами. Сохранились счета, предоставленные ему петербургским книготорговцем К. Геруцом за отсылку им в 1889 г. книг различным славянским обществам. Судя по счету от 13 февраля им были посланы Словении сочинения Пушкина, Достоевского, Тургенева, Гоголя, книги: Гербеля «Русские поэты», Соловьева «Учебник русской истории» и др., всего на 23 рубля 15 коп. По счету от 15 апреля Геруц отправил Словении два

³⁹¹ Arhiv Matice slovenske, 1879, št. 30.

³⁹² См. выше.

³⁹³ Vesna, 1893, N 9, s. 138.

³⁹⁴ Русь, 1886, № 32, с. 8.

³⁹⁵ Архив АН СССР, ф. 105, оп. 1, д. 246, л. 11, 18 об.

экземпляра сочинения Мартыновского «Русские писатели»³⁹⁶.

Словении посылали книги и отдельные ученые. Так, в письме К. Штрекеля Бодуэну дэ Куртенэ от 17 августа 1882 г. проскальзывает упоминание о посылке последним книг для Словении³⁹⁷.

В Граце в 80—90-х годах действовало словенское студенческое общество Триглав, основанное в 1875 г. Оно явилось прямым преемником запрещенной за несколько месяцев до этого Вендии: его правила составлялись по примеру правил Вендии, оно наследовало библиотеку Вендии, многие члены Вендии были в числе его основателей³⁹⁸. В 1882 г. Триглав насчитывал более ста членов. 2 декабря 1882 г. на вечере в честь Прешерна присутствовало несколько русских. Наряду со словенскими песнями на празднике было исполнено несколько русских народных песен и романсов («Эй, ухнем», «Сарафан»), встреченных очень тепло. «Теперь вы можете представить,— писал Д. Львов, бывший среди приглашенных русских,— в каком восторге были мы, русские, бывшие на этом вечере, при виде этого нелегального сочувствия словенцев к нашему народу и его поэзии»³⁹⁹.

Еще в 1876 г. Триглав обратился к Московскому славянскому комитету с просьбой подарить библиотеке общества русские книги⁴⁰⁰. Неизвестно, откликнулся ли Московский комитет на эту просьбу. Но уже в 80-х годах Триглав имел довольно прочные связи с Петербургским славянским благотворительным обществом. В 1884 г. Триглав получал от него: «Русь», «Новости», «Всемирные иллюстрации». 25 января 1885 г. Подгорник, бывший тогда секретарем общества, просил Петербургское Славянское общество присылать Триглаву эти издания и впредь, а кроме того — подписывался от имени общества еще на «Ниву» и «Новое время»⁴⁰¹. По счетам К. Геруца Славянскому обществу видно, что в 1889 г.

³⁹⁶ ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 657, л. 190, 204.

³⁹⁷ Архив АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 353, л. 7.

³⁹⁸ *Kelemina J., Hrašovec Š., Serajnik S. Akad. tehn. društvo Triglav*, s. 14—19.

³⁹⁹ Русь, 1882, № 49, с. 7, 8.

⁴⁰⁰ ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 426, л. 323 и об.

⁴⁰¹ ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 519, л. 13.

Триглав получил от него сочинения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, учебники по русской истории и истории русской литературы, русскую грамматику Смирновского, русско-немецкий словарь Макарова, книгу Мартыновского «Русские писатели»⁴⁰².

Помимо таких постоянных словенских обществ, как Матица, Триглав, Словения, в 80—90-х годах в словенских землях возникали различные более или менее долговременные общества и кружки, в которых значительное внимание уделялось изучению русской культуры и русского языка.

Уже в начале 80-х годов в Любляне возник Литературный и развлекательный клуб, который за зиму 1881/82 г. провел 26 вечеров. На них было прочитано 8 литературных и 15 научно-популярных лекций. В качестве лекторов выступали Левец, Грасели, Хрибар, Вошняк, Зарник — все видные деятели либералов. Среди прочих лекций Хрибар прочитал лекцию о Пушкине и переводе его стихов на словенский язык Веселом, Бежек — о Тургеневе⁴⁰³. Возможно, при этом клубе, а возможно, и самостоятельно в Любляне существовали кружки по изучению русского языка. Снабжение их русскими книгами взял на себя Хрибар. В 1884 г. он обратился к Петербургскому славянскому благотворительному обществу с просьбой о присылке русских книг. Второе письмо его было отправлено 15 апреля 1885 г.⁴⁰⁴ «Распространение русских книг между западными славянами должно быть главной задачей славянского благотворительного общества,— писал он.— Русские книги и очень дорогие и потому, особенно учащейся молодежи, очень усердно занимающейся изучением русского языка, но не распоряжающейся[ся] обыкновенно материальными средствами, невозможно покупать русские книги. Я разделяю всякий год по нашим гимназиям и между университетские слушатели словенские несколько русских книг, но требование так велико, что мене невозможно удовлетворить ни десятой части просящих»⁴⁰⁵. Хрибар получил русские книги. В благодарственном письме от

⁴⁰² Там же, д. 657, л. 189, 194, 203.

⁴⁰³ Ljubljanski zvon, 1882, N 4, s. 253; N 5, s. 317.

⁴⁰⁴ Это и последующие письма Хрибара написаны по-русски.

⁴⁰⁵ ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 543, л. 26 и об.

22 сентября 1885 г. он отмечал: «С раздачею я начну завтра, потому что только тепер[ь] с[ъ]ехались студенты с вакаций по городам. Я позабочусь, чтобы на всякой гимназии собрался кружок учеников с цел[ь]ю изучения русского языка и чтобы эти ученики под конец всякого года с переводы из русских книг доказали, как успевали в своем предприятии»⁴⁰⁶. Позднее Хрибар вспоминал, что в конце 70-х — начале 80-х годов ратовал за изучение словенцами прежде всего русского языка. На его призыв откликнулась словенская молодежь, установившая несколько русских кружков в средних школах. «Я обратился к нашему земляку профессору Даворину Хостнику в Рыльске, — писал Хрибар, — и он мне выпросил у Славянского благотворительного общества в Москве пару ящиков книг. Я их разделил между русскими кружками». В числе тех, кто особенно помогал ему в создании русских кружков Хрибар отмечал д-ра Людевита Енко и его жену Терезину Михайловну⁴⁰⁷.

Супруги Енко и в дальнейшем являлись одними из самых горячих пропагандистов русского языка среди словенцев. В конце 90-х годов они организовали кружок любителей русского языка в Любляне. Как видно из письма Хостника от 6 ноября 1897 г., уже в то время встал вопрос о его создании⁴⁰⁸. Но окончательно кружок оформился только через два года — в ноябре 1899 г. Людевит Енко вел в нем бесплатное преподавание русского языка⁴⁰⁹. «Желательно, чтобы в этом курсе участвовало как можно больше учеников, — писал он в объявлении о начале работы 2-го курса кружка, — ведь русский язык такой красивый, благозвучный славянский язык, вводящий нас в сокровищницу русской литературы. Не должно быть ни одного образованного молодого словенца, который бы не знал русского языка настолько, чтобы читать русских писателей в оригинале»⁴¹⁰. Стара́ниями Енко русские кружки были учреждены затем в Мариборе, Целье, Идрии, Горице, Триесте. Енко перевел на словенский язык повести Пушкина, был знаком

⁴⁰⁶ ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 543, л. 28 и об.

⁴⁰⁷ *Hribar I. Moji spomini, zv. I, s. 190, 191.*

⁴⁰⁸ Архив АН СССР, ф. 241, оп. 1, д. 28, л. 121 об.

⁴⁰⁹ *Ljubljanski zvon, 1900, N 2, s. 136.*

⁴¹⁰ *Ljubljanski zvon, 1900, N 11, s. 715.*

со многими представителями русской интеллигенции, бывавшими в Любляне⁴¹¹. Знал его Е. Ф. Корш, знал его и известный историк иллиризма П. А. Кулаковский. «Еще на этих дня умер в Любляне большой деятель этого характера доктор Енко,— с грустью говорил Кулаковский в своей речи на заседании галицко-русского общества в Москве 1 февраля 1912 г.,— основатель и глава Русского кружка, прослуживший этому делу сближения словенцев со всем русским более 30 лет»⁴¹².

Есть сведения о существовании русского кружка в Штирии. Ф. Целестин в феврале 1880 г. обратился к М. Ф. Раевскому с просьбой прислать ему русские книги для студентов Загребского университета⁴¹³. В мае он получил уже ряд русских книг, в том числе русские грамматики, хрестоматии и т. д.⁴¹⁴ Целестин просил Раевского о регулярной присылке русских книг, так как все время раздавал их студентам, и Славянское общество в этом шло ему навстречу⁴¹⁵. Кроме своих студентов, Целестин, возможно, снабжал книгами и кружок Б. Раича, о котором он сообщал Раевскому 31/19 октября 1880 г. «На днях писал мне из Штирии,— указывал Целестин,— Божидар Раич (тот самый, который написал и «русскую грамматику»), что зимой хотят в его приходе (и вообще в окрестности) учиться русскому языку и познакомиться с литературой, но не знают, по каким книгам?»⁴¹⁶ Дальнейших сведений об этом кружке нет.

Крупным потребителем русских книг был Ф. Подгорник. Уже 8 января 1888 г. он сообщал Ламанскому о начале издания им «Слованского света». «„Словански свет“,— писал Подгорник,— будет публиковать политические статьи, научные исследования и изыскания о славянской культуре вообще». В этом же письме Подгорник просил книги, прежде всего «Известия Славянского благотворительного общества» за 1885, 1886, 1887 гг.⁴¹⁷ Просьба Подгорника не осталась безрезультатной: согласно счету, представленному К. Геруцем

⁴¹¹ Славянские известия, 1909 (СПб.), № 1, с. 138.

⁴¹² ИРЛИ, ф. 572, д. 25, л. 10.

⁴¹³ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 77.

⁴¹⁴ Там же.

⁴¹⁵ Там же.

⁴¹⁶ Там же.

⁴¹⁷ Архив АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. 1131, л. 9—12.

Петербургскому благотворительному славянскому обществу в 1888 г., им были отосланы Подгорнику произведения Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Жуковского, Тургенева, Тютчева, сочинения славянофилов и панславистов (Хомякова, Самарина, Данилевского), книги по истории (Соловьева, Иловайского) и по истории литературы (Миллера, Гербея), словари⁴¹⁸.

И позднее Подгорник, как редактор «Слованского света», получал литературу из России. Ему посылали ее отдельные лица и редакции журналов и газет. «Вместе с тем благодарю Вас, что Вашим посредничеством,— писал Подгорник 3/15 июля 1897 г. к профессору Петербургской духовной академии И. С. Пальмову⁴¹⁹,— в сей год я получаю „Свет“ и „Веру и разум“. „Журнала же министерства народного просвещения“ мне не посылают, что, смотря на библиографию, мне особенно жаль. От прежде я получаю „Филологич[еский] вестник“ (Смирнова), „Визант[ийский] временник“ и опять „Вопросы филос[офии] и психологии“. Из остальных русских журналов ни одного я не получаю и просьбами не мог до сих пор приобрести. 6 годов тому назад я получал „Живую старину“ Ламанского, но он позабыл посылать мне их»⁴²⁰.

Русские книги от Славянского благотворительного общества в Петербурге получали и отдельные лица.

В 1877 г. у Московского славянского комитета русские книги учебного содержания и какую-либо педагогическую газету просил торговый приказчик из Штирии Матия Бенц⁴²¹. Русские книги по математике, художественная литература и словари нужны были Ивану Пинтару из Любляны. «Я большой охотник до славянских языков и литератур,— писал он к Раевскому 19 июля 1881 г.⁴²²,— и мне хочется выучиться им. Особенно я желаю выучиться русскому и болгарскому языкам»⁴²³. А 4/16 ноября 1881 г. Пинтар благодарил Раевского за присланный ему ящик русских книг. «Я вам сердечно благодарю, что мне так помогли далее зани-

⁴¹⁸ ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 657, л. 161.

⁴¹⁹ Письмо написано на русском языке.

⁴²⁰ Архив АН СССР, ф. 105, оп. 2, д. 211, л. 7 и об.

⁴²¹ ОР ГБЛ, ф. 239.

⁴²² Оба письма Пинтара написаны по-русски.

⁴²³ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 59.

маться русским языком,— сообщал Пинтар,— который говорят большинства славян и который более развит все[х] славянских языков. Некоторые книги дошли в двух или трех экземплярах, которые буду раздать между здешними студентами, которые многие занимаются русским языком и литературой»⁴²⁴.

В 1885 г. Андреас Плечник, ученик 8 класса Люблянской гимназии, и Драготин Жагар, провинциальный казначей, обратились с просьбой к Петербургскому славянскому благотворительному обществу: первый — подарить ему сочинения русских классиков Тургенева, Лермонтова, Гоголя, Толстого⁴²⁵; второй — «Историю искусств» Гнедича⁴²⁶. Обе просьбы были выполнены: через Хрибара Славянское общество послало сочинение Гнедича Жагару и 4 тома произведений Тургенева, Гоголя, Толстого Плечнику⁴²⁷. Одновременно получил русские книги и А. Герман, житель штирийского городка Птуя⁴²⁸. В том же 1885 г. русские книги просил словенский учитель из Кобериды в Приморье Иван Сивец⁴²⁹. Результаты этой просьбы неизвестны. В 1888 г. сочинения Пушкина и Толстого, русско-немецкий словарь получил учитель в Загорье на Саве (Крайна) Тома Битеуц⁴³⁰. К 50-летию со дня гибели Пушкина стараниями Петербургского славянского общества в Любляну были отправлены 100 экземпляров его сочинений⁴³¹.

Просьбы о книгах шли не только Славянскому обществу, но и отдельным лицам, прежде всего Бодуэну де Куртенэ, не раз бывавшему в словенских землях в научных экспедициях и имевшему там много друзей и знакомых. 20 июня 1877 г. Валентин Кумар, учитель в Горице, спрашивал Бодуэна о лучших русских книгах по следующим отраслям: русская история, психология, логика, педагогика⁴³². 26 октября 1878 г. к Бодуэну же обратился уже упоминавшийся нами Иван Пинтар

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 543, л. 41.

⁴²⁶ Там же, л. 43—44.

⁴²⁷ Там же, л. 14 и об., 28 об., 29, 45.

⁴²⁸ Там же, л. 14 об.

⁴²⁹ Там же, л. 46—47, об.

⁴³⁰ Там же, д. 657, л. 139, 185 об.

⁴³¹ Известия..., 1887, № 10, с. 494.

⁴³² Архив АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 169, л. 1.

с просьбой прислать ему учебники русского языка. Взамен он обещал прислать свои записи народных сказов и обычаев⁴³³. 7 февраля 1879 г. ученик 6-го класса Горицкой гимназии Янко Глобочник просил Бодуэна о русско-немецком словаре. «Не обижайтесь, что я прошу Вас, не зная Вас лично,— замечал Глобочник,— но я слышал, что Вы рады помочь тем, кто учит русский язык, из-за этого я и обратился к Вам»⁴³⁴. Просил прислать русские книги по педагогике и русско-немецкий словарь и бывший ученик Бодуэна из горицкого кружка Блаже Пернишек, ставший к моменту написания письма (7 января 1879 г.) учителем в Лютомере⁴³⁵.

Если книжные сношения между Россией и словенцами в 80—90-х годах были довольно оживленными и не слишком уменьшились по сравнению с концом 60-х — первой половины 70-х годов, то материальная помощь словенцам со стороны русских общественных организаций в конце XIX в. значительно сократилась. Связано это было прежде всего с сокращением средств Славянских комитетов и новым направлением их деятельности, в основу которой были положены книжные сношения. В списке лиц, получавших пособия от Славянского общества в Петербурге, словенцев — единицы. Это Иосиф Плейер, которому в 1887 г. выдали 75 руб., Теодор Мартеланц, словенский художник, которому было послано в 1891 г. 20 руб., в 1892 г. — 10 руб., в 1893 г. — 5 руб. Наконец, в списке значится и Петр Миклавец, активно писавший статьи в издания Славянского общества. За период 1890—1892 гг. он получил в качестве гонорара и пособия 99 руб. 55 коп.⁴³⁶

В 1895 г. в Любляне произошло сильное землетрясение, в результате которого много домов города было разрушено или нуждалось в коренной перестройке. Городской голова Любляны Иван Хрибар обратился за помощью и в Славянское общество в Петербурге. В результате последним на его имя было сразу же послано 500 руб.⁴³⁷

⁴³³ Архив АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 247, л. 1 и об.

⁴³⁴ Там же, д. 77, л. 1—2.

⁴³⁵ Там же, д. 242, л. 5.

⁴³⁶ ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 134, л. 48 об., 52, 63, 74 об.

⁴³⁷ Там же, д. 814, л. 1, 2 и об.

Кроме Петербургского славянского благотворительного общества, отдельным словенцам и словенским учреждениям помогали и некоторые российские ведомства официального характера. Уже упоминавшийся художник Теодор Мартеланц после пребывания в течение ряда лет в России решил вернуться на родину. Он написал прошение в Азиатский департамент, обосновывая свою просьбу плохим состоянием здоровья. Ему было выдано для указанной цели в октябре 1891 г. 50 руб., а в мае 1892 г. — 25 руб.⁴³⁸ Еще ранее (1887 г.) его жена Анна Мартеланц получила из средств МИДа также для возвращения на родину 100 руб.⁴³⁹

Пытались получить помощь от России и некоторые словенские газеты. Пайк, владевший типографией в Мариборе, 21 ноября 1877 г. просил Бодуэна де Куртенэ ходатайствовать о пособии для него у славянского общества. Во втором письме от 6 декабря 1877 г. он уже вел речь только о получении займа в 900 флоринов⁴⁴⁰. 10 декабря 1877 г. Пайк написал письмо Раевскому о своих денежных затруднениях в связи с ведением дел в типографии, в которой он печатал исключительно словенские книги и журнал «Зору». От Славянского комитета Пайк просил ссуду в 1000 гульденов⁴⁴¹. Трудно сказать, получил ли Пайк требуемую ссуду. Скорее всего, нет, если принять во внимание, что русско-турецкая война была в самом разгаре и все средства славянских комитетов шли на Балканы.

Стремился получить средства в России для издания «Слованского света» и Ф. Подгорник. С самого начала своего выхода в свет «Словански свет» был дефицитным изданием из-за наличия многих бесплатных подписчиков: часть из них не платили по согласию с редакцией (гимназисты, семинаристы, бедные учителя начальных школ); а часть — несмотря на многочисленные напоминания⁴⁴². «Слованскому свету» материально помогали некоторые его сотрудники и подписчики, в том числе и из России. Среди них был Д. Хостник. Сохранилось его

⁴³⁸ АВПР, ф. 6 (Славянский стол), оп. 495, д. 21 (11081), л. 1—5.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ Архив АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 233, л. 1—3.

⁴⁴¹ ОР ГПБ, ф. 608, Пайк.

⁴⁴² Архив АН СССР, ф. 105, оп. 2, д. 288, л. 1 об., 2.

письмо от 19 января 1896 г. в Издательскую комиссию Славянского общества в Петербурге, в котором он просил ее в счет своего гонорара за словари отослать Подгорнику 40 руб. Его просьба была выполнена⁴⁴³. В письме к Пальмову Хостник упоминал Ивана Коса, словенского эмигранта в Петербурге, который платил ежегодно «Слованскому свету» 60 руб.⁴⁴⁴

Но основные средства из России шли «Слованскому свету» все же не от них. В 1896 г. Подгорник получал из России субсидии. «Подгорник пишет,— сообщал Хостник Пальмову 4 июня 1896 г.,— что до сих пор получил $\frac{2}{3}$ субсидии и просит меня исхлопотать ему последнюю треть... Обращаюсь к Вам, многоуважаемый Иван Саввич, с покорнейшей просьбой похлопотать у высокоуважаемого Владимира Карловича, объяснив ему печальное положение «Slov[anskega] sveta»⁴⁴⁵. Владимир Карлович Саблер, которого упоминал Хостник, являлся товарищем (заместителем) обер-прокурора святейшего синода, активным деятелем Петербургского славянского благотворительного общества. Следовательно фраза, оброненная Хостником, дает нам возможность полагать, что «Словански свет» пользовался материальным вспомоществованием Славянского благотворительного общества. Но этой субсидии Подгорнику не хватало. Поэтому он решил сам отправиться в Россию, чтобы попросить ее увеличения. О поездке Подгорника Хостник хлопотал перед Пальмовым, указывая, что тот «хотел бы приехать в Россию, объяснить все в подробности, повидаться с деятелями Слав[янского] благ[отворительного] общества»⁴⁴⁶. Письмо Хостника не осталось безрезультатным. В следующем письме от 28 июня он благодарил Пальмова: «Участие высокоуважаемого Владимира Карловича и Ваше в судьбе „Slovanskega sveta“ глубоко меня тронуло, и у меня ожила надежда, что близкое моему сердцу издание не пропадет». Хостник называл во втором письме и сумму, необходимую для поездки Подгорника в Россию и для его неотложных расходов — 1000 руб.⁴⁴⁷ Названная сумма

⁴⁴³ Архив АН СССР, ф. 241, оп. 1, д. 28, л. 64 об.

⁴⁴⁴ Архив АН СССР, ф. 105, оп. 2, д. 288, л. 2 об.

⁴⁴⁵ Там же, л. 4 об.

⁴⁴⁶ Там же, л. 5.

⁴⁴⁷ Там же, л. 7, 8.

была, по-видимому, предоставлена Подгорнику. 7 сентября 1896 г. Хостник сообщил Пальмову, что Подгорник выехал из Рыльска в Петербург, погостив у него три дня. «Я его направил к Вам,— добавлял Хостник,— и он надеется, что Вы укажете ему способ, как представиться Владимиру Карловичу и объяснить ему, как обстоят дела у словинцев с точки зрения славянофильства»⁴⁴⁸. В четвертом письме Пальмову от 24 октября 1896 г. Хостник благодарил его за внимание к Подгорнику и за представление его Саблеру⁴⁴⁹. А в январе 1897 г. к Пальмову написал и Подгорник. В письме он благодарил «за Вашу мне документальную благосклонность словом и делом» и сообщал, что многие патриоты приветствовали возрождение «Слованского света» (вторую половину 1896 г. он не выходил) и обещали сотрудничать в нем⁴⁵⁰. Однако спустя полгода Подгорник вновь жаловался Пальмову на недостаток средств и на то, что обещанные ему деньги он не получил сразу⁴⁵¹. Подгорник в это время обращался и к Хостнику с просьбой о новом посредничестве в получении денег. Но Хостник отказался сделать это, мотивировав Пальмову свой поступок (письмо от 23 августа 1897 г.) тем, что Славянское общество и Владимир Карлович и так много сделали для «Слованского света». Хостник считал, что Подгорник не должен рассчитывать на одни субсидии, и если газета не окупается, лучше ему ее закрыть⁴⁵². Несколько позднее Подгорник получил через некоего Маркова 2 тыс. руб., но они не могли спасти положения, так как, по его словам (письмо к Пальмову от 12 июня 1900 г.), ему было необходимо по меньшей мере 10 000 гульденов⁴⁵³. В результате «Словански свет» прекратил свое существование в конце 1899 г. Отсутствие достаточного числа подписчиков не могли возместить и субсидии.

Стоит сказать еще об одном важном предприятии Славянского благотворительного общества в Петербурге, которое сыграло очень большую роль во взаимном

⁴⁴⁸ Там же, л. 9 и об.

⁴⁴⁹ Там же, л. 13 об., 14.

⁴⁵⁰ Там же, д. 211, л. 1 и об., 2.

⁴⁵¹ Там же, л. 7 об., 8 и об.

⁴⁵² Там же, д. 288, л. 19 и об.

⁴⁵³ Там же, д. 211, л. 20.

ознакомлении словенцев и русских, а именно об издании русско-словенского и словенско-русского словарей.

Еще в первой половине 90-х годов Славянское благотворительное общество решило издать на свои средства несколько славянско-русских и русско-славянских словарей. 30 апреля 1895 г. на общем собрании членов благотворительного общества по предложению Издательской комиссии было решено подготовить и напечатать пять словарей из этой серии, в том числе словенско-русский и русско-словенский. Комиссия считала, что «предполагаемые изданию словари должны быть необъемисты, дешевы и доступны для самого обширного круга учащейся молодежи». К каждому словарю должна была прилагаться краткая грамматика русского или одного из славянских языков. Издательская комиссия наметила и кандидатуры составителей словарей. Для словенско-русского и русско-словенского ею был предложен М. М. Хостник. На издание всех пяти словарей предполагалось выделить 10 тыс. руб.⁴⁵⁴ 30 мая 1895 г. Совет Славянского благотворительного общества в Петербурге отправил письмо Хостнику с программой, которая должна была стать ему руководством при составлении словарей. Хостник программу принял и сделал несколько встречных предложений, одобренных Издательской комиссией⁴⁵⁵.

Уже 11 января 1896 г., т. е. спустя немногим более семи месяцев после того, как Хостник согласился взяться за составление словаря, он уже отправил по почте конец русско-словенского словаря и грамматику русского языка для словенцев и начал работу над составлением словенско-русского словаря и словенской грамматики к нему⁴⁵⁶.

Через Хостника и Подгорника Славянское благотворительное общество договорилось о напечатании обоих словарей в типографии Андрея Габршека⁴⁵⁷, изве-

⁴⁵⁴ Архив АН СССР, ф. 241, оп. 1, д. 28, л. 1—2.

⁴⁵⁵ Там же, л. 53.

⁴⁵⁶ Там же, л. 63.

⁴⁵⁷ Д. Кермавнер считает А. Габршека одним из первых учеников Ф. Подгорника (*Kermavner D. Slovenska politika...*, s. 383). Позднее Габршек вместе с Хрибаром участвовал на славянских съездах в Праге и Софии. Во время первой мировой войны репутация русофила привела Габршека в тюрьму. Таким образом, по своим взглядам Габршек был близок Хостнику, и для него из-

стного словенского либерального деятеля в Горице, имевшего всеславянскую ориентацию.

К концу 1897 г. русско-словенский словарь с русской грамматикой вышел в свет. За его печатание типографии Габршека было уплачено по счету 1843 гульдена 90 крейцаров⁴⁵⁸.

В 1901 г. той же типографией был издан словенско-русский словарь со словенской грамматикой.

Оба словаря Хостника вызвали одобрение как словенской, так и русской общественности. Об интересе представителей словенской интеллигенции к русско-словенскому словарю и русской грамматике говорит письмо Подгорника к Хостнику от 17 апреля 1896 г. «Меня словенцы,— отмечал он,— постоянно спрашивают, можно ли надеяться на появление русско-слов[енского] словаря и русской грамматики на слов[енском] языке; теперь я могу дать желательный ответ»⁴⁵⁹. Подгорник горячо рекламировал русско-словенский словарь Хостника на страницах «Слованского света». «Люблянски звон» тоже с похвалой отзывался о труде Хостника. «Грамматика включает в себя все правила,— подчеркивал журнал,— которые необходимы для изучения русского языка, словарь же дает обширный словарный материал... Эта книга в таком объеме первая у словенцев, и поэтому мы ее горячо рекомендуем всем образованным словенцам»⁴⁶⁰. В обширной рецензии на словарь и грамматику Хостника рецензент «Люблянского звона» «Семен Семенович + В», отмечая недостатки, делал общий вывод: «Но все это мелочи; вообще же нужно признать, что словарь и грамматика Хостника — важное явление, замечательный труд в нашей литературе»⁴⁶¹. Интересно, что словарь и грамматику Хостника хвалили не только либеральные органы печати, но и издания, принадлежавшие клерикалам. «Совершенно неожиданно для себя,— сообщал с радостью Хостник

дание русско-словенского и словенско-русского словарей явилось, как и для Хостника, не столько коммерческим делом, сколько делом, полностью отвечавшим его идейным убеждениям.

⁴⁵⁸ Архив АН СССР, ф. 241, оп. 1, д. 28, л. 128.

⁴⁵⁹ Там же, л. 94. Это копия письма, сделанная рукою Хостника на русском языке.

⁴⁶⁰ Ljubljanski zvon, 1897, N 9, s. 579, 580.

⁴⁶¹ Ljubljanski zvon, 1899, N 8, s. 504—507.

Издательской комиссии 24 августа 1897 г., — я в сегодня полученном номере „Домовина“ читал извещение о моем словаре. Там, между прочим, сказано, .. что „грамматика содержит все правила, необходимые для изучения русского языка, а словарь подает богатый лексический материал“. Хвалит и содержание, и наружную, техническую сторону издания... Рекомендуются словарь и хорватам, а особенно горячо „всем интеллигентным словенцам“. Считаю нелишним прибавить, что „Domovina“ „не русофильское, хотя и не русофобское издание“⁴⁶². 15 сентября 1897 г. Хостник замечал, что «даже журнал „Dom in svet“, издаваемый доктором богословия о. Лампе, рекомендует словарь на основании посланных ему корректурных листов»⁴⁶³. И, наконец, 6 ноября 1897 г. Хостник писал Издательской комиссии, что все словенские газеты без различия направления горячо рекомендуют его словарь словенцам⁴⁶⁴.

Словенско-русский словарь со словенской грамматикой, предназначенный для русской интеллигенции, получил также высокую оценку русской общественности. В рецензии на него П. Лавров приветствовал их появление как пособий, облегчающих русским изучение словенского языка. Сделав несколько конкретных замечаний по словарю, Лавров подчеркивал: «Эти замечания нисколько, однако, не препятствуют нам признать вполне заслугу автора, оказанную составлением словинско-русского словаря». Хвалил Лавров и словенскую грамматику Хостника⁴⁶⁵. Министерство народного просвещения России одобрило словарь и грамматику Хостника для ученических библиотек старших классов средних учебных заведений.

Особенно высокую оценку русских научных кругов получила грамматика словенского языка — ей была присуждена премия Академии наук. «Присуждение мне премии Академией наук — отраднейший момент в моей жизни, известие это тронуло меня до глубины души, — писал Хостник крупнейшему русскому филологу

⁴⁶² Архив АН СССР, ф. 241, оп. 1, д. 28, л. 115 об., 116.

⁴⁶³ Там же, л. 120 об.

⁴⁶⁴ Там же, л. 121 об.

⁴⁶⁵ Лавров П. Хостник М. Словинско-русский словарь. Горица, 1901. Хостник М. Грамматика словинского языка. Горица, 1900.— ЖМНП, 1902, янв., с. 182—187.

А. И. Соболевскому 10 февраля 1901 г.,— лучше моя любовь к слав[янскому] языкознанию не могла быть оценена»⁴⁶⁶.

*

В последней четверти XIX в. более оживленными становятся русско-словенские культурные связи.

В словенской периодической печати в два последние десятилетия XIX в. очень активно печатались политические, экономические и культурные известия из России. Особенно много внимания русским делам уделяла либеральная пресса: журналы «Слован» и «Люблянский звон», газеты «Словенский народ» и «Слованский свет». Об их отношении к русскому правительству, русской внутренней и внешней политике, русским партиям уже говорилось. Здесь мы остановимся только на освещении русских культурных достижений на страницах словенских газет и журналов.

В «Словане» Хрибара были опубликованы статьи о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, А. Н. Островском, И. С. Аксакове.

В «Люблянском звоне» писалось о Пушкине, Жуковском, Грибоедове, Белинском, Тургеневе, Некрасове, Л. Толстом, Достоевском, П. И. Мельникове-Печерском, А. К. Толстом, Фете, Лескове, Григоровиче и т. д.

Еще более полно деятели русской культуры были представлены в «Слованском свете» где помещались статьи и заметки о Л. Толстом, Достоевском, Лермонтове, Крылове, Чехове, Короленко, Боборыкине, Фете, Майкове, Полонском, Апухтине.

Уже из этого краткого перечня можно видеть, что практически не было среди замечательной плеяды русских писателей XIX в. таких, которых бы словенская пресса не представила словенскому читателю.

Наиболее горячими пропагандистами русской литературы среди словенцев были И. Весел, Ф. Целестин, К. Штрекель, А. Ашкерц, И. Приятель, М. Хостник. Из них особенно следует отметить Целестина, который много писал о русских писателях и в «Слован», и в «Люблянский звон», и в «Слованский свет». Свою книгу «Ис-

⁴⁶⁶ Архив АИ СССР, ф. 176, оп. 2, д. 486, л. 2.

тория русской литературы» Целестин публиковал отдельными главами в словенской прессе. Если в оценке русской действительности Целестин в 80—90-х годах стоял уже на реакционных позициях⁴⁶⁷, то как литературовед, он был человеком прогрессивных взглядов, идеалом критика для него всегда являлся великий русский демократ В. Г. Белинский. Целестин, справедливо считая Белинского создателем русской критики, ставил его выше Чернышевского и Добролюбова. Последнего он обвинял в том, что он не обладает эстетическим чувством⁴⁶⁸. Целестин подчеркивал, что В. Г. Белинский видел спасение России «в успехах цивилизации, просвещения, человечности, в пробуждении у народа чувства человеческого достоинства». Словенский критик выражал уверенность, что «наших потомков объединит общее чувство благодарности гениальному учителю, сильному будителю, до сих пор непревзойденному русскому воспитателю, неустрашимому, самоотверженному, страдающему борцу — В. Г. Белинскому»⁴⁶⁹.

Серьезным исследователем творчества русских писателей являлся К. Штрекель, впоследствии известный словенский ученый, издатель самого полного и научного собрания словенских народных песен. Его интересный очерк о Некрасове полон горячей симпатии к великому русскому поэту, ненавидевшему царское чиновничество, либеральных помещиков и с великим сочувствием показывавшего тяжелую жизнь крестьян⁴⁷⁰. Столь же интересна статья Штрекеля о Тургеневе, написанная с позиций либерала, одинаково неприязненно относящегося как к русским помещикам, так и к русским революционерам. Штрекель подчеркивал, что Тургенев среди всех современных русских писателей «больше всего сделал для развития и формирования русского языка на основе народного говора»⁴⁷¹.

Замечательный словенский поэт-демократ А. Ашкерц писал о Пушкине. И. Приятель впервые выступил в словенской печати в 1900 г. с разбором творчества

⁴⁶⁷ *Boršnik M. Fran Celestin*, s. 184—188, 266, 267.

⁴⁶⁸ *Slovanski svet*, 1891, N 22, s. 350.

⁴⁶⁹ *Ljubljanski zvon*, 1886, N 1—4, s. 223; N 5, s. 281.

⁴⁷⁰ *Ljubljanski zvon*, 1883, N 9—12.

⁴⁷¹ *Ljubljanski zvon*, 1884, N 2, 3—6, 8, 9, 11, 12, s. 755.

Л. Толстого. Особо остановившись на его романе «Воскресение», Приятель отметил его гуманистическую сущность. «Толстой — великий апостол, воспитатель народа и социолог с далеко идущими целями», — таким выводом завершал свое исследование Приятель⁴⁷².

В «Слованском свете» о русских писателях писали М. Хостник и Марица Бартолова, выступившая под псевдонимом «Марица». Их очерки были слабее.

Кроме разбора творчества русских писателей, словенская пресса уделяла внимание и другим замечательным деятелям русской культуры: художникам и скульпторам (Верещагину, Перову, Айвазовскому, Антакольскому, Трубецкому), композиторам (Чайковскому, Римскому-Корсакову, Рубинштейну).

В 80—90-х годах появилось значительное количество переводов произведений русских писателей на словенский язык, а именно Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Л. Толстого. Переводчиками были М. Хостник, И. Весел, Ф. Ремец, А. Ашкерц, Л. Подгоричанин, М. Самец. Много переводов из русских писателей помещал на своих страницах «Словански свет»: «Дубровский» (Пушкин), «Герой нашего времени» (Лермонтов), «Записки охотника» (Тургенев), «Князь серебряный» (А. К. Толстой).

А. Габршек с 1893 г. издавал в течение многих лет серию «Славянская библиотека», в которой выходили и многие русские романы и повести, например: «Капитанская дочка» и «Гробовщик» Пушкина, «Ночь перед рождеством» и «Шинель» Гоголя, «Где любовь, там и бог» и «Три смерти» Л. Толстого, «Четыре дня» Гаршина и т. д.

В 52-м томе «Словенской Талии» (регулярный сборник переводных и оригинальных драматических произведений, издававшийся Драматическим обществом) был опубликован «Ревизор» Гоголя в переводе Весела. 1 декабря 1892 г. «Ревизора» поставило на сцене Драматическое общество. Эту постановку хвалил «Люблянски звон», оценивая ее как одну из лучших на люблянской сцене⁴⁷³. Вторично «Ревизор» на люблянской сцене

⁴⁷² Ljubljanski zvon, 1900, N 4—7, 9—11, s. 692.

⁴⁷³ Ljubljanski zvon, 1893, N 1, s. 61.

появился в конце 1899 г. Представления состоялись 16 и 20 ноября ⁴⁷⁴.

В 1894 г. была основана Музыкальная Матица в Любляне. 12 ноября ею был дан первый открытый концерт, на котором наряду с произведениями Вагнера, Дворжака, Сметаны и Листа исполнялись произведения русских композиторов Рубинштейна и Римского-Корсакова ⁴⁷⁵. В начале 1899 г. Музыкальная Матица познакомила словенских слушателей с 5-й симфонией П. И. Чайковского, которая была встречена ими с большим одобрением ⁴⁷⁶.

Несколько раз в словенские земли приезжал на гастроли знаменитый русский хор А. Д. Агренева-Славянского. 12 и 13 января 1895 г. Славянский дал в Любляне два концерта. Рецензент «Люблянского звона» отмечал, что по сравнению с прежним теперешний состав хора несколько проигрывает, так как женские голоса в нем заменены голосами мальчиков. Но все же, по его мнению, главная красота хора, «закрывающаяся прежде всего в неопишуемой прелести и грустной веселости русских народных песен», осталась ⁴⁷⁷.

Бывали на гастролях в России и словенские артисты. Так, известно, что Ноли, выдающийся певец, выступавший в Ла Скала, был на гастролях в Одессе, Киеве, Москве, Петербурге. О возможной поездке в Россию он сообщал П. Грасели из Милана от 2 июля 1880 г. ⁴⁷⁸

§ 8. Словенские публицисты в русской прессе последней четверти XIX в.

В русской прессе последней четверти XIX в. известия о словенцах стали печататься более регулярно, чем в предыдущий период. Авторами их являлись представители словенской интеллигенции, словенские эмигранты в России, русские ученые-слависты. Все эти люди хорошо были знакомы с положением словенцев, и их статьи,

⁴⁷⁴ Ljubljanski zvon, 1900, N 1, s. 58.

⁴⁷⁵ Ljubljanski zvon, 1894, N 12, s. 762.

⁴⁷⁶ Ljubljanski zvon, 1899, N 2, s. 125.

⁴⁷⁷ Ljubljanski zvon, 1895, N 2, s. 125.

⁴⁷⁸ Mestni arhiv, f. P. Grasselli.

как правило, были достаточно компетентны. В «Славянском сборнике» А. С. Будиловича был опубликован «Краткий обзор литературной деятельности словенцев в 1870—1875 гг.», написанный М. П. П., профессором из Любляны. Обзор представлял собою краткое перечисление периодических изданий и литературно-научных обществ в Словении, поверхностный и довольно общий. Трудно по нему судить о политических симпатиях автора: с одной стороны, он признавал, что младословенцы дали толчок умственной деятельности словенцев, с другой — порицал их за раскол в национальном движении⁴⁷⁹. В журнале «Славянский мир» за 1878 г. в общей статье о славянской литературе несколько строчек уделялось и словенцам. При этом автор особенно хвалил Й. Юрчица, «самого даровитого и почти единственного повествователя в новой словенской литературе»⁴⁸⁰.

В 1880 и 1883 гг. в «Русской филологическом вестнике», издававшемся в Варшаве, были помещены записи лекций В. И. Григоровича «Славянские наречия»⁴⁸¹ и «Славянские древности»⁴⁸², в которых он касался и словенцев. В 1880 г. в этом же издании был помещен обзор содержания «Летописи Матице словенске» за 1878 г.⁴⁸³ В последующие годы «Русский филологический вестник» публиковал рецензии на работы словенских филологов Г. Крека, Ф. Миклошича, В. Облака, М. Мурко и др.⁴⁸⁴

Газета И. С. Аксакова «Русь», выходившая в 1880—1886 гг. в Москве, помещала сообщения о словенцах, основанные на известиях из словенских газет, в разделе «Славянское обозрение».

Но особенно много писали о словенцах «Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества», которые от начала их издания в 1883 до

⁴⁷⁹ М. П. П. (профессор, Любляна). Краткий обзор литературной деятельности словенцев в 1870—1875 годах.— В кн.: Славянский сборник, т. 2. СПб., 1877, с. 12—18.

⁴⁸⁰ Славянский мир, 1878, № 19, с. 162.

⁴⁸¹ Русский филологический вестник, 1883 (Варшава), № 9, с. 257—258.

⁴⁸² Русский филологический вестник, 1880, № 4, с. 222—226.

⁴⁸³ Там же, с. 141.

⁴⁸⁴ Русский филологический вестник, 1881, № 5; 1884, № 12; 1885, № 13; 1886, № 15; 1887, № 17, 18; 1889, № 20; 1890, № 24; 1891, № 25; 1892, № 27; 1894, № 32; 1898, № 40.

1887 г. редактировал В. И. Ламанский. В 1883 г. в них было помещено несколько статей по поводу юбилея Ф. Миклошича⁴⁸⁵. В 1884 г. «Известия...» опубликовали статью И. Ф. (К. Г.) «Из воспоминаний о Любляне», в которой автор с симпатией писал о словенцах, их национальных деятелях Я. Блейвейсе, Ф. Левстике, И. Хрибаре. Он отмечал стремление словенской интеллигенции знакомиться с русской литературой. В заключении статьи автор выражал пожелание, чтобы у словенцев крепло и развивалось славянское самосознание, «идея славянской взаимности и духовного сближения со всем славянством, а тем более с соседним братским народом сербохорватами. В этом и только в этом — их спасение, в этом — их будущность»⁴⁸⁶. В том же году «Известия» напечатали заметку «Словенца из Штирии», в которой автор говорил о важности географического положения словенцев, о необходимости для всех славян отказаться от консервативных начал в пользу либерализма на основе равенства всех сословий, общей автономии и всеобщего голосования, о необходимости славянам иметь общий литературный язык⁴⁸⁷. Две заметки о словенцах в 1885 г. касались вопросов германизации словенцев и, вероятно, были написаны тем же автором, «Словенцем из Штирии»⁴⁸⁸. Скорее всего, под псевдонимом «Словенец из Штирии» скрывался Петр Миклавец (о нем смотрите ниже). В 1886 г. ряд сообщений о положении словенских земель дал Ф. И. В них говорилось о политических требованиях словенцев, о сессиях провинциальных собраний в Штирии, Каринтии, Крайне, Горице, об откликах словенцев на смерть И. С. Аксакова⁴⁸⁹. Писал о словенцах в «Известиях...» и Н. Ш. (Н. В. Шляков), преподаватель Нежинского лицея. Он, как правило, опирался на сообщения словенской прессы. Шляков приветствовал создание общества св. Кирилла и Мефодия, целью которого была защита словенских школ от онемечивания, особо останавливался на корреспонденциях Круторогова (Хостника) из

⁴⁸⁵ Известия..., 1883, № 1—3.

⁴⁸⁶ Известия..., 1884, № 4, с. 18—24.

⁴⁸⁷ Известия..., 1884, № 9, с. 16.

⁴⁸⁸ Известия..., 1885, № 9, с. 385; № 10, с. 445, 446.

⁴⁸⁹ Известия..., 1886, № 1, с. 30—32; № 2, с. 75; № 4—5, с. 203.

России, регулярно появлявшихся на страницах «Словенского народа»⁴⁹⁰.

В 1887 г. о словенцах писали Н. Шляков (Хостник отзывался о нем как об основательном знатоке словенского языка), «Ъ» (Хостник), «Р. М.»⁴⁹¹ Хостник в 1887 г. начал публикацию своей большой статьи «Письма о словенцах». В предисловии к ней редактор «Известий...» В. И. Ламанский подчеркивал необходимость для словенцев осуществления программы Объединенной Словении⁴⁹². В первой части статьи Хостник бичевал германизаторскую политику австрийского правительства, особенно ярко проявляющуюся в школьном деле, и призывал русских обратить большее внимание на словенцев, так как они любят Россию и обладают сильным чувством славянской взаимности. Вторая, третья, четвертая, пятая, шестая части были опубликованы уже в 1888 г. Они были написаны после начавшейся в конце 1887 г. травли «Словенского народа» со стороны властей и католической церкви за русофильство, особенно за серию статей о России Хостника. Последние пять частей «Писем о словенцах» поэтому имели ярко выраженный антиавстрийский и антиклерикальный характер. Хостник бичевал не только Австрию, называя ее «победоносной» старухой, которую бил всякий, кто этого желал, не только клерикалов, но и малодушие словенской либеральной интеллигенции, постаравшейся как можно скорее отказаться от своих былых русофильских увлечений⁴⁹³. Статья Хостника была написана на богатом фактическом материале. И это неудивительно. Спустя десять лет, 21 марта 1898 г. Хостник признавался Пальмову, что Хрибар «доставлял мне материалы для „Слов[енских] писем“ в „Известиях...“, когда издавались под редакцией Влад[имира] Ив[ановича] Ламанского»⁴⁹⁴. Это признание дает нам возможность полагать, что в своей статье Хостник проводил в известной мере и взгляды И. Хрибара.

⁴⁹⁰ Известия..., 1886, № 6, с. 282—283; № 7—8, с. 341—348; № 9, с. 412—418.

⁴⁹¹ Известия..., 1887, № 2, с. 94—101; № 10, с. 489—495; № 11—12, с. 589—591.

⁴⁹² Известия..., 1887, № 10, с. 489.

⁴⁹³ Известия..., 1887, № 10; 1888, № 1, с. 36—39; № 2, с. 58—63; № 3, с. 129—134; № 6—7, с. 299—305; № 11—12, с. 575—581.

⁴⁹⁴ Архив АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 288, л. 29.

Однако не статьи, посвященные словенцам, произвели наибольшее впечатление на словенскую интеллигенцию, а очерки В. И. Ламанского «Восточный, славянский вопрос» и «Славянский, западный вопрос»⁴⁹⁵. В первом очерке Ламанский рассматривал вопрос о правомерности сохранения славянской цивилизации и славянского племени. Он подчеркивал, что его может решить только Россия, но при условии известных внутренних преобразований в либеральном плане: распространении просвещения во всех слоях русского общества, введении свободы слова. В круг восточной цивилизации Ламанский вводил прежде всего славян, входивших или входящих в Османскую империю, и славян Транслейтании, присоединяя к ним румын и греков как православные народы. Россия должна стремиться включить эти народы в круг своих политических интересов. Другое дело — славяне Цислейтании: словенцы и чехи. Они — правоверные католики и, хотя не любят Австрии, все же заботятся о ее сохранности «из страха, чтоб им не было еще хуже». Чехи боятся Германии, а словенцы — раздела своих земель между немцами и итальянцами. Поэтому Ламанский делал вывод, что «чешский вопрос и, может быть, словенский должны быть в ближайшее, по крайности, время изъяты из круга славянского, восточного вопроса». Некоторое сомнение относительно словенцев Ламанский допускал, указывая, что они готовы примкнуть к будущим югославянским образованиям. Исключая чехов и словенцев из круга политических интересов России, Ламанский призывал не прерывать с ними культурных и литературных связей.

Статья Ламанского вызвала широкие отклики в русской печати. Либеральный «Вестник Европы» приветствовал выдвинутые Ламанским либеральные требования свободы слова и просвещения, его выступление против направления «Гражданина» и «Московских ведомостей», видел в этом отход славянофилов (неославянофилов) от примкнувших к ним к тому времени консервативных кругов⁴⁹⁶. Славянофилы же под впечатлением отрицательных высказываний со стороны чешской и словенской прессы отнеслись к очеркам Ламанского рез-

⁴⁹⁵ Известия..., 1887, № 9, с. 433—439; № 11—12, с. 530—539.

⁴⁹⁶ Вестник Европы, 1888, № 1, с. 464—466.

ко отрицательно, так что он вынужден был оставить пост редактора «Известий...».

Словенская общественность восприняла работу Ламанского различно. Некоторые словенцы, жившие в России, тоже были ею недовольны. В частности, в заметке «За словенцев», о которой редакция «Известий» указывала, что она написана не в Любляне, а в Петербурге, автор подчеркивал, что Ламанский свои выводы основывает на высказываниях словенских вожаков, не принимая во внимание пробуждения славянского сознания в народе⁴⁹⁷. Хостник тоже не полностью был солидарен с Ламанским. В ответ на упреки последнего в том, что он выступил в «Дне» против его очерков, Хостник писал Ламанскому 16 апреля 1888 г.: «Ваше письмо меня очень поразило; видя в Вас олицетворение той идеи, которую я живу и дышу с тех пор, как я сознаю себя славянином, я Вас лично глубоко уважаю и искренне люблю, как люблю народ свой. Поэтому спешу ответить Вам, чтобы Вы убедились, что я не писал в „Дне“ ничего ни против Вашей статьи, ни за нее... Мою статью⁴⁹⁸ я читал моему другу полковнику Ермолаеву, и когда получилась Ваша и мы ее читали, то он мне сказал: „Значит и у Ламанского такой же мрачный взгляд, как и у Вас“. Не мрачный, но верный, только разница та, что Ваша статья более академическая, я же, кроме того, вижу, что у словенцев „вся мразь выползла“, как говорит бесценный Щедрин. Единственно, что я не нахожу совсем верным, то это, что словенцы рабски повинуются немцам и итальянцам. Что делать?! Сила у них, а нас-то горсть!» В недатированном письме Ламанскому, но по содержанию относящемся к тому же 1888 г., Хостник замечал: «Узнал только от г. Хрибара, что в Вашей статье много правды»⁴⁹⁹. Такое же мнение выразил Хостнику и Ф. Подгорник. «Подгорник,— сообщал Хостник Ламанскому 1 октября 1888 г.,— мне писал тогда же, что Вы сказали всю правду»⁵⁰⁰. Сам Подгорник в письме от 17 марта 1889 г. уговаривал Ламанского издавать газету, в которой бы он продол-

⁴⁹⁷ Известия..., 1888, № 3, с. 180, 181.

⁴⁹⁸ Речь идет о «Письмах о словенцах».

⁴⁹⁹ Архив АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. 1501, письмо от 16.IV 1888, письмо б/д.

⁵⁰⁰ Там же, письмо 1.X 1888.

жал ту линию, которую вел в «Известиях...»⁵⁰¹. Солидарность с Ламанским Хостника, Подгорника, Хрибара не была случайной. Она обуславливалась общим их настроением после репрессий, обрушившихся на «Словенский народ» с конца 1887 г., сменой общего политического направления газеты в результате этого.

«Словенский народ» встретил статью Ламанского с возмущением. Подгорник ездил в Любляну, где разговаривал с Вошняком, пытаясь доказать неправильное понимание им точки зрения Ламанского. «В конце концов,— сообщал Подгорник Ламанскому 17 марта 1889 г., он [т. е. Вошняк.— И. Ч.] сказал: «Но, Ламанский — добрая душа, он хотел нас испугать!»⁵⁰².

После Ламанского редактором «Известий...» стал Комаров. В период его редакторства — в 1889—1891 гг. — в них также публиковались заметки о словенцах. Их уже не писал Хостник. Комаров предлагал ему сотрудничать в „Известиях...“, но тот ответил, что примет это предложение, «если „Известия“ будут и в новой форме вестись в духе и направлении глубокоуважаемого Владимира Ивановича»⁵⁰³. В результате сотрудничество так и не наладилось, Хостник написал для «Известий» только некролог В. Зарнику. В нем Хостник отмечал, что в числе деятелей словенского народа в последние годы Зарник «бесспорно самая симпатичная, самая талантливая личность». Этот вывод Хостника определял круг симпатий Зарника, горячее русофильство последнего⁵⁰⁴.

Автором большинства заметок о словенцах, помещенных в «Известиях...» за 1889—1891 гг. был Петр Миклавец, житель городка Рибница в словенской Штирии, секретарь местной читальни. Об этом свидетельствуют его письма к В. И. Ламанскому и гонорары, полученные им от Петербургского благотворительного общества за 1890—1892 гг. В письме от 17 мая 1888 г. Миклавец сообщал Ламанскому о посылке в «Известия...» статьи о положении словенцев⁵⁰⁵. 30 июня и 20 июля того же года Миклавец вновь послал несколь-

⁵⁰¹ Архив АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. 1131, л. 16 и об.

⁵⁰² Там же, л. 15 об.

⁵⁰³ Там же, д. 1501, л. 14, 15 и об.

⁵⁰⁴ Известия..., 1889, № 5—6, с. 156—157.

⁵⁰⁵ Архив АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. 930, л. 5

ко статей в «Известия...»⁵⁰⁶, а 11 ноября он благодарил Ламанского за публикацию там одной из его статей⁵⁰⁷. По-видимому, это была заметка «О литературном единстве народов славянского племени», подписанная «Р». По поводу этой заметки редакция давала примечание: «Эта статья принадлежит одному словенцу (из Штирии), нашему сотруднику»⁵⁰⁸. В статье Миклавец ратовал за принятие русского языка всеми славянами в качестве общего литературного языка. Для распространения его среди славян Миклавец предлагал создать всеславянское общество, которое за небольшой взнос рассылало бы книжки на русском языке своим членам. Сначала эти книжки должны были печататься латинской, а затем уже кирилловской азбукой. Издания общества должны были бы освещать вопросы этнографии, педагогики, литературы, славянской поэзии, проблемы обучения русскому языку⁵⁰⁹.

Характерной чертой корреспонденций Миклавца, отличавшей их от корреспонденций других авторов, было внимание к социальным вопросам. В 1889 г. Миклавец опубликовал семь статей под общим названием «Словенцы». В первой статье Миклавец касался деятельности словенских обществ. Но наряду с этим он подчеркивал необходимость борьбы словенцев за улучшение материального благосостояния народа, с горечью отмечая, что этот вопрос пока стоит на последнем месте в словенской общественной жизни⁵¹⁰. Во второй статье Миклавец вновь писал о тяжелом материальном положении словенцев Нижней Штирии, вынужденных эмигрировать в Америку, и выражал пожелание, чтобы словенские колонии основывались в России⁵¹¹. Статьи Миклавца за 1890 г. касались главным образом национального вопроса, а именно — борьбы словенцев с германизаторским и романизаторским натисками. В них рассказывалось о германизаторских и антигерманизаторских обществах в словенских землях, о газете «Словански свет». Миклавец полностью солидаризировался с Под-

⁵⁰⁶ Там же, л. 10, 11.

⁵⁰⁷ Там же, л. 15.

⁵⁰⁸ Известия..., 1888, № 6—7, с. 408.

⁵⁰⁹ Известия..., 1888, № 6—7, с. 408—412.

⁵¹⁰ Известия..., 1889, № 1—2, с. 43; № 3—4, с. 106.

⁵¹¹ Известия..., 1889, № 19, с. 486, 487.

горником относительно необходимости славянской взаимности для успешной борьбы с германизацией, указывал на тяжелое положение словенских патриотов, на которых ополчились не только власти и различного рода ассимиляторы, но и словенские клерикалы⁵¹². В 1890 г. была опубликована также большая статья Миклавеца «Очерки развития литературы у словенцев» (под его именем), которую предвляло следующее замечание редакции: «Настоящий очерк, хотя краткий, но ясный и верный, составлен знатоком словенского народа»⁵¹³. Историю словенской литературы Миклавец начал с протестантов (Трубар, Далматин, Богорич), затем кратко охарактеризовал деятельность словенских просветителей второй половины XVIII в., особо отметив заслуги В. Водника, потом затронул деятельность словенских литераторов, группировавшихся вокруг альманаха «Краньска чбелица» и газеты «Кметийске ин рокоделске новице», и, наконец, остановился на плеяде словенских писателей 50—60 годов XIX в., а также на деятельности словенских издательских обществ: Общества св. Магора (Гермагора) и Матицы словенской. Очерк Миклавеца носил чисто информативный характер.

В 1891 г. Миклавец также напечатал несколько заметок в «Известиях...» Они касались тех же вопросов, что и его статьи 1890 г.— борьбы с германизацией и клерикалами, восхваления идей и деятельности «Слованского света»⁵¹⁴.

Петр Миклавец продолжал сотрудничать в русских изданиях и после прекращения выхода «Известий...». Свои статьи он чаще всего направлял в «Славянское обозрение», выходявшее в 1892—1894 гг. в Петербурге сначала под редакцией А. С. Будиловича, затем под редакцией И. С. Пальмова. Эти статьи Миклавеца были посвящены развитию современной словенской литературы и представляли собою чисто информативные обзоры издательской деятельности Матицы словенской и Обще-

⁵¹² Известия..., 1890, № 1, с. 16, 17; № 10, с. 196—198; № 31, с. 571, 572; № 36, с. 657, 658; № 38, с. 689.

⁵¹³ Известия..., 1890, № 17, с. 336—338; № 18, с. 358—359; № 19, с. 376—377; № 20, с. 394—396; № 21, с. 409—410; № 22, с. 426; № 24, с. 457—458; № 27, с. 505—506.

⁵¹⁴ Известия..., 1891, № 5, с. 87—88; № 10, с. 182—183; № 31, с. 537—538.

ства св. Магора, в них упоминались словенские книги, вышедшие в последнее время, словенские журналы и газеты. «Обзор словенской литературы за 1891 г.» Миклавец был напечатан в первой книге «Славянского обозрения» за 1892 г.⁵¹⁵, а его «Словинцы — в 1893 г.» — в 1894 г.⁵¹⁶ В 1893 г. он опубликовал статью о А. Сломшеке в «Вестнике воспитания». Некоторые очерки Миклавец: «Литературная деятельность словенцев в 1894—1895 гг.», «Обзор словенской литературы за 1894 г.», «Из края словенцев» — остались, по-видимому, ненапечатанными. Они сохраняются в архиве Издательской комиссии Петербургского славянского благотворительного общества⁵¹⁷. Статьи написаны на русском языке. Две первые из них посвящены литературным делам словенцев, две вторые — их политическому положению. Темы последних статей — борьба внутри словенского национального движения между либералами и клерикалами, натиск германизаторов. Описывая трудное положение словенцев, Миклавец делал вывод: «если бы, однако, нашему населению все-таки лишь угрожало исчезновение, то должны об этом позаботиться прочие славяне, чтобы словенский клочок не утонул в немецком, но, напротив, слился в славянское море!»⁵¹⁸. Последняя, известная нам статья Миклавец, подписанная его именем, «Словенская литература в 1897 г.» была опубликована в академическом издании⁵¹⁹.

В «Известиях С.-Петербургского славянского благотворительного общества» печатался и еще один словенец — Ф. Штифтар, активный сотрудник «Слованского света». Под буквами «Ф. Ш-р» он опубликовал там статью-некролог о Даворине Трстеняке, полную горячих симпатий к его деятельности⁵²⁰. Большая статья Ф. Штифтара «Средние учебные заведения в Каринтии и их разнородующее влияние на словенский Горотан» была помещена в ревельском периодическом издании

⁵¹⁵ Славянское обозрение, 1892, т. II, с. 201—204.

⁵¹⁶ Славянское обозрение, 1894, с. 419—425. Статья подписана Кр-кий.

⁵¹⁷ Архив АН СССР, ф. 241, оп. 1, д. 81, л. 187—190 об.; д. 85, л. 221—224 об., л. 226—231 об., л. 534—541 об.

⁵¹⁸ Архив АН СССР, ф. 241, оп. 1, д. 85, л. 541 об.

⁵¹⁹ Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, 1898, т. III, № 2, с. 560—564.

⁵²⁰ Известия..., 1890, № 17, с. 335—336.

«Гимназия»⁵²¹. Не случайна была ее публикация именно в Прибалтике, где особенно чувствовалось засилье немецких баронов. Штифтар считал среднюю школу одним из главных рассадников немшкунства в словенской Каринтии, с сожалением писал о почти неизбежной германизации последней. Свою статью он посвятил памяти Андрея Эйншпиллера, так как именно он и его газета «Словенец» дали «толчок, оставшийся не без последствий на всю мою дальнейшую жизнь»⁵²².

Возвращаясь к славянофильским изданиям «Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества» и «Славянское обозрение», следует отметить еще одного их корреспондента, писавшего из Триеста. Им были опубликованы заметки о либеральной газете «Единость»⁵²³, о попытке печатать в ней стихи Симона Грегорчича кириллицей⁵²⁴, о новой словенской газете в Триесте «Родолуб»⁵²⁵, об интересе словенских кметов из окрестностей города к православию⁵²⁶, об интересе триестинцев к русской литературе⁵²⁷.

Все корреспонденты-словенцы: М. Хостник, П. Миклавец, Ф. Штифтар, неизвестный корреспондент из Триеста — были сторонниками «Слованского света».

Писали о словенцах и русские ученые-слависты, в частности Т. Д. Флоринский, В. Францев.

Флоринский опубликовал большую статью «Словенская матица и ее издания», в которой с большой симпатией отзывался о словенцах и их культурных учреждениях. Подчеркивая, что, несмотря на малочисленность и давление двух сильных культур (немецкой и итальянской), словенцам удалось не только сохранить свою национальность, но и создать свою собственную культуру, Флоринский призывал русских ученых и русских публицистов обратить более пристальное внимание на словенский народ, его язык, фольклор, культуру. Успешное развитие словенской литературы он связывал в значительной степени с деятельностью словенских

⁵²¹ Гимназия, 1893, (Ревель), т. LXVI — LXVII, № 6—7, с. 243—258.

⁵²² Там же, с. 250.

⁵²³ Известия..., 1890, № 5, с. 100.

⁵²⁴ Известия..., 1891, № 24, с. 427—428.

⁵²⁵ Известия..., 1891, № 30, с. 521.

⁵²⁶ Известия..., 1891, № 33, с. 573—574.

⁵²⁷ Славянское обозрение, 1892, т. II, с. 410—412.

культурно-просветительских обществ, важнейшим из которых считал Словенскую матицу. Ее ежегодник «Летопис Матице словенске» Флоринский рекомендовал русскому читателю как «единственный ученый журнал, посвященный изучению родной старины и народа». Затем он кратко останавливался на содержании «Летописи» за последние годы и характеризовал всю издательскую деятельность Матицы. Заканчивал статью Флоринский следующей оценкой деятельности Матицы словенской: «За свою широкую и плодотворную деятельность на пользу просвещения родного народа и развития родной литературы она справедливо заслуживает искренних симпатий далеко за пределами Словении»⁵²⁸.

Статья Флоринского вызвала одобрительный отклик словенцев. В частности, «Люблянски звон» писал: «Собщение Флоринского имеет целью обратить внимание русского общества на словенцев, на их литературу, и особенно на плодотворную деятельность нашей Матицы»⁵²⁹.

Францев в «Русском филологическом вестнике» поместил обзор славянской литературы за 1899 г., в котором касался и словенских изданий. Например, он писал о февральском номере «Люблянского звона» за 1900 г., особо остановившись на рецензиях И. Приятеля, посвященных русской литературе. Здесь же Францев характеризовал и издания Матицы словенской за 1899 г.⁵³⁰ О «Летописи Матицы словенской» за 1897 и 1898 гг. писал Г. А. Ильинский⁵³¹.

Первыми были переведены с словенского языка на русский стихи классиков словенской литературы Ф. Прешерна и Ф. Левстика. Они вышли в «Хрестоматии славянских поэтов», изданной Н. В. Гербелем в 1871 г. в Петербурге. И. Хрибар плохо отзывался о переводах стихов Прешерна, сделанных М. Петровским, и хвалил стихотворение Ф. Левстика в переводе Н. Берга «Де-

⁵²⁸ Флоринский Т. Словенская матица и ее издания.— Университетские известия, 1886. Киев, с. 1—26.

⁵²⁹ Ljubljanski zvon, 1886, N 5, s. 319.

⁵³⁰ Русский филологический вестник, 1900, XLIII, с. 275—276.

⁵³¹ Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, 1898, т. III, № 3, с. 941—946; 1899, т. IV, № 4, с. 1496.

вушка и птица», выражая надежду, что он и впредь будет переводить словенских поэтов⁵³².

В 1884 г. В. Ягич, путешествуя с Ф. Рачким из Одессы через Киев и Москву в Петербург, познакомился лично со своим давним корреспондентом, профессором греческой литературы в Московском университете Ф. Е. Коршем. Он дал почитать Ягичу свои рукописные переводы на русский язык стихов Прешерна. Редакция «Люблянского звона», ознакомившись с некоторыми переводами Корша, пришла к выводу, что они очень красивые и близки словенскому источнику⁵³³.

В конце 80-х — начале 90-х годов появились новые переводы произведений словенских писателей на русский язык. Особую заслугу имел в этом М. М. Хостник. В «Пантеоне литературы» за 1888 г. он поместил свой перевод одного из наиболее удачных рассказов Ф. Левстика «Мартин Керпан». В «Славянском обозрении» Хостник опубликовал перевод рассказа И. Юрчица «Трубка табаку»⁵³⁴. С этих переводов, удачных и мало удачных, сделанных М. Петровским, Н. Бергом, М. Хостником, началось знакомство русского читателя со словенской литературой.

⁵³² Ljubljanski zvon, 1881, N 12, s. 740—742.

⁵³³ Ljubljanski zvon, 1885, N 9, s. 544.

⁵³⁴ Славянское обозрение, 1892, т. III. Приложение, с. 6—16.

Заключение

Русско-словенские связи в XIX в. невозможно рассматривать оторванно от основных этапов развития словенского национального движения.

На первом его этапе, этапе просветительства, конкретные контакты между русскими и словенскими общественными деятелями носили спорадический характер, о каком-либо влиянии русской общественной мысли на идеологов словенского национального движения не могло быть и речи. Однако сам факт существования России как единственного самостоятельного славянского государства оказал большое воздействие на формирование словенского национального самосознания, вселяя в словенских национальных деятелей уверенность в возможность для славянских народов (в том числе и словенского) достичь таких же успехов в области культуры и политики, как и передовые народы Европы.

В период революции 1848 г. словенские консерваторы и либералы с одинаковым опасением смотрели на Россию, в которой видели угрозу для развития народов Австрийской империи. И те и другие связывали будущее словенцев с Габсбургской монархией.

Перелом в идеологии словенских национальных деятелей наступил после победы контрреволюции, когда они стали все больше убеждаться в том, что Габсбурги не оправдали их надежд и не дали словенцам (как и другим славянским народам) тех прав, на которые они рассчитывали. Многие словенские политики возмущались осуществлению своих национальных требований все больше стали связывать с поддержкой других славянских народов (югославян, чехов) и особенно России. Поскольку наибольшее недовольство политикой правящих австрийских кругов наблюдалось у словенских либералов, они и более активно переходили на всеславянские позиции.

В 50-х годах, во время баховского абсолютизма, новая ориентация словенских либералов нашла свое выражение в культурной программе создания общеславянского языка. Часть словенских интеллигентов считала, что его можно создать на основе существующих славянских языков. Принятие общеславянского языка славянскими народами должно было обеспечить их единство в области культуры и политики, что способствовало бы их борьбе за национальное освобождение.

К концу 50-х годов безуспешность создания общеславянского искусственного языка стала очевидной для большинства его сторонников. Поэтому в среде словенской интеллигенции встал вопрос о том, чтобы сделать общеславянским языком один из существующих или существовавших славянских языков. Имели хождение два варианта решения этого вопроса: сделать общеславянским языком старославянский или русский языки. Второй вариант победил. Его победа была связана с рядом политических моментов: обострением политической борьбы в Австрийской монархии и все большим уменьшением надежд словенских политиков на способность Габсбургов решить национальный вопрос удовлетворительно для славянских народов, с одной стороны, и увеличением авторитета России в связи с проведением в ней буржуазных реформ — с другой.

Признание многими словенскими национальными деятелями необходимости сделать русский язык общеславянским вовсе не означало желания с их стороны отказаться от родного языка. В представлении большинства из них русский язык должен был занять у словенцев место немецкого языка: на нем должны были издаваться научные книги, из него словенцы должны были заимствовать научную терминологию, наконец, он должен был стать языком общения между представителями различных славянских народов. Таким образом, русский язык, по их мнению, должен стать орудием их борьбы за словенскую национальную культуру, против попыток ее ассимиляции немецкой культурой.

Русский язык так никогда и не стал языком высшей литературы для словенцев. Словенские ученые и писатели создали словенскую научную терминологию, развили и обогатили словенский литературный язык так, что на нем стало возможно создать любое, самое сложное

научное или литературное произведение. Но увлечение русским языком словенскими национальными деятелями оставило свой след в словенской научной терминологии, отчасти в словарном составе словенского языка.

Интерес к России вызвал у словенских национальных деятелей 50—60-х годов и интерес к русской культуре, к русской общественной мысли. С русской стороны этот интерес поддерживался и в известной степени удовлетворялся прежде всего славянофильскими кругами, стремившимися распространять свои идеи в славянских землях. Славянофильские идеи и оказали наибольшее влияние на общественную мысль словенцев в 60—70-х годах. Последним импонировали в учении славянофилов прежде всего националистические моменты: его антинемецкая направленность, вера в великое будущее славянских народов. Вызывали интерес у представителей словенской мелкой буржуазии и взгляды славянофилов на общину и артель, с помощью которых они мечтали избежать ужасов капиталистического развития. Определенное влияние на идеологию словенских либералов оказали русские революционные демократы А. И. Герцен и М. А. Бакунин, главным образом их программа создания свободной славянской федерации. У Герцена младословенцам импонировали его симпатии к славянам и его попытки улучшить положение народа с помощью апелляции к верхам, т. е. как раз те черты, которые роднили его с либералами из лагеря славянофилов. Социально-экономическая программа русской революционной демократии не имела такого влияния на словенскую общественную мысль, как, например, на общественную мысль балканских народов. Объяснялось это тем, что в словенских землях (как и в Австрийской монархии в целом) социально-экономические задачи буржуазной революции были в основном решены, в то время как решение национального вопроса являлось наиболее насущным требованием политической жизни.

Некоторые словенские деятели 60—70-х годов имели туманные мечты о славянской федерации. Однако, отдавая в ней первое место России, они никогда не были сторонниками русского самодержавия.

У части словенских либералов русофильские тенденции усилились после русско-турецкой войны 1877—

1878 г. и освобождения Болгарии. На словенских русофилов конца 70—90-х годов известное влияние оказали взгляды русских панславистов об особом характере славянской культуры, об особой миссии славянских народов в мире, о величии самодержавия и православия как исконных славянских учреждений. Восхваление самодержавия и православия — вот те черты, которые отличали словенских русофилов 80—90-х годов от их предшественников. Вместе с тем, если русофильски настроенные либералы 60-х годов мечтали и иногда писали о славянской федерации, русофилы последующего поколения в своей политической программе не выходили из рамок австрославизма.

Несмотря на некоторое внешнее сходство политических и культурных программ словенских русофилов (как 60—70-х, так и 80—90-х годов) с идеологией русского панславизма, их никак нельзя назвать панславистскими. Прежде всего русские панслависты и словенские русофилы имели разную классовую базу. Панслависты представляли интересы русских дворянско-бюрократических и отчасти буржуазных кругов; словенские русофилы — интересы словенской мелкой буржуазии. Таким образом, русский панславизм был идеологией господствующих классов господствующей нации, а словенское русофильство — идеологией эксплуатируемого класса угнетенной нации. Отсюда и разница в их программах. Взгляды русских панславистов и словенских русофилов по внутривнутриполитическим и социально-экономическим вопросам носили диаметрально противоположный характер. У русских панславистов социально-экономическая программа ставила во главу угла защиту интересов эксплуататорских классов, у словенских русофилов она носила либеральный и даже демократический характер (всеобщее избирательное право, равноправие женщин, дешевый кредит, улучшение положения рабочих и трудящихся и т. д.). Что касается внешнеполитической программы панславистов, то она тоже имела коренные отличия от национальной программы словенских русофилов. Программа русских панславистов носила экспансионистский, реакционный характер. Она была призвана расширить и укрепить влияние российского самодержавия. Национальная же программа словенских русофилов ставила перед собою задачу ос-

вобождения своего народа от немецкого гнета (путем создания славянской федерации или федерации свободных и равноправных народов Австрийской монархии), хотя бы и с помощью русского самодержавия. В центре национальной программы словенских русофилов стояла Объединенная Словения, демократическая программа, проведение в жизнь которой наиболее соответствовало бы интересам развития словенской буржуазной нации.

Что же собою представляло словенское русофильство 60—90-х годов XIX в.? По нашему мнению, русофильство стало своеобразной формой словенского мелкобуржуазного национализма. Мелкобуржуазный национализм в последние десятилетия XIX в. был характерен и для других народов Австрийской монархии. У господствующей немецкой нации крайними националистами являлись пангерманисты различных толков. Но их национализм, несмотря на сходство классовой базы, в корне отличался от словенского национализма, ибо являлся национализмом господствующей нации. Ближе к словенскому национализму был национализм хорватов и сербов. У хорватов он прослеживался в идеологии партии права, выставлявшей программу создания панхорватского государственного объединения, включающего в свой состав сербов и словенцев. Это государственное объединение могло быть или самостоятельным, или автономным в составе венгерского королевства. Сербские националисты в лице радикалов мечтали о воссоздании Душанова царства, объединенного вокруг сербского королевства. Политические программы как хорватских, так и сербских националистов при всем их негативном отношении к национальным правам соседних южнославянских народов имели определенное прогрессивное значение, ибо они ставили своей задачей создание национальных государств, что соответствовало ходу исторического развития и способствовало разрушению реакционных Австрийской и Османской монархий.

Словенские русофилы никогда не ставили перед собою задачу создать словенское государство, но, мечтая о национальном освобождении, предполагали вхождение словенских земель в Австрийскую монархию или славянскую федерацию. Словенский национализм не отвергал национальных прав ни одного народа в пользу словенцев и, несомненно, был объективно так же на-

правлен против Австрийской монархии, как сербский и хорватский. Русофильство для словенцев означало прежде всего их отказ от австрославизма, являясь своеобразной переходной ступенью в их политическом самосознании от австрославистских иллюзий к проектам создания независимого Югославянского государства.

Ближе всех по своим взглядам словенские русофилы были к той части чешских национальных деятелей, вышедших из круга младочехов, которые также возлагали свои надежды в достижении национального равноправия на помощь самодержавной России. Их взгляды точно были охарактеризованы во всей их противоречивости одним из лидеров австрийской социал-демократии. «Оно [т. е. чешское национальное движение, вернее, его прорусская часть— *И. Ч.*] готово одновременно,— писал он,— присягать в верности самой радикальной демократии во внутренней политике и царскому абсолютизму во внешней; сегодня восставать как гуситы, а завтра идти рука об руку с иезуитами; сегодня образовать в государстве самую сильную опору свободе, а завтра оказывать усердные услуги режиму абсолютизма; сегодня принимать участие в гибели государства, а завтра подчиниться самому рабскому византизму»¹. Столь же противоречивыми и, казалось, взаимоисключающими были взгляды словенских русофилов.

Всеславянские идеи словенских либералов, их надежды на Россию, с одной стороны, укрепляли их уверенность в своих силах, но с другой — мешали им объединить свои усилия в борьбе против реакционного австро-венгерского режима с демократическими силами немецкого народа, со всем прогрессивным, в том числе и рабочим движением в Европе, ибо последнее рассматривало все движения, идейно или практически связанные с официальной Россией, как реакционные. Прогрессивная Европа, восхищавшаяся шляхетскими революционерами Польши, боровшимися против русского самодержавия, с недоверием и недоброжелательством относилась к демократическим деятелям малых славянских народов именно из-за их русофильских настроений.

И все же, оценивая словенское русофильство как

¹ *Каутский К.* Борьба национальностей и государственное право в Австрии. Киев, 1906, с. 11.

своеобразную форму словенского национализма, отмечая его реакционные черты, мы не должны забывать слов Ленина: «В *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то содержание мы *безусловно* поддерживаем, строго выделяя стремление к своей национальной исключительности...»² Нам представляется бесспорным тот факт, что главная цель словенских русофилов заключалась в завоевании прав на свободное национальное развитие для своего народа, в защите его от ассимиляторских устремлений разного рода германизаторов — цель сама по себе демократическая и прогрессивная. Часть их национальной программы, связанная с практическими нуждами словенского национального движения, носила, несомненно, прогрессивный характер (борьба за права словенского языка, поддержка программы Объединенной Словении и др.).

Крах словенского русофильства означал крах надежд мелкобуржуазной словенской интеллигенции на официальную Россию, крах самой их идеи опоры на нее в борьбе за национальные права. Это было закономерно: в самых началах словенского русофильства лежали непримиримые противоречия. С одной стороны, будучи идеологией мелкобуржуазных слоев угнетенной национальности, оно выступало против дворянства и крупного капитала, против национального угнетения словенцев австрийским государством, за уменьшение эксплуатации мелких производителей и рабочих, за увеличение их политических прав. И эти стороны русофильства привлекали к нему симпатии радикально настроенной интеллигенции, прежде всего студенчества. С другой стороны, словенские русофилы видели главного союзника в борьбе за свои идеи в русском самодержавии и в православной церкви — реакционнейших институтах конца XIX в. В силу своей классовой сущности эти институты не могли стать орудиями исполнения чаяний и стремлений словенских патриотов. Это противоречие словенского русофильства не могло долго оставаться незамеченным. Прогрессивная словенская интеллигенция не могла долго обманываться: русское самодержавие было нисколько не лучше габсбургской

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 275—276.

конституционной монархии. Уже в конце 90-х годов подавляющее большинство прогрессивно настроенной интеллигенции отошло от русофилов.

Крах словенского русофильства последней четверти XIX в. не означал утраты интереса прогрессивной словенской общественности к России. Наоборот, в связи с революционной ситуацией и революцией 1905 г. он неизменно увеличивался. По-прежнему русская культура находила себе горячих поклонников среди передовой словенской интеллигенции. Историк словенской литературы Иван Приятель и замечательный словенский поэт Антон Ашкерц стали ее наиболее талантливыми пропагандистами. В той борьбе, которая развернулась в начале XX в. между русским революционным движением и самодержавием, они беспрекословно стали на сторону народа, мечтая об установлении в России буржуазно-демократических порядков. «Нам не может быть безразличным,— писал Ашкерц в 1905 г.,— что выйдет там (в России.— *И. Ч.*) из революции, какой не видывал еще мир, так как только свободный русский народ может быть мощной моральной поддержкой для других славян»³. Рос интерес к России и в среде деятелей словенского рабочего движения. Но в отличие от либеральных интеллигентов они надеялись, что революция установит в России новый общественный строй. Один из деятелей Югославянской социал-демократической партии Д. Лончар подчеркивал в 1905 г., что само понятие свободы и прогресса дискредитировано буржуазным Западом. «Прекраснейшей задачей России,— отмечал он,— было бы, по нашему мнению, возвращение дискредитированным понятиям свободы и прогресса снова их истинной сущности, уважения и ценности. Но этого никогда не сможет сделать абсолютистская и милитаристская Россия Победоносцева. Если бы славянская Россия значила то, что значит свобода и прогресс в прекраснейшем смысле этих слов, тогда бы мы могли ее назвать представительницей всего славянства. Это была бы новая эпоха в развитии европейских народов»⁴. Первое десятилетие XX в. ознаменовало собою

³ *Kermavner D. Slovenska publicistika in prva ruska revolucija. Ljubljana, 1960, s. 14.*

⁴ Там же, s. 21.

Начало нового периода в отношении словенских прогрессивных деятелей национального и рабочего движений к России. И чем больше мерк в их глазах ореол русского самодержавного государства, тем большее уважение и восхищение вызывала у них самоотверженная борьба передовых людей России за свободу и прогресс, борьба, с которой они связывали не только надежду на установление в России нового прогрессивного строя, но и надежду на достижение национального и социального равноправия у других славянских народов.

Список сокращений

- АВПР — Архив внешней политики России (Москва)
Архив АН СССР — Архив Академии наук СССР (Ленинград)
Архив ГПБ — Архив Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
Известия... — Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества.¹
ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив (Ленинград)
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (Москва).
ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (Москва)
ОР ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Ленинград)
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусств (Москва)
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва)
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград)
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив (Москва)
Arhiv Matice slovenske — Arhiv Matice slovenske (Ljubljana)
Mestni arhiv — Mestni arhiv (Ljubljana) §
Novice — Kmetijske in rokodelske novice
Rokopisni odevlek NUK — Rokopisni odevlek Narodne in univerzitetne knjižnice (Ljubljana)
Trezor — Trezor, Nacionalna i sveučilišna biblioteka (Zagreb)

Указатель имен

- Айвазовский И. К. 361
 Агренов-Славянский А. Д. 362
 Аксаков И. С. 58, 82, 102, 118,
 119, 128, 142, 146—153, 155, 158,
 213, 214, 217, 219, 249, 250, 255,
 341, 345, 359, 363, 364
 Аксаков К. С. 81, 136, 147, 158,
 249, 281
 Аксаковы 335
 Александр I 58, 59
 Александр II 82, 141, 159, 160,
 172, 175, 231, 259, 260, 279, 281,
 341
 Александр III 141, 254, 270, 279
 Андраши Д. 244
 Антакольский М. М. 361
 Апухтин А. Н. 359
 А-р 308
 Аристов В. И. 342
 Арсеньев 141
 А-ский А. 51
 Ауэрсперг А. (Грюн А.) 25
 Ашкерц А. 292, 311, 338, 359,
 360, 361, 382

 Бабник 183
 Бадени К. 285
 Бакунин М. А. 68, 105, 106, 116,
 131, 132, 133, 145, 377
 Балабин В. П. 99, 100, 127, 128
 Балакирев М. А. 200
 Баллог К. 205, 206.
 Бартолова М. (Марица) 361
 Баурда 132
 Бежек В. 347
 Белинский В. Г. 249, 250, 337,
 359, 360
 Бенигар И. 190, 214
 Бенц М. 350
 Берг Н. В. 373, 374
 Березин Л. В. 100, 112, 113, 181,
 182, 210, 226—228
 Бессонов П. А. 174

 Бисмарк О. 260, 286
 Битеуц Т. 351
 Блаж Г. 5, 118, 119, 123—126,
 129, 134, 136, 153, 161, 188, 199,
 210
 Блаж И. 210, 211
 Блазник И. 77
 Блазник П. 18
 Блан Л. 314
 Блейвейс Я. 74, 77, 108, 109,
 144, 149—152, 159—161, 163,
 168—171, 174, 179, 199, 225—
 227, 364
 Блейвейсы 169
 Блудова А. Д. 95—98, 147
 Блудов Д. Н. 96
 Боборыкин П. Д. 177, 232, 233,
 359
 Богорич А. 27, 370
 Бодуэн де Куртенэ И. А. 139,
 189, 199—201, 211, 216, 224,
 232, 237, 343, 346, 351—353
 Боле Д. 144, 342
 Бомарше П.-О. 46
 Боршник М. 6, 8, 93, 139, 144—
 146, 179, 231, 232, 248, 264, 289,
 360
 Ботев Х. 115
 Браунер Ф. 157
 Брезовар Е. 183, 190
 Бритовшек М. 19, 26
 Броневский В. Б. 52—54, 71
 Будилович А. С. 100, 101, 142, 224
 225, 228, 322, 335, 363, 370
 Буттоло О. 52
 Бывалый И. 344
 Бычков А. Ф. 211

 Вагнер Р. 362
 Вальвасор И. В. 56, 220
 Варламов А. Е. 98
 Васильчиков А. И. 229
 Вейс М. 196

- Венелин Ю. И. 195
 Венцайз Я. 310
 Верещагин В. В. 361
 Весел И. 347, 359, 361
 Веселовский А. Н. 166, 167
 Вигеле Ф. 224
 Видененсис 295, 296
 Внери 171
 Вильхар И. 170, 171
 Винклер А. 160, 170
 Висталер Ф. 328, 330
 Вовк (Вовков) Й. 125, 126, 197—199
 Водник В. 45—47, 49, 50, 55, 98, 220, 225, 370
 Воейков А. Ф. 70
 Волков В. К. 8
 Вончина И. 225
 Воронов А. Д. 250
 Востоков А. Х. 65, 72, 162, 178
 Вошняк Й. 98, 110, 119, 120, 130, 135, 136, 171, 175, 179, 184, 187, 212, 213, 227, 237, 243, 244, 302, 347, 368
 Враз С. 29, 61—63, 65, 72, 75—78, 83, 84, 174
 Врачан С. 196
 Вукашинович А. 169, 171
 В-ч И. 296
 Габсбурги 9, 79, 83, 100, 107, 244, 273, 375, 376
 Габршек А. 317, 356, 357, 361
 Гавличек-Боровский К. 67, 140, 143
 Гай Л. 62, 82, 154, 171, 173
 Ганка В. 75, 80, 94, 95, 154
 Гантарь 198
 Гаршин В. М. 361
 Гауч П. 286
 Гейм И. А. 65
 Гайгер К. 317
 Гербель Н. В. 345, 350, 373
 Герберштейн К. И. 45
 Герберштейн С. 220
 Гердер И. Г. 60, 68
 Геркель Я. 84
 Герман А. 351
 Герман Г. 51
 Германн М. 109, 119
 Геруц К. 345, 346, 349
 Герцен А. И. 81, 105, 106, 132, 133, 136, 138, 143—145, 249, 282, 377
 Гестл Ф. 280, 310, 338
 Гестрин Ф. 8, 14, 21, 25, 36, 132, 237, 265
 Гильфердинг А. Ф. 80, 100, 142, 159, 199, 217, 322
 Г-к Ф. 307
 Глинка М. И. 308
 Глобочник Я. 352
 Гнедич П. П. 351
 Говекар Ф. 280, 310, 317
 Гогенварт К. 252, 290, 294
 Гоголь Н. В. 177, 178, 209, 345, 347, 350, 351, 359, 361
 Головацкий Я. Ф. 168
 Головинн А. В. 159
 Горуп Й. 169
 Горчаков А. М. 71, 98, 131, 147, 172, 189
 Горше М. 94
 Готушь 214
 Графенауер Б. 14, 19
 Гранда С. 67
 Грановский Т. Н. 249
 Грасели П. 143, 155, 156, 171, 180, 206—208, 231, 232, 347, 362
 Григорин 311
 Грегр Э. 176
 Грегр Ю. 171, 176
 Грегорчич А. 303
 Грегорчич С. 372
 Грейгер К. 317
 Греч Н. И. 70
 Грибоедов А. С. 177, 350, 359
 Григорович В. И. 72, 154, 363
 Григорович Д. В. 359
 Грюн А. см. Ауэрсперг А.
 Губин В. И. 176, 188
 Гурбан Й. 157
 Дайнко П. 71
 Далматин Ю. 27, 65, 370
 Данилевский Н. Я. 103—105, 275, 276, 277, 350
 Данило И. 171
 Дворжак А. 362
 Дедицкий Б. 176
 Дежман К. 25, 26
 Делавски Приятел см. Подгорник Ф.
 Делянов И. Д. 189, 190
 Дерганец 214
 Добровский Й. 49, 55—57, 65, 71
 Добролюбов Н. А. 145, 360

- Добрянский А. И. 80, 157, 176,
 270, 292, 323
 Довч 294
 Доленц Й. 63, 65, 72
 Доленц Х. 155, 158
 Дольяк 114
 Доминцель С. 308
 Доминцель 198
 Домолюб 295
 Достоевский Ф. М. 345, 359
 Драгонн-Крженовский Й. 67
 Дубровский П. П. 73—75
 Душан С. 320, 379

 Евецкий Ф. С. 75
 Екатерина II 259
 Елачич Й. 79
 Еловшеков Й. Т. 155
 Енгальчев 177
 Енко Д. 155, 156, 158, 166
 Енко Л. 348, 349
 Енко С. 93, 94
 Енко Т. 348
 Еран Л. 38, 39
 Ериша Ф. 95
 Ермолаев 367

 Жагар Д. 351
 Жакель А. 62, 65, 72
 Железникар И. 252
 Железникар Ф. 132
 Жемля Й. 78
 Живны К. 270, 292, 322
 Жуковский В. А. 65, 195, 350,
 359

 Зариик В. 94, 111, 156, 158, 179,
 183, 227, 252, 297, 298, 347, 368
 Зеленой А. А. 141
 Зидарич М. 215
 Зупан А. 210
 Зупан Я. 55—59, 64

 Иван IV 281
 Иглар 209
 Игнатъев Н. П. 99, 157, 181
 Илешич Ф. 86
 Иловайский Д. И. 350
 Ильинский Г. А. 373
 Иосиф П. 15, 23
 Иречек И. 30
 И. Ф. (К. Г.) 304

 Йованич 196

 К. 73
 Кавелин К. Д. 249
 Калачов Н. В. 195
 Капус 210, 211
 Караджич В. 71, 86, 154, 197
 Каракозов Д. В. 230
 Карамзин Н. М. 178
 Кардель Э. 8, 24, 29, 46, 49, 93,
 130, 236, 315
 Кастелиц М. 64, 76
 Катков М. Н. 249, 250, 257, 258,
 260
 Каутский К. 380
 Квидам 295, 307
 Келемина Й. 186, 346
 Кеппен П. И. 71
 Кермавнер Д. 5—8, 69, 118, 123,
 124, 126, 185, 254, 256—258,
 262, 265, 270, 285, 292, 311—
 314, 319, 327, 329, 356, 382, 383
 Керсник Я. 130, 182, 191, 252,
 292
 Кидрич Ф. 47, 49
 Киевский Р. 132
 Кириевские 335
 Кирилл 274, 318, 326, 364
 Клун В. 69, 147, 153, 217—223
 Кобэ Ю. 95
 Ковалевский Е. П. 99
 Ковачев Н. 298
 Кожевников В. Ф. 199, 223
 Козлер П. 165, 166
 Козлеры 17
 Козлов В. И. 41
 Коллар Я. 60, 61, 82, 85, 88, 91
 Колумб Х. 220
 Комаров В. В. 368
 Константин Николаевич 80, 141,
 172
 Копитар Е. (Б., В.) 9, 45, 46, 48,
 55, 57, 59, 71, 72, 220, 225
 Коправщ 214
 Кораблев В. Н. 102
 Короленко В. Г. 359
 Корш Е. Ф. 349
 Корш Ф. Е. 374
 Корытко Э. 76, 77
 Кос И. 183, 225, 354
 Коста Х. 58
 Коста Э. 58, 169—171, 180, 203,
 207, 211, 227
 Костич Л. 176
 Коцнанчич С. 95
 Кочевар С. 62

- Малик В. 5, 8, 14, 21, 25, 36, 39,
 109, 121, 181, 237, 243, 245, 265
 Мельников-Печерский П. И. 359
 Менцингер Я. 156, 158
 Метелко Ф. 71, 72, 220
 Меттерних К.-В. 79, 83
 Мефодий 274, 318, 326, 364
 Мещерский В. П. 238
 Миклавец П. 352, 364, 368—372
 Миклошич Ф. 59, 147, 154, 158—
 160, 225, 298, 363, 364
 Милетич С. 113
 Миллер О. Ф. 297, 350
 Милутинович К. 112, 113
 Милютин Д. А. 141
 Миссия Я. 262, 263, 265
 Михайловский-Данилевский А.И.
 50
 Мицкевич А. 75
 Мольтке Г.-К. 286
 Монастырский Н. Д. 191
 Моурек Б. 192
 Мохорич И. 16, 17, 18
 М. П. П. 363
 Мразович М. 176
 М-ский 71,
 Мурко М. 331—338, 340, 363
 Мурник Й. 188, 206, 207
 Муршец А. 61, 84
 Муршец Й. 86

 Набергой И. 302
 Навратил Я. 87
 Надеждин Н. И. 72, 154
 Нановский Я. 157
 Наполеон I Бонапарт 15, 56, 57,
 129
 Напредняк-дьяк 309
 Наранович А. П. 176
 Насипов 177
 Негош П. 154
 Надвед 154
 Некрасов Н. А. 359—361
 Некто 247
 Непомук 309—311
 Нестор 220
 Никитин С. А. 147, 171, 176, 213
 Николаевский 306
 Николай I 50, 146, 279
 Николай II 279
 Новак В. 45
 Новиков Е. П. 243
 Ноли Й. 155, 156, 158, 180, 188,
 206—208, 362

 Н. Ш. см. Шляков Н. В.

 Облак В. 363
 Облак Ф. 192, 194
 Огарев Н. И. 138
 Огринец Й. 183, 131
 Орожен 170
 Островский А. Н. 207, 359

 Павел I 50
 Павлюк Н. 165
 Паганини Н. 153
 Пайк А. 57
 Пайк Я. 353
 Пайкова П. 317
 Палацкий Ф. 67, 167, 171, 173
 Пальмов И. С. 262, 291, 292, 305,
 309, 324, 350, 354, 355, 365,
 370
 Пастрнек Ф. 331
 Первольф И. 59
 Пернишек Б. 201, 352
 Перов В. Г. 361
 Петкович К. Д. 96—98
 Петр I 94, 281
 Петре Ф. 62, 63
 Петровский М. П. 373, 374
 Петровский Н. М. 72
 Петрониевич 173
 Печар М. 215
 Пиано И. 154
 Пивец-Стеле М. 25, 58
 Пинтар И. 350, 351
 Пинтар Л. 63, 72
 Пирсон Ч. Г. 138
 Пирц 132
 П. Л. 59
 Плантан И. 215
 Плейер И. 352
 Плетерский Я. 8, 24, 47, 55, 109,
 224, 269—271
 Плетершник М. 122—125, 133
 Плечник А. 351
 Плох-Хердвигов Ф. 194, 195, 214,
 215
 Победоносцев К. П. 383
 Погачар Я. Н. 265
 Погодин М. П. 73, 90, 98, 102,
 133, 157, 173, 190, 195
 Подгоричанин Л. 361
 Подгорник Ф. (Делавски Прия-
 тел) 5—8, 257, 264, 267—275,
 277, 280, 283—290, 292, 293,
 298—301, 304, 305, 307—309,

- 311—327, 333, 338, 345, 346,
349, 350, 353—357, 367—369
- Подлипский Я. 93
- Позник А. 185, 192—194, 196,
197
- Позник Ф. 186, 195—197
- Поклукар 262, 341
- Полит-Десанчик М. 113, 171
- Полоцкий Я. П. 359
- Попов Н. А. 89, 90, 92, 125, 126,
168, 169, 173, 191—193, 195,
197—199, 204, 212—216, 228
- Похар Я. 115, 116
- Похлин М. 40, 45
- Поцел В. 153
- Прейс П. И. 72
- Прелог М. 61, 67
- Пешерн Ф. 29, 63, 64, 184, 191,
298, 308, 346
- Примц Я. Н. 55—57
- Приятель И. 4—8, 26, 48, 50, 59,
87, 93, 95, 111, 113, 114, 118,
124, 126, 128, 142, 152, 154,
179, 182, 183, 186, 188, 191, 252,
256, 257, 263, 338, 359—361,
382
- Пукл Р. 344
- Пуркинье И. К. 75
- Пушкин А. С. 59, 63, 65, 71, 94,
95, 178, 195, 345, 346, 348, 350,
351, 359—361
- Пьерацци Я. 69
- Пыпин А. Н. 330
- Равникар М. 55
- Равникар-Поженчан 93
- Равнихар В. 310
- Радослав 68
- Радох 132
- Раевский М. Ф. 80, 81, 95—97,
102, 110, 128, 129, 141, 142, 147,
154—159, 161—166, 168—170,
174, 176—179, 188, 190—197,
199, 200, 202—215, 217—219,
221—224, 228, 229, 250, 289,
342, 343, 349, 350, 353
- Разлаг Р. 86—88, 96, 97, 169, 170
- Ранч Б. 97, 119, 128, 133, 148,
150—152, 252, 349
- Раковский И. 157
- Рамовш Ф. 85
- Рант Б. 198, 199
- Ратнер Н. Д. 235, 286, 287
- Рачкий Ф. 374
- Раячич Я. 154
- Р-в 92
- Ребиндер М. В. 50, 51
- Ремец Ф. 361
- Ресницолоуб 318, 319
- Ригельман Н. А. 74
- Ригер Ф. Л. 157, 171, 173, 176,
245, 290, 306
- Римский-Корсаков Н. А. 361, 362
- Р. М. 365
- Рны 320
- Ровинский А. П. 82
- Рогачев П. М. 41
- Роде М. 115, 116
- Рожинский 326
- Розенберг 50
- Романн 105
- Романовы 105
- Ромбонский 268 |
- Роцин см. Хостник Д.
- Р.П. 240
- Рубинштейн А. Г. 361, 362
- Рудеж Д. 95, 129, 153
- Рутар С. 338
- Саблер В. К. 354, 355
- Салтыков-Щедрин М. Е. 367
- Самарин Ю. Ф. 157, 335, 350
- Самец М. 361
- Сахаров И. П. 209
- Свердлин М. А. 41
- Светец Л. 86, 110, 170, 171
- Свечин (Дмитриев) Н. Д. 153, 154
- Семен Семенович + В 357
- Семенов Н. П. 278
- Семич Я. 209
- Сенекович А. 194, 195, 197
- Сенявин Д. Н. 52, 54, 55
- Сарайник С. 186, 346
- Сернец Я. 137, 138, 215, 216
- Сернец Я. 152, 184, 238
- Сивец И. 351
- Симонич Ф. 194, 195
- Синкович Д. 209
- Сказкин С. Д. 8
- Скоров 177
- Сладковский К. 176
- Слодняк А. 4, 11, 47, 56, 57, 59,
65, 93, 248, 334, 338
- Слокар И. 200
- Сломшек А. 38, 77, 95, 165, 371
- Слонимский Л. З. 103
- Сметана Б. 334, 362
- Смирнов А. И. 350

- Смирновский П. В. 347
 Смоле А. 76
 Смолер Я. 75
 С-н 240, 241, 245, 246
 Соболевский А. И. 359
 Соловьев С. М. 178, 195, 345, 350
 Спектатор 281, 325
 Сперанский М. Н. 172, 280, 338
 Срезневский И. И. 51, 52, 63—65, 72, 73, 75, 78, 97, 162, 217, 225
 Станич В. 72
 Станкевич Н. В. 249
 Стекла И. 343
 Степняк-Кравчинский С. М. 282
 Стратимирович Д. 306
 Стремоухов П. Н. 172, 181, 182
 Стритар Й. 94, 135, 144, 178, 179, 182, 183, 191, 232, 248, 329
 Суботич Й. 171, 173, 176
 Суворов А. В. 50, 53—55
 Сэндерс Т. К. 138
- Тааффе Э. 252
 Тавчар И. 251—253, 264, 292—294, 302
 Танты М. 8
 Творцов Б. см. Штифтар Ф.
 Терновец Б. 199
 Терпинц Ф. 17, 18
 Тимашев А. Е. 141
 Тобин 59
 Толстой А. К. 359, 361
 Толстой Л. Н. 178, 340, 347, 351, 359—361
 Толстой Н. И. 85
 Томан Л. 86, 88, 98, 163, 168—171, 179, 183, 184, 207
 Томишчек Й. 77, 161
 Томич В. 264
 Томич П. 238
 Томшич А. 111, 212, 213
 Тонкли Й. 110, 155, 156, 158, 303
 Трдина Я. 153
 Трегенз Д. 138
 Трстеняк Д. 61, 63, 86, 128, 148, 150, 151, 170, 187, 199, 208, 217, 237, 252, 297, 371
 Трубар П. 27, 56, 220, 370
 Трубецкой П. П. 361
 Тургенев И. С. 145, 146, 178, 329, 345, 347, 350, 351, 359—361
 Тютчев Ф. И. 350
- Уварова П. С. 332
 Ульрих Ф. 183
 Устиянович К. 128, 156, 157
 Утешенович-Осторжинский О. 80
 Урбанчич-Турноградская Й. 96—98
 Ушинский К. Д. 209
- Фадеев Р. А. 105, 130—133, 276, 277
 Феконя А. 328, 330
 Ферлин 214
 Ферьянчич 268, 269, 302
 Фет А. А. 359
 Ф. И. 364
 Флоринский Т. Д. 372, 373
 Фр. Г. 280
 Францев В. А. 95, 372, 373
 Франц-Иосиф 254, 262
 Фрейдзон В. И. 79, 117
 Фюстер А. 26, 64
- Хомяков А. С. 157, 281, 335, 350
 Хостник Д. (М. М.) (Рошин Круторогов) 6, 257—264, 277, 279—281, 291—294, 297, 298, 301—305, 309, 324—326, 336, 344, 345, 348, 353—359, 361, 364, 365, 367, 368, 372, 374
 Храшовец Ш. 186, 346
 Хрей Т. 220, 292
 Хрибар И. 153, 233, 251—253, 256, 257, 262—264, 302, 311, 347, 348, 351, 352, 356, 364, 365, 368, 373
 Худец А. 170, 171
- Цаф О. 86, 93, 97, 148, 150, 151
 Цвиттер Ф. 39, 46, 48, 53, 68, 70, 114, 129
 Целестин Ф. 6, 93, 123, 126, 135, 138, 139, 141, 143—146, 178, 183, 191, 230—232, 248—251, 255, 263, 264, 275, 276, 278—281, 289, 292, 293, 326, 328, 330, 338, 343, 344, 349, 359, 360
 Циглер Я. 58, 65
 Цойс С. 45—47
 Цойсы 30
- Чайковский П. И. 308, 361
 Челаковский Ф. Л. 76

- Чернышевский Н. Г. 145, 146,
282, 360
Чехов А. П. 359
Чижов Ф. В. 217, 221—223
Чоп М. 63, 64, 221
Чудинов А. Н. 298
Чуркина И. В. 61, 65, 68, 111, 117,
124, 130, 171, 180, 190, 214,
257, 340
Шафарик П. И. 52, 55, 63, 71,
73, 75, 159, 221
Шевырев С. П. 73, 195
Шенерер Г. 235, 283, 285, 287
Шенleben И. Л. 220
Шлецер А.—Л. 70
Шляков Н. В. (Н. Ш.) 364, 365
Шнейдер М. 55, 56
Шокчевич Й. 156
Шолмайер К. 212
Шорн Й. 17
Штакельберг Э. Г. 79, 100
Штифтар Ф. 277—283, 325, 342,
371, 372
Штрекель К. 328—330, 345, 346,
359, 360 |
Штросмайер Й. 156, 185
Штур Л. 80—82, 101, 124, 154
Шуклье Ф. 182, 183, 191, 302
Шульце-Делич Ф. 318, 329
Эйншпиллер А. 86—89, 108, 121,
136, 149, 151, 152, 170, 224, 372
Энгельс Ф. 283, 284
Эрбен К. Я. 168
Эренфрейнд И. 283 |
Эрьявец Ф. 221
Югович 254
Юнгманн Й. 82
Юрчич Й. 111, 115, 125, 130, 178,
179, 183, 184, 187, 188, 191, 216,
230, 231, 233, 237, 298, 363, 374
Ягич И. В. 55, 57, 306, 331, 337,
374
Языков Д. И. 70
Янежич А. 86, 87, 149, 170, 174,
217, 225
Янежич С. 205
Ярник У. 55, 56, 61, 63, 65
Япель А. 45, 46, 220

Оглавление

Введение	3
Глава первая.	
Словенцы. Особенности их экономического, социального и национального развития в XIX в.	13
Глава вторая.	
Идея славянской взаимности у словенцев в эпоху просветительства	40
Глава третья.	
Словенские национальные программы. Влияние на них русской общественной мысли	79
Глава четвертая.	
Словенские русофилы последней четверти XIX в.	234
Заключение	375
Список сокращений	383
Именной указатель	384

Искра Васильевна Чуркина

Словенское национальное движение в XIX в. и Россия

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства Л. И. Тормозова. Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор И. Разина. Технический редактор О. Г. Ульянова
Корректор Р. С. Алимова

ИБ № 5534

Сдано в набор 11.07.78. Подписано к печати 20.09.78.

Т-14917. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.

Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 20,58. Уч.-изд. л. 21,4.

Тираж 2200 экз. Тип. зак. 741. Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука» 117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я тип. издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
65	14 стр.	ненастье	несчастье
180	4 стр.	319	320
180	3 стр.	320	319
183	1 стр.	IX	IV
331	16 стр.	Пастерне	Пастрнеком
371	22 стр.	ключок	ключок
385	13 стр.	Гайгер	Гейгер
386	8 стр.	181	281
386	4 стр.	Иосиф П.	Иосиф II
388	1 стр.	Малик	Мелик
388	5 стр.	131	191
389	16 стр.	Сарайник	Серайник

Зак. 741. И. В. Чуркина

2р. 30к.

Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и РОССИЯ

И. В. ЧУРКИНА